ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

О мерах по преодолению кризисных процессов в экономике России

Издание Государственной Думы
Москва • 2015

УДК 338.24:340(470)
ББК 65.050+67.4
О.11

Под общей редакцией
председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству, депутата Государственной Думы
А. Г. Аксакова

Ответственный за издание
советник аппарата Комитета Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству **М. С. Айрапетян**

О.11 **О мерах по преодолению кризисных процессов в экономике России.** – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 320 с.

В настоящем издании Комитет Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству продолжает обсуждение проблем развития экономики России. Рассматриваются актуальные и дискуссионные вопросы антикризисной денежно-кредитной, бюджетно-налоговой, инвестиционной и антимонопольной политики, политики импортозамещения. Особое внимание уделяется теоретическим и прикладным вопросам экономических кризисов, глобализации мировой экономики, развития малого и среднего бизнеса, поиску мультипликативных локомотивов роста экономики России.

Материалы издания подготовлены ведущими учеными-экономистами и экспертами России. Издание будет направлено в профильные подразделения и руководству Администрации Президента Российской Федерации, Государственной Думы, Совета Федерации, Банка России и финансово-экономического блока Правительства Российской Федерации.

Материалы издания могут быть использованы для формирования в современных сложных условиях новой экономической политики, направленной на решение задач по развитию экономики России, поставленных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным.

УДК 338.24:340(470)
ББК 65.050+67.4

© Аппарат Государственной Думы, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Аксаков А. Г. К разработке концепции новой модели экономического развития России 5

Улюкаев А. В., Мау В. А. Глобальный кризис и вызовы экономической политики современной России 11

Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широв А. А., Моисеев А. К. От антикризисных мер к структурной перестройке экономики 41

Аганбегян А. Г. О преодолении рецессии и стагфляции в экономике России 63

Глазьев С. Ю. Размышления об Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики 79

Полтерович В. М. О формировании системы национального планирования в России 94

Эскиндаров М. А., Сорокин Д. Е. От неотложных мер к стратегии устойчивого роста 100

Гринберг Р. С., Городецкий А. Е. Конкурентоспособность национальной экономики и структурные реформы 108

Клейнер Г. Б. Системные циклы экономической динамики и устойчивость национальной экономики 121

Кротов М. И., Мунтиян В. И. Монетизация – условие экономического роста 131

Клепач А. Н. Политика экономического роста в России: окна возможностей и пределы 145

Дементьев В. Е. Структурные условия новой индустриализации. . . . 169

Сильвестров С. Н. Российская экономика в условиях прокризисного мирового развития 181

Миркин Я. М. Новая экономическая политика 201

Ершов М. В. Об условиях экономического роста: о валютном курсе, валютной стабильности и длинных деньгах 208

Маневич В. Е., Букина И. С. О научных основах денежно-кредитной политики 223

Гельвановский М. И. Императивы модернизации экономики России и государственная политика цен 235

Ермаков В. П. Роль малых и средних предприятий России по выходу из текущего кризиса 246

Мамута М. В., Сорокина О. С. Микрофинансирование как инструмент развития малого и среднего предпринимательства 255

Эскиндаров А. М. Тенденции рынка банковского кредитования малого и среднего бизнеса 264

Курочкин Д. Н. Развитие предпринимательства: инвестиции, инновации и международное сотрудничество 291

Айрапетян М. С. О необходимости исследований и учёта циклических колебаний в экономической политике 298

К РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аксаков А. Г., *председатель Комитета Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству, к. э. н.*

Развитие российской экономики в I полугодии 2015 г. не подтвердило самых мрачных оценок, которые давались в последнем квартале 2014 г., но и не даёт пока веских оснований говорить о том, что «дно кризиса» пройдено. Но, тем не менее, главное, что удалось сделать – это добиться относительной стабилизации и предотвратить развитие макроэкономической ситуации в стране по наихудшему сценарию, вероятность реализации которого была достаточно высокой. На внутренние проблемы российской экономики, которые начали усугубляться со второй половины 2012 г., наложились внешние шоки: снижение цен на большинство статей сырьевого экспорта, главным образом – нефти, и введение с марта 2014 г. пакета санкций США и целого ряда других стран.

Одним из основных отрицательных эффектов введённых санкций стало резкое ограничение доступа российских компаний и банков на внешние рынки заимствования. За период с 2010 по I квартал 2014 г. объём их внешней задолженности характеризовался очень высокими темпами. К этому побуждали дефицит внутренних источников финансирования инвестиционных программ и низкая стоимость внешних заимствований (табл. 1).

Таблица 1

Внешний долг РФ в 2010–2015 гг. (млрд долл. США)[1]

	2010 на начало года	**2014 на начало года**	**2015 на начало года**	**2015 на начало июля**
Суммарный внешний долг	467,2	728,9	599,0	556,2
Органы государственного управления	31,3	61,7	41,6	35,0
Центральный банк РФ	14,6	15,9	10,6	10,5
Банки	127,2	214,4	171,5	149,0
Прочие секторы	294,2	436,8	376,4	361,8

Именно увеличение спроса на валюту российских компаний и банков, поддерживаемое ощутимым расширением объёмов рефинансирования крупных банков при одновременном сокращении предложения (в том числе вследствие снижения цен на нефть и уменьшения поступления валютной выручки), привели на фоне ухудшения геополитической и макроэкономической ситуации к разогреву девальвационных ожиданий и ажиотажному давлению на рубль. В январе 2015 г. среднемесячный номинальный обменный курс доллара США по отношению к рублю составил 61,70 против 33,46 по сравнению с аналогичным периодом 2014 г., или понизился на 84,4 %.

Для его поддержания Банк России проводил массированные валютные интервенции. Международные резервы Российской Федерации уменьши-

[1] Источник: Банк России.

лись в 2014 г. на 124,1 млрд долл., до 385,5 млрд долл. Однако одного этого было явно недостаточно. Более того, в конкретно складывающихся условиях массовый отток средств с рублёвых депозитов мог привести к уменьшению золотовалютных резервов до критического уровня. В целях стабилизации валютного курса рубля и поддержания финансовой стабильности Правительство Российской Федерации и Банк России приняли ряд мер, реализация которых оказала стабилизирующий эффект.

Как и следовало ожидать, в первом полугодии 2015 г. произошло укрепление валютного курса рубля. В июне среднемесячный номинальный курс рубля повысился по сравнению с аналогичным показателем в январе на 13,2 % – с 61,70 до 54,50 руб./долл. В целях недопущения неоправданно большого «перелёта» курса и чрезмерного с точки зрения интересов проводимой экономической политики укрепления рубля, Банк России начал проводить с 13 мая операции по покупке иностранной валюты. Тем самым, de facto признавалось, что наряду с официально провозглашаемой политикой инфляционного таргетирования Банк России устанавливает также некий ориентир для курсовой динамики рубля. Но, даже соглашаясь с тем, что в настоящее время курс рубля находится в зоне, близкой к фундаментальному равновесному значению, нельзя не видеть всей хрупкости этого равновесия.

В случае значительного превышения спроса над предложением Банк России вряд ли сможет прибегнуть к проведению масштабных валютных интервенций в силу двух причин. Во-первых, в состав международных резервов Российской Федерации входят средства Фонда национального благосостояния и Резервного фонда. По состоянию на 1 июля 2015 г., международные резервы за вычетом средств суверенных фондов, использование которых имеет строго целевой характер, не достигают и 210 млрд долл. В силу этого, официальные золотовалютные резервы могут расходоваться исключительно для выравнивания резких конъюнктурных колебаний валютного курса рубля, но в очень узких пределах и в рамках общей стабилизационной программы.

Источник: Минфин России, Банк России

Рис. 1. Удельный вес суверенных фондов в официальных международных резервах Российской Федерации (на 1 июля 2015 г., млрд долл.)

Во-вторых, как показывает мировая практика, использование в таких ситуациях того или иного варианта фиксации курса только ещё больше истощает международные резервы, усиливает ажиотажный спрос и отток капитала.

Таким образом, никакой разумной альтернативы кроме политики контролируемого плавающего курса у Банка России нет. Учитывая, что возможности проведения валютных интервенций весьма ограничены, центр тяжести поддержания курсовой динамики должен будет обеспечиваться мерами денежно-кредитной политики (ключевая ставка, лимиты рефинансирования, валютные РЕПО) и мерами пруденциального надзора (лимиты открытых валютных позиций, контроль за динамикой валютных активов и пассивов на балансах банков).

В условиях возможного давления на рубль и его «проседания» усиливается угроза реализации рисков высокой инфляции. По итогам 2014 г. фактическая инфляция выросла на 11,4 %, тогда как целевым ориентиром предусматривалось её увеличение на 5 %. В 2015 г. вследствие сжатия инвестиционного и потребительского спроса сложился нисходящий тренд динамики базового индекса потребительских цен, который по традиции особенно проявил себя в летние месяцы. За январь – июль 2015 г. индекс потребительских цен вырос на 9,6 % (рис. 2). По оценкам Банка России и Минэкономразвития России, которые систематически корректируются, инфляция по итогам текущего года не превысит 12 %. Пока же инфляция в этом году по отношению к соответствующему периоду 2014 г. продолжает держаться на высоком уровне. Закрепление устойчивых ожиданий сохранения высоких темпов инфляции будет служить фактором дальнейшего ослабления номинального курса рубля.

Рис. 2. Динамика потребительских цен в России в 2015 году

Ещё одним существенным фактором давления на рубль является состояние и прогноз динамики платёжного баланса. Россия, как известно, неизменно входит в число стран, имеющих активное сальдо текущего счёта платёжного баланса (рис. 3). Но обострение геополитической ситуации и снижение цен на основные статьи товарного экспорта меняют ситуацию в сторону ухудшения.

По итогам 2014 г., сальдо счёта текущих операций и счёта операций с капиталом хотя и осталось положительным, но было самым низким за последние 15 лет. По данным таможенной статистики, в 2014 г. масштабы товарного экспорта сокращались по ведущим товарным позициям, особенно в последнем квартале (рис. 4). В результате, экспортная выручка, по данным платёжного баланса, оказалась ниже уровня 2013 г. на 8 %.

Положительное сальдо текущего счёта могло быть в 2014 г. меньше, если бы сокращение экспорта товаров (свыше 25 млрд долл.) не компенси-

Рис. 3. Счёт текущих операций и счёт операций с капиталом платёжного баланса Российской Федерации (нейтральное представление), млрд долл.

ровалось бы снижением их импорта (на 33 млрд долл.). При этом сокращение импорта товаров шло по всем товарным группам, но преимущественно по тем, в которых преобладают инвестиционные товары.

Обозначившиеся процессы в динамике платёжного и торгового баланса несут с собой угрозу возникновения инфляционно-девальвационной спирали, в которую легко войти, но из которой трудно выбираться. Девальвация национальной валюты сама по себе даёт толчок не импортозамещению и повышению конкурентоспособности, а перекладыванию повышения цен на потребителей товаров и услуг. Только в том случае, если девальвация сопровождается активным обновлением производственных фондов и снижением издержек производства, улучшением потребительских свойств выпускаемой продукции, и расширением за счёт этого доли на рынке, можно говорить о её позитивном эффекте. Этого пока в российской экономике не наблюдается.

Рис. 4. Экспорт-импорт товаров, Российская Федерация, млрд долл.

В целом макроэкономическая статистика за I полугодие 2015 г. показала, что, несмотря на достижение относительной стабилизации в финансовой сфере, перелома тенденции к углублению экономического спада пока не произошло. Снижение деловой активности затронуло практически все виды дея-

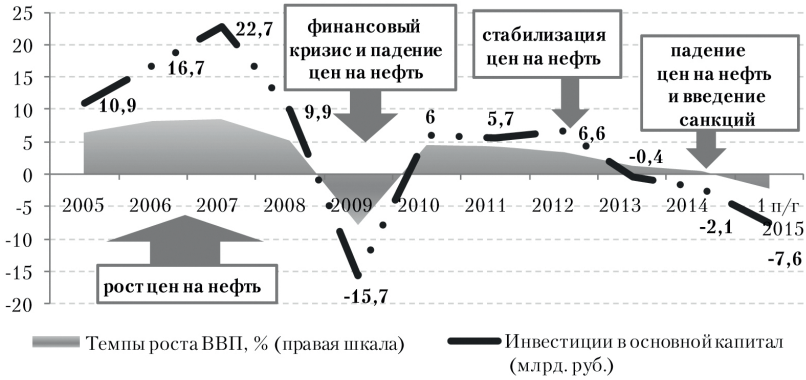


Рис. 5. Динамика ВВП России и инвестиций в основной капитал

тельности. С апреля в зону отрицательных величин прироста по отношению к аналогичному периоду 2014 г. вошёл объём промышленного производства, продолжилось падение ВВП (рис. 5).

Экономическая неопределённость, геополитические риски, удорожание импортируемых инвестиционных товаров и повышение стоимости кредитных ресурсов привели к сокращению вложений в основной капитал в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом на 2,7 %. На протяжении всего первого полугодия наблюдалось усиление темпов снижения инвестиций в основной капитал до 7,6 % по отношению к аналогичному периоду прошлого года (рис. 5).

Негативные изменения произошли в сфере реальных доходов населения и потребительского спроса. Несмотря на то, что безработица осталась на прежнем уровне, резко упали реально располагаемые доходы населения. Это произошло как в силу того, что замедлился рост номинальных доходов (вплоть до снижения номинальных заработных плат), так и по причине высоких темпов роста потребительских цен. Частично воздействие спада в производственном секторе на доходы граждан было нейтрализовано за счёт бюджетных выплат социального характера. В условиях уменьшения доходов и ужесточения доступа к кредитам в первую очередь пострадал спрос на товары длительного пользования. При этом спрос на продовольственные товары и товары первой необходимости остаётся достаточно стабильным. Однако вызванное падением доходов смещение предпочтений потребителей в пользу товаров низших ценовых категорий не компенсировало общего снижения оборота розничной торговли.

Краткосрочные и среднесрочные перспективы развития российской экономики будут зависеть, прежде всего, от того, насколько быстро в условиях санкций и сохранения существующих цен на нефть смогут восстанавливаться инвестиционная активность и конечный спрос. Только в этом случае можно ожидать, что произойдёт перелом тенденций в позитивном направлении. В совокупности мер экономической политики, призванной содействовать такому перелому, ключевую роль призваны играть глубокие структурные реформы.

Увеличение предложения денег приводит к росту выпуска и оживлению деловой активности при условии спроса на ликвидность со стороны экономики, эффективно работающих институтов государства и рынка, ка-

налов денежной трансмиссии. В противном случае результатом денежной «накачки» экономики будет увеличение внутренних дисбалансов, продолжение давления на курс рубля в сторону понижения и усиление инфляционных процессов, что обернётся продолжением оттока капитала из страны. Понижение процентных ставок автоматически не означает, что первыми за кредитами придут те, кто в них действительно нуждается для реализации своих проектов.

В этих условиях важно сформировать комплекс системных мер, позволяющих решать текущие проблемы обеспечения социально-экономической стабильности и, в то же время осуществлять структурную перестройку российской экономики. Системные решения, очевидно, должны быть направлены на достижение вполне определённых целей за соответствующий промежуток времени, например, за 15 лет. Правовая основа такого документа существует – это Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Цели должны быть амбициозными, например, вывод на уровень стран, входящих в первую двадцатку, при тотальной диверсификации экономики с высочайшим уровнем производительности труда. Очевидно, достижимость поставленных целей должна быть просчитана на моделях и подкреплена определёнными и понятными ресурсами их реализации.

Разработанный и утверждённый Стратегический план развития страны должен стать руководством к действию всех органов власти. При этом очевидно, что его реализация должна быть основана на новой экономической модели. Бюджет, денежно-кредитная политика, ресурсы институтов и фондов развития, регуляторные и надзорные действия, – всё должно быть подчинено исполнению Плана. Тогда он станет ориентиром для бизнеса и всего общества и, соответственно, «овладев массами», из идеи превратиться в материальную силу.

В настоящем издании представлены статьи ведущих российских учёных-экономистов и экспертов. В их числе – министр экономического развития Российской Федерации А. В. Улюкаев, академики РАН – В. В. Ивантер, А. Г. Аганбегян, В. М. Полтерович, С. Ю. Глазьев, ректоры ведущих экономических вузов страны – РАНХиГС при Президенте Российской Федерации В. А. Мау и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации М. А. Эскиндаров. Хотел бы поблагодарить всех авторов издания и выразить надежду на то, что их материалы будут учтены и использованы при разработке Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г.

Хотел бы отметить, что Комитетом Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству на 2016 г. запланировано издание Государственной Думы «Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации». В связи с этим, считал бы целесообразным создать при Комитете рабочую группу для его подготовки с участием авторов настоящего издания, представителей Банка России и финансово-экономического блока Правительства Российской Федерации. Полагаю, что материалы, наработанные этой группой, также могли бы быть полезны при разработке Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ [2]

Улюкаев А. В., *министр экономического развития Российской Федерации, д. э. н.*, **Мау В. А.**, *ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, д. э. н.*

Глобальные кризисы – общее и особенное

Экономическое развитие ведущих стран определяется, прежде всего, предпосылками и характером глобального кризиса, который начался в 2008 г. и длится до сих пор. Это особый кризис: он не описывается одним-двумя параметрами (например, спадом производства и ростом безработицы), а является многоаспектным, охватывая разные сферы социально-экономической жизни, и, как правило, имеет серьёзные социальные и политические последствия.

Это системный кризис, и в этом отношении он аналогичен кризисам 1930-х и 1970-х гг. (Мау, 2009). Разумеется, здесь не может быть прямых аналогий. Структурные кризисы уникальны, то есть опыт, накопленный в ходе преодоления каждого из них, практически нельзя использовать в новых условиях. Тем не менее есть ряд качественных характеристик, которые позволяют относить их к одному классу, то есть эти кризисы можно сравнивать, учитывать их особенности, но не прилагать рецепты антикризисной политики, эффективные в одном случае, к другому. Можно выделить следующие черты системных кризисов.

Первое. Такой кризис одновременно и циклический, и структурный. Он связан с серьёзными институциональными и технологическими изменениями, со сменой технологической базы (некоторые экономисты используют термин «технологические уклады»). Эти изменения выводят экономику на качественно новый уровень эффективности и производительности труда. Системное обновление технологической базы на основе новейших достижений науки и техники – важнейшее условие успешного выхода из кризиса[3].

Второе. Существенным элементом системного кризиса выступает финансовый кризис. Именно наложение последнего на собственно экономический кризис (спад производства и падение занятости) затрудняет выход из него, обусловливает необходимость проведения комплекса структурных и институциональных реформ для выхода на траекторию устойчивого роста.

Третье. Неизбежным результатом кризиса выступает формирование новой модели экономического роста: она предполагает структурную модернизацию как развитых, так и развивающихся стран, что связано с созданием новых технологических драйверов. Возникновение новых отраслей и секторов реального производства, их географическое перемещение по миру определя-

---

[2] Данный доклад в виде двух статей был опубликован в журнале «Вопросы экономики», 2014, № 11 и 2015, № 4.

[3] Ряд экономистов рассматривают проблему смены технологической базы в логике «больших циклов конъюнктуры» Н. Д. Кондратьева – длинных волн, охватывающих 50–60-летний период (Кондратьев, 1925). Это интересная и потенциально продуктивная гипотеза, хотя строгих доказательств её справедливости нет и быть не может в связи с отсутствием достаточного числа статистических наблюдений. Сам Кондратьев рассматривал свои выводы лишь как гипотезу.

ют новую глобальную экономическую реальность и одновременно создают предпосылки для появления новых вызовов и инструментов экономической политики. Эту тенденцию хорошо отражает появившийся в 2009 г. термин «новая нормальность» – new normal (Улюкаев, 2009).

Четвёртое. Отметим серьёзные геополитические и геоэкономические сдвиги, формирование новых балансов сил (отдельных стран и регионов) в мировой политике. В начале кризиса можно было предположить, что он приведёт к закреплению двухполярной модели, на сей раз основанной на противостоянии США и Китая, которых иногда обозначают как G2 – «большую двойку» (Brzezinski, 2009), а Н. Фергюсон назвал «Кимерикой» (Chimerica = China + America; см.: Ferguson, 2008). Однако постепенно всё отчётливее проступают контуры многополярного мира, который, хотя и не отрицает наличия двух-трёх ключевых экономических центров, на практике означает возврат к хорошо известной по XIX в. модели «концерта стран», балансирующих интересы друг друга. С поправкой на нынешние реалии речь может идти, скорее, о балансе интересов ключевых региональных группировок.

Пятое. В ходе системного кризиса происходит смена модели регулирования социально-экономических процессов. В 1930-е гг. завершился переход к индустриальной стадии развития и закрепились идеология и практика «большого государства», сопровождаемого ростом налогов, бюджетных расходов, государственной собственности и планирования, а в некоторых случаях – и государственного ценообразования. Напротив, кризис 1970-х гг. привёл к масштабной либерализации и дерегулированию, к снижению налогов и приватизации – словом, к тому, чего требовал переход к постиндустриальной технологической фазе. В начале последнего кризиса создавалось впечатление, что мир вновь вернётся к модели, основанной на доминирующей роли государства в экономике (появился даже термин «примитивное кейнсианство» – Crass-Keynesianism). Практика, впрочем, пока не подтверждает такую тенденцию. Роль государственного регулирования действительно возрастает, однако это относится преимущественно к сфере регулирования финансовых рынков на национальном и глобальном уровнях. Действительно, в настоящее время важнейшим противоречием выступает конфликт между глобальным характером финансов и национальными рамками их регулирования. Важно выработать механизм регулирования глобальных финансов в отсутствие глобального правительства.

Шестое. Системный кризис ставит на повестку дня вопрос о новой мировой финансовой архитектуре. В результате кризиса 1930-х гг. сформировался мир с одной резервной валютой – долларом. После 1970-х гг. сложилась бивалютная система (доллар и евро). Направление эволюции валютных систем после новейшего кризиса пока не определилось. Можно предположить усиление роли юаня, а также региональных резервных валют, если значение региональных группировок в мировом балансе сил возрастёт. Множественность резервных валют могла бы поддержать тенденцию к многополярности мира и способствовать росту ответственности денежных властей соответствующих стран (поскольку резервные валюты будут конкурировать между собой).

Седьмое. Начнёт формироваться новая экономическая доктрина, новый мейнстрим в науке (по аналогии с кейнсианством и неолиберализмом в XX в.).

Из всего сказанного вытекают важные выводы относительно перспектив преодоления системного кризиса и соответствующих механизмов.

Во-первых, системный кризис связан с масштабным интеллектуальным вызовом, требующим переосмысления его причин, механизмов развёртывания

и путей преодоления. Как генералы всегда готовятся к войнам прошлого, так и политики и экономисты готовятся к прошлым кризисам. До поры до времени это срабатывает, пока приходится иметь дело с экономическим циклом, то есть с повторяющимися проблемами экономической динамики. Поэтому сначала для борьбы с системным кризисом пытаются применить методы, известные из прошлого опыта. Применительно к 1930-м гг. – это стремление правительства Г. Гувера (прежде всего его министра финансов Э. Меллона) не вмешиваться в естественный ход событий, жёстко балансировать бюджет и укреплять денежную систему, основанную на золотом стандарте. Как свидетельствовал опыт предшествующих 100 лет, кризисы обычно рассасывались примерно за год и никакой специальной политики для этого не требовалось. Аналогично в 1970-е гг. с началом кризиса попытались задействовать традиционные для того момента методы кейнсианского регулирования (бюджетное стимулирование в условиях замедления темпов роста и даже государственный контроль за ценами в исполнении республиканской администрации Р. Никсона), но это обернулось скачком инфляции и развитием стагфляционных процессов.

К системным кризисам плохо применимы подходы экономической политики, выработанные в предыдущие десятилетия. Возникает слишком много новых проблем, изначально не ясны механизмы развёртывания кризиса и выхода из него, его масштабы и продолжительность. В XX в. на преодоление системных кризисов требовалось порядка десяти лет. Именно на это обстоятельство указывал П. Волкер, когда в июле 1979 г., в разгар предыдущего системного кризиса, вступил в должность руководителя ФРС: «Мы столкнулись с трудностями, которые до сих пор ещё не встречались в нашей практике. У нас больше нет эйфории... когда мы возомнили, что знаем ответы на все вопросы, касающиеся управления экономикой»[4].

Во-вторых, системный кризис не сводится к рецессии, росту безработицы или панике вкладчиков банков. Он состоит из ряда эпизодов и волн, охватывающих отдельные секторы экономики, страны и регионы. Это предопределяет его длительность – примерно десятилетие, которое можно назвать турбулентным. Более того, статистические данные могут неточно или даже неадекватно отражать происходящие в экономике процессы. Факт технологического обновления может искажать (причём существенно) динамику производства, поскольку новые секторы сначала плохо учитываются традиционной статистикой.

Проблемы создаёт и статистика занятости. Если в ходе циклического кризиса одним из важных показателей его преодоления выступает рост занятости, то при системном кризисе этот критерий действует лишь в конечном счёте. Технологическое обновление предполагает качественно новые требования к трудовым ресурсам, то есть серьёзные структурные изменения на рынке труда. Поэтому для выхода из системного кризиса характерно запаздывающее восстановление занятости, когда высокая безработица сохраняется на фоне экономического роста. Возникает своеобразный конфликт между новой экономикой и старой статистикой, и для его разрешения требуется определённое время.

В-третьих, нельзя преодолеть системный кризис лишь мерами макроэкономической политики, при всей важности бюджетных и денежно-кредитных проблем. Ответственная макроэкономическая политика не должна упускать из виду важность структурных и институциональных решений, обеспечивающих модернизацию национальной социально-экономической системы.

[4] Из речи П. Волкера при вступлении в должность президента ФРС. Июль 1979 г.

Системные кризисы можно охарактеризовать как инновационные. И в смысле возникновения (накануне, во время или после кризиса) новых экономических и политических институтов, и в смысле появления нового поколения политиков, предпринимателей и экспертов, и в смысле создания новой технологической базы, приходящей на смену сложившейся в результате предыдущего системного кризиса. Такой кризис завершается, когда происходят сдвиги и трансформации, о которых шла речь выше, или, другими словами, когда будет дан ответ на поставленные кризисом вопросы. Это, прежде всего: темпы экономического роста, в первую очередь вероятность длительного периода низких темпов (secular stagnation); новые вызовы макроэкономической политики в связи с распространением нетрадиционных инструментов (особенно, в сфере денежного обращения); проблема неравенства с точки зрения формирования новой модели экономического роста, что связано с темой его длительного торможения; теория и институты социального государства (welfare state), соответствующего демографическим и политическим реалиям XXI в.; перспективы глобализации или деглобализации; перспективы реиндустриализации и новых технологических вызовов.

Названные проблемы предполагают переосмысление теоретических основ современной экономической политики и общепринятых практических рекомендаций. В 1980–2000-х гг. её ключевым вопросом было обеспечение экономического роста и макроэкономической стабильности, а основными препятствиями на этом пути считали высокую инфляцию и избыточное государственное вмешательство. Такое понимание задач и рисков получило концентрированное выражение в Вашингтонском консенсусе – своде базовых рекомендаций преимущественно для развивающихся стран (Williamson, 1989). Мы не отрицаем важности макроэкономической стабильности, но сегодня перед экономистами и политиками стоит задача найти дополнительные инструменты регулирования экономического развития, которые позволили бы избежать длительной стагнации на фоне низкой инфляции.

Экономический рост и его стимулирование

До 2007 г. в мире наблюдались беспрецедентно высокие темпы роста, казавшиеся результатом экономико-политических инноваций, которые теперь будут действовать всегда. Это определяло нежелание денежных властей (особенно в США) сдерживать рост кредитования и тем самым замедлять перегрев экономики. Высокие темпы демонстрировали как развитые, так и развивающиеся страны. Теперь рост замедлился, в связи с чем возникает ряд вопросов.

Можно ли считать низкие темпы роста частью той самой «новой нормальности», о которой писали в начале кризиса? (табл. 1–2). Состоит ли она преимущественно в особенностях денежной политики (количественные смягчения, низкая процентная ставка и т. д.) или речь идёт о том, что результатом такой политики может стать устойчивый период низких темпов роста? Иными словами, отражают ли нынешние темпы роста краткосрочные проблемы (ещё не преодолённого кризиса, общей политической неустойчивости) или это характерная черта будущей посткризисной модели экономического развития?[7]

[7] Л. Саммерс поставил под сомнение возможность обеспечить устойчивый рост в США в обозримой перспективе, и в связи с этим предостерёг от слишком решительного сворачивания мер ФРС по стимулированию роста (Summers, 2013; 2014).

Таблица 1

Темпы прироста ВВП в ведущих развитых и развивающихся странах по годам, 1990–2013 годы (%)[5]

	Доля в мировом ВВП, 2013	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Мир в целом		3,5	2,4	2,4	2,2	3,4	3,4	3,9	4,2	2,5	3,6	4,8	2,5	3,0	4,0	5,4	4,9	5,6	5,7	3,0	0,0	5,4	4,1	3,4	3,3
Развитые страны стр.	43,62	3,3	1,5	2,3	1,5	3,4	2,9	3,0	3,6	2,7	3,6	4,1	1,4	1,7	2,1	3,2	2,8	3,1	2,8	0,1	-3,4	3,1	1,7	1,2	1,4
США	16,45	1,9	-0,1	3,6	2,7	4,0	2,7	3,8	4,5	4,5	4,7	4,1	1,0	1,8	2,8	3,8	3,3	2,7	1,8	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,3	2,2
Япония	4,58	5,6	3,3	0,8	0,2	0,9	1,9	2,6	1,6	-2,0	-0,2	2,3	0,4	0,3	1,7	2,4	1,3	1,7	2,2	-1,0	-5,5	4,7	-0,5	1,5	1,5
Германия	3,45	5,7	5,0	1,5	-1,0	2,5	1,8	0,8	1,8	1,7	1,7	3,3	1,6	0,0	-0,4	0,7	0,9	3,9	3,4	0,8	-5,1	3,9	3,4	0,9	0,5
Великобритания	2,28	1,8	-1,3	1,3	3,5	5,0	3,5	3,5	4,4	3,6	2,9	4,4	2,2	2,3	3,9	3,2	3,2	2,8	3,4	-0,8	-5,2	1,7	1,1	0,3	1,7
Франция	2,49	2,9	1,0	1,6	-0,6	2,3	2,1	1,4	2,3	3,6	3,4	3,9	2,0	1,1	0,8	2,8	1,6	2,4	2,4	0,2	-2,9	2,0	2,1	0,3	0,3
Италия	2,00	2,1	1,4	0,8	-0,9	2,2	2,9	1,1	1,9	1,4	1,5	3,7	1,9	0,5	0,0	1,7	0,9	2,2	1,7	-1,2	-5,5	1,7	0,4	-2,4	-1,9
Канада	1,49	0,2	-2,1	0,9	2,3	4,8	2,7	1,7	4,3	4,1	5,0	5,1	1,7	2,8	1,9	3,1	3,2	2,6	2,0	1,2	-2,7	3,4	2,5	1,7	2,0
Развивающ. страны	56,38	3,8	3,9	2,5	3,2	3,3	4,1	5,2	5,0	2,3	3,7	5,7	3,8	4,6	6,4	8,0	7,3	8,2	8,6	5,8	3,1	7,5	6,2	5,1	4,7
Китай	15,84	3,8	9,2	14,2	14,0	13,1	10,9	10,0	9,3	7,8	7,6	8,4	8,3	9,1	10,0	10,1	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,3	7,7	7,7
Индия	6,65	5,5	1,1	5,5	4,8	6,7	7,6	7,5	4,1	6,2	8,8	3,8	4,8	3,8	7,9	7,9	9,3	9,3	9,8	3,9	8,5	10,3	6,6	4,7	5,0
Россия	3,43		-5,0	-14,5	-8,7	-12,7	-4,1	-3,6	1,4	-5,3	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3
Бразилия	2,96	-4,2	1,0	-0,5	4,7	5,3	4,4	2,2	3,4	0,0	0,3	4,3	1,3	2,7	1,1	5,7	3,2	4,0	6,1	5,2	-0,3	7,5	2,7	1,0	2,5
Индонезия	2,34	7,2	7,0	6,5	8,0	7,5	8,2	7,8	4,7	-13,1	0,8	4,2	3,6	4,5	4,8	5,0	5,7	5,5	6,3	6,0	4,6	6,2	6,5	6,3	5,8
Мексика	2,02	5,2	4,2	3,6	2,6	4,7	-5,8	5,9	7,0	4,7	2,7	5,3	-0,6	0,1	1,4	4,3	3,0	5,0	3,1	1,4	-4,7	5,1	4,0	4,0	1,1
Ю. Корея	1,67	9,3	9,7	5,8	6,3	8,8	8,9	7,2	5,8	-5,7	10,7	8,8	4,5	7,4	2,9	4,9	3,9	5,2	5,5	2,8	0,7	6,5	3,7	2,3	3,0
Саудовская Аравия	1,52	8,3	9,1	4,6	0,0	0,7	0,2	3,4	2,6	2,8	-0,7	4,9	0,5	0,1	7,7	5,3	7,3	5,6	6,0	8,4	1,8	7,4	8,6	5,8	4,0
ЮАР	0,65	-0,3	-1,0	-2,1	1,2	3,2	3,1	4,3	2,6	0,5	2,4	4,2	2,7	3,7	2,9	4,6	5,3	5,6	5,5	3,6	-1,5	3,1	3,6	2,5	1,9

[5] Источники: Росстат; IMF; OECD.

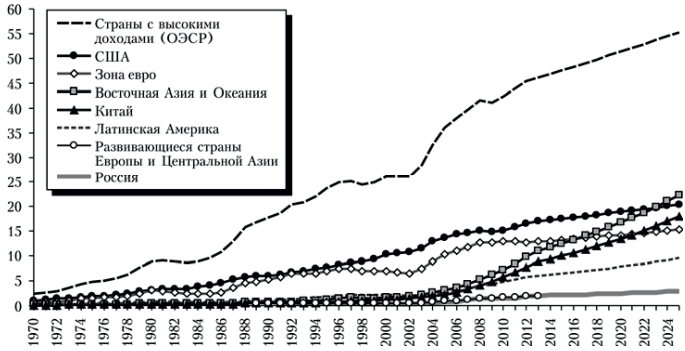
Таблица 2

Темпы прироста ВВП в ведущих развитых и развивающихся странах по периодам (в среднем, %)[6]

	Доля в мировом ВВП, 2013	1990–1995	1996–2000	2001–2007	2008–2009	2010–2013
Мир в целом		2,9	3,8	4,4	1,5	4,1
Развитые страны	43,62	2,5	3,4	2,4	-1,6	1,8
США	16,45	2,5	4,3	2,4	-1,5	2,2
Япония	4,58	2,1	0,8	1,4	-3,3	1,8
Германия	3,45	2,6	1,9	1,4	-2,2	2,2
Великобритания	2,28	2,3	3,7	3,0	-3,0	1,2
Франция	2,49	1,6	2,9	1,9	-1,4	1,2
Италия	2,00	1,4	1,9	1,3	-3,3	-0,5
Канада	1,49	1,5	4,0	2,5	-0,8	2,4
Развивающиеся страны	56,38	3,5	4,4	6,7	4,4	5,9
Китай	15,84	10,8	8,6	10,8	9,4	8,8
Индия	6,65	5,2	6,1	7,5	6,2	6,6
Россия	3,43	-9,1	1,6	6,8	-1,5	3,4
Бразилия	2,96	1,7	2,0	3,4	2,4	3,4
Индонезия	2,34	7,4	0,6	5,1	5,3	6,2
Мексика	2,02	2,3	5,1	2,3	-1,7	3,5
Ю. Корея	1,67	8,1	5,2	4,9	1,8	3,8
Саудовская Аравия	1,52	3,8	2,6	4,6	5,1	6,4
ЮАР	0,65	0,7	2,8	4,3	1,0	2,8

[6] Источники: Росстат; IMF; OECD.

Соответственно, возникает вопрос о перспективах роста развивающихся стран, особенно тех, от которых ожидали экономического чуда. Отметим, что и сама гипотеза о наличии группы стран BRIC содержала заявку на него. С их динамичным развитием связывали немало надежд. Первоначально ускоренное развитие стран с формирующимся рынком породило ожидания грядущей конвергенции развитых и развивающихся экономик, так как при ответственной (и «правильной», основанной на международном опыте) экономической политике менее развитые страны по определению должны расти быстрее (рис. 1).



Источник: World Development Indicators / World Bank

Рис. 1. Динамика конвергенции (млрд долл.)

Далее, в самом начале кризиса, когда он ещё воспринимался как «англосаксонский» феномен, страны с формирующимся рынком претендовали на то, чтобы стать спасительной гаванью от экономических бурь, в которых западный бизнес может пережить кризис. Тогда же появилась гипотеза о наличии феномена *decoupling*, ситуации, при которой страны BRIC и ряд аналогичных развивающихся экономик смогут сохранить свою устойчивость, «отвязавшись» от кризисного пути развития западного (включая Японию) мира.

Развернулась дискуссия о том, насколько в обозримом будущем развивающиеся страны сумеют повторить успехи предыдущих 20 лет. Выдвинута гипотеза, в соответствии с которой высокие темпы роста развивающихся стран в этот период были аномальными и теперь произойдёт их коррекция до уровней, характерных для 1970–1980-х гг. (Åslund, 2013).

Есть, правда, существенная проблема адекватности измерения темпов роста. С самого начала появления понятия ВВП существовали сомнения в корректности его измерения. Особые сложности здесь возникали в условиях структурных сдвигов, то есть в период системных (структурных) кризисов. Качественное обновление экономической системы резко ограничивало возможность сопоставимых измерений ВВП и его динамики.

Новые, особенно возникающие в условиях кризиса секторы экономики, как правило, плохо улавливаются статистикой, привыкшей измерять традиционные экономические реалии. К таким отраслям сейчас относятся информационные и биотехнологии, производство новых материалов[8]. Требуется

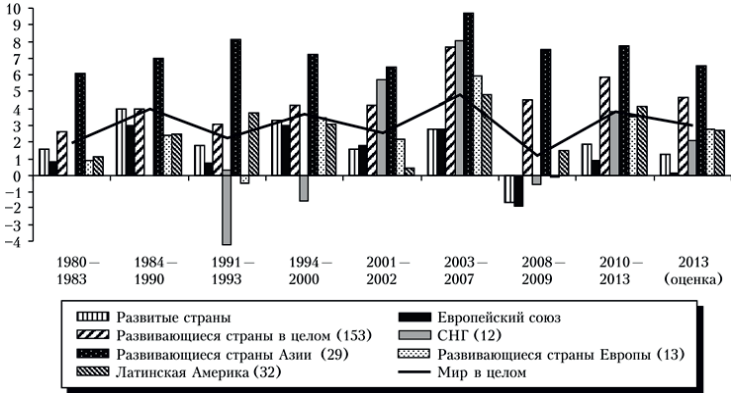
[8] «Эти показатели были разработаны для экономики зерна и стали, а не для той, в которой наиболее динамично развиваются секторы производства информации и обработки данных. Они недооценивают вклад инноваций в экономический рост» (Mokyr, 2014).

время для адаптации статистики, а потому вероятно занижение уровня развития экономики в условиях системного кризиса, особенно на этапе выхода из него.

Как перечисленные проблемы выглядят на практике в последние годы?

Экономическая динамика 2008–2013 гг. не позволяет сделать однозначный вывод о начале фазы долгосрочных низких темпов роста, а тем более – о переходе к модели долгосрочной стагнации (secular stagnation). Механизм развёртывания последней можно представить гипотетически (Teulings, Baldwin, 2014), но пока нельзя подтвердить эмпирически: период низких темпов роста ещё не столь длительный, чтобы делать долгосрочные выводы.

Несмотря на замедление развития мировой экономики в 2012–2013 гг., средние темпы роста в этот период хотя и ниже, чем в 2000-е гг., но соответствуют среднегодовым темпам роста мирового ВВП в 1990-е гг. (рис. 2). Поэтому говорить о долгосрочной стагнации пока преждевременно.



Источник: World Development Indicators / World Bank

Рис. 2. Темпы экономического роста (в %)

Темпы роста развитых стран существенно замедлились как в докризисном (по сравнению с 1990-ми годами), так и в посткризисном периоде. При этом значимый вклад в это замедление вносит Европа, а среднегодовые темпы роста неевропейских развитых стран превышают 2 %.

Развивающиеся страны пока остаются наиболее динамичной группой, хотя их темпы роста заметно замедлились в 2012–2013 гг. Причём, лидерство здесь по-прежнему поддерживается за счёт стран Азии. Но доля развивающихся стран в мировом ВВП повышается благодаря как высоким темпам роста в развивающихся странах Азии, так и расширению группы динамично растущих развивающихся стран, в частности, за счёт стран Латинской Америки.

Экономическая дискуссия о долгосрочной стагнации, развернувшаяся в настоящее время в экономической литературе[9], имеет несколько измерений.

Первое измерение связано с вопросом о том, касается ли долгосрочная стагнация потенциального или фактического ВВП. Факторы замедления

[9] См., например: Teulings, Baldwin, 2014.

темпов роста *потенциального* ВВП известны ещё с 1980-х гг. и действовали на протяжении всего периода быстрого экономического роста в 1990–2000-е гг. К их числу относятся: замедление темпов прироста населения развитых стран (в ряде стран – даже сокращение его численности); старение населения; достижение практически во всех развитых странах естественного предела в доле населения, имеющего высшее образование; развитие аутсорсинга и перенос промышленных производств из развитых в развивающиеся страны; рост альтернативных издержек, связанных с экологическими проблемами.

Первые два фактора определяют замедление темпов роста предложения рабочей силы, следующие факторы – замедление темпов роста совокупной факторной производительности. В 1990–2000-е гг. влияние этих факторов было ослаблено за счёт развития сектора услуг, стимулирования культуры потребления, продления возраста активного вовлечения людей в трудовую деятельность и перераспределения добавленной стоимости при производстве новых продуктов между развитыми и развивающимися странами в пользу первых, при том, что физическое производство размещено в последних. Кроме того, с точки зрения темпов роста *потенциального* ВВП больше внимания уделяется *качеству* роста. К числу факторов, повлиявших в последние годы на замедление темпов роста *фактического* ВВП, относятся избыточное давление на экономику со стороны государственного и частного долга, ограничение притока мигрантов в развитые страны и завершение действия эффекта технологического цикла, связанного с развитием ИКТ.

Второе измерение дискуссии о долгосрочной стагнации касается вопроса, справедливо это только для развитых стран либо затрагивает все страны. При описании факторов замедления темпов экономического роста мы практически везде упоминали группу развитых стран. Однако такое замедление в них неизбежно влияет на темпы роста и развивающихся стран. Основными каналами этого выступают аутсорсинг производства, наличие основного объёма конечного спроса в развитых странах, необходимость трансфера технологий и капитала из развитых в развивающиеся страны, глобализация мирового финансового рынка, способного перенаправлять в условиях глобального спада экономической активности капиталы из развивающихся стран в безрисковые активы (то есть активы в развитых странах). Динамика *фактического* ВВП развитых стран прямо влияет на *фактический* ВВП развивающихся стран.

Третье измерение касается проблемы сходимости (конвергенции) уровня жизни между странами. Как показано в недавней работе Д. Родрика (Rodrik, 2011), долгосрочная тенденция к сходимости уровней жизни устойчиво наблюдалась примерно до середины XX в., после чего межстрановое неравенство, по крайней мере, не снижается либо возрастает. Фактически наблюдаем процесс усиления дифференциации между различными развивающимися странами. С одной стороны, достаточно большая группа крупнейших развивающихся стран (Китай, Ю. Корея, Россия, Бразилия, Чили, Мексика, Турция и др.) уверенно догоняет развитые страны по показателям абсолютного размера экономик и подушевого ВВП (особенно с учётом ППС, отражающего различия в уровне цен между странами). В этом смысле проверка гипотезы конвергенции с учётом веса стран по ВВП даёт положительные результаты.

В то же время большинство развивающихся стран, включая страны с низкими доходами населения (*low-income countries*), имеет на длинных вре-

менных промежутках неустойчивые низкие темпы экономического роста, что не позволяет им приближаться к развитым странам. В отношении этих стран гипотезы сходимости не подтверждаются практикой.

Новые контуры макроэкономической политики

Правительства развитых стран активно прибегают к макроэкономическим инструментам стимулирования роста, в том числе к тем, которые можно отнести к разряду экзотических или нетрадиционных. Сверхмягкая денежная политика – в форме количественного смягчения (*quantitative easing*), трансформации механизмов рефинансирования центральных банков из средства поддержания ликвидности в инструмент фондирования операций коммерческих банков, близких к нулю или отрицательных процентных ставок – призвана сделать финансовые ресурсы доступными для запуска инвестиционного процесса. Низкая инфляция и риски попасть в ловушку дефляции делают эти меры политически приемлемыми, хотя остаются открытыми вопросы об их долгосрочных перспективах и рисках денежной дестабилизации.

С одной стороны, надо понимать, как долго можно проводить политику количественного смягчения и в какой мере её прекращение приведёт к замедлению темпов роста с возможной новой рецессией. С другой стороны, не понятны долгосрочные последствия проводимой денежной политики, которая в значительной мере противоречит опыту и логике монетарной сдержанности, характерной для развитых стран в 1980–2000-е гг. (после стагфляции 1970-х). В нынешней ситуации сохраняется риск своеобразной ловушки денежной политики: низкие темпы роста будут заставлять снижать ставки, а их повышение с началом оживления будет вновь подталкивать темпы роста к нулевой отметке. В экономической теории возникшую ситуацию объясняют, используя гипотезу Дж. М. Кейнса о «ловушке ликвидности», однако этот вопрос пока изучен недостаточно. Параллельно идёт острая дискуссия о возможности и целесообразности проведения мягкой бюджетной политики. Высокий уровень долга и (или) бюджетного дефицита в большинстве развитых стран требует ограничить бюджетные расходы и даже сокращать их. Однако бюджетный консерватизм чреват серьёзными социально-политическими рисками, и правительства ряда развитых стран не решаются прибегнуть к подобным мерам.

Неопределённой остаётся ситуация с возможностью стимулировать экономический рост с помощью бюджетной политики (дискуссия о целесообразности бюджетного ужесточения – *austerity*). Столкнувшись с тяжёлым бюджетным кризисом, правительства ряда развитых стран стали проводить политику наращивания бюджетных расходов в качестве традиционной антициклической меры. Однозначного понимания эффективности такой политики нет.

Эмпирические наблюдения показывают, что ограничение бюджетных дисбалансов может вести к улучшению экономической ситуации. Во всяком случае, об этом свидетельствует опыт Великобритании и США, которые пошли по пути сокращения бюджетного дефицита, что сопровождалось снижением безработицы и повышением темпов роста. Европейский опыт также показывает, что более успешные в политическом и экономическом отношении страны проводят жёсткую бюджетную политику (прежде всего, Великобритания и Германия, а также Греция и Португалия). Напротив, в ведущих странах зоны евро, которые не идут по пути бюджетной стабилизации (в первую очередь Франция и Италия), экономика балансирует на грани рецессии.

Впрочем, большинство стран, резко нарастивших государственные расходы, всё-таки сократили бюджетный дефицит и государственный долг. В области денежной политики на повестке дня стоит отказ от нестандартных мер денежно-кредитной политики, принятых в ходе кризиса для стабилизации ситуации на финансовых рынках. Однако регуляторы развитых стран при сворачивании антикризисных мер будут действовать крайне осторожно, сокращая объём поддержки по мере восстановления экономической активности и увеличения денежного мультипликатора.

В дискуссии о мерах современной макроэкономической политики и стимулирования роста можно выделить четыре важных аспекта.

Во-первых, эти меры антикризисные, то есть они преимущественно нацелены на смягчение кризиса, но сами по себе не решают структурных проблем, вызвавших его. Это наглядно проявляется в том, что в условиях неопределённости спрос на кредиты очень низкий даже при отрицательной процентной ставке. Иными словами, фактор неопределённости (структурной, технологической, а в ряде случаев – и социально-политической) обусловливает низкую экономическую активность.

Во-вторых, несмотря на текущую макроэкономическую экзотику, классические принципы макроэкономической политики (поддержание низкой инфляции и бюджетного дефицита, либерализация торговли, дерегулирование) остаются актуальными в качестве условий устойчивого роста в долгосрочной перспективе. В этом смысле «Вашингтонский консенсус» не отменяется, но должен быть модифицирован.

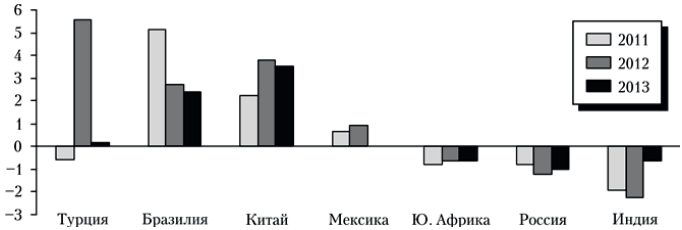
В-третьих, политику количественного смягчения успешнее применяют в странах (регионах), эмитирующих резервную валюту, которая пользуется спросом во всем мире.

В-четвёртых, эти меры не могут быть автоматически использованы другими странами, особенно развивающимися. Возможности проведения мягкой бюджетной и денежной политики определяются не только глубиной кризиса, но и конкретными обстоятельствами текущего экономического положения и накопленного опыта («кредита доверия») к политике данной страны.

Для стран с формирующимся рынком стандартные принципы и меры макроэкономической политики остаются актуальными: при применении нестандартной денежной политики риски для экономики гораздо выше.

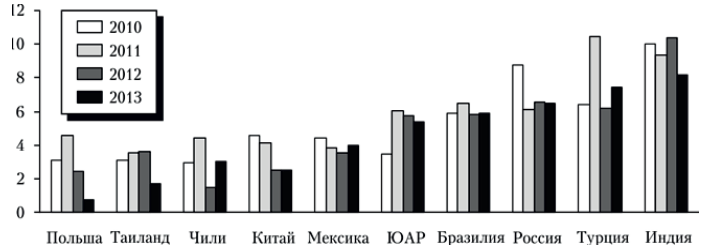
Действительно, важнейшей особенностью ситуации в развитых странах стало то, что нетрадиционная денежно-кредитная и бюджетная политика не ведёт к росту инфляции. Ситуация в развивающихся странах гораздо менее однозначная: инфляционный фон выше, реакция экономики на рост денежного предложения менее гибкая (рис. 3–4). Поэтому опасно применительно к развивающимся странам делать вывод о целесообразности отказа от базовых принципов «Вашингтонского консенсуса», то есть снятия с повестки дня вопросов макроэкономической стабильности и обеспечения благоприятного предпринимательского климата.

Другое дело, что необходимо пойти дальше. Кризис показал, что стабильность цен и выпуска не обязательно гарантирует финансовую стабильность: поведение экономических агентов становится более рискованным. Теперь очевидно, что ситуация на финансовых рынках значительно больше влияет на экономическую активность, чем предполагалось ранее. На этом фоне некоторые рекомендации и ориентиры нацеленной на стимулирование роста экономической политики также претерпевают изменения.



Источники: IMF; официальные сайты центральных банков.

Рис. 3. Ключевые ставки в реальном выражении (в %)



Источник: IMF.

Рис. 4. Инфляция (в %)

Целевой ориентир по инфляции. Высказываются предположения о целесообразности повысить целевой ориентир инфляции в стабильной экономике с 2 до примерно 4 %. Это существенное изменение представления о макроэкономических основах экономического роста.

Границы валютного контроля. Дискутируется вопрос о пределах либерализации денежной политики, включая возможность введения при определённых обстоятельствах валютного контроля (особенно счета капитальных операций). В последние десятилетия политика регулирования трансграничных финансовых потоков эволюционировала в направлении большей либерализации, в развивающихся странах этот тренд был более выраженным. Но события последних лет показали, что либерализация рынка капитала подчас создаёт существенные риски, которые нельзя игнорировать. Основная проблема не в масштабах трансграничного движения капитала, а в высокой волатильности его потоков.

Деофшоризация. С наличием офшорных зон всё меньше готовы мириться как развитые, так и развивающиеся страны. Однако в борьбе с офшорами надо видеть два аспекта спроса на их услуги: с одной стороны, фискальный, как способ минимизации налогов, взимаемых в национальных юрисдикциях, а с другой – связанный с минимизацией рисков ведения бизнеса, желанием замаскировать конечного бенефициара по соображениям личной и предпринимательской безопасности.

Первая проблема универсальная, общая как для развитых, так и для развивающихся стран, и её можно решать или ужесточением контроля, или снижением налогов. Вторая касается преимущественно развивающихся стран с неустойчивыми политическими режимами или плохим предпринимательским климатом. Здесь, конечно, возможны и репрессивные меры, но более

эффективно улучшить качество бизнес-среды. Без этого скоординированные усилия стран по деофшоризации приведут скорее к переходу компаний из офшоров под юрисдикцию развитых стран, чем к возврату в национальные юрисдикции. Хотя, разумеется, в конечном счёте, решение будет зависеть от оценки соотношения рисков и доходов (risk-profit ratio) в каждом индивидуальном случае.

Наконец, в дискуссиях о перспективах экономического роста меняется представление о проблеме неравенства. Если в предшествующие десятилетия эта тема обсуждалась преимущественно в глобальном контексте – с точки зрения соотношения развитых и развивающихся стран, то теперь в центре внимания оказались вопросы неравенства в развитом мире (Piketty, 2014).

Появились два новых обстоятельства, стимулировавших интерес к этой проблеме. С одной стороны, «кривая Кузнеца» задавала определённые теоретические рамки, в которых развивались дальнейшие исследования. Доминировало представление, что при достижении определённого уровня экономического развития дальнейший рост ослабляет проблему неравенства. Более тонкие экономические исследования не подтверждали этот вывод однозначно, но политическая ситуация (в отличие от периода индустриализации XIX – начала XX в.) не давала повода для тревоги, поскольку по мере экономического роста росло благосостояние общества. С другой стороны, либеральная экономическая модель, доминировавшая в большинстве развитых стран после кризиса 1970-х гг., фактически предполагала необходимость прежде всего обеспечить экономический рост, который сам по себе приведёт к росту благосостояния всех, независимо от того, будет общий рост экономики и благосостояния сопровождаться углублением или сокращением неравенства.

Исследования последнего десятилетия указывают не только на усиление поляризации в современных развитых обществах, но и на то, что подобная ситуация становится структурным фактором торможения экономического роста[10]. По-видимому, обсуждение этих вопросов будет в центре экономико-политической дискуссии в обозримом будущем. По сути, речь идёт о возврате к обсуждению гипотезы С. Кузнеца (Kuznets, 1966), но теперь применительно к перспективам соотношения экономического роста и уровня неравенства по мере отхода от традиционной индустриальной модели и глубоких структурных сдвигов в развитых странах.

Глобализация и глобальные дисбалансы

Глобализация выступает важнейшей характеристикой последних десятилетий, основным фактором и одновременно результатом современного экономического роста. С ней связывают как социально-экономические успехи, так и социально-экономические провалы. Глобализацией объясняют и беспрецедентный экономический рост в 1990–2000-е гг., и глобальный кризис, начавшийся в 2008 г., и социальную стагнацию, сопровождающуюся усилением неравенства. Рассмотрение социально-политических и экономических последствий глобализации выходит за рамки настоящей статьи. Нас интересует то, насколько устойчив этот тренд, какое воздействие оказал

[10] Дискуссию о неравенстве см. в Journal of Economic Perspectives. 2013. Vol. 27. No. 30 (см. Alvaredo et al.; Mankiw; Corak; Bonica et al.).

на него глобальный кризис и каковы перспективы глобализации в посткризисном мире.

При оценке перспектив глобализации следует учитывать два аспекта: конъюнктурный (проблема дисбалансов, или «пузырей» активов) и структурный (технологический). Уже накануне и в начале последнего кризиса ряд экономистов считали глобальные дисбалансы важнейшим источником обострения проблем. Прежде всего, речь шла о фактическом разделении мира на потребляющие и сберегающие страны. Собственно, термин «Кимерика» порождён сложившимся разграничением между потребительским бумом в Америке (можно сказать, на Западе) и мощным процессом сбережения в Китае и других растущих странах Азии (Ferguson, 2008. P. 300).

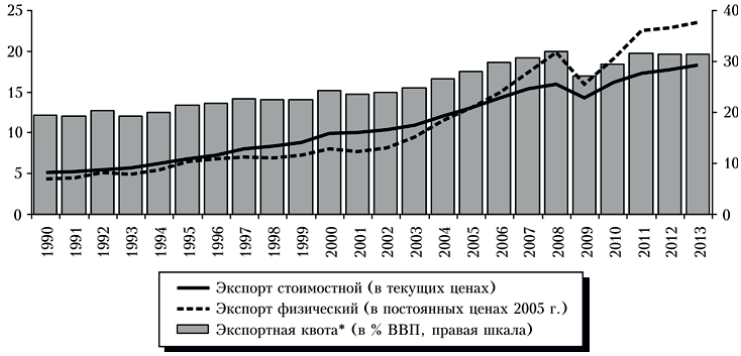
Необходимо понимать, удаётся ли преодолевать эти дисбалансы или после некоторого смягчения они вновь начнут нарастать, в том числе из-за самих антикризисных мер (прежде всего политики количественного смягчения), которые могут привести к возникновению новых проблем (инфляции и «пузырей»). Отсюда возникает тема, связанная с принципиальной возможностью нейтрализовать дисбалансы, уравновешивая глобальный рынок глобальным регулированием[11]. Однако ключевым становится вопрос о перспективах глобализации в новых технологических реалиях. Дело в том, что по мере социально-экономического прогресса, роста благосостояния происходит удорожание труда в основных развивающихся странах. Они всё менее способны конкурировать с развитыми странами – во всяком случае, по цене труда. В совокупности с новейшими технологическими достижениями (снижение доли живого труда в новейших производствах) это создаёт принципиальную основу замедления темпов роста мировой торговли (Улюкаев, 2014).

Теперь эти страны должны конкурировать преимущественно за институциональные улучшения предпринимательского климата. Роль товарообмена между странами (соответственно разделения потребления и сбережения) ослабевает. В странах с формирующимся рынком всё больше внимания надо уделять не столько поддержке экспорта (он, конечно, важен и даже может расти), сколько улучшению условий для предпринимательской деятельности безотносительно к тому, на какие рынки она направлена. Более того, с ростом благосостояния развивающихся стран их внутренний рынок становится не менее, а более важным для их роста, чем рынки развитых стран.

Таким образом, рост издержек в развивающихся странах (прежде всего, на труд), с одной стороны, и рост их внутреннего спроса – с другой, могут стать факторами замедления темпов роста мировой торговли или даже некоторого сокращения мирового товарооборота. В этом нет ничего странного. Деглобализация происходила и в 1870–1880-е гг., и в середине XX в. По-видимому,

[11] Д. Родрик в самом начале глобального кризиса писал о регулятивных проблемах, порождаемых глобализацией: «Хотя экономическая глобализация принесла развитым странам беспрецедентный уровень благосостояния и обернулась благом для сотен миллионов бедных рабочих в Китае и других странах Азии, она выстроена на ненадёжном фундаменте. В отличие от внутренних рынков, развитию которых способствуют местные регуляторы и политические институты, глобальные рынки пока что «недостаточно укомплектованы». Так, не существует ни глобального антимонопольного органа, ни глобального кредитора последней инстанции, ни глобального регулятора, ни глобальных гарантий, ни, конечно же, глобальной демократии. Другими словами, мировые рынки страдают от слабого управления, а, следовательно, и от низкой легитимности» (Родрик, 2008). Эти проблемы были в дальнейшем детально исследованы в: Rodrik 2011, Ch. 10; Улюкаев, 2014. Гл. 1.

периоды глобализации и деглобализации периодически сменяют друг друга. Вообще, опыт последних двухсот лет показывает, что было бы ошибкой рассматривать глобализацию как некоторый линейный процесс. С начала XX в. можно было наблюдать несколько этапов расширения и свёртывания глобализации, причём, каждый раз казалось, что эта тенденция возобладала навсегда[12]. Анализ современных экономических тенденций не позволяет сделать однозначный вывод о деглобализации (рис. 5). Но надо обратить внимание на ряд важных тенденций, и некоторые могут иметь долгосрочный характер. Они связаны с динамикой как товарных, так и финансовых рынков.



Источник: World Development Indicators / World Bank; экспортная квота – расчёты Т. Алиева

Рис. 5. Объём мировой торговли товарами и услугами в стоимостном и физическом выражении (* – Отношение экспорта товаров и услуг (в текущих ценах) к ВВП по обменному курсу)

Темпы роста мировой торговли замедляются. Но, при анализе её ускорения в 2000-е и замедления в 2010-е гг., важно учитывать ценовой фактор и эффект двойного счёта. Иными словами, высокая динамика цен на сырьевые ресурсы могла искусственно завышать объём международной торговли. Кроме того, наблюдаемое в 2012–2013 гг. её замедление, скорее, объясняется вялой динамикой спроса и ухудшением условий финансирования торговли.

Несколько сокращается объём мировых прямых трансграничных инвестиций, однако это нельзя интерпретировать однозначно. Масштабный рост их потоков был одной из главных особенностей мирового экономического развития в конце 1990-х – 2000-е гг., источником ускоренного экономиче-

[12] Подводя итоги предвоенного экономического развития, Дж. М. Кейнс писал в 1919 г.: «Какой замечательный период в экономическом развитии человечества пришёл к концу в августе 1914-го! ... Житель Лондона мог заказывать по телефону, попивая чай в постели, товары со всего света, в таком количестве, сколько пожелает, причём в уверенности, что утром их доставят прямо к двери; в тот же самый момент и таким же способом он мог вложить свои средства в предприятия в любой части земного шара и спокойно получить от них дивиденды и преимущества; либо он мог удвоить безопасность своих сбережений вместе с жителями любого большого города на любом континенте. Он мог обезопасить их тотчас, если пожелает, дешёвым и простым путём перевода их в любую страну без паспорта или прочих формальностей...». Но здесь же он предупреждал: «Однако, что важнее всего, житель Лондона рассматривал это положение дел как нормальное, привычное, постоянное и улучшающееся, а любые отклонения от него – как нечто скандальное, неправильное и необязательное» (Keynes, 1919. Ch. 2).

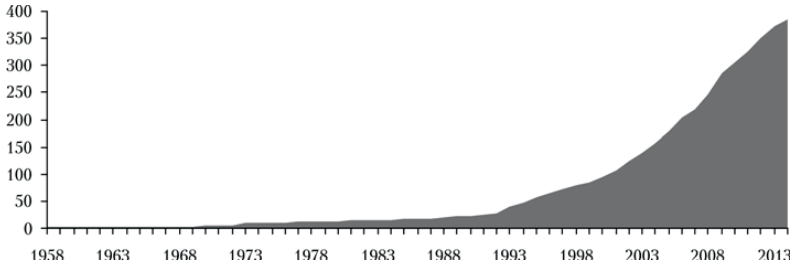
ского роста в докризисное десятилетие. Сейчас, несмотря на высокую волатильность потоков инвестиций, они колеблются около достигнутого уровня: среднегодовой объём мировых прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2005–2012 гг. составил около 1,5 трлн долл. Значимо меняется соотношение развитых и развивающихся стран как реципиентов в совокупном объёме инвестиций: если в 2000 г. на развивающиеся страны приходилось 20 % всех мировых ПИИ, то в 2009 г. – 50 %, а в 2012 г. – 60 %. В посткризисном периоде восстановились и даже выросли потоки инвестиций в развивающиеся страны Азии и Латинской Америки. Причём, развитые страны остаются основным поставщиком иностранных инвестиций, хотя их доля сократилась с 90 % в начале 2000-х гг. до 65 % в 2012 г., но по-прежнему доминирует.

В то же время замедлилось трансграничное движение капитала между ведущими странами. Если в 2007 г. финансовые потоки между странами «большой двадцатки» составляли 18 % их совокупного ВВП, то теперь этот показатель не достигает 4,5 %, а во всей мировой экономике они сократились на 60 % (Lund et al., 2013; Atkins, Fray, 2014). Разумеется, некоторые экономисты могут видеть в этом укрепление стабильности мировой экономики, что отражает известную дихотомию «стабильность, которая откладывает кризис, или рост, который его приближает». Однако ценой такой стабильности может стать долгосрочное торможение экономического развития.

Отчётливо заметен «спрос» на протекционистскую политику и идеологию, правда, не в грубой форме торговых запретов и высоких пошлин, противоречащих требованиям ВТО. Такие меры, введённые в кризисный период, охватывают не более 5 % объёма мировой торговли. Но гораздо большую роль начинают играть «разрешённые» барьеры в торговле – нетарифные, связанные с качественными ограничениями (фитосанитарные, экологические и т. п.).

Новым трендом стала «регионализация глобализации» – рост количества соглашений о свободной торговле (рис. 6). Можно ожидать трансформации системы ВТО в направлении формирования «групп по интересам»: здесь возможен отход от единогласия как единственного принципа при формировании соглашений групп стран по отдельным вопросам, в том числе секторальным.

В результате изменяется модель внешнеэкономической политики ведущих стран. Реальные масштабы современной экономики и соответственно внешнеэкономической деятельности определяются не столько размером экспорта и импорта, сколько объёмом добавленной стоимости, которую создаёт



Источник: WTO Regional Trade Agreements Information System (http://rtais.wto.org/UI/PublicAllRTAList.aspx)

Рис. 6. Число региональных торговых соглашений

та или иная страна, её влиянием в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости (*global value chains, GVC*).

При выработке внешнеэкономической стратегии сегодня важно включиться в такие цепочки, повысить долю добавленной стоимости, создаваемой национальными компаниями, и конкурентоспособность продукции, в том числе за счёт размещения производств в «дешёвых» странах и использования импортных комплектующих. За этим следует переосмысление целей и механизмов внешнеэкономической политики как фактора экономического роста.

С одной стороны, меняются регулирование внешней торговли и отношение к роли импорта. Стратегии экспортоориентированного роста и защиты от импорта больше не совместимы. В обоих случаях ключевым вопросом становится международная конкурентоспособность продукции. С другой стороны, меняется само понимание протекционизма. На смену защите отечественного производителя, находящегося на территории страны, приходят защита отечественных транснациональных производителей, обеспечение их интересов во всех звеньях глобальной цепочки добавленной стоимости. Это означает, что пограничные и внутренние барьеры, контроль за технологиями и охрана интеллектуальной собственности, конкуренция и доступ на рынки других стран, входящих в эти глобальные цепочки, становятся важными инструментами продвижения отечественных компаний и повышения их конкурентоспособности. Национальный протекционизм превращается в протекционизм своих участников глобальных цепочек создания стоимости.

Тенденции реиндустриализации

Фактором деглобализации может стать ещё одна важная тенденция последнего времени – реиндустриализация развитых стран. На протяжении последних примерно 50 лет в них сокращалась доля промышленности в ВВП и в занятости, причём посткоммунистическая Россия также включилась в этот процесс. Критики современного капитализма считали это деиндустриализацией, большинство исследователей характеризовали данный тренд как формирование постиндустриальной экономики и общества.

Современная реиндустриализация может быть результатом действия ряда факторов. Причём удорожание труда в странах с формирующимся рынком не определяющее. В конце концов, есть много бедных и относительно стабильных стран, куда можно перенести производство для минимизации издержек. Реиндустриализация (если эта тенденция подтвердится) представляет собой не возвращение традиционных производств в развитые страны, а формирование новых отраслей промышленности, характерной чертой которых становится относительное снижение доли труда в издержках и рост значимости таких факторов, как близость исследовательской базы (в связи с повышением доли R&D) и основного потребительского спроса. Удорожание труда в ведущих развивающихся странах, особенно в Юго-Восточной Азии, вносит лишь некоторый вклад в этот процесс (Egawa, 2013).

Важным фактором реиндустриализации может стать трансформация на рынке энергоресурсов. Наблюдаемое удешевление энергии связано как с новейшими технологическими решениями по извлечению нетрадиционных видов газа и нефти, так и с существенным расширением возможностей их транспортировки. Не менее важен фактор близости рынка сбыта. Сейчас,

когда товар становится всё более индивидуально ориентированным, близость его потребителя превращается в важный фактор конкурентоспособности.

В условиях обновления экономики важна близость разработчиков новых технологий и продуктов, которые находятся преимущественно в развитых странах. Анализ новых отраслей представляет особый интерес с точки зрения выявления перспективных технологических секторов, которые станут драйверами экономического роста в обозримой посткризисной перспективе.

Пока тенденция к реиндустриализации не прослеживается статистически, хотя можно наблюдать конкретные примеры возрождения производств на давно закрытых промышленных предприятиях (например, в США). Разумеется, это производства с радикально обновлёнными технологиями (примером может служить возрождение трубной промышленности для добываемых в США сланцевой нефти и газа). В этих условиях новое содержание может получить промышленная политика. Но теперь это не «назначение чемпионов» и не перераспределение бюджетных ресурсов в пользу отдельных предприятий и секторов, а создание институциональных условий, благоприятных для развития новых секторов экономики.

Причины и составляющие российского кризиса

На рубеже 2014–2015 гг. в российской экономике отчётливо проявились признаки кризиса: вслед за снижением цен на нефть более чем в два раза (со 110–115 долл./барр. в первом полугодии 2014 г. до 48–49 долл./барр. в отдельные дни декабря 2014 – января 2015 г.) курс российской национальной валюты упал в декабре в два раза, инфляция ускорилась в годовом исчислении до 16 %, впервые с начала 2000-х гг. сокращаются реальные доходы населения, а темпы роста ВВП в 2015 г. скорее всего будут отрицательными. Всё это происходило на фоне усиления экономических и финансовых санкций США и ЕС, введённых против России, понижения инвестиционного рейтинга Российской Федерации основными мировыми рейтинговыми агентствами и масштабного оттока капитала из России.

События рубежа 2014–2015 гг. стали наиболее ярким проявлением более общих проблем, важных для обеспечения устойчивого роста экономики России. Они назревали уже давно, создавая основу для формирования масштабного кризиса при совпадении ряда условий. Однако ситуация 2014–2015 гг. существенно отличается по своей природе и механизмам от предыдущих кризисов, которые переживала российская экономика.

В 1998 г. Россия столкнулась прежде всего со стандартным долговым кризисом, усиленным отсутствием фискальной дисциплины и сохранением мягких бюджетных ограничений в условиях достаточно жёсткой денежно-кредитной политики. Такая комбинация факторов, как известно из теории (Krugman, 1979), приводит к валютному кризису первого поколения, что и наблюдалось в России в 1998 г. Снижение цен на нефть, пик которого пришёлся уже на период после четырехкратного падения номинального курса рубля (зима 1998–1999 гг.), играло в развёртывании кризиса ограниченную роль. В отсутствие падения цен на нефть долговой и валютный кризисы могли произойти несколько позже, однако этого нельзя было избежать, не сбалансировав бюджет и не достигнув равновесного обменного курса. Об этом свидетельствовали схожие кризисы в Бразилии и Аргентине, первый из кото-

рых был менее, а второй – более жёстким по сравнению с ситуацией в России того времени (см.: Мау, 1998; Улюкаев, 1999).

Такой типичный для развивающихся стран кризис требовал хорошо известных мер противодействия. Был накоплен достаточно убедительный опыт преодоления подобных кризисов в 1980–1990-х гг. На это, при условии проведения разумной макроэкономической политики и поддержки со стороны международных финансовых организаций, требовалось не более двух лет, причём такого срока было достаточно для возвращения доверия к России со стороны иностранных инвесторов.

Правда, в России финансовый кризис 1998 г. имел важную специфику – он совпал с завершением трансформационного кризиса, то есть перехода от плановой системы к рыночной. В совокупности с макроэкономической стабилизацией это обусловило возобновление экономического роста, который сначала был восстановительным (Мау, 2002). Иными словами, к концу 1990-х гг. в России завершился период экономических и политических неурядиц (кризисов), но собственно экономический кризис имел достаточно простую природу, хорошо известную из опыта макроэкономической дестабилизации в различных странах (как развитых, так и развивающихся). Поэтому важным фактором его преодоления было восстановление политической и макроэкономической стабильности, а рост был обеспечен наличием существенных ресурсов производственного и человеческого капитала, возникших из-за падения российского ВВП в 1990–1998 гг. на 40 %.

В 2008–2009 гг. кризис в России представлял собой в экономическом отношении уже более сложную модель, имеющую как внутренние, так и внешние составляющие. С одной стороны, это был глобальный экономический кризис, особенно остро проявившийся в развитых странах. Осенью 2008 г. в России наблюдался эффект «заражения» от кризиса в глобальной финансовой системе, а также последовавшего за ним спада глобального спроса на основные товары российского экспорта, в первую очередь сырьевые и продукты их первичной переработки (часть инвестиционного спроса).

С другой стороны, к середине 2008 г. наметился кризис действовавшей на протяжении 2000-х гг. модели роста, основанной на расширении спроса (в данном случае детерминированного быстрым ростом рентных доходов от ТЭК). Падение цен на нефть в 2008–2009 гг. со 145 до 37 долл./барр. стало критическим для экономики, имевшей явные признаки «перегрева», характеризуемого неравновесной высокой заработной платой, снижением безработицы ниже естественного уровня, завышенным обменным курсом национальной валюты и накоплением большого объёма внешнего долга. Но наличие значительных золотовалютных и бюджетных резервов позволило заметно смягчить острую фазу кризиса, поддержать экономику до момента возвращения цен на нефть на приемлемый для неё уровень (конец 2009 г.).

В 2014–2015 гг., по нашему мнению, Россия столкнулась с одновременным проявлением сразу трёх кризисных компонент – структурной, циклической (внутренней конъюнктурной) и внешней.

Во-первых, текущий кризис – это кризис структурных темпов роста. Под ними принято понимать потенциально возможные при имеющемся уровне технологий и предпринимательской активности (совокупной факторной производительности, СФП), при полной эффективной (с учётом наличия ре-

зервных мощностей, технического и морального старения основных фондов) загрузке капитала и поддержании в экономике естественного (не ускоряющего инфляцию) уровня безработицы. Согласно Институту экономической политики имени Е. Т. Гайдара, структурные темпы роста ВВП снизились примерно с 4–5 % в год в 2000-е гг. до 1–1,5 % в 2014 г., и в 2015 г. следует ожидать их дальнейшего падения (см. ниже). Иными словами, экономика России теряла за последние 10–15 лет 3–4 п. п. роста ВВП в год (Синельников-Мурылев и др., 2014).

Во-вторых, текущий кризис – это и внутренний циклический кризис, связанный с изменением уровня деловой конъюнктуры внутри страны. Характерные признаки этого – снижение на протяжении нескольких лет темпов роста инвестиций в основной капитал, замедление роста банковского кредита нефинансовому сектору, рост доли «плохих» долгов у банков, расширение потребительского спроса со стороны населения, подогреваемого потребительским кредитованием, снижение доли прибыли в экономике и сокращение числа малых и средних предприятий. В указанном исследовании отрицательные циклические темпы роста ВВП России регистрируются уже с 2011 г. (до 1–1,5 п. п. в год).

В-третьих, текущий кризис связан с изменением внешней экономической конъюнктуры (переломом в тренде цен на нефть). Обратной стороной относительно безболезненного прохождения кризиса 2008–2009 гг. за счёт накопленных резервов стала, по сути, консервация прежней модели роста российской экономики, позволявшей достичь высоких темпов только при постоянно растущих ценах на нефть. Их фактическая стабилизация в 2010 – первой половине 2014 г. на уровне около 100 долл./барр. уже заметно уменьшила вклад нефтяного сектора в ВВП страны. Падение цен на нефть сократило долю внешнеторговой составляющей роста ВВП практически до нуля в 2014 г. и, очевидно, даст отрицательный вклад в 2015 г.

Правда, в отличие от 2009 г. спрос на экспорт и мировые цены других российских сырьевых товаров, помимо нефти, практически не снизились, что несколько компенсирует негативный эффект от падения цен на нефть. Но данное обстоятельство следует рассматривать, скорее, как отсутствие *дополнительного* негативного воздействия на экономику и даже отдельные отрасли. К этому надо добавить внешний шок, связанный с введёнными против России санкциями, прежде всего, в финансовой сфере. Последние существенно дестабилизируют динамику капитала и тем самым экономическую динамику. Отток капитала оказывается связан одновременно с обоими внешними шоками – падением цен на нефть и отсечением российской экономики от внешних финансовых рынков.

Каналы влияния санкций на российскую экономику

Можно выделить несколько каналов влияния санкций на динамику ВВП России, уже оказывающих негативное воздействие, которое сохранится на горизонте двух-трёх лет. Среди них – усиление экономической и политической неопределённости, повышение стоимости заёмного финансирования, ограничения на трансфер технологий, а также на импорт. Самым важным каналом стало *резкое усиление неопределённости* в экономике и политике, что влияет на принятие решений экономическими агентами как внутри страны, так и по отношению к России за рубежом. Можно выделить два механизма

влияния неопределённости: через потребление и через инвестиции. Рассмотрим их.

Потребление. Общий рост неопределённости в экономике и политике порождает неопределённость относительно будущего потока доходов. В результате экономический агент в соответствии с теорией перманентного дохода снижает потребление в текущем периоде, увеличивая сбережения, чтобы сгладить возможные колебания дохода и потребления в будущем (Friedman, 1956; Bernanke, 1984). С учётом российской специфики (невысокое доверие и к национальной валюте, и к экономической политике, и к банковской системе, а также высокие инфляционные и курсовые риски) такие сбережения начинают осуществляться преимущественно в форме наличной иностранной валюты. В результате снижается спрос на реальные кассовые остатки в рублях (за счёт компонент трансакционного спроса и спроса на средство сбережения) и повышается спрос на реальные кассовые остатки в иностранной валюте (за счёт спроса на средство сбережения и из-за мотива предосторожности).

Таким образом, в экономике снижается совокупное потребление, наблюдается долларизация, а также ускоряется инфляция. Именно эти процессы отчётливо наблюдались уже в I и IV кварталах 2014 г., когда, помимо усиления оттока капитала из страны (в форме долларизации активов), сокращался объём банковских депозитов, население переводило свои сбережения из банков в наличную валюту и банковские ячейки (табл. 3).

Таблица 3

Отток капитала и долларизация экономики России в 2014 г.[13]

	I квартал	**IV квартал**
Чистый отток капитала из негосударственного сектора, млрд долл.	-47,8	-69,8
Динамика рублёвых счетов населения в банках, млрд руб.	-798,8	-287,9
Динамика наличной иностранной валюты, млрд долл.	10,4	17,4

Инвестиции. Рост неопределённости относительно будущих доходов и объёма выпуска повышает текущую стоимость владения капиталом и снижает его желательный объём в будущем. Таким образом, падают инвестиции, необходимые для его достижения, а компании готовы реализовывать только проекты, гарантированная доходность от которых превышает текущую возросшую стоимость капитала (процент). Поскольку в данном случае речь идёт именно об увеличении премии за риск в составе субъективно воспринимаемой экономическими агентами ставки процента как показателе относительной доходности (стоимости) капитала между текущим моментом и будущим, снижение номинальной процентной ставки на финансовом рынке не может изменить инвестиционное поведение компаний. Они не будут осуществлять новые инвестиции в основной капитал, а предпочтут копить деньги на счетах либо в форме ликвидных активов.

Аналогично повышение ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации и номинальных ставок в конце 2014 г., как показывает статистика, слабо отразилось на объёме кредитования нефинансового сектора:

[13] Источник: Центральный банк Российской Федерации.

более высокие риски были заложены заранее. Спрос на кредиты в рублях кратковременно даже увеличился вследствие замещения кредитов в иностранной валюте (рис. 7). Но по мере ослабления девальвационных ожиданий и снижения инфляции, что должно понизить риски инвестиций в реальные проекты, уровень номинальных ставок снова начнёт играть важную роль на кредитном рынке.

Источник: Центральный банк Российской Федерации.

Рис. 7. Процентные ставки и темп роста рублёвых кредитов нефинансовым организациям (в %)

Отметим, что диаметрально противоположная денежно-кредитная политика ряда центральных банков развитых стран после кризиса 2008 г. (ФРС, ЕЦБ, Банка Японии) давала схожий результат с точки зрения стимулирования инвестиционного кредитования. Несмотря на крайне низкие или даже отрицательные процентные ставки, экономические агенты не склонны брать кредиты, поскольку высока неопределённость относительно как общих перспектив экономического роста многих европейских стран, так и специфики структурных приоритетов посткризисного развития.

Важным каналом влияния санкций на российскую экономику выступает *повышение стоимости заёмного финансирования*, особенно на длительный срок. Поскольку основная доля «длинного» финансирования в предшествующие годы предоставлялась на внешнем рынке, помимо прямого увеличения ставок для российских заёмщиков, дополнительным негативным фактором стал возросший курсовой риск для займов в иностранной валюте. Этот канал, во-первых, снижает инвестиционные возможности для компаний, которые, несмотря на описанный выше механизм снижения желательного объёма капитала, хотели осуществить инвестиции в настоящее время; во-вторых, лимитирует возможности рефинансировать текущую задолженность компаний, что накладывает ограничение на их операционную деятельность, так как текущие финансовые потоки отвлекаются на погашение имеющейся задолженности.

Третьим каналом влияния санкций выступает *снижение совокупной факторной производительности* по причине отсутствия доступа к трансферу технологий из-за рубежа, сокращения прямых иностранных инвестиций и ослабления конкуренции с зарубежными производителями (последнее – из-за ограничений на внешнеторговые операции в обе стороны и эффекта

ценовых преимуществ вследствие снижения курса рубля). В то же время в условиях сокращения численности населения в трудоспособном возрасте и незавершённости процесса обновления основных фондов именно совокупная факторная производительность оказывается единственным способом повысить структурные темпы роста экономики с текущих 1,0–1,5 % до хотя бы 3–3,5 % в год.

К числу возможных каналов влияния санкций следует отнести эффекты от *ограничения импорта* в Россию. В ряде отраслей российской экономики производство отдельных товаров критически зависит от импортных комплектующих, замена которых, по крайней мере в краткосрочном периоде, технически или технологически невозможна. Отметим, что такой эффект будет проявляться независимо от того, выступает это ограничение следствием дискретных решений в отношении конкретных категорий товаров или результатом удорожания импортных товаров из-за девальвации. В частности, по результатам проведённых исследований, значимое отрицательное влияние на динамику выпуска от снижения реального курса рубля ожидается в фармацевтической отрасли, автомобильной, текстильной промышленности и производстве одежды, производстве пластмасс и изделий из них, производстве оборудования, электрооборудования и электромашин, мебели (см.: Евдокимова и др., 2013).

На данный момент (начало 2015 г.) из-за отсутствия соответствующей статистики трудно оценить масштабы влияния данного канала. Однако наблюдаемый рост цен на большинство производимых на территории России товаров часто действительно объясняется удорожанием комплектующих или сырья из-за падения курса рубля.

Наконец, каналом влияния санкций на динамику ВВП России, хотя пока он ещё явно не выражен, может стать *ограничение на российский экспорт* отдельных видов товаров, в первую очередь энергоресурсов и сырья. Поскольку производство таких товаров значительно превосходит возможные объёмы их потребления на внутреннем рынке, а также во многих случаях существуют технические ограничения на географические направления экспорта, сокращение физических объёмов экспорта таких товаров окажет быстрый негативный эффект на динамику выпуска и финансовое состояние компаний в этих отраслях.

Среднесрочные ограничения экономического роста

Описанные выше каналы влияния санкций на экономику России – не отдельная компонента кризиса. Их влияние выражается в первую очередь через среднесрочное воздействие на структурные темпы роста. Но и при их отмене или значительном ослаблении, равно как и при повышении цен на нефть до комфортного для России уровня (порядка 80–100 долл./барр.), восстановление российской экономики может оказаться затяжным.

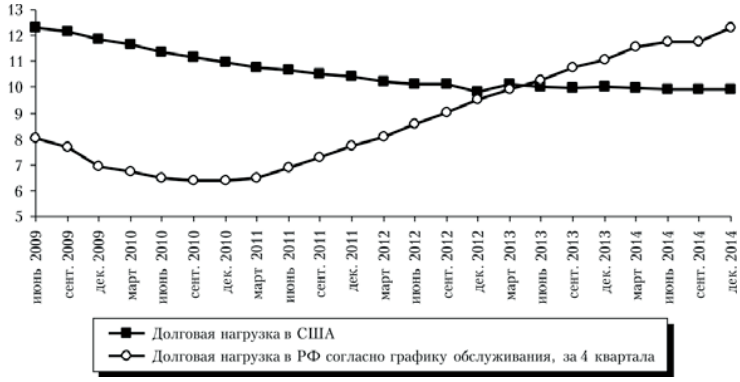
Россию принято рассматривать как сырьевую державу, благополучие которой основано преимущественно на добыче и экспорте углеводородов. Страна обладает одними из крупнейших в мире запасов нефти и газа, фактически доминирует на рынке сырой нефти и газа в Европе и активно наращивает экспорт углеводородов в Китай и страны Юго-Восточной Азии. В 2014 г. Россия добыла рекордный объём нефти (528 млн т). Экспорт нефти и газа составляет 2/3 экспорта, а поступления от добывающих отраслей обеспечивают более

50 % доходов федерального бюджета. Однако сейчас уже можно констатировать, что нефтегазовый сектор перестал быть ключевым драйвером роста российской экономики.

Совокупный вклад нефтегазового сектора в ВВП России достигал максимального уровня в 2005 г. – около 25 % ВВП, и с тех пор этот показатель последовательно снижался до 21 % ВВП (начало 2014 г.) (см.: Dmitriev, Drobyshevsky, 2015). Действительно, с 2005 г. объём добычи нефти практически не изменился – примерно 500 млн тонн в год, то есть реальный выпуск сектора не растёт практически 10 лет, а ВВП рос, очевидно, за счёт развития других отраслей промышленности и сектора услуг. Нет оснований рассчитывать на рост физического объёма выпуска в добывающем секторе в ближайшие годы: по нашим оценкам, к 2020 г. доля нефтегазового сектора не превысит 18,0–18,5 % ВВП, или станет на 1 % меньше, чем в 2005 г. Кроме того, нефть и газ не единственные сырьевые товары российского экспорта. Второе место после углеводородов в его структуре занимают металлы (чёрные и цветные), на которые в сумме приходится примерно 20 % экспорта.

Ещё один традиционный фактор экономического роста – внутренний потребительский спрос. Однако здесь наблюдаются серьёзные проблемы.

Во-первых, несмотря на относительно слабое развитие финансового сектора в Российской Федерации, население имеет серьёзную долговую нагрузку (рис. 8)[14]. Хотя объём кредитов населению составляет лишь 17 % ВВП, из-за непродолжительности средних сроков кредитования, низкой доли «длинных» ипотечных кредитов, высоких номинальных процентных ставок население России тратит на обслуживание кредитов около 13 % своих располагаемых доходов. Это больше, чем, например, в США, где объём задолженности населения по кредитам составляет примерно 70 % ВВП, а расходы на обслуживание долга – около 10 % доходов. Иными словами, и после преодоления острой фазы текущего кризиса расширение потребительского спроса за счёт кредитования экономически не оправданно и сопряжено с серьёзными рисками.



Источник: Росстат, Банк России, расчёты ИЭП, ФРС США.

Рис. 8. Долговая нагрузка на располагаемые доходы в России и США (в %)

[14] Подробнее см.: Ведев и др., 2014

Во-вторых, расширение потребительского спроса за счёт регулярных доходов населения (заработной платы) маловероятно. Хотя после снижения обменного курса рубля во втором полугодии 2014 г. стоимость труда в России заметно уменьшилась, став конкурентоспособной даже по сравнению со странами Юго-Восточной Азии, из-за демографических проблем заработная плата вскоре снова начнёт расти и доходы наёмных работников повысятся. В то же время очевидны невозможность развития экономики при дальнейшем росте издержек на труд, необходимость реструктуризации отраслей, высвобождения и перемещения рабочей силы. Это вынуждает работников быть сдержанными относительно перспектив своих доходов и стимулирует большую склонность к сбережениям (независимо от их формы).

В-третьих, непоследовательность в отношении развития пенсионной системы заставляет людей задумываться о необходимости самостоятельно обеспечивать себя на пенсии, что также стимулирует сбережения. Разумеется, в текущих условиях при росте волатильности курса и инфляции говорить о долгосрочных сбережениях в денежной форме не приходится, однако по мере снижения уровня инфляции и повышения её предсказуемости мотивация к сбережению существенно вырастет. Таким образом, в ближайшем будущем население представляется скорее сберегателем, отдающим свои долги, чем активным потребителем. Этот возможный серьёзный сдвиг в типичном поведении российского человека по сравнению с 2000-ми гг. ещё требует осмысления со стороны лиц, принимающих решения, и всех агентов российской экономики.

С точки зрения государственного стимулирования спроса в среднесрочной перспективе также имеются ограничения, хотя в краткосрочной перспективе, в рамках антикризисного пакета, можно ожидать увеличения госрасходов. В 2000-е гг. Россия демонстрировала пример ответственной бюджетной политики. После кризиса 1998 г. страна расплатилась по внешним долгам, обеспечила профицит федерального бюджета и создала суверенные сырьевые фонды в условиях благоприятной внешней конъюнктуры. В 2009–2010 гг. именно за счёт накопленных ранее средств в Резервном фонде были профинансированы дефицит бюджета и антикризисный пакет, госдолг сохранился на минимальном уровне (около 10 % ВВП). В 2012 г. было принято новое бюджетное правило, обеспечивающее бездефицитный бюджет при текущем уровне цен на нефть. Но уже в ближайшие три года (горизонт бюджетного планирования в Российской Федерации) эти достижения подвергнутся серьёзным испытаниям.

Во-первых, сокращается доходная база бюджета. Как было сказано выше, налоги на нефтегазовый сектор обеспечивают более 50 % доходов федерального бюджета, а доля нефтегазового сектора в ВВП сокращается. Всё большая часть доходов нефтегазового сектора формируется на новых месторождениях, имеющих серьёзные налоговые льготы. Даже без снижения цен на нефть к 2016 г. ожидалось уменьшение налоговых поступлений от нефтегазового сектора на 1–1,5 п. п. ВВП. В условиях плохой деловой конъюнктуры налоговые доходы от не нефтегазового сектора (например, налог на прибыль) также низки. Таким образом, по отношению к последней стабильной точке наблюдений (2014 г.) только за счёт снижения налоговых поступлений дефицит федерального бюджета вырос бы с 0,5–1,0 % до 1,5–2,0 % ВВП. Снижение средних цен на нефть в 2016–2017 гг. до 60–80 долл./барр. добавит ещё 1,5–2,0 % ВВП к дефициту федерального бюджета. Правда, есть и дополнительный фактор –

увеличение прибыли предприятий за счёт снижения их относительных издержек на фоне глубокой девальвации национальной валюты.

Во-вторых, нет определённости с пенсионной реформой – важнейшим фактором обеспечения бюджетной и социально-политической устойчивости. Среди обсуждаемых, но не принятых пока важных мер: повышение возраста выхода на пенсию (в настоящее время 60/55 лет для мужчин и женщин соответственно – самый низкий уровень в Европе), развитие накопительной составляющей и сокращение категорий работников, имеющих право на досрочный выход на пенсию. Эта неопределённость негативно влияет на рынок труда и не способствует укреплению доверия к проводимой политике (фактически заморожена введённая ранее накопительная составляющая), что, в свою очередь, повышает риски финансовой устойчивости как пенсионной системы, так и государственного бюджета. Дефицит пенсионной системы будет нарастать, поскольку соотношение числа работающих граждан и пенсионеров меняется не в лучшую сторону, и финансировать его придётся за счёт дополнительных трансфертов из федерального бюджета.

В-третьих, ухудшается структура расходов федерального бюджета[15]. Так, в России по-прежнему низкие расходы на повышение качества человеческого капитала и качества жизни (образование, здравоохранение, инфраструктура, экология), но сохраняются или даже увеличиваются расходы на ВПК, армию, милицию, трансферты Пенсионному фонду[16].

Приведённые аргументы показывают, что при сохранении действующей модели роста даже при преодолении циклического кризиса, восстановлении цен на нефть и отмене (ослаблении) санкций в ближайшие годы экономика России вряд ли сможет вернуться к темпам роста на уровне 3–3,5 % в год. В российской научной литературе развернулась дискуссия о необходимости смены модели роста российской экономики (см., например: Кудрин, Гурвич, 2014; Идрисов, Синельников-Мурылев, 2014; Улюкаев, 2014; Мау, Кузьминов, 2013). Очевидно, что повышение структурных темпов роста (не обязательно чувствительных к краткосрочным кризисным явлениям или изменению конъюнктуры внешних рынков) без проведения эффективной антикризисной политики невозможно. Тем не менее, чтобы не допустить переход текущего кризиса в длительную стагнацию экономики, наряду с краткосрочными стабилизационными мерами следует обсудить комплекс мер, направленных на повышение структурных темпов роста экономики, то есть на снижение издержек производства и повышение совокупной факторной производительности, и зависящих исключительно от внутренней экономической политики, а не от внешней рыночной или геополитической ситуации.

---

[15] Подробнее см.: Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013.

[16] Проблема оптимизации структуры бюджетных расходов с точки зрения приоритетов социальной и транспортной инфраструктуры в российской экономической политике не нова. Так, в выступлении министра финансов А. А. Абазы в Государственном совете 31 декабря 1880 г. были обозначены следующие контуры бюджетной политики: «Прежде и важнее всего сокращение расходов по военному ведомству... Потом, нужны сбережения и по другим частям управления, кроме лишь таких, на которые не нужно жалеть денег, собственно потому, что издержки на них ведут к подъёму народного благосостояния; к таким расходам Абаза относит издержки на училища и школы, на устройство судебной части и на пути сообщения. При строгом соблюдении экономии в государственных расходах... необходимо всячески поощрять трудолюбие и бережливость частных лиц – главные источники народного богатства» (Перетц, 1927. С. 18).

Приоритетные меры социально-экономической политики

Изменение принципов бюджетной политики

1. Пересмотр принципов защищённости статей федерального бюджета, обеспечение защищённости производительных статей расходов и расходов на человеческий капитал, как и публично-правовых обязательств. Корректировка принципов индексации бюджетных расходов с учётом динамики доходов бюджета. Переход на программно-целевой принцип формирования бюджета, исключающий возможность секвестра по формальному признаку.

2. Проведение бюджетного манёвра, обеспечивающего перераспределение финансовых ресурсов в пользу приоритетных направлений расходов – на развитие человеческого капитала, инноваций, повышение качества предпринимательского и инвестиционного климата в стране.

Снижение издержек в экономике

1. Принятие моратория на увеличение налоговой нагрузки на экономику: вступление в силу всех новых решений о её повышении перенести на период после 2018 г. Это относится и к квазиналоговой нагрузке.

2. Определение наиболее обременительных и наименее эффективных с точки зрения достижения общественно значимых целей требований к ведению предпринимательской деятельности, принятие решения об их отмене или корректировке.

3. Повышение эффективности естественных монополий: сокращение необоснованных затрат, переход к долгосрочной модели тарифообразования, новые подходы к организации рынка тепловой энергии (альтернативная котельная) и рынка электроэнергии (вывод неэффективной генерации).

Новые правила поддержки предприятий

1. Формирование правила, согласно которому государственная поддержка предприятий (кредиты через государственные банки) предоставляется под гарантии развития конкурентоспособных производств в мировых ценах (формула: повышение эффективности в обмен на государственное финансирование). Необходимо во всех финансово-экономических обоснованиях, бизнес-планах, инвестиционных проектах, запрашивающих бюджетное или квазибюджетное финансирование, использовать мировые цены на электроэнергию, нефть, нефтепродукты и пр. Нужно создавать положительную добавленную стоимость в мировых ценах, а не консервировать отсталость.

2. Развитие инструментов государственной поддержки крупных и средних инвестиционных проектов, как обеспечивающих серьёзный мультипликативный эффект для экономики, так и способствующих решению инфраструктурных и социальных проблем. Повышение качества подготовки проектов и механизмов их отбора в рамках использования средств Фонда национального благосостояния и механизма проектного финансирования.

3. Использование ресурса государственных закупок и закупок компаний с государственным участием (24 трлн руб., или 30 % ВВП) для стимулирования отечественного производства, вывода его на стадию технологического обновления и конкуренции с мировыми производителями.

Улучшение условий ведения бизнеса

1. Пересмотр подходов к контрольно-надзорной деятельности, резкое снижение количества и интенсивности проверок в отношении большинства юридических лиц или объектов, не несущих серьёзных публичных рисков.

2. Введение трёхлетних «надзорных каникул» для предприятий, в течение трёх лет не нарушавших установленные требования к ведению деятельности.

3. Проведение инвентаризации правового регулирования и практики ведения бизнеса, переход к предоставлению отчётности только в электронном виде (вплоть до отказа от бумажной формы отчётности для малого бизнеса).

4. Отмена обязательного бухучета и отчётности для малых предприятий (возврат к упрощённой системе – книге учёта доходов и расходов).

Поддержка несырьевого экспорта

1. Обеспечение доступа российских экспортёров и покупателей их продукции к экспортному финансированию на конкурентных условиях, сопоставимых с параметрами экспортных кредитов, предоставляемых ведущими экспортными кредитными агентствами.

2. Внедрение института «комплексной гарантии» – генеральной гарантии, размер которой значительно ниже, чем сумма потенциально подлежащих уплате таможенных платежей (вплоть до 9), если импортёром выступает любое производственное предприятие либо импортёр в течение нескольких лет работает на рынке, доказал свою благонадёжность, платёжеспособность и аккуратность в соблюдении таможенных и налоговых правил.

3. Внедрение проектного подхода, позволяющего сформировать единую цепочку продвижения товара – от определения экспортного рынка и покупателя, получения кредита и страхования до продвижения проекта торговым представительством непосредственно в стране пребывания.

Новые правила работы с иностранными инвесторами

1. Сокращение перечня отраслей, в которых ограничивается или запрещается деятельность иностранных инвесторов, исходя из принципа, согласно которому открыть для иностранного инвестора можно всё, что не относится непосредственно к национальной безопасности. Это решение может быть реализовано постепенно – за 3–7 лет, чтобы на текущей стадии обесценения национальных активов не произошёл быстрый передел собственности.

2. Обеспечение максимально привлекательного инвестиционного режима для инвесторов из развитых стран. Заключение преференциальных торговых соглашений со странами АТЭС и ЕС в среднесрочной перспективе.

Пересмотр принципов социальной политики

1. Повышение с 2018 г. пенсионного возраста с частичным его выравниванием между мужчинами и женщинами.

2. Усиление адресности поддержки социально уязвимых слоёв населения, наиболее пострадавших от ослабления рубля (потребители импортных лекарств, услуг, получаемых с использованием иностранной техники).

3. Отмена квотирования выдачи разрешений на работу иностранным работникам с переходом на патенты при существенном упрощении их выдачи (с учётом реального падения доходов трудовых мигрантов из-за обесценения рубля потребуются все, кто захочет приехать к нам работать).

При этом важно сформировать *перспективные социальные ориентиры*, которые можно положить в основу средне- и долгосрочной стратегии развития страны. Для этого целесообразно принять национальную программу «О повышении качества жизни населения». В ней должна быть зафиксирована необходимость достичь следующих показателей социальной сферы:

– увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении на три года относительно уровня 2014 г.;

– повышение показателей Российской Федерации в Индексе лучшей жизни ОЭСР (*OECD Better Life Index*) на 10 % относительно уровня 2014 г. (сходные позиции в 2014 г. у Турции и Бразилии);

– повышение позиции России в рейтинге «Наиболее эффективное здравоохранение» (*Most Efficient Health Care – Bloomberg*) с 51-й в 2014 г. до 20-й (сходные позиции в 2014 г. у Португалии, Германии, Греции);

– повышение рейтинга Российской Федерации в Индексе человеческого развития (*Human Development Index, HDI*) с 57-й позиции в 2013 г. до 30-й (сходные позиции в 2013 г. у Испании).

Список литературы

1. *Ведев А., Дробышевский С., Синельников-Мурылев С., Хромов М.* (2014). Актуальные проблемы развития банковской системы в Российской Федерации // Экономическая политика. № 2. С. 7–24.

2. *Евдокимова Т. В., Зубарев А. В., Трунин П. В.* (2013). Влияние реального обменного курса рубля на экономическую активность в России (Научные труды № 165Р). М.: Изд-во Института Гайдара.

3. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* (2013). Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. № 8. С. 35–59.

4. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* (2014). Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. № 3. С. 4–20.

5. *Кудрин А., Гурвич Е.* (2014). Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. № 12. С. 4–36.

6. *Кондратьев Н. Д.* (1925). Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. Т. 1. Вып. 1.

7. *Мау В.* (1998). Политическая природа и уроки финансового кризиса // Вопросы экономики. № 11. С. 4–19.

8. *Мау В.* (2002). Экономико-политические итоги 2001 г. и перспективы устойчивого экономического роста // Вопросы экономики. № 1. С. 4–22.

9. *Мау В.* (2009). Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего // Экономическая политика. № 4. С. 47–61.

10. *Мау В. А., Кузьминов Я. И.* (ред.) (2013). Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: в 2 т. М.: Дело.

11. [*Перетц Е.* А.] (1927). Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М. – Л.: Госиздат.

12. *Родрик Д.* (2008). Глобализация: срочно нужен Кейнс // Ведомости. 28 июля.

13. *Родрик Д.* (2014). Парадокс глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара.

14. *Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М.* (2014). Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 гг. // Экономическая политика. № 5. С. 7–37.

15. *Улюкаев А. В.* (1999). В ожидании кризиса: ход и противоречия экономических реформ в России. М.: Стрелец.

16. *Улюкаев А. В.* (2009). Россия и новая макроэкономическая реальность // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

17. *Улюкаев А. В.* (2014). Болезненная трансформация мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара.

18. *Alvaredo F., Atkinson A. B., Piketty T., Saez E.* (2013). The Top 1 Percent in International and Historical Perspective // Journal of Economic Perspectives. Vol. 27. No 3. P. 3–20.

19. *Åslund A.* (2013). Why Growth in Emerging Economies Is Likely to Fall // Peterson Institute for International Economics Working Paper. No. 13–10.

20. *Atkins R., Fray K.* (2014). Rapid Fall in Capital Flows Poses Growth Risk // Financial Times. 2014. January 6.

21. *Bernanke B. S.* (1984). Permanent income, liquidity, and expenditure on automobiles: Evidence from panel data. Quarterly Journal of Economics. Vol. 99. No. 3. P. 587–614.

22. *Bonica A., McCarty N., Poole K. T., Rosenthal H.* (2013). Why Hasn't Democracy Slowed Rising Inequality? // Journal of Economic Perspectives. Vol. 27. No 3. P. 103–123.

23. *Brzezinski Z.* (2009). The Group of Two that Could Change the World // The Financial Times. January 14. P. 9.

24. *Corak M.* (2013). Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility // Journal of Economic Perspectives. Vol. 27. No 3. P. 79–102.

25. *Dmitriev M., Drobyshevsky S.* (2015). Russian economy as the hostage of high oil prices // Sung Jin Kang, Yung Chul Park (eds.). The international monetary system, energy and sustainable development. London: Routledge.

26. *Egawa A.* (2013). Will Income Inequality Cause a Middle-Income Trap in Asia? // Bruegel Working Paper. No 2013/06.

27. *Ferguson N.* (2008). The Ascent of Money: A Financial History of the World. N. Y.: Penguin Press.

28. *Friedman M.* (1956). A Theory of the consumption function. Princeton, NJ: Princeton University Press.

29. *Keynes J. M.* (1919). The Economic Consequences of the Peace. N. Y.: Harcourt, Brace, and Howe.

30. *Krugman P.* (1979). A model of balance of payments crises. Journal of Money, Credit, and Banking. Vol. 11. No. 3. P. 311–325.

31. *Kuznets S.* (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven; London: Yale University Press.

32. *Lund S., Daruvala T., Dobbs R. et al.* (2013). Financial Globalization: Retreat or Reset. Global Capital Market 2013 / McKinsey Global Institute.

33. *Mankiw N. G.* (2013). Defending the One Percent // Journal of Economic Perspectives. Vol. 27. No 3. P. 21–34.

34. *Mokyr J.* (2014). What Today's Economic Gloomsayers Are Missing: Science Is Enabling Invention Like Never Before and in Ways that Will Improve Life but Isn't Captured by GDP Statistics // Wall Street Journal. August 8.

35. *Piketty T.* (2014). Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, MA: Harvard University Press.

36. *Rodrik D.* (2011). Unconditional Convergence // NBER Working Paper. No. 17546.

37. *Rodrik D.* (2011). The Globalization Paradox. N.Y. – L.: W. W. Norton & Company.

38. *Summers L.* (2013). Why Stagnation Might Prove to Be the New Normal // Financial Times. December 15.

39. *Summers L.* (2014). Washington Must not Settle for Secular Stagnation // Financial Times. January 5.

40. *Teulings C., Baldwin R.* (eds.) (2014). Secular Stagnation: Facts, Causes and Cures. London: CEPR Press.

41. *Williamson J.* (1989). What Washington Means by Policy Reform // Latin American Readjustment: How Much Has Happened / J. Williamson (ed.). Washington, DC: Institute for International Economics.

ОТ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР К СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ ЭКОНОМИКИ[17]

Ивантер В. В., *директор Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, д. э. н., академик РАН,* **Порфирьев Б. Н.**, *заместитель директора ИНП РАН, д. э. н., член-корреспондент РАН,* **Широв А. А.,** *заместитель директора ИНП РАН, к. э. н.,* **Моисеев А. К.**, *ведущий научный сотрудник ИНП РАН, к. э. н.*

Ключевые риски, сложившиеся в российской экономике к 2015 г., связаны с тем, что ухудшение макроэкономической конъюнктуры, изменение курсовых и ценовых пропорций в экономике создают значительные дисбалансы развития, которые могут крайне негативно отразиться на потенциальных возможностях роста в 2017–2020 гг. Соответственно, наряду с неотложными действиями по устранению наиболее существенных рисков развития экономики в текущем периоде, необходимо вырабатывать и реализовать комплекс мер, направленных на устранение ограничений развития в среднесрочной перспективе. Необходимо, чтобы принимаемые меры по выходу из текущего кризиса создавали условия для реализации экономического потенциала в долгосрочной перспективе.

Ограничения текущей модели экономического развития

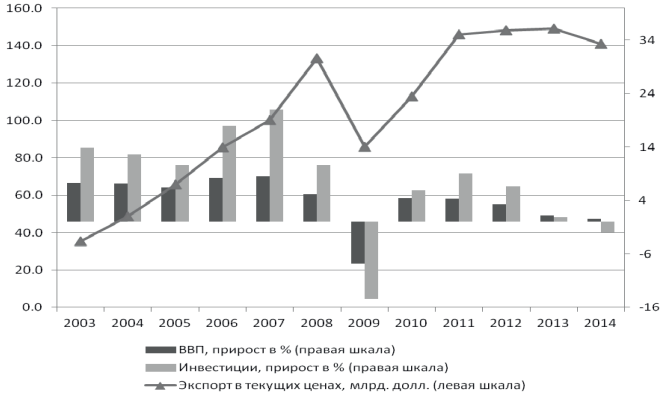
Оценивая текущую ситуацию, необходимо определить ключевые источники проблем, переживаемых российской экономикой, что позволит перейти к выбору мер экономической политики, способных в средне- и долгосрочной перспективе обеспечить нашей стране устойчивое развитие.

Видимое ухудшение экономической ситуации стало фиксироваться с конца 2012 г., когда началось последовательное снижение темпов роста ВВП. Инициирующим фактором этого стало торможение темпов роста физических объёмов экспорта на фоне относительно слабой внешнеэкономической конъюнктуры (рис. 1). Но реальной причиной замедления динамики стало несоответствие механизмов финансирования роста фактическим потребностям экономики, объёмные показатели которой, по сравнению с 1998 г., практически удвоились.

В этих условиях единственным значимым механизмом обеспечения инвестиционной активности и бюджетной системы оставался рост доходов от экспорта, который формировал спрос как со стороны государства, так и со стороны крупнейших российских компаний. После кризиса 2008–2009 гг. доля собственных средств предприятий в структуре инвестиций в основной капитал существенно выросла. Доступ к заёмному финансированию был в значительной степени ограничен. В этих условиях даже стабилизация объёма экспортных доходов вела к автоматическому снижению уровня инвестиционной активности.

В дискуссии о том, какие факторы являются ключевыми при замедлении темпов роста экономики в 2012–2014 гг., мы считаем, что ключевой причиной

[17] Использованы материалы сотрудников ИНП РАН: В. С. Панфилова, М. Ю. Ксенофонтова, О. Дж. Говтваня, И. А. Буданова, В. Н. Борисова, М. С. Гусева.



Источник: Росстат

Рис. 1. Экспорт, ВВП и инвестиции в 2003–2014 гг.

ухудшения ситуации в экономике стало запаздывающее реагирование на изменения макроэкономической ситуации, прежде всего, в финансовой сфере, и сохранение основных параметров денежно-кредитной и бюджетной политики в условиях изменяющейся внешне- и внутриэкономической конъюнктуры.

Успехи, достигнутые экономикой в 2000–2008 гг., перевели её в новое качество. Повысились требования к качественным характеристикам экономического роста, появилась необходимость расширения инструментов и каналов распределения финансовых ресурсов в целях формирования нормально функционирующих механизмов расширенного воспроизводства. Однако в качестве приоритетов развития в краткосрочной перспективе была выбрана бюджетная консолидация и снижение базовых характеристик инфляции. В такой политике была определённая логика. Во-первых, устойчивость бюджетной системы действительно является необходимым условием для развития экономики, так как бюджетные расходы продолжают играть важную функцию как в социальной сфере, так и в поддержке ряда секторов экономики. Во-вторых, замедление роста цен в целом ведёт к снижению уровня процентных ставок и расширению объёмов кредитования. Кроме того, существовали достаточно обоснованные предположения о том, что в экономике и промышленности просто не существует необходимого объёма качественных инвестиционных проектов, которые могут быть востребованы при резком смягчении денежно-кредитной политики.

Ситуация осложнилась в 2013 г., когда российская экономика на фоне достаточно жёсткой денежно-кредитной и бюджетной политики вошла в фазу «инвестиционной паузы», характеризовавшуюся завершением ряда крупнейших инвестиционных проектов и снижением инвестиционной активности крупнейших компаний с государственным участием (рис. 2).

Таким образом, к 2014 г. российская экономика в значительной степени потеряла динамизм развития и столкнулась с ограничениями, которые определялись выбранной моделью финансирования воспроизводственных процессов. Снижение темпов роста оказывало дополнительное давление на доходы бюджета, а сохранение бюджетного правила и ориентация на сбалансированность бюджета требовали постоянного пересмотра структуры и объёмов госрасходов.

Источник: Росстат, отчётность компаний, расчёты ИНП РАН

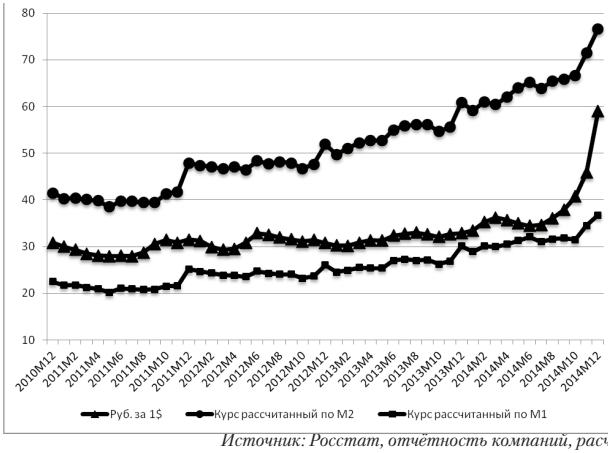
Рис. 2. Динамика инвестиций публичных компаний с государственным участием и пр. (в ценах 2012 г.)

В денежно-кредитной политике можно отметить следующие ключевые тенденции. Во-первых, был декларирован переход денежно-кредитной политики Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ) на принципы инфляционного таргетирования. Во-вторых, продолжался процесс расширения используемого инструментария денежно-кредитной политики. В-третьих, проводилась санация банковской системы. В целом, политика Центрального банка Российской Федерации была направлена на повышение устойчивости финансовой системы, в то же время, основные риски этой устойчивости концентрировались отнюдь не в финансовой сфере, а были связаны с общим ухудшением внутриэкономической конъюнктуры. Ликвидность, которую получила банковская система, была, в основном, абсорбирована крупным бизнесом и экспортёрами, что создавало очевидные курсовые риски в случае дальнейшего ухудшения ситуации на внешних рынках.

Обострение внешнеполитических процессов и санкционные ограничения, наложенные на нашу страну в 2014 г., стали лишь одним из элементов общего ухудшения экономической конъюнктуры. Однако, когда ко всем негативным факторам добавился ещё и обвал цен на нефтяном рынке, экономика испытала валютно-финансовый шок, который существенно изменил структурные и динамические характеристики функционирования российской экономики.

Не вдаваясь в технические детали произошедшего в декабре 2014 г., отметим, что с нашей точки зрения на валютном рынке был реализован риск несогласованности денежно-кредитной и макроэкономической политики.

В частности, опережающий рост денежной массы в национальном определении (М2) создал условия для избыточного давления на рубль в условиях ухудшения оценки перспектив развития экономики со стороны экономических агентов (рис. 3). Сформировался потенциал (денежный навес) избыточного ослабления курса рубля. Одним из ограничений развития экономики многие эксперты считали избыточное укрепление курса рубля, происходившее в период 2010–2013 гг. Реакцией на это стала девальвация рубля – известное и достаточно сильнодействующее средство, к которому часто прибегают, когда ситуация в экономике становится сложной. Безусловно, данный инструмент является эффективным средством повышения конкурентоспособности экономики.



Источник: Росстат, отчётность компаний, расчёты ИНП РАН

Рис. 3. Динамика номинального курса рубля и рассчитанного через отношение ЗВР и денежных агрегатов М1 и М2

Но следует также понимать, что так часто его используют потому, что других средств в арсенале правительства просто не существует. В фундаментальном плане девальвация обеспечила многократную ценовую защиту внутреннего рынка и создала благоприятные условия для экспортёров. Но её положительное воздействие на экономику и промышленность перекрывается сопровождавшим её ростом кредитных ставок, затрат на импортные комплектующие и оборудование, цен на промежуточную продукцию (металлы, продукты химии).

Произошедшее в экономике в 2012–2014 гг. можно охарактеризовать как устойчивое замедление темпов экономического роста на фоне ограничений финансового характера усугубившееся мощнейшим валютно-финансовым шоком 2014 г. По итогам этого шока банковская система перестала выполнять свойственные ей функции кроме одной – расчётной. Дальнейшие действия Центрального банка Российской Федерации позволили купировать наиболее острые последствия шока – стабилизировать ситуацию на валютном рынке и в банковском секторе, но нормальная система финансирования оборотного капитала и инвестиций так и не заработала. Государству при помощи антикризисных мер поддержки удалось несколько снизить масштаб финансовых проблем в оборонном секторе и сельском хозяйстве, но проблема доступности финансовых ресурсов для основной массы производителей, особенно ориентированных на внутренний спрос, не была решена.

Таким образом, фундаментальный тренд на снижение темпов экономического роста не переломлен, а наиболее важные ограничения развития экономики продолжают действовать. Соответственно, необходим набор мер экономической политики, способный изменить ситуацию в краткосрочной перспективе и создать возможности для устойчивого и динамичного роста экономики в средне- и долгосрочной перспективе. Масштаб ограничений развития, испытываемых российской экономикой, требует выработки действенной стратегии, ориентированной на достижение долгосрочных целей развития.

Оценка потенциала экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе

Понимание и оценка возможностей экономики – необходимый этап при выработке адекватной экономической политики. В то же время, оценка реального потенциала роста российской экономики, особенно в средне- и долгосрочной перспективе, это нечто большее, чем формальные расчёты разрывов выпуска, которые можно использовать исключительно для краткосрочного экономического анализа. Представляется, что потенциал роста российской экономики в ближайшие годы будет формироваться под влиянием ограничений производственного, социального и финансового характера. Но они не являются непреодолимыми. Значительная их часть устраняется активной экономической политикой, которой уже сейчас практически нет разумной альтернативы.

Потенциал экономического роста отражает перспективные возможности увеличения производства с учётом воздействия имеющихся ограничений развития и не является постоянной величиной. Низкие темпы экономического роста в 2012–2013 гг. привели к тому, что значительная часть имевшегося в стране потенциала роста не была использована. Фактически это – упущенная всеми хозяйствующими субъектами выгода, которая за пятилетку 2010–2015 гг. может минимально составить 15 % от совокупного объёма ВВП.

Наши прогнозные оценки показывают, что наибольший потенциал роста сохраняется в период до 2020–2025 гг., когда имеется возможность использовать потенциал модернизации производственных мощностей. Кроме того, значительные возможности роста в среднесрочной перспективе будут связаны с ускоренным насыщением инвестиционного и потребительского спроса.

Недостаточное использование потенциальных возможностей экономики в период до 2020 г. с высокой степенью вероятности приведёт к скатыванию в инерционный сценарий развития в 2020–2030 гг. В этом случае темпы роста ВВП будут стабильно отставать от роста мировой экономики, и, соответственно, порождать риск консервации технологического отставания и сохранения существенных разрывов в уровне жизни по сравнению с развитыми странами. Наряду с прочими негативными эффектами такая экономическая динамика будет обладать недостаточной устойчивостью, которая может выражаться в нарастании бюджетных ограничений, социальной нестабильности, трудностями при формировании платёжного баланса, инфляционным давлением.

Достаточно наглядно неприемлемость сценария инерционного развития демонстрирует динамика ВВП и инвестиций в основной капитал за период 1990–2020 гг. В случае, если в 2016–2020 гг. российская экономика будет расти средним темпом 1,5 %, а инвестиции в основной капитал темпом 4 % (рис. 4), то создастся ситуация, при которой практически целое десятилетие 2011–2020 гг. будет по сути потеряно для роста экономики со всеми вытекающими из этого проблемами экономического, социального и политического характера.

Сгладить воздействие на экономику наиболее острых ограничений развития возможно только в условиях высоких темпов экономического роста, формирующих необходимый уровень доходов у всех экономических субъектов, позволяющих устранять ключевые структурные диспропорции. При этом важнейший элемент экономической динамики ближайших лет –

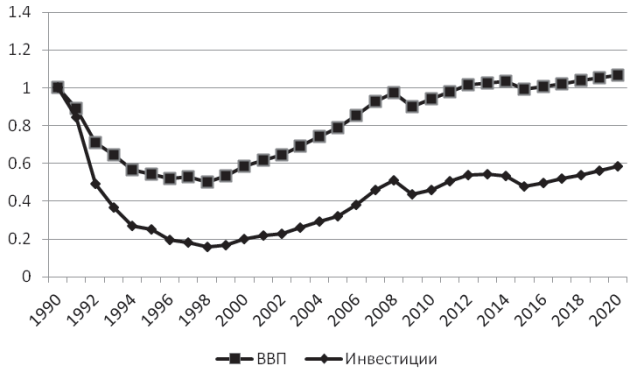


Рис. 4. Динамика ВВП и инвестиций в основной капитал. 1990 =1

инвестиции. Именно динамика инвестиций способна привести к реализации имеющегося у России потенциала экономического роста. По нашим оценкам, для достижения приемлемых темпов роста в ближайшие годы норма накопления ВВП должна существенно вырасти – до 25 % к 2020 г. и до 30 % к 2020 г.

Пятилетка 2015–2020 гг. будет определяющей для долгосрочных перспектив развития российской экономики. Если в этот период будут изысканы ресурсы для поддержания высокого уровня инвестиционной активности, несмотря на рост удельной капиталоёмкости, то появится шанс иметь за пределами 2020 г. устойчивую траекторию развития с темпами, превышающими 3–4 % в год. В ином случае диапазон среднегодовых темпов роста снизится до 2 % и менее. Опасность такого развития событий состоит в том, что не только будет консервироваться отставание России от развитых стран (при средних темпах роста ВВП в 2 % в 2016–2030 гг. Россия будет иметь к 2030 г. ВВП на душу населения примерно 35 % от уровня США), но будет ухудшаться положение России среди развивающихся стран, что негативно скажется на возможностях нашей страны в глобальной экономике и на общем уровне и качестве жизни населения.

Разница в один-два процентных пункта среднегодовых темпов роста ВВП является принципиальной по ряду причин. Прежде всего, именно она обеспечит динамичный рост уровня жизни и сокращение разрыва с развитыми странами. Кроме того, следует иметь в виду, что эффективность мероприятий по оптимизации расходов и формированию конкурентоспособных институтов возрастает в условиях растущей экономики. Структурная перестройка, не поддержанная инвестиционным спросом, практически не имеет смысла. Наконец, следует особо подчеркнуть значимость фактора экономической безопасности: как показывают наши оценки, в среднесрочной перспективе прирост ВВП ниже 2 % в течение двух-трёх лет подряд будет иметь своим следствием снижение уровня жизни и экономическую деградацию. Проблема состоит в том, что износ основных фондов в отраслях инфраструктуры и жилищно-коммунальном хозяйстве столь велик, что только на поддержание их в относительно работоспособном состоянии и приемлемом уровне безопасности с точки зрения риска техногенных аварий требуется расходовать не менее 2 % ВВП в год.

Высокую зависимость российской экономики от уровня инвестиционной активности подтверждает и ретроспективная статистика. В годы, когда российская экономика трансформировала доходы в рост инвестиций, про-

исходило её динамичное развитие и наоборот (рис. 4). При прочих равных условиях можно говорить о том, что для достижения темпов экономического роста, превышающих 4 %, требуются темпы роста инвестиций в основной капитал, превышающие 10 %, а с учётом сложившихся ограничений на рост потребления населения темпы роста инвестиций в основной капитал, особенно в среднесрочной перспективе, должны быть выше.

Для формирования потенциала устойчивого роста экономики нужны масштабные инвестиции в целях реиндустриализации, которые должны обеспечить реализацию уже объявленных программ модернизационного характера. Они охватывают: оборонно-промышленный комплекс, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, судо- и авиастроения, а также энергетического и транспортного машиностроения, которые вытащат за собой и традиционное машиностроение (станки, электротехнические изделия, подшипники и т. п.). По нашим оценкам, осуществление только уже объявленных программ развития (в виде государственных программ, федеральных целевых программ, а также проектов, финансируемых из ФНБ и т. д.) в различных секторах экономики позволит иметь в пятилетке 2017–2021 гг. среднегодовые темпы ВВП в 3,0 %.

В целях интенсификации экономической динамики необходимо задействовать производственные мощности, введённые в период 2008–2014 гг. и, преимущественно, ориентированные на внутренний спрос. Это позволит обеспечить устойчивость экономического роста и повысить общий уровень эффективности производства, а также увеличить долю отечественной продукции на некоторых товарных рынках. Наиболее важные проекты были реализованы в металлургии, производстве строительных материалов, химическом производстве, машиностроении (рис. 5). Ограничения финансового характера, сложившиеся в экономике после валютно-финансового шока декабря 2014 г., негативно воздействуют на инвестиции и на оборотный капитал. Поэтому существуют риски того, что ряд конкурентоспособных производств просто не сумеют воспользоваться сложившейся на внутреннем рынке благоприятной ценовой конъюнктурой и мгновенное импортозамещение, связанное с загрузкой конкурентоспособных производств, будет иметь относительно скромный масштаб.

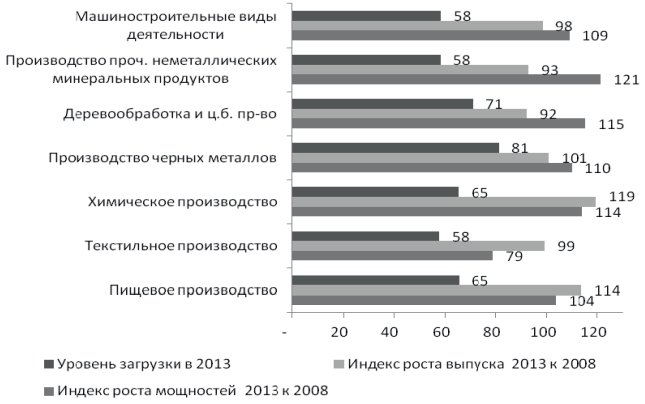


Рис. 5. Соотношение изменения выпуска, загрузки и увеличения мощностей в 2008–2013 гг.

Вопрос темпов роста также напрямую связан с производительностью труда. Значительные разрывы в уровне производительности труда между Россией и развитыми странами являются не только следствием отставания в уровне используемых технологий. Больше половины разрыва объясняется избыточной занятостью и низкой серийностью производства. Поэтому процесс создания высокопроизводительных рабочих мест должен опережать сокращение избыточной занятости, так как рост уровня безработицы (вследствие указанного сокращения) может серьёзно нарушить социально-политическую стабильность в обществе. При этом требуется не просто создавать новые рабочие места – необходимо, чтобы уровень доходов замещающих их работников позволял поддерживать общий тренд на рост качества жизни населения. В противном случае имеющейся потенциал потребительского спроса может быть лишь в ограниченных масштабах задействован в целях экономического роста.

Следует отметить, что увеличение заработной платы (особенно в обрабатывающих производствах) является необходимым условием повышения производительности труда. В связи с этим оценка потенциала роста производительности труда и оплаты труда очень важно для понимания возможностей роста эффективности производства.

Одним из расхожих аргументов в пользу ограниченности потенциала роста оплаты труда является тезис о том, что издержки на труд постоянно растут, и в экономике не существует резервов опережающего уровня оплаты труда. Другим аргументом во многих публикациях выступает сложившееся соотношение между динамикой производительности труда и реальной заработной платы.

Таблица 1

Динамика показателей оплаты и производительности труда для некоторых видов обрабатывающих производств[18]

	Рост в 2006–2014 гг., 2006 = 100		**Оплата труда наёмных работников, % ВДС**		
	реальной зарплаты	**производительности труда**	**2006**	**2010**	**2013**
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	146,1	149,6	30,2	36,8	34,4
Химическое производство	160,2	180,0	40,9	34,9	34,4
Металлургическое пр-во и пр-во готовых металлических изделий	130,6	133,9	26,3	33,3	45,2
Производство машин и оборудования	149,2	159,5	71,5	74,0	76,0
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	165,0	113,0	65,5	62,7	65,6
Производство транспортных средств и оборудования	151,5	140,6	80,7	74,0	64,5

Наша позиция заключается в том, что эти аргументы мало связаны с реальностью. Во-первых, для расчёта динамики производительности и реального уровня оплаты труда применяются разные дефляторы, что делает физи-

[18] Источник: Росстат.

ческую динамику этих показателей практически несопоставимой. Во-вторых, когда речь идёт о производительности труда, адекватно оценивать динамику данного показателя на уровне отдельных видов деятельности весьма затруднительно, так как в российской экономике индикаторы выпуска и добавленной стоимости могут существенно искажаться за счёт высокой доли вертикально-интегрированных компаний, использования схем давальческого сырья и т. д. Использование статистики отработанного времени улучшает качество оценок, но не радикально.

В-третьих, и это, наверное, главное, если абстрагироваться от показателей роста реальной зарплаты и производительности труда, можно отметить следующую важную деталь. В 2006–2014 гг. реальная средняя заработная плата в России увеличилась в 1,6 раза, тогда как производительность труда – только в 1,2 раза. Но анализ структурных показателей показывает, что это существенно не сказалось на конкурентоспособности предприятий. Доля оплаты труда наёмных работников в ВВП в течение указанного периода хотя и увеличилась, но незначительно, и сейчас находится на уровне 2009 г. Кроме того, доля оплаты труда и страховых взносов в затратах крупных и средних организаций в 2005–2013 гг. даже несколько сократилась (расчёт для экономики в целом). В большей части видов экономической деятельности в 2006–2014 гг. также не произошло существенного роста доли расходов на оплату труда в валовой добавленной стоимости и затратах.

Это означает, что возможности для роста оплаты труда в реальном секторе существуют. Более того, без опережающего роста уровня оплаты труда в ряде ключевых секторов экономики не удастся преодолеть значительные разрывы в уровне доходов населения, обеспечить привлечение в эти отрасли специалистов. Однако рост доходов населения и реализация потенциала потребительского спроса требуют ускорения темпов экономического роста, которое в сложившихся условиях требует повышения уровня инвестиционной активности.

В связи с этим вновь стал популярен тезис о том, что некоторое сокращение спроса и уровня жизни населения может стать фактором, высвобождающим ресурсы для инвестиций. По сути предлагается хорошо известный приём, предполагающий размен потребления на накопление. Такой подход представляется ошибочным. Имеющихся в стране ресурсов достаточно для того, чтобы нарастить норму накопления основного капитала и обеспечить экономике выход на более высокие темпы роста, не жертвуя уровнем жизни населения. В связи с этим, в качестве одной из целей развития экономики в среднесрочной перспективе может быть продекларировано создание условий для роста нормы накопления ВВП при сохранении ключевых параметров уровня жизни населения.

Замедление темпов роста потребительского спроса и их переход в отрицательную зону в 2015 г. связаны с рядом факторов. Во-первых, это постепенное торможение программ опережающего роста заработной платы в бюджетном секторе. Во-вторых, ограничения на рост заработной платы в коммерческом секторе, связанные с низкими финансовыми результатами в значительной части видов экономической деятельности. В-третьих, высокие показатели закредитованности платёжеспособных групп населения на фоне высоких ставок по потребительским и ипотечным кредитам. В среднесрочной перспективе спрос населения продолжит оставаться важнейшим фактором экономического роста.

Потенциал роста потребления населения связан с изменениями в его структуре. Доля расходов на товары и услуги после 1990 года держится на стабильном уровне около 70 %, поднимаясь до 75–80 % в посткризисные годы (1998–2000, 2008, 2011). Доля расходов на обязательные платежи и взносы держалась около 7–8 % в 90-е годы, а в последнее десятилетие колеблется на уровне 10 %. Следует ожидать её постепенного роста в связи с вероятным повышением налогообложения высокодоходных групп населения.

Также вероятен рост расходов домохозяйств на услуги образования и медицины в связи с сокращением доли государственного финансирования этих отраслей и ростом коммерческой составляющей. Сейчас доля расходов на здравоохранение среди прочих потребительских расходов колеблется от 2,4 до 4,4 % в зависимости от доходной группы, а на образование – от 0,6 до 2,1 %.

Что касается резервов повышения невынужденных расходов домохозяйств, то очевидные сферы этого потенциала – товары длительного пользования и жильё. Вероятен сценарий, при котором существенно возрастают расходы населения на жильё и товары длительного пользования, государственные расходы (т. е. государственный спрос), и соответственно, инвестиции бизнеса. Это сценарий изменения модели расселения жителей. В настоящее время население сконцентрировано в мегаполисах, и вектор внутренней миграции также направлен в большие города. Благодаря этому обеспеченность населения автомобильным транспортом не растёт с тем же темпом, с каким росла бы при другом типе расселения (малоэтажная застройка требует существенно большего использования личного транспорта для доступа к услугам).

При соответствующем росте доходов населения обеспеченность домохозяйств автомобилями может дорасти до уровня, существенно выше текущего. Мы не прогнозируем роста до уровня США или Японии – уровень жизни в этих странах вряд ли достижим на прогнозном периоде, к тому же принцип расселения существенно отличается от российского. Всё же правомерно полагать, что обеспеченность автомобилями может потенциально дорасти до европейского уровня – примерно по машине на семью, или 0,5–0,6 на человека. Обеспеченность домохозяйств должна при этом вырасти до 70–80 % (т. е. остаются 20–30 % домохозяйств, не имеющих ни одного автомобиля). Естественно, это возможно при соответствующем росте доходов либо доступности и дешевизне кредита.

Такой рост автомобилизации может быть связан с развитием высокоскоростных видов транспорта. Повышение плотности экономической ткани достигается во Франции, в Японии, в Китае одинаково – развитием сети высокоскоростных поездов и автодорог. Запуск высокоскоростных поездов между городами (где время в пути не более 2-х часов) не только включает оба этих города в единый рынок труда, жилья и услуг (т. е. можно жить в одном городе, а на работу ездить в другой без влияния дорожного трафика), но и может снять острые российские социальные проблемы, связанные с «моногородами».

Развитие высокоскоростного транспорта также включает в район проживания работников мегаполисов окружающие области в радиусе примерно до 300 км (если скорость состава принять за 200 км/ч, а требуемое время поездки до центра города/вокзала – за 2 часа, с учётом «последних миль»). Это создаёт высокий спрос на частное жильё, землю, инфраструктуру,

коммуникации, на услуги населению, на товары длительного пользования, а также формирует другие агломерационные эффекты.

Механизмы финансирования экономического роста

Российская ситуация является уникальной. В отличие от большинства соседних государств наша страна обладает огромным внутренним рынком, который способен потребить значительную часть производимой в стране продукции. Стимулирование внутреннего спроса на эту продукцию может быть важным элементом улучшения инвестиционного климата в стране, так как даст бизнесу сигнал, что вложение средств во внутреннюю экономику «премируется». В связи с этим последовательная реализация важнейших инфраструктурных проектов является естественным направлением такого премирования.

Ещё одной чертой уникальности ситуации в России является то, что она располагает ресурсами для того, чтобы в среднесрочной перспективе обеспечить среднегодовые темпы прироста ВВП 5–5,5 %. Эти ресурсные возможности обусловлены тем, что объём сбережений все последние годы значительно превышал объём накопления основного капитала, что позволяет наращивать объём инвестиций, просто повышая степень использования уже имеющихся сбережений всех экономических агентов, не сокращая доходы населения.

Федеральный и региональный бюджеты остаются важными, но узкоспециализированными источниками финансирования инвестиций. Поэтому требуется расширение механизмов финансирования экономического роста. В сегодняшних российских условиях наибольшие оперативные резервы для мобилизации источников финансирования экономического роста имеются в банковском секторе. Если планируемые инвестиции эффективны и обеспечивают нормальную окупаемость, есть все основания на рыночной основе профинансировать их за счёт заёмных средств, источники которых могут быть самыми разными – сбережения населения, временно свободные ресурсы банков и корпораций, иностранный капитал, сокращение утечки капитала.

В развитых странах, где десятилетиями накапливалось богатство и постоянно рос долг, роль финансовых институтов, инструментов и технологий как локомотивов роста оказалась близка к исчерпанию. Более того, возникновение устойчивой положительной экономической динамики в развитых странах без новых или видоизменённых факторов эффективного спроса представляется невозможным. Россия же (как и ряд развивающихся стран) в этом смысле находится в принципиально иной ситуации – *низкая по любым критериям государственная задолженность и необременённые долгами домашние хозяйства, преимущества страны-экспортёра сырья – и обладает масштабным потенциалом долгового, прежде всего, внутреннего, финансирования экономического роста.*

В дополнение к этому потенциалу имеются значимые ресурсы прямого инвестирования в российскую экономику. Масштабный ресурс связан с капиталом, размещённым за границей. Структурно он состоит из государственных средств, средств бизнеса и домашних хозяйств. Инвестиции во внешний мир – современная и эффективная форма международного сотрудничества. Однако она является таковой лишь на паритетных началах, когда накопленный чистый ввоз или вывоз незначителен в сравнении с масштабами эконо-

мики. Абсолютное значение ввоза и вывоза при этом может быть сопоставимо с размерами экономики. Применительно к России значимый чистый вывоз был осуществлён как частным сектором (бизнес и домашние хозяйства), так и государством.

Государство через Резервный фонд и Фонд национального благосостояния вывело около 150 млрд долл., Банк России вывел, по меньшей мере, 310 млрд долл.; под их обеспечение осуществлена рублёвая эмиссия. Такое обеспечение избыточно даже с позиций режима внешнего валютного управления – currency board. В количественном выражении этот избыток равняется эмиссии, обеспеченной драгоценными металлами, плюс эмиссии, обеспеченной валютой, плюс эмиссии, обеспеченной долговыми обязательствами государства, плюс сальдо требований и обязательств с МВФ, за вычетом фактической эмиссии.

Общий объём схемного вывоза капитала за весь период с начала радикальных реформ составил 200–250 млрд долл., вывезенный доход от реинвестированного в титульную компанию капитала превысил 300 млрд долл., валютные средства, находящиеся на счетах оффшорных компаний, связанных с Россией, составляют величину порядка 150 млрд долл. Вернуть в российский экономический оборот все эти капиталы нереально, однако значительная их часть может быть репатриирована в форме прямых иностранных инвестиций, если высокие темпы экономического роста создадут пространство для высокодоходного и умеренно рискового инвестирования. Наконец, должный контроль за сделками с заинтересованностью (сделки титульной компании со связанным оффшором практически всегда являются таковыми) приведёт, по меньшей мере, к снижению накладных платежей уплачиваемых титульной компанией.

Для того чтобы увеличить ссудный фонд страны без увеличения внешнего долгового бремени и темпов инфляции, необходимо развивать внутренний рынок ценных бумаг. Речь идёт о расширении институтов развития федерального и регионального уровня, об увеличении разнообразия инструментов финансового рынка. Достижение должного объёма рынка создаст условия для прекращения оттока капитала и привлекательности для внешнего инвестора, существенно повысит инвестиционную активность.

На макроэкономическом уровне можно выделить три основных проблемы, сдерживающих процессы смягчения условий кредитования:

– Недостаточная ликвидность финансового сектора. Здесь далеко не всегда речь идёт о валовом хроническом дефиците ликвидности, чаще мы имеем дело с её структурными проблемами или временными провалами.

– Низкая оценка перспектив нефинансового сектора и, соответственно, качества потенциальных кредитных вложений.

– Несовершенство рынка финансовых услуг, его институциональная необустроенность и инструментальная узость.

Решение третьей проблемы – своего рода средство повышения эффективности функционирования финансового сектора на основе его структурного развития (профилирование, специализация, кооперирование, развитие новых сегментов рынка, их обустройство институтами и инструментами и т. п.). Во многом её решение определяет и эффективность решения первых двух проблем, прямо связанных с выполнением макроэкономических функций финансовой системы в части обслуживания нефинансового сектора.

При этом указанные проблемы функционального характера прямо корреспондируют с двумя типами избыточных финансовых рисков в системе риск ликвидности – кредитный риск (риск невозврата средств).

Решение проблемы ликвидности мы видим, в первую очередь, в развитии рефинансирования, а проблемы снижения неопределенности результатов кредитуемых проектов – в эффективном функционировании системы банков развития. Важнейшим фактором развития финансирования и, соответственно, интенсификации экономического роста может стать организация действенного механизма рефинансирования коммерческого банковского кредита для реального сектора.

Существенная неопределённость эффекта кредитуемых проектов и, соответственно, возвратности средств, перспективной динамики цен на «деньги» и собственной ликвидности зачастую заставляют банки либо просто отказываться от соответствующих проектов, либо непомерно повышать цену на кредит, включая в неё покрытие всех рисков, что в итоге делает его неэффективным для заёмщика. К примеру, система выдачи льготных кредитов малому бизнесу под 7–10 % годовых не позволяет конечному заёмщику (т. е. собственно малому бизнесу) брать эти кредиты по ставке, ниже 19–25 %. Почему так происходит? Под 7 % этот кредит может получить банк, работающий с конечным заёмщиком. У малого бизнеса обычно нет надёжного залога, что заставляет банки резервировать 100 % от выданного кредита в Банке России. Резервирование – это нулевая доходность, следовательно, ставка удваивается. Это уже 14 % годовых по кредиту. Так как обычно с малым бизнесом работает небольшой региональный банк, его маржа составляет не 1,5–2 %, а 5–6 %, за счёт низкого оборота. Формируется **минимально возможная** ставка в 19 %. Рефинансирование подобных кредитов Банка России не снимает риски с банка, но позволяет хотя бы не утраивать ставку, а конкурировать в пределах маржи. Учитывая, что высокий общий уровень финансовых рисков в России в значительной степени связан с наличием существенных рисков системного и систематического характера, возникает задача государства по контролю финансовых рисков в системе и их снижению.

В части кредитного риска эта задача решается созданием системы государственных гарантий и механизмов их эффективного распределения, в части процентного и валютного рисков – через развитие рынка производных инструментов и участие государства на этом сегменте рынка, а в части риска ликвидности речь, в первую очередь, идёт о развитии системы рефинансирования.

Отметим важное отличие рефинансирования от государственного инвестирования. Если в случае инвестиций выделение государственных средств является необходимым условием реализации проекта (своего рода – предоплата), то при рефинансировании мы имеем дело с частными проектами, государство берёт обязательство поддерживать ликвидность кредитора по эффективным (приоритетным) проектам; при этом необходимые средства выделяются исключительно на возвратной основе, и такой кредит вполне обеспечен. Таким образом, развитие рефинансирования способствует более экономному и эффективному использованию государственных средств для экономического роста.

Арсенал инструментов рефинансирования Банка России постоянно пополняется, но на протяжении многих лет сохраняет существенный не-

достаток – нерепрезентативность объектов рефинансирования, которыми в основном являются валютные активы, гособязательства и обязательства крупнейших корпораций. В результате того, что Банком России пополняет ликвидностью экономику в основном через крупнейшие (и во многом уникальные) корпорации, то и в банковском кредитовании наблюдается аналогичный «крен». Последнее не идёт на пользу массовому банковскому кредиту. Для развития кредита в реальный сектор объектами рефинансирования должны стать обязательства по этим кредитам, либо инструменты, производные от этих обязательств («точка впрыскивания» должна быть максимально приближена к частному коммерческому кредиту).

Другая проблема состоит в том, что в данном случае достаточно сложно предложить механизм идентификации таких объектов, пригодных для рефинансирования Банком России. Как уже отмечалось, рефинансированию подлежат не все кредиты реальному сектору, а те из них, которые удовлетворяют определённым критериям эффективности (либо соответствуют государственным приоритетам). Эффективное рефинансирование связано с рефинансированием уже готовых пакетов таких кредитов, прошедших определённую стандартизованную финансовую экспертизу. Поэтому система рефинансирования массового кредита в реальную экономику должна быть многоступенчатой: и «промежуточные» институты и инструменты, и специализированные посредники, которые приводили бы запросы коммерческих банков к виду, приемлемому для Центробанка и (в обратном направлении) доводили бы рефинансирование Банка России до коммерческих банков, эффективно кредитующих реальный сектор. Таким посредником вполне может стать система банков развития.

Политика развития кредитования

Решение проблем ликвидности банковской системы (и стабилизация её уровня) требует увеличения уровня обеспеченности обязательств банков центральными (резервными) деньгами. Банк России имеет для этого достаточные возможности: центральные деньги в настоящее время обеспечены международными резервами. Соответственно, есть и возможность, и необходимость дополнительного наращивания денежной базы. Немалое значение имеет то обстоятельство, в какой форме монетарные власти осуществят указанную эмиссию. На наш взгляд, доминирующей формой эмиссии резервных денег в 2016–2020 гг. должно стать рефинансирование коммерческого банковского кредита (т. е. «постфинансирование» выданных кредитов, а не их предоплата).

В то же время в начальный период может возникать определённое противоречие между повышением общего уровня ликвидности банковской системы и локальными проблемами фондирования. В этой связи целесообразны и альтернативные формы пополнения денежной базы. Во-первых, это – кредитные аукционы (проводимые в отраслевом разрезе, поскольку уровень рентабельности сильно разнится по отраслям), в которых бы участвовали коммерческие банки с конкретными бизнес-проектами предприятий-клиентов. Во-вторых, направление части средств, мы считаем целесообразным направить часть средств Резервного фонда и ФНБ в капитал банков развития. В конце концов, трудно представить более надёжный резерв на будущее, чем конкурентоспособность национальной экономики. Это направление рас-

ходования накопленных резервов представляется нам более эффективным по сравнению с покрытием дефицита бюджета, так как для этих целей целесообразно использовать механизмы внутренних заимствований.

Кроме того, мы рассчитываем, что удастся разрешить проблемы оперативного перераспределения ликвидности между банками (развитие межбанковского рынка), а также снизить высокую волатильность её изменения (во многом связанную с неравномерностью бюджетного процесса во времени). В результате мы ожидаем заметного смягчения условий кредитования (средняя индикативная процентная ставка, по нашим оценкам, должна составить в среднесрочной перспективе 1–3 % в реальном выражении). С учётом улучшения структуризации спроса на финансирование (государственные приоритеты, народнохозяйственные программы, распределение государственных гарантий и т. п.), это даст возможность повысить роль кредита в финансировании экономического роста: задолженность нефинансового сектора по кредитам в указанных условиях будет возрастать в среднем на 23–25 % в период 2016–2021 гг. Соответственно, ежегодные темпы прироста денежной массы (М2) должны составить 17–20 %.

В ближайшие годы эффективная организация финансирования в России предполагает преимущественно банковские формы финансового перераспределения. Вместе с тем, существуют сферы, где банковское финансирование либо невозможно, либо неэффективно. Это, прежде всего, сферы, связанные с развитием новых, перспективных компаний, у которых отсутствует достаточная кредитная история, но имеются потенциально высокоэффективные проекты с длительными сроками окупаемости.

В России есть перспективные идеи и проекты, реализация которых позволит не только развиваться компаниям, их реализующим, но и «вытянуть» смежные предприятия. Особенность таких компаний в отличие от проектов по добыче полезных ископаемых заключается в отсутствии гарантий востребованности и конкурентоспособности производимых ими продуктов как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Поэтому банковское и долговое финансирование в данном случае излишне обременительно и труднодоступно. Механизмом, с помощью которого можно реально профинансировать такие компании – новые локомотивы российской экономики – может стать рынок акций. **Поворот государства от инвестирования в валютно-финансовые резервы к вложениям в реальные активы на территории России** не только качественно и количественно преобразит основной капитал страны, но и создаст возможности образования эффективных (высокорентабельных) производств, удовлетворяющих инвестиционный спрос, генерируемый государством. Обслуживание дополнительно созданного основного капитала, в свою очередь, вызовет потребность в развитии разного рода кластеров. В свою очередь эти производства и кластеры создадут условия для конкурентоспособного применения ранее вывезенного финансового капитала российским частным сектором внутри страны.

Первый импульс ускорения экономического развития, наряду с запуском ряда индивидуальных масштабных проектов, естественно сформировать за счёт одновременной организации возвратного финансирования массового спроса и предложения. Массовое предложение может быть профинансировано за счёт кредитов малому и среднему бизнесу сверх сложившегося тренда роста кредитов малому и среднему бизнесу до 1,5 трлн рублей в год.

Жилищный сектор способен оказывать благотворное влияние на социально-экономическое развитие на всех временных интервалах (краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном). Более того, образ среды обитания может стать стержнем, вокруг которого будет выстраиваться долгосрочная социально-экономическая политика. В то же время масштабная государственная поддержка конечного покупателя чревата скачком и без того неприемлемо высокой стоимости жилья, а также общего уровня цен. С другой стороны, если обеспечить финансирование оборотных средств инвесторов-застройщиков в размере 1 трлн рублей, возможно не только увеличить вводы жилья на 400–500 тыс. единиц жилых помещений (25–30 млн кв. метров) уже в ближайшие 2–3 года, но и зримо снизить цены на дома и квартиры в большинстве регионов страны.

В целом запуск финансирования механизма развития, по нашим оценкам, уже в ближайшее время позволит существенно повысить трендовые темпы роста ВВП, а затем полноценное функционирование механизма финансирования развития обеспечит выход на достаточно высокие темпы развития.

Высокие темпы роста, вопреки укоренившимся среди части политиков и общественности из числа радикальных «зелёных» представлениям о разрушительном воздействии быстрого развития экономики на природу – необходимое условие эффективной экологической политики. Практика доказывает, что увеличивающийся ущерб окружающей среде и здоровью человека наносит не рост производства как таковой, а устаревшие мощности и технологии, обновление которых является неотъемлемой частью как современного инвестиционного процесса, так и политики ускорения экономического роста. При этом обеспечивается положительное влияние высоких темпов роста на состояние окружающей среды благодаря сокращению удельных выбросов загрязняющих веществ, которое, в свою очередь, связано с тем, что при соответствующей инвестиционной активности повышается качество роста, которое определяется эффективностью использования первичных ресурсов, в том числе энергоносителей.

В связи с последним обстоятельством в кратко- и среднесрочной перспективе для перехода от нынешних низких темпов к устойчиво высоким темпам экономического роста представляется необходимым изменение приоритетов государственной политики в области энергоэффективности. В реальном секторе экономики требуется переход от существующей ориентации на снижение энергоёмкости ВВП, которая выдвигает на передний план задачу экономии энергии, к ориентации на увеличение энергопроизводительности, подразумевающей рост выпуска продукции (на уровне национальной экономики – ускорение темпов экономического роста) на единицу использованной энергии. Учитывая, что увеличение энергопроизводительности является необходимым условием повышения производительности труда, указанное изменение приоритетов в области энергоэффективности означает смещение акцентов государственной политики: с экономии энергоресурсов, которые в условиях России не являются фактором ограничения роста экономики, на трудосбережение (экономию трудовых ресурсов) – несомненно, критически значимый фактор экономического роста. В сфере услуг, прежде всего, ЖКХ, в кратко- и в долгосрочной перспективе приоритетной экономической и экологической задачей остаётся энергосбережение – не как экономия ради экономии, а как рациональное использование энергоресурсов при обеспечении приемлемого уровня комфортности для населения.

Меры повышения эффективности экономической политики в кратко- и среднесрочной перспективе

В сложившихся условиях переход к активной экономической политике не имеет альтернативы. Он произойдёт либо в рамках реализации последовательной стратегии повышения уровня экономической активности в стране, либо как реакция на ухудшение ситуации в экономике. Поэтому представляется целесообразным перечислить с кратким комментарием ряд приоритетных мероприятий, которые позволили бы повысить результативность экономической политики в кратко- и среднесрочной перспективе.

1. Учитывая, что государство прямо и косвенно контролирует до 40 % общего объёма инвестиций, в первую очередь, через госкорпорации и публичные компании с государственным участием, необходима скоординированная политика управления закупками публичных компаний с государственным участием, направленная на формирование спроса на отечественную продукцию.

2. В связи с тем, что важным фактором, поддерживающим рост экономики, является спрос населения, необходим комплекс мер по повышению качества рабочих мест. В частности, для новых современных производств можно предусмотреть: а) частичную компенсацию роста затрат на оплату труда и страховых платежей за счёт снижения налога на прибыль, б) применение дополнительных механизмов ускоренной амортизации.

3. Учитывая значительный объём социальных обязательств государства и требований по обеспечению национальной безопасности, целесообразно вернуться к идее разделения бюджета на две функциональные составляющие: (а) связанную с выполнением социальных обязательств и обеспечением национальной безопасности; (б) связанную с расходами **на развитие и модернизацию экономики**. При этом к первой составляющей бюджета должны применяться требования полной сбалансированности, а вторая часть может частично финансироваться за счёт заимствований на внутреннем рынке.

4. Принимая во внимание существенное влияние ситуации на валютном рынке не только на потребительские, но и на инвестиционные предпочтения, следует обеспечивать устойчивость валютного курса. В целях снижения рисков инвестиционной деятельности, текущей деятельности крупных компаний и сохранения устойчивости поставок импортных товаров инвестиционного назначения целесообразно в среднесрочной перспективе сохранить механизмы частичного регулирования валютного курса.

5. Для ликвидации дефицита ресурсов для финансирования оборотного капитала и инвестиционных затрат необходимо ликвидировать сложившуюся экономическую дискриминацию малого и среднего бизнеса. Прежде всего, в машиностроении, агропромышленном комплексе и инновационной сфере посредством создания системы, обеспечивающей доступность кредита через развитие рефинансирования и расширение механизмов ускоренной амортизации при обеспечении комплекса мер по целевому использованию таких средств.

6. Решению задачи ускорения экономического роста будет способствовать изменение приоритетов государственной политики в области эффективности использования энергетических и других природных ресурсов. Приоритет должен быть отдан мерам повышения энергопроизводительности (и произ-

водительности ресурсов в целом), обеспечивающим, в первую очередь, рост выпуска продукции в расчёте на единицу энергозатрат и снижение экологических рисков.

Неотложные меры экономической политики

К наиболее важным неотложным мерам следует отнести:

1. Стимулирование внутреннего спроса в краткосрочной перспективе. Если в ближайшее время не удастся вывести экономику на положительные темпы роста ВВП, тогда будут существенно сужены возможности успешного проведения структурных преобразований.

2. Модификацию тех механизмов денежно-кредитной и бюджетной политики, которые стали причинами замедления темпов экономического роста в 2010–2015 гг. Расширение механизмов замещающего финансирования по направлениям, наиболее сильно пострадавшим от валютно-финансового шока.

3. Импортозамещение: возможный прямой положительный вклад импортозамещения в прирост ВВП в современных условиях является достаточно ограниченным. Вместе с тем импортозамещение является необходимой мерой, так как, во-первых, позволяет избавиться от зависимости от импорта (зона ответственности Минсельхоза России и Минэкономразвития России), что уменьшает риски внешнеполитического давления. И, во-вторых, импортозамещение необходимо для восстановления производственных цепочек (зона ответственности Минпромторга России), что создаст новые конкурентные преимущества, связанные с повышением общей эффективности производства, и создаст основу для наращивания несырьевого экспорта в долгосрочной перспективе. При этом существует опасность втягивания России *в гонку неэффективного импортозамещения*, которая может привести к значительным потерям.

4. Создание системы комплексной финансовой поддержки привлечения критически важной импортной продукции инвестиционного назначения.

5. Реализацию мер социальной поддержки в наиболее сложных случаях (моногорода, массовое высвобождение персонала).

6. Устранение наиболее существенных межбюджетных дисбалансов, поддержка региональных бюджетов.

Наиболее важной текущей задачей является устранение возникших в экономике финансовых разрывов в части финансирования инвестиций и оборотного капитала. Для устранения таких разрывов необходимо задействовать следующие направления перенастройки финансовой системы:

1. Разработка прозрачного плана использования резервов, который должен включать действия по субсидированию критического импорта; определение приоритетов и технологий помощи в обслуживании внешних долгов для производств, ориентированных на внутренний рынок; формирование механизмов противодействия скачкообразным колебаниям валютного курса под влиянием рыночной паники.

2. Реализация принципа многоканальности финансовой системы. В условиях высоких процентных ставок необходимо финансировать инвестиции через механизмы проектного финансирования и институты развития, освобождая эти инструменты от избыточных бюджетных ограничений. По нашим оценкам, для поддержания инвестиционного процесса через альтернативные

каналы финансирования должно быть направлено не менее 2,5 трлн руб. (в ценах 2015 г.) Возможность финансирования проектов под низкую ставку вследствие отнесения кредита к высоконадёжному должна создаваться через изменение политики ЦБ в части требований к капиталу банков в современных внешних условиях.

3. Создание системы контроля целевого использования выделенных по низкой ставке кредитных ресурсов. С этой целью перспективное использование технологии спецссудных счетов, в рамках которой банк, выделяющий средства на инвестиции, обладает контролем над ссудным счётом предприятия и может заблокировать необоснованные операции с этими средствами. В свою очередь, текущая система надзора Банка России над банками позволяет контролировать оборот кредитных средств в системе воспроизводства.

Целесообразно также осуществить поддержку начатых крупных инвестиционных проектов со сроками завершения в 2015–2018 гг., используя существующие механизмы государственных гарантий и финансовые институты.

Меры структурной политики

Одной из ключевых причин замедления темпов роста ВВП в 2012–2015 гг. стало отсутствие роста доходов от экспорта сырьевых ресурсов. В долгосрочном плане появление новых растущих источников доходов для российской экономики, по своей роли сопоставимых с экспортом углеводородов в 2000-е гг., возможно за счёт внешних рынков. Учитывая неопределённость относительно мировых цен на первичное сырьё и ограничения по наращиванию физического объёма экспорта этих товаров, в основе экспортной экспансии может лежать расширение физического объёма экспорта несырьевых, и в первую очередь высокотехнологичных товаров.

Однако интуитивно привлекательная *экспортоориентированная* модель развития экономики несёт в себе ряд очевидных рисков. Мировые торговые потоки формируются транснациональными корпорациями (ТНК), которые с целью максимизации прибыли и объёмов продаж используют конкурентные преимущества отдельных стран, выстраивают международные производственные цепочки (или цепочки создания стоимости) и контролируют в них преимущественно звенья по сбыту конечной продукции и разработке новых продуктов. Выход на мировой рынок (рост экспорта) в существенных масштабах возможен либо при встраивании в уже функционирующие международные производственные цепочки, либо в конкуренции с ТНК. Средние и малые предприятия, которые не являются частью международных производственных цепочек, никогда не смогут успешно конкурировать с ТНК на мировом рынке (исключением может быть разработка программного обеспечения). Это означает, что единственным способом наращивания экспорта малыми и средними предприятиями является встраивание в международные производственные цепочки в качестве поставщиков промежуточной продукции, рынки которой являются высококонкурентными. Такой способ участия в международном разделении труда будет приводить к тому, что уровень добавленной стоимости, создаваемый российскими экспортёрами, будет минимален по отношению к выпуску. Фактически добавленная стоимость будет «вымываться» из российской экономики в пользу тех стран, которые контролируют рынки сбыта и разработку новых продуктов.

Соответственно, переход к модели развития, связанной с расширением экспортных возможностей экономики, требует прохождения фазы значительного усиления инвестиционной активности. Именно в этом и должна состоять ключевая задача экономической политики в среднесрочной перспективе.

Основной задачей программы действий в краткосрочной перспективе должно быть смягчение последствий конъюнктурного и финансово-экономического кризиса. При всём многообразии мер экономической политики следует признать, что никакой разумной альтернативы стимулированию внутреннего спроса сейчас не существует. Проблема состоит в том, что в условиях ограниченности ресурсов требуется определить те направления вложения средств, которые в действительности способны улучшить общую макроэкономическую ситуацию. Действия по развитию экономики в кратко- и среднесрочной перспективе следует разделить по целевому принципу. В текущей ситуации существует ряд **неотложных мер**, основной целью которых является преодоление экономического спада и создание условий для развития в будущем. Помимо неотложных мер существует набор **структурных мер**, реализация которых позволит выйти на потенциально возможные темпы роста, но требует более длительного периода.

Рост экспорта на 15–20 % в год в долларах может быть обеспечен только поддержанием темпов роста российской экономики на уровне 4–5 % в год, иначе прирост экспорта будет осуществляться за счёт дополнительного вывоза ресурсов, что ещё существеннее ограничит создание добавленной стоимости в экономике. Следует согласиться с тем, что в долгосрочной перспективе (за пределами 2025 г.) внутренний рынок не обладает достаточным объёмом для замещения экспортных доходов и окупаемости высокотехнологичных товаров, обладающих высокой капиталоёмкостью, а политика импортозамещения сама по себе не способна обеспечить приемлемую экономическую динамику.

При этом надо учитывать, что экспортная экспансия становится возможной только в результате коренной модернизации производства и существенного роста его эффективности. Решение этой задачи невозможно без значительного роста нормы накопления. В связи с этим ключевым направлением структурных мер развития экономики в среднесрочной перспективе должно стать проведение политики, направленной на рост доли инвестиций в структуре ВВП.

На первом этапе экспортной экспансии основным конкурентным преимуществом наших товаров на мировом рынке должна стать относительно низкая стоимость первичного сырья (металлы, энергоносители, удобрения, лесоматериалы), для этого нужно изменить ценовые пропорции в пользу конечных стадий производства готовой продукции. Для поддержания конкурентоспособности нашего бизнеса на рынках сырьевых, трудовых и финансовых ресурсов целесообразна реализация системы мер по защите «внутреннего потребителя».

Использование конкурентных преимуществ российской экономики, определяемых запасами полезных ископаемых, предполагает интеграцию эффектов от относительно низких затрат на добычу сырья и топлива в отечественных цепочках создания стоимости. Переход к производству и сбыту конечной продукции предполагает прогресс в технологиях и разработке новых продуктов.

Углубление переработки ресурсов наиболее актуально для химической, металлургической, деревообрабатывающей промышленностей. В качестве цели следует рассматривать 3–4-кратное увеличение стоимости, аккуму-

лируемой в единице экспортируемого ресурса (тонна металла, тонна нефти, кубометр древесины и т. п.), что соответствует параметрам глобального рынка.

В совокупности это должно обеспечить выход на новый уровень индустриализации производства, изменить пропорции между добывающими, обрабатывающими и конечными производствами. К 2020 г. при проведении активной структурной политики станет возможной ликвидация отставания от уровня передовых стран мира по уровню потребления на душу населения базовых материалов (сталь, алюминий, никель, медь, дерево, цемент, пластмассы и т. п.), а к 2025 г. – и подготовка современной высокотехнологичной ресурсной базы для развития отечественного машиностроения и строительства.

В нынешней ситуации следует различать как срочное, вынужденное, так и развивающее импортозамещение. Развивающее импортозамещение предполагает концентрацию ресурсов на развитии научно-технологического потенциала в связке с развитием ключевых предприятий ведущих отраслей. Срочное, вынужденное импортозамещение в интересах национальной и технологической безопасности должно рассматриваться лишь в рамках конкретных инновационных проектов. При смешивании двух этих понятий может возникнуть соблазн создать в заметных масштабах экспортоориентированные машиностроительные производства в *ближайшей перспективе*. В машиностроении это (за исключением уже существующих) не обеспечено технологически.

Инвестиционная активность в отраслях машиностроения – главный фактор роста конкурентоспособности и развивающего импортозамещения. Приоритеты как в научных исследованиях, так и в структурных сдвигах в продукции машиностроения совпадают для машиностроительных комплексов ЕС, США, Китая и Индии (в порядке убывания: электроника и приборы – общее машиностроение – транспортные средства). Основой инновационно-технологического развития должно стать обновление производственного аппарата, начиная с цепочек, обеспеченных спросом «станкостроение, приборостроение и электроника – машиностроение – ОПК» и «станкостроение, приборостроение и электроника – машиностроение – ТЭК». При этом функционирование машиностроения инновационного типа опирается на взаимосвязи со сферой НИОКР и генерирует мультипликативный спрос на инвестиционное оборудование. В этих цепочках ключевую роль играют станкоинструментальная промышленность, электротехническая промышленность и приборостроение.

Это позволит начать формирование структуры рынка, в которой импортная составляющая к концу среднесрочного периода будет обеспечивать не более трети совокупного спроса на продукцию машиностроения. Такая структура рынка отвечает нормам технологической безопасности и обеспечивает воспроизводство технико-технологического потенциала экономики. При этом будет увеличиваться технологическая конкурентоспособность отечественных машиностроительных игроков. В этом варианте оказываются задействованы крупные и средние игроки на рынках машиностроительной продукции и услуг, в том числе внешних. В мире примерно 50 холдингов прямо или опосредованно доминируют на рынках. Здесь нет места малым предприятиям, если, конечно, за ними не стоят крупные игроки. Другое дело, если малое предприятие кооперировано с крупными игроками. В этом случае оно может выступать на глобальном рынке. Более того, в мире есть множество ма-

лых предприятий, которые обеспечивают ТНК комплектующими и услугами промышленного характера.

При любых вариантах функционирования машиностроения при переходе к вектору технологического развития до 2020 г. возрастает нагрузка на импорт. При сохранении нынешних внешних условий импорт, скорее всего, будет альтернативным. В этом случае сосредотачиваться необходимо на формировании гибкого, модульного инновационного машиностроения, сначала в рамках развивающего импортозамещения. Оно обеспечит место России в мировом технологическом балансе и, следовательно, технологическую безопасность России в средне- и долгосрочной перспективе. При этом станкостроение одновременно должно выполнять две функции, обеспечивая поставки техники для гражданских нужд и для нужд национальной безопасности. В этом смысле меры «поддержки инновационного и технологического развития» должны быть дополнены взаимосвязями со стадиями полного инновационного цикла.

В рамках выработки мероприятий структурной политики целесообразно рассмотреть ряд действий в области государственных финансов. Задача выхода на 4–5-процентный устойчивый экономический рост требует введения мер стимулирующего характера. Прежде всего, это касается снижения уровня налогообложения основной части российских предприятий реального сектора малого и среднего размера. В настоящее время рентабельность этих предприятий близка к нулю и рассчитывать на экономически обоснованные инвестиции невозможно. Если же провести существенное снижение налогового бремени для этих предприятий, например, перевести их на упрощённую систему налогообложения с 6-процентным обложением дохода, то их рентабельность станет достаточно высокой, чтобы оказаться привлекательной для инвестиций в их развитие.

При этом снизятся поступления в федеральный бюджет и несколько возрастут поступления в региональные бюджеты. С точки зрения федерального бюджета на выпадающие объёмы доходов можно снизить трансферты в региональные бюджеты. Кроме того, такие действия должны привести к относительному снижению цен на дорожные, строительные работы, что позволит пересмотреть сметы инфраструктурных расходов федерального бюджета.

В среднесрочной перспективе неизбежным является окончательный отказ от политики обязательной бездефицитности федерального бюджета. При устойчивых темпах экономического роста бюджетные дефициты и профициты вполне допустимы. Если расчёты показывают, что будущая экономическая динамика создаст такой поток доходов бюджетов, который обеспечивает обслуживание долга, тогда можно и нужно идти на финансирование расходов на экономику и социальных расходов за счёт дефицита.

По-видимому, потребуется использование альтернативных индикаторов устойчивости бюджетной системы. Применительно к эффективным расходам инфраструктурного характера дефицит является продуктивным источником финансирования, поскольку реализация этих проектов способствует ускорению экономической динамики. Центральным показателем, характеризующим устойчивость бюджетной системы, является не дефицит, а отношение государственного долга к валовому продукту. Если это отношение в прогнозный период не увеличивается, а сокращается, то можно использовать долговое финансирование дефицита без особых рисков для бюджетной системы.

О ПРЕОДОЛЕНИИ РЕЦЕСИИ И СТАГФЛЯЦИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Аганбегян А. Г., *заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, д. э. н., академик РАН.*

Для разработки обоснованных предложений по возобновлению социально-экономического развития страны, необходимо понять и выявить причины того, почему после успешных трёх лет по восстановлению основных показателей докризисного 2008 г. неожиданно произошёл резкий спад экономики и её переход сначала в стадию **стагнации** в 2013–2014 гг., а затем и к глубокой **рецессии** в 2015 г. с одновременным удвоением инфляционного роста и утроением дороговизны денег (повышения ключевой ставки Банка России), которые в совокупности привели к такому негативному процессу, как **стагфляция**.

Стагнация, рецессия и стагфляция 2013–2015 гг. Причины и последствия

Катастрофическое падение темпов роста ВВП России началось с I квартала 2012 г., когда по отношению к соответствующему периоду прошлого года прирост ВВП составил 4,7 %, который снизился в I квартале 2013 г. почти в 8 раз и составил 0,7 % (рис. 1). Возникла **стагнация** экономики.

В 2013 г. ВВП России вырос всего на 1,3 %, рост промышленности прекратился (0,3 %), инвестиции снизились на 0,3 %, более значительно сократилось строительство и железнодорожные перевозки, а также экспорт и финансовый результат деятельности предприятий и организаций. Не достигнув

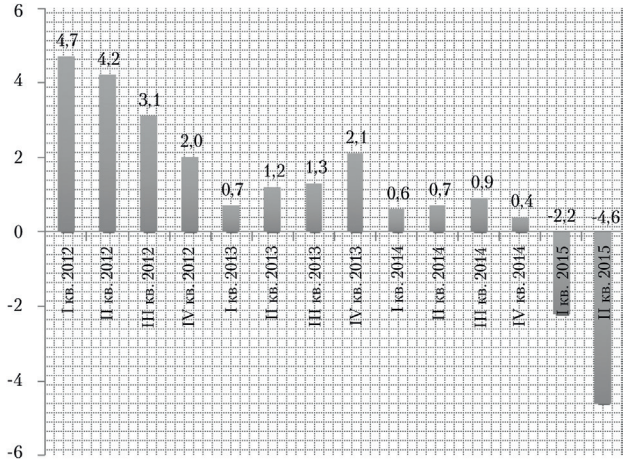


Рис. 1. Прирост ВВП России по кварталам 2012–2015 гг. (ВВП в % к соответствующему периоду прошлого года)

даже 2/3 докризисного уровня, существенно просел фондовый рынок – снизилась рыночная капитализация крупных российских компаний. В 2014 г. социально-экономическая ситуация заметно ухудшилась. Прирост ВВП упал вдвое в сравнении с 2013 г. и составил 0,6 % за год. Инвестиции сократились уже на 2,5 %. Впервые с 1999 г. снизились реальные доходы населения, которые не сокращались даже в кризис 2008–2009 гг. На 3 % сократился экспорт и на 8 % – импорт. Среднегодовая инфляция ускорилась с 5,1 % в 2012 г., до 6,8 % – в 2013 г. и до 7,8 % – в 2014 г., дойдя до 15 % к концу 2014 г. Возник процесс **стагфляции.**

Заметим, что переход к стагнации и стагфляции начался до присоединения Крыма и событий на Украине, при высоких ценах на нефть (108 долларов за баррель в 2013 г. и 98 долларов в 2014 г.), устойчивом валютном курсе рубля (в 2013 г. доллар стоил 31,8 руб.) и при отсутствии санкций, которые реально стали влиять на экономический рост с сентября 2014 г.

Российские предприятия и организации до введения финансовых санкций с августа 2014 г. имели свободный доступ на мировой финансовый рынок и широко этим пользовались. В 2012 г. наш внешнеэкономический долг перед иностранными инвесторами за счёт крупных дополнительных заимствований вырос на 98 млрд долларов – с 539 до 637 млрд долл., а в 2013 г. он увеличился ещё на 92 млрд – до 729 млрд долларов. При этом государственный бюджет в 2013 г. имел небольшой дефицит (1,3 %), а в 2014 г. даже профицит.

На «пустом месте», без серьёзного негативного внешнего влияния темпы экономического развития страны сократились в 3–5 раз, стали снижаться инвестиции, в 1,5 раза ускорилась инфляция, вдвое (с 5,5 до 10,5 %) возросла ключевая ставка Центрального банка Российской Федерации и намного подорожали все кредиты.

Всего этого мы «добились», по моему мнению, за счёт неадекватной внутренней экономической политики, которая с 2012 г. пошла вразрез с Указом Президента России В. В. Путина от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной экономической политике». В этом указе была поставлена краеугольная задача – повысить долю инвестиций в ВВП страны до 25 % к 2015 г. (2012 г. – 21 %). Это предполагало переход к политике форсированных инвестиций с их ростом по 10 % в год.

В 2012 г. инвестиции выросли на 6,8 %, после чего рост инвестиций в составе госбюджета, предприятий и организаций, регулируемых государством (Газпром, Роснефть, Ростехнологии и др.), стали сокращаться и привели к снижению общих инвестиций и в 2013 г. и, особенно, в 2014 г. К снижению экономического роста и стагнации привело и повышение ключевой ставки Банка России, его энергичные меры по сжатию ликвидности в народном хозяйстве, что сделало невыгодным и затруднительным финансирование экономического роста.

Снижение инвестиций, на наш взгляд, явилось главным фактором перехода к стагнации. В 2013 г. резко сократился прирост основных фондов, так как в 2009 г. – году кризиса – инвестиции упали на 16 % и не были созданы заделы для расширения производственных мощностей. На это, к тому же, наложилось прямое снижение инвестиций госкорпораций в 2013 г., что подорвало экономическую активность. Сопутствующую роль при этом сыграл ежегодный с 2008 г. **отток капитала**, начало которому положил кризис. За 2008–2015 гг. этот отток составил почти 650 млрд долл., в то время как до кризиса в 2006–2007 гг. был приток капитала в размере 125 млрд долл. (рис. 2).

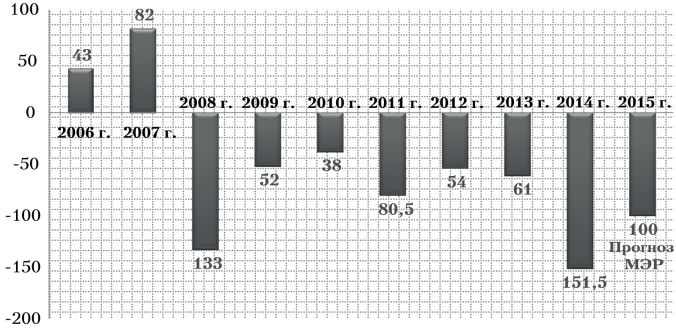


Рис. 2. Приток и отток капитала в России (2006–2015 гг.)

В кризис также существенно **сократились коэффициенты выбытия и обновления основных фондов**, что привело к их прогрессирующей отсталости. Износ основных фондов России приближается к 50 %. Средний срок службы машин и оборудования достиг почти 14 лет – вдвое выше показателей развитых стран, в том числе 22 % машин и оборудования работает свыше срока износа. Всё это дополнительно потянуло экономику вниз – к нулевому уровню.

Зависимость доходов госбюджета и страны от цен на нефть, газ, другого сырья и материалов, составляющие подавляющую часть экспорта, при начавшемся снижении экспортных цен на нефть со второй половины 2014 г., когда они упали сначала до 60–65 долл. за баррель, а затем в середине 2015 г. до 45–50 долл. за баррель, тоже стало тормозом экономического роста.

Эта уродливая структура нашей экономики, её зависимость от экспортной цены на нефть, явилась основной причиной значительной **девальвации рубля по отношению к доллару и евро**. По данным Bloomberg, валютный курс рубля к доллару зависит на 82 % от цены на нефть. Поэтому при первой волне снижения цен на нефть рубль обесценился примерно в 1,5 раза (до 55 руб. за доллар), а при второй волне падения этих цен – в 2 раза (до 65–68 руб.).

Дополнительным фактором столь значительного обвала рублёвого курса явились **ускоряющиеся инфляция**, санкции и неумелое валютное регулирование со стороны Центрального банка Российской Федерации. Чтобы погасить возникшую панику среди населения в связи с резкой девальвацией рубля и утроением размера инфляции и избежать системного банковского кризиса в связи с внезапным **резким ростом ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации** до заоблачной величины в 17 % при сжатии ликвидности, пришлось прибегнуть к интенсивному использованию золотовалютных резервов, включая использование средств Фонда национального благосостояния на государственные инвестиционные проекты и помощь госбанкам и использование Резервного фонда для покрытия дефицита бюджета, особенно в 2015 г. Эти резервы сократились с 537,6 на конец 2012 г. до, примерно, 370 млрд долл. в октябре 2015 г.

На эти процессы негативное влияние оказали **принятые ЕС и США экономические санкции против России** и, прежде всего, секторальные санкции, в том числе по топливно-энергетическим отраслям и по запрещению импорта в Россию товаров и технологий двойного назначения, с одной стороны,

и серьёзные финансовые ограничения по предоставлению кредитных и иных средств иностранных инвесторов предприятиям и организациям России, с другой.

И если в 2012 г. и 2013 г. дополнительное вливание финансовых средств с мирового рынка в экономику России привело к ежегодному росту российского долга почти по 100 млрд долл. в год, то в 2014 г. этот долг сократился на 130 млрд долларов (с 729 до 599 млрд долл.), а за три месяца 2015 г. – ещё почти на 80 млрд – до 522 млрд долл. на 1 октября 2015 г. Это во многом сказалось на резком увеличении оттока капитала из России, который в 2014 г. составил рекордные для России 151,5 млрд долларов в сравнении с 61 млрд долларов в 2013 г. За 9 месяцев 2015 года отток составил ещё 74 млрд долл. Благодаря этому недофинансирование экономического роста в России резко выросло, инвестиции в 2014 г. снизились на 2,5 %, а в первом полугодии 2015 г. – на 6,3 %.

С I квартала 2015 г., прежде всего, в связи с санкциями, снижением цен на нефть и девальвацией рубля в России началась **глубокая рецессия.** Об этом свидетельствует снижение экономических и социальных макроэкономических показателей за два квартала подряд. И если в I квартале снижение ВВП составило 2,2 %, то во II квартале – 4,6 % к соответствующему периоду 2014 г. Падение ускорилось и по большинству других показателей.

Из экономических показателей в наибольшей степени сократились объёмы строительства – на 8,6 %, обрабатывающей промышленности – на 7,4 % и инвестиций – на 6,5 %, экспорт упал на 30 %, импорт – на 40 %, инфляция потребительских цен в первом полугодии достигла 16 %, а рост производственных промышленных цен составил 12 %. Статистические данные за июль, август и сентябрь свидетельствуют о дальнейшем спаде ряда показателей экономики и социальной сферы. Но больше всего – намного больше, чем в кризис 2009 г., – снизились показатели доходов и потребления населения. Реальные доходы во II квартале снизились на 4,6 %, реальная зарплата – на 8,1 %, оборот розничной торговли – на 9,4 %, а конечное потребление домашних хозяйств – на 9 %. В мае 2015 г. общая безработица была на 590 тыс. человек больше, чем год назад. Идёт третий год ухудшающегося социально-экономического положения страны, причём это положение с каждым годом пока выглядит всё хуже и хуже, особенно по показателям уровня жизни из-за небывало высокой инфляции.

Самое плохое для населения, что оно **не видит перспективы**. Прогнозы и обещания высших чиновников расходятся с жизнью: люди слышат одно, а видят – другое. Их всё время убеждают, например, в улучшении здравоохранения, а они воочию видят его ухудшение, особенно в связи с затеянной реорганизацией в 2014 г., и особенно в 2015 г., при сокращении бюджетных расходов на поддержание здоровья населения и резком увеличении платности медицинских услуг. В 2013 г. рождаемость в России впервые за последние 10 лет не выросла. В 2014 г. положение выправилось, но в 2015 г. за прошедшие месяцы рождаемость снизилась. В 2014 г. впервые с 2006 г. немного увеличилась смертность. Но в связи с повышением рождаемости в 2014 г., продолжился возобновлённый с 2013 г. естественный прирост населения. Напомню, что в 1993–2011 гг. была огромная депопуляция населения – смертность превысила рождаемость за эти годы суммарно на 13,5 млн чел.

В 2015 г. в первом полугодии рождаемость снизилась на 5,7 тыс. человек, а смертность возросла на 27 тыс. чел. Возобновилась депопуляция населения, составившая за полгода 61,3 тыс. человек. Срочные повсеместные меры, конечно, необходимы, но они вряд ли смогут возобновить начатую в 2006 г. устойчивую тенденцию роста рождаемости и сокращения смертности, приведшей к преодолению депопуляции. Нужна серьёзная программа с увеличением финансирования здравоохранения, которое прекратилось в 2013 г. Доля госрасходов на здравоохранение сокращается с 3,8 % ВВП до 3,5 %. При этом платные медицинские услуги растут ежегодно по 20 %. Рост смертности, на наш взгляд, вызван повышенными стрессами среди части населения из-за ухудшающихся условий жизни и из-за сокращения средств на наиболее эффективную медицинскую помощь.

Создаётся впечатление, что ряд руководящих работников, не говоря уже о массе недостаточно компетентных госслужащих, не до конца понимают глубины нашего паления в яму, которую, во многом, мы сами для себя выкопали. Они не осознают, что нынешняя рецессия и стагфляция – **структурный кризис**, глубинной причиной которого является неадекватная экономическая политика. Положение намного хуже обычного кризиса, из которого обычно выходят за 1–2, максимум за 3 года, как мы вышли, например, из тяжелейших кризисов 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг. Структурный кризис, связанный со стагфляцией, длится намного дольше, и выход из него более трудный и болезненный.

Такой структурный кризис со стагнацией, рецессией и стагфляцией был характерен для США 70-х годов. Он длился почти десятилетие. И все попытки двух президентов – Г. Форда и Дж. Картера – преодолеть этот структурный кризис и стагфляцию не увенчались успехом. И они, как известно, немногие из числа президентов США, не были переизбраны на второй срок. Коренное изменение политики при Президенте США Р. Рейгане, вошедшее в историю как «рейгономика», позволило переломить негативные тренды. Далось это дорогой ценой: на время были заморожены цены, не повышались зарплаты при растущей инфляции. Была выдвинута задача ускоренной амортизации, серьёзно были снижены налоги, в том числе подоходный налог с населения, началось обновление основных фондов США и крен в инновации. Всё это толкнуло экономику вперёд и в течение 25 лет, вплоть до ипотечного кризиса 2007 г., экономика США в целом развивалась успешно, серьёзно выросло благосостояние людей. Место США в мире и экономическая мощь США, особенно в развитии «экономики знаний», инноваций и высокотехнологических отраслей, укрепилась.

Что ждёт экономику России при продолжении действующей экономической политики?

О возможном продолжении действующей политики можно судить по прогнозным показателям экономического развития, подготовленным Минэкономразвития России до 2018 г., положенным Правительством Российской Федерации в основу при составлении проекта федерального бюджета на 2016–2018 гг., направленного в Государственную Думу летом этого года. Реальный размер госбюджета при этом сокращается и будет замедлять экономический рост. Объём инвестиций ежегодно намечено увеличивать по 2–3 %, которые неспособны заметно ускорить экономику. При этом, в прогнозе наме-

чено повышение цен на нефть с 45–50 в настоящее время до 70 долл. за баррель в 2018 г. И, хотя, по мнению экспертов, это маловероятно, но даже оно вряд ли могло бы сильно подтолкнуть экономику.

Ведь возникновение стагнации в 2013 г. и в начале 2014 г. в России возникло при реальном увеличении госбюджета, при ценах на нефть свыше 100 долл., при стабильном и высоком курсе рубля и отсутствии санкций. А Минэкономразвития России сегодня собирается преодолеть стагнацию и обеспечить экономический рост при намного худших условиях. К тому же, в последнее время возросла **неопределённость и турбулентность** в экономическом развитии в мире, что со временем всё сильнее негативно сказывается на России.

Во-первых, всё время возрастает риск поддержания **низких цен на нефть** и даже их возможного снижения. Предстоящая отмена эмбарго на торговлю нефти с Ираном позволит ему выбросить на мировой рынок значительное дополнительное количество нефти, возрастает также добыча нефти в Ираке и Ливии. Затраты на добычу сланцевой нефти в США сокращаются, и здесь, возможно, возобновление роста при повышении цен на нефть до 60–65 долл. за баррель. Снижается и рост спроса на нефть, прежде всего, из-за замедления экономического роста в Китае, связанного с обвалом его фондового рынка на 30 % (на 5 трлн долл.). Эти потери вчетверо превышают долларовую оценку ВВП России в 2015 г. по валютному курсу рубля. Крайне низки темпы роста и европейских стран – крупных потребителей импортной нефти. Усиливаются меры по энергосбережению, особенно в США и Европе, в связи с усовершенствованием двигателя внутреннего сгорания, электрификацией автомобиля и развитием альтернативных производителей электроэнергии. Саудовская Аравия и другие страны ОПЕК вряд ли начнут сокращать добычу нефти, так как это приведёт к серьёзному снижению их доли в мировой торговле нефти и вызовет сокращение их дохода. Поэтому переизбыток нефти на мировом рынке, являющийся главной причиной поддержания низких цен на нефть, по-видимому, сохраняется и усиливается. Не последнюю роль играет здесь и Россия, которая заметно увеличивает экспорт нефти в 2015 г.

Во-вторых, в условиях растущей неопределённости всегда повышается роль резервной валюты и **курс доллара** по отношению к другим валютам, особенно по отношению к валютам развивающихся стран и России, возрастает. Новый скачок доллара вверх будет связан с готовящимся повышением ставки рефинансирования ФРС: для этого в США созданы все условия – экономика растёт по 3–4 %, на минимальном уровне находится безработица, продолжение политики смягчения из-за низкой ставки рефинансирования вызывает увеличение рисков накопления «финансовых пузырей», что опасно для экономики США. Дальнейшая девальвация рубля по отношению к доллару вызовет в России повышенную инфляцию, усилит недофинансирование экономического роста из-за дорожающих долгов, которые надо отдавать иностранным инвесторам, и оттоком капитала. Ухудшится и без того неудовлетворительное обновление машин и оборудования, будет свёртываться новое строительство из-за удорожания импорта машин и оборудования, а ведь этот импорт обеспечивает до 70 % потребностей страны в новой технике и технологии.

В-третьих, в последнее время резко возросли риски накопления **«финансовых пузырей»** в США, Европе и Китае. Проведённое профессором М. Ершовым исследование[19] показало, что отрыв уровня акций, деривати-

[19] Финансовый кризис: возможность всё более отчётлива // Эксперт. – 2015. – № 36.

вов, маржинальных долгов от движения реальных финансов уже превысили максимальное значение этих показателей, которые приводили в прошлом, в том числе в период кризиса 2008–2009 гг., к крупным финансовым потрясениям. Обвал фондового рынка в Китае и последовавшее за ним рекордное снижение фондовых рынков в США и других стран – явный показатель перенасыщенности финансовыми ресурсами. Как известно, экономика России особенно остро реагирует на финансовые срывы, случающиеся в мировой экономике. Глубокий кризис 1998 г., например, во многом был связан с обвалом фондовых рынков в восточноазиатских странах. В кризис 2008–2009 гг. фондовые рынки России сократились в 4,5 раза, – вдвое выше, чем в других странах.

В-четвёртых, при серьёзной переориентации в последнее время России на Восток и усиливающейся зависимостью от инвестиций в Россию, прежде всего, в топливно-энергетический комплекс со стороны Китая, резко усилилась наша зависимость от перспектив развития этой громадной экономики. Поэтому заметное замедление **экономического роста Китая**, продолжающаяся девальвация юаня, происходящие обвалы фондового рынка в Китае – всё больше будут отрицательно влиять на наше развитие. В прошедшие месяцы 2015 г., несмотря на объявленное наше стремление увеличить товарооборот с Китаем вдвое, он сократился на 1/3. Намеченные поставки в Китай нефти и газа требуют невиданные для нашей страны инвестиции, суммарно приближающие к 100 млрд долл. (а это сегодня – эквивалентно половине всех инвестиций страны).

В-пятых, большая неопределённость поддерживается и применительно **к санкциям США и ЕС** по отношению к России в связи с событиями на Украине. Неизвестно, как долго сохранятся эти санкции – будут ли они ужесточены, как предлагают многие политики в США и Европе. Кроме конфликта, связанного с событиями на Украине, возникли новые поводы для обострения отношений с западными странами – конфликт по поводу дела ЮКОСа. Отношения ухудшаются и из-за введения нашей страной болезненных для многих стран Запада контрсанкций, особенно эмбарго импорта продовольствия.

В-шестых, **условия и факторы внутреннего развития России** также неопределенны и содержат серьёзные риски. Значительное снижение инвестиций в 2013–2015 гг. тянет экономику вниз и не преодолевается в планах Правительства Российской Федерации вплоть до 2018 г. Поэтому основные фонды, особенно их активная часть – машины и оборудование – с каждым годом обновляются всё меньше, активно устаревают, требуют всё больше средств на своё поддержание и негативно влияют на экономическое развитие. Продолжается и будет происходить в обозримое время, по прогнозу Минэкономразвития России, серьёзный отток капитала из нашей страны со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Совсем плохо обстоит дело с инфляцией: в последние месяцы в связи с обесценением рубля и повышением коммунальных тарифов она заметно возросла, поэтому перестала снижаться ключевая ставка Банка России, которая продолжает держаться на малодоступной для предприятий, организаций, населения высоте. Из-за этого впервые произошло сокращение объёма кредитования и экономики, и населения. Кредитный долг предприятий и организаций перед отечественными банками вырос до 30 трлн рублей, что втрое превышает их годовую прибыль. Долг населения достиг 11 трлн руб., или почти 30 % их годового дохода. Катастрофически сокращается конечное

потребление домашних хозяйств, и спрос населения из двигателя экономики превратился в его тормоз.

Как видно, сохранение действующих тенденций и действующей экономической политики не сулит нам преодоления стагнации и рецессии. В 2015 г. ВВП сократится, по всей вероятности, на 4–5 %. По-видимому, 2016 г., и к этому склоняется большинство экспертов, для России будет годом продолжающейся рецессии – ВВП сократится, по крайней мере, на 1 % при ухудшении других экономических и социальных макроэкономических показателей. Последующие годы, скорее всего, будут, в лучшем случае, годами стагнации, когда экономический рост будет колебаться в районе нулевого уровня. На экономике будет негативно сказываться 10-процентное снижение объёма инвестиций в 2013–2015 гг. Поэтому в следующие 4–5 лет будет крайне низкий ввод новых производственных фондов и это намного замедлит наш экономический рост.

Для преодолений рецессии и стагфляции существует единственная мера – **коренное изменение социально-экономической политики.**

Новая экономическая политика для возобновления экономического роста

Основные направления новой экономической политики были подробно обоснованы в Концепции социально-экономического развития страны до 2020 г., подготовленной РАНХиГС при Президенте России и Высшей школой экономики. Наиболее важные позиции содержатся в указе Президента России В. В. Путина от 7 мая 2012 г. по долгосрочной экономической политике и состоят, в первую очередь, в переходе к политике форсированных инвестиций. Они конкретизированы в выступлении В. В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме в мае 2014 г., где указана главная направленность этих капвложений – на осуществление технологического обновления, развития высокотехнологических отраслей, создание современной транспортной инфраструктуры, удвоение жилищного строительства. Там же содержатся предложения по стимулированию роста при технологическом обновлении и строительстве новых современных предприятий, импортозамещении и развитии неэнергетического экспорта для того, чтобы изменить структуру экономики и экспорта и уйти от сильной зависимости бюджета от экспортных цен на нефть и газ.

Важным стимулирующим средством инвестиций при осуществлении крупных инвестиционных объектов, как заявил В. В. Путин, является проектное финансирование, которое даёт возможность предоставлять инвестиции не под залог имущества, а под проект. Эта важная инициатива Президента России обросла столь многими бюрократическими инструкциями, мелочной опекой, выделением для этого небольшой суммы гарантий, что в реальной жизни заметного влияния на инвестиционную деятельность, во всяком случае в 2015 г., не оказывает.

Переход к форсированным инвестициям, подкреплённый стимулированием экономического роста по главным направлениям использования этих инвестиций проведением институциональных реформ, является сердцевиной новой экономической политики. Условием перехода к таким инвестициям является осуществление программы по радикальному сокращению инфляции и ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации. Величину

инфляции и ключевой ставки, по нашему мнению, можно было бы за три года снизить втрое – до 4 %. Другим важнейшим условием осуществления такой политики является устранение барьеров на пути экономического роста, что предполагает осуществление постепенных структурных институциональных реформ в направлениях:

1. Перевода экономики с преимущественно государственного на преимущественно **рыночный путь развития**, что предполагает **приватизацию** части государственных предприятий и организаций, не выполняющих государственную функцию, а занимающихся самообогащением на базе коммерческой деятельности. Сегодня около 65 % ВВП производится организациями бюджетной сферы и управляемыми государством компаниями. На первом этапе эту долю надо снизить до 50–55 %, а на втором этапе – до 40 % (при сокращении доли госбюджета и соответствующих фондов в ВВП с 40 до 30 %). Расширение частного сектора надо осуществлять вместе с устранением или ограничением деятельности государственных монополистических организаций и развитием рыночной конкуренции.

2. Изменение **бюджетной системы страны**, когда госбюджетные расходы, направленные на реализацию конкретных целевых показателей, будут определяться под эгидой всего Правительства Российской Федерации, главную роль будет играть Минэкономразвития России при участии Минфина России, других министерств и ведомств. В бюджете отдельно должен быть выделен **бюджет развития**, опыт разработки которого был накоплен в прошлые годы. Как правило, расходы бюджета должны превышать его доходы, но не более 3 % ВВП (принятая норма для стран ЕС). Дефицит бюджета будет покрываться, как в других странах, выпуском Казначейством долгосрочных ценных бумаг, приобретаемых Банком России, Внешэкономбанком, Агентством по жилищной ипотеке и другими крупными фондами.

Источником более половины всех инвестиций должен стать, как в развитых странах, **инвестиционный кредит**, выдаваемый на началах возврата и самоокупаемости. Выделение на инвестиции безвозвратных госсредств, служащих главным источником современной коррупции, должно быть сведено к минимуму. Значительная их часть также должна предоставляться на возмездных началах, в том числе в виде государственно-частного партнёрства, чтобы приумножить значимость государственной направленности инвестиций. Финансовую систему нужно перестраивать с повышением доли **«длинных» денег**, которые могут служить инвестиционными фондами. В этой связи существенно должна быть перестроена на европейский лад работа фондового рынка, который должен быть превращён в канал формирования и перелива капитала.

3. Со временем целесообразно **перестроить систему регионального административно-экономического деления** России, перейдя на губернскую структуру с 20–30 регионами с учётом их самоокупаемости, самофинансирования и самоуправления, используя опыт Германии, США и Канады.

Первый среднесрочный этап преодоления рецессии и стагфляции может быть рассчитан на период до 2018–2020 гг. с переломом в темпах экономического развития в 2018 г., когда они могут достигнуть 2–3 % устойчивого роста ВВП за счёт внутренних источников развития и 3–4 % ВВП в период до 2020 г. с достижением доли инвестиций в ВВП около 25 % в 2020 г. На этом этапе большую часть прироста ВВП, который, возможно, начнётся с 2017 г.,

нужно направлять на рост реальной заработной платы и реальных доходов населения, а также на социальные расходы, прежде всего, по здравоохранению и образованию. Преимущественно эти средства надо нацелить на ликвидацию бедности среди работающего населения и пенсионеров. С этой целью следовало бы пересмотреть прожиточный минимум в сторону его повышения, намного увеличить минимальную заработную плату хотя бы до уровня нового прожиточного минимума, соответственно поднять за счёт бюджетных средств и пенсионное обеспечение. Это позволит сократить разницу в доходах 10 % зажиточных слоёв населения и 10 % бедных с 16–17 раз в настоящее время до 12 раз.

Второй этап намечено осуществить за пятилетку 2021–2025 гг., продолжая наращивать инвестиции высокими темпами и доведя их долю в ВВП до 30 % к 2025 г. Среднегодовые темпы социально-экономического развития в этот период могут составить 4–5 % в среднем в год, что позволит после восстановления докризисных показателей благосостояния населения, а также улучшение условий жизни бедных семей приступить в этот период к серьёзным социальным преобразованиям. Прежде всего, целесообразно увеличить расходы на пенсионное обеспечение и структуру здравоохранения с тем, чтобы довести уровень пенсий с 35 % в настоящее время до 50 % средней заработной платы; увеличить долю страховых расходов на здоровье – с 2,5 до 6 % ВВП (общих расходов на здравоохранение до 10 % ВВП к 2025 г.).

Соответственно и за счёт приоритетного увеличения госрасходов, и за счёт увеличения взносов граждан на образование предстоит радикально улучшить все виды образования, доведя общие расходы на эту отрасль с менее чем 5 % до 8 % ВВП. При этом будут продолжены работы по преимущественному повышению благосостояния бедных семей по всем линиям: и по повышению их квалификации, и по вовлечению в малый бизнес, и по повышению минимальной заработной платы и приближению её к средней зарплате, и по увеличению пенсий, росту льгот на содержание детей в детских садах и школах, переходу здесь к бесплатному питанию и т. д. Поэтому разница между зажиточным слоем населения и бедными с 12 раз сократится до 8–10 раз. Именно такой является эта разница в Германии и во многих других странах Западной Европы. На этом этапе для зажиточных и особенно богатых семей, на наш взгляд, должна быть введена прогрессивная шкала подоходного налога с максимумом 30 % уплаты налогов в год, налог на недвижимость в размере 0,5 % кадастровой стоимости, применено акцизное обложение предметов роскоши, приобретаемых в России.

Но, на наш взгляд, нормы инвестиций в размере 30 % для нашей страны недостаточно. Поэтому мы предлагаем осуществить и **третий этап ускоренного социально-экономического развития** с продолжением форсированных инвестиций до 2030 г. при достижении нормы инвестиций в 35 % и устойчивых среднегодовых темпов социально-экономического развития не менее 5–6 %. На этом этапе в качестве главной социальной цели могла бы быть выдвинута реорганизация всей системы жилищно-коммунального хозяйства и перевода её на рыночные основы с приватизацией домохозяйств и их обслуживание. При этом может быть определённое удорожание, и оно должно быть компенсировано гражданам в виде увеличения заработной платы, пенсий и пособий.

В итоге 10-летнего реформирования социальной сферы на втором и третьем этапах **будет создана принципиально новая социальная сфера,**

соответствующая рыночному хозяйству. Чтобы решить пенсионную проблему, надо перейти к накопительной системе пенсий, введя обязательный 10-процентный взнос на пенсии со стороны граждан от уровня своего дохода. Это может быть сделано при единовременном повышении зарплаты и других доходов граждан на 10–12 %. Для радикального улучшения здравоохранения и перевода его на нормальную, достаточную систему страхования придётся также привлечь средства граждан в размере не менее 6 % от уровня их доходов в виде взносов в эту систему в дополнение к соответствующему взносу предприятий и организаций. Это также должно быть компенсировано повышением заработной платы.

Таким образом, средняя заработная плата в эти годы могла бы расти дополнительно за счёт централизованных мер государства по повышению заработной платы и других доходов граждан для компенсации их взносов на пенсионное обеспечение, здравоохранение и жилищно-коммунальные услуги. Всё это повысит размер зарплаты дополнительно к обычному её размеру на 25–30 %, сделав её сопоставимой с заработной платой других стран и по структуре, и по размеру. При этом уровень инфляции должен быть снижен, примерно, до 2 % в год, ипотечного кредита – до 5–6 %. Благодаря переходу к массовому малоэтажному строительству на окраинах мелких и средних городов, сельских поселений и в пригородах больших городов стоимость 1 кв. метра жилья не должна выйти за пределы 30–40 тыс. рублей, учитывая дешевизну земли в России, дешевизну подключения к электроэнергии, газу и другим услугам. Это сделает доступным приобретение жилья и улучшение своих жилищных условий для подавляющей части населения, которой сейчас это недоступно.

Три этапа охватывают 15 лет, которых при 10-процентном росте инвестиций и их эффективного использования, благодаря преобладанию возмездного инвестиционного кредита, достаточно, на наш взгляд, для того, чтобы **технологически обновить все основные отрасли народного хозяйства**, переведя их на использование современных технологий и современной системы машин и оборудования, используемых в развитых странах. Мы должны достигнуть также показателей развитых стран по развитию высокотехнологических отраслей, доли инновационных товаров и услуг в общей продаже товаров и услуг.

Коренным образом предстоит **перестроить структуру экспорта** с сокращением доли нефти, примерно, до 20 %, а газа – до 5 % и с преобладанием в экспорте готовых товаров высоких переделов с большой добавленной стоимостью. Речь идёт о массовом производстве современных синтетических материалов и изделий из них, глубокой лесопереработки и соответствующих изделий, развитие самолётостроения не только среднемагистрального, регионального, но также местного самолётостроения, деловой авиации и крупногабаритной авиации КАРГО. В ходе **реиндустриализации промышленности** предстоит возродить крупное машиностроительное производство по наиболее важным для страны направлениям энерго- и электротехнического машиностроения, тяжёлого, горного, металлургического, нефтяного и химического машиностроения, а также станкостроение. По производству легковых и грузовых автомобилей Россия может выйти на первое место в Европе с общим производством 4–5 млн автомобилей и высокой локализацией производства. Здесь должны быть созданы надлежащие условия. Долю инновационных технологий в производстве товаров и услуг с 8,9 % (2013 г.) предстоит довести до 20 %.

За 15 лет в России могла бы быть создана и достаточно развита современная транспортно-логистическая инфраструктура. Для этого надо уже

в ближайшее время приступить к массовому строительству автострад и скоростных железных дорог, нацеливая здесь окупаемость расходов на 20–25 лет, в отличие от окупаемости новых предприятий в 10–12 лет, и технологического обновления действующего производства с окупаемостью 5–7 лет, а тем более жилищного строительства с окупаемостью 3–5 лет.

Главным локомотивом социально-экономического развития страны, от которого в решающей мере будет зависеть не только среднегодовой темп экономического роста, но и качество этого роста, является сфера **«экономики знаний»**, включающая весь НИОКР, образование, информационные и биотехнологии, здравоохранение. Эта сфера производит в России всего 15 % ВВП, в то время как в лучшие советские годы она производила 20–25 % ВВП. В Западной Европе эта сфера производит до 35 % ВВП, а в Америке – около 40 % ВВП.

В перспективе предстоит увеличить долю расходов на НИОКР с 1 до 3 %, расходы на образование – с менее чем 5 % до 8 %, долю здравоохранения и биотехнологий – с менее чем 5 % до 10 %, расходы на информационные технологии – с 7 до 15 %. Желательно к 2025 г. довести долю «экономики знаний» до 30–35 % ВВП, для чего надо увеличивать эту сферу по 8–10 % в год, начиная с 2017–2018 гг. К 2030 г. доля этой сферы в народном хозяйстве России могла бы достигнуть 35–40 %. В период до 2020 г. рост сферы «экономики знаний» по 8 % в год обеспечит ежегодный рост ВВП по 1 % в год, в период с 2020 г. по 2025 г. – по 1,5 % в год, а с 2026–2030 гг. – по 2 % в год без учёта мультипликативного эффекта, которым эта сфера в высшей степени обладает. С учётом этого эффекта прирост ВВП здесь мог бы быть повышен, по крайней мере, в 1,5 раза.

Другим важным локомотивом социально-экономического развития страны могло бы стать **жилищное строительство**, которое нам нужно удвоить за 8–10 лет. Для этого ежегодно нужно наращивать ввод жилья хотя бы по 8 % в год, как это было в период 10-летнего подъёма за 1999–2008 гг. Ежегодный рост жилищного строительства по 8 % в год с учётом мультипликативного эффекта поднимет ежегодный рост ВВП сначала на 0,6 %, а к 2025 г. – на 1 % в год.

Высокотехнологические и инновационные отрасли в промышленности и в сфере интеллектуальных услуг, доля которых сейчас едва превышает 10 %, благодаря быстрому росту существенно повысят свой удельный вес. Их развитие по 8 % в год в ближайшее время будет ускорять наш экономический рост по 0,5 % в год, а когда они наберут силу, и их доля возрастёт до 20 %, то – до 1 %.

Определённым драйвером экономического развития страны сейчас может служить быстро обновляемая и развивающаяся **оборонная промышленность** страны. Ведь её экспорт уже превысил 3 % общей экспортной выручки, а в ближайшие годы он возрастёт до 5 %. К тому же эта отрасль обладает мультипликативным эффектом, поскольку принятые здесь инновации широко могут быть использованы при различных гражданских производствах, что мы видим на примере «Суперджета». Весьма велик мультипликационный эффект в развитии **автомобильной промышленности**, которая тянет за собой большой хвост отраслей: и металлургию, и химию, и резинотехнические изделия, и компьютерное производство, и многое другое, как и инфраструктуру, огромную сферу ремонта, обслуживания, продаж автомобилей. Для того чтобы выйти на 4–5 млн штук в производстве автомобилей, эту отрасль тоже

нужно форсировано поднимать. И если в начале пути её влияние на общеэкономический рост ограничится 0,2–0,3 % в год, то в дальнейшем он может вырасти до 0,5–0,8 %.

Об источниках инвестиций и других средств, необходимых для обеспечения социально-экономического роста

Переход к форсированным инвестициям предполагает их ежегодный рост по 10 %. Объём инвестиций в основные фонды в 2014 г. в России составил 13,5 трлн руб. из общего объёма ВВП 71,4 трлн руб. Как видно, доля инвестиций составляла около 19 %. В 2015 г. объём инвестиций снижается, и их доля в ВВП сократится, примерно, до 18 %. Для ежегодного роста инвестиций по 10 % достаточно изыскать 1,4 трлн руб. в год. По прогнозам Минэкономразвития России, в 2018 г. ВВП России составит около 80 трлн руб. (в ценах 2014 г.) и при норме инвестиций, которая к тому времени составит 22–23 %, для обеспечения 10-процентного прироста инвестиций потребуется 2 трлн руб.

Эти средства логичнее и легче заимствовать из **активов нашей банковской системы**, сумма которых на 1 января 2015 г. составила 77,7 трлн руб. и впервые в 2014 г. превзошла объём валового внутреннего продукта. Сумма банковских активов в 2,5 раза больше всех годовых средств нашего государства, представленных в консолидированном бюджете страны, включая всё государственные бюджетные фонды. Активы банковской системы впятеро больше объёма федерального бюджета. Хотя удельный вес консолидированного бюджета в 2015 г. составит около 40 % ВВП, в нём сосредоточен только 18,5 % всех инвестиций, причём эта доля всё время сокращается. В 2000 г. эта доля составляла 28,4 %, в 2005 г. – 22,6 %, в 2010 г. – 20,4 %. Так что роль бюджета в финансировании инвестиций невелика в сравнении с его общим огромным объёмом.

Объём инвестиционных кредитов в активах наших банков составляет всего 1,1 трлн руб. или 1,5 %. Мы – одна из немногих стран, где удельный вес инвестиционных кредитов отечественных банков составляет около 9 % от объёма инвестиций в сравнении с 30–50 % в развитых странах и свыше 20 % в Китае и развивающихся странах, где доля инвестиций в ВВП составляет свыше 30 %, а не 18 %, как в России. Ежегодно до 2020 г. нужно из всех активов банков изыскать дополнительно к 1,1 трлн руб. инвестиционных кредитов ещё 1,3 трлн руб. на 2016 г. с увеличением этой суммы до 2,5 трлн руб. к 2020 г., когда активы банков перевалят за 100 трлн руб.

Перевод «коротких» денег из активов банков в «длинные» деньги за рубежом решаются разными способами. Самый применяемый и простой способ – казначейство выпускает «длинные» ценные государственные бумаги для покрытия дефицита бюджета (в США до 40 лет, в Японии до 50 лет). Думаю, что нам достаточно выпускать эти бумаги в срок до 25 лет, например, под 4 % или 5 % годовых. Эти бумаги приобретают Банк России, Внешэкономбанк, Агентство по ипотечному кредитованию жилья и, возможно, другие крупные фонды. Так, Банк России в 2014 г. предоставил российским банкам средств на 9 трлн руб., в том числе Сбербанку России и ВТБ 4,5 трлн руб. Так что у Банка России всегда есть 1 трлн руб. или близкая сумма, которую он может истратить на приобретение этой долговременной бумаги. В результате в пассив Банка России или Внешэкономбанка поступает большой актив

«длинных» денег, который позволяет им в счёт этого актива предоставлять «длинные» до 25 лет инвестиционные кредиты коммерческим банкам, получая от этого к тому же и небольшую маржу.

Отобранные для целей инвестиционного кредитования банки под надзором Банка России используют средства для кредитования определённых государством направлений по технологическому обновлению действующего производству, строительству новых предприятий высокотехнологических отраслей, развитие современной транспортно-логистической инфраструктуры, разворота жилищного строительства и развитие отраслей, входящих в «экономику знаний». Всё предельно ясно и прозрачно, банк берёт на себя ответственность возврата кредита под установленные сроки окупаемости. Коммерческий банк заинтересован в получении крупных денежных средств в виде инвестиционных кредитов. Это даёт ему дополнительную прибыль при правильном использовании этих средств. И, естественно, что он будет следить за эффективностью этого инвестиционного проекта, напрямую договариваться вместе с представителями предприятия по поставке оборудования с поставщиками или о строительстве нужных объектов со строителями. Банк привлечёт консультантов, экспертов, которые вдоль и поперёк проверят бизнес-план, под который эти средства будут предоставляться. В выгоде будет и Казначейство России, которое за проданную ценную бумагу к тому же будет получать ежегодную маржу.

Но наибольший выигрыш получит государство, которое сегодня на возмещение дефицита бюджета тратит валютный Резервный фонд. А здесь Резервный фонд остаётся в неприкосновенности у государства, дефицит покрывается выпуском ценных бумаг, как это делается в других странах. К тому же госорган в виде Казначейства России получает весомую маржу. Доволен должен быть и коммерческий банк, который, к примеру, получит этот кредит по крайне низкой процентной ставке, которая ему сегодня даже во сне не придёт на ум, например, под 5 % годовых, если, например, Казначейство России выпустит эти бумаги по 4,5 %, а 0,5 % маржи достанется Банку России. Что же касается выплаты маржи Банком России Казначейству России, то оно за это получит средства от коммерческих банков при возврате кредита.

Активы отечественных банков могут стать главным, но не единственным источником инвестиционных средств, необходимых для развития. Эти средства могут быть получены в серьёзном объёме, если государство займётся **приватизацией госимущества**, для чего нужна политическая воля, чтобы переломить саботаж чиновников, желающих иметь возможность распоряжаться госсобственностью, не деля эту возможность с какими-то частными организациями. По нашей оценке, не менее 20 % госсобственности могло бы быть постепенно приватизировано, что принесёт триллионы рублей дополнительных доходов государству.

К тому же руководители предприятий госсобственности часто добиваются дополнительных субсидий и льгот на поддержание госсобственности из бюджетных средств, всё время ходят с протянутой рукой. С разными инициативами, как заполучить деньги от государства, например, из ФНБ, всё время обращается Роснефть. А частные нефтяные компании, например, ЛУКОЙЛ или Сургутнефтегаз не имеют даже мыслей на этот счёт. Их никто не поймёт, если они обратятся к государству с просьбой выдать им деньги из ФНБ. Если сравнить, сколько Волжский автозавод получил от государства в кризис 2009 г., а сколько получило частное автомобильное производство, например,

ГАЗ, то всё станет ясно. Или же сколько Центральный банк Российской Федерации даёт денег государственным банкам, а сколько, примерно, таким же по величине, частным банкам. Госкорпорация «РЖД», мало того, что ежегодно повышает тарифы намного выше уровня инфляции, каждый год из государства «высасывает» большие деньги на разные собственные нужды. Аэрофлот, в отличие от всех других компаний, многие годы зачем-то получал мзду за пролёт иностранных самолётов над территорией России, хотя к этому не имел никакого отношения. Сейчас эта ситуация закончилась.

Сегодня главным инвестором в стране являются сами предприятия и организации, поскольку финансовая система построена у нас таким образом, что подавляющая часть денег у неё «короткие», а инвестиции взять, кроме как у иностранцев, почти негде – у банка это сделать крайне сложно. Поэтому приходится заниматься самофинансированием и «по одёжке протягивать ножки». Без учёта бюджетных средств, которые в подавляющей части используются для бюджетных организаций, предприятия и организации за счёт собственных средств финансируют 57 % всех инвестиционных проектов, изыскивая эти средства, грубо говоря, наполовину из прибыли, а наполовину из амортизационных средств предприятий и организаций. Часть этих средств тратит к тому же на налоги, поскольку после 2003 г. инвестиции, изымаемые из прибыли, не освобождаются от налогов, как это было раньше. Мы – одна из немногих стран, где отсутствует инвестиционная льгота, и, возможно, поэтому у нас одна из самых низких в мире доля инвестиций в валовом внутреннем продукте, она ниже, чем даже в развитых странах, которые, достигнув высокого уровня, довольствуются темпом своего развития в среднем в размере 2–2,5 %. А мы собираемся при столь низкой норме инвестиций каким-то образом развиваться и уже довольно скоро, с 2018 г., как говорят некоторые наши руководители, темпами по 4–4,5 %, имея устаревшие фонды, которые надо менять, ужасающую ситуацию с жильём, особенно неблагоустроенным, из которого нужно переселять и т. д.

При нынешней норме инвестиций у нашей страны нет будущего. Мы даже голову не можем приподнять, у нас нет инвестиционных средств. Если ввести для предприятий и организаций, как главных инвесторов, ощутимые льготы на инвестиции из прибыли, освободив эти суммы от налогов (недавно такое предложение внёс Президент России В. В. Путин, но Правительство Российской Федерации пока не отреагировало), а также увеличить амортизационные отчисления, начав, наконец, выбрасывать старьё и приобретать новые машины и оборудование, осваивать новые технологии, то, на наш взгляд, можно было бы **за счёт предприятий и организаций** изыскать до 1 трлн руб. дополнительных инвестиций.

Важным источником дополнительных инвестиций могли бы стать **сбережения населения**. Недавно объём вкладов населения в банки России превысил 19 трлн руб. Ещё почти 7 трлн руб. составляет объём наличных денег, значительная часть которых лежит в «кубышках», не считая валютные сбережения. По оценкам экспертов, активы россиян за рубежом составляют не менее 700 млрд долларов. Так что у населения имеются немалые средства, которые частично можно было бы обратить им на пользу. За счёт небольшой части этих средств можно было бы улучшить жилищные условия тем из владельцев средств, которые в этом нуждаются. Или более полно удовлетворить потребности отдельных семей в легковых автомобилях, а также в дачных участках.

Можно создать такую систему, что тот, кто приобретает жильё, автомобили, земельные участки с большей долей собственных средств, получает более выгодный кредит или более дешёвую цену. Всё это сработает, если будет твёрдая госгарантия, и люди будут приобретать не «кота в мешке», а видимое и готовое благо, которое их устроит. Так что частичное финансирование жилищного строительства и развитие автомобильной промышленности может быть осуществлено за счёт привлечения инвестиций со стороны населения.

Известно также, что наша страна среди других стран имеет наименьший размер государственного внешнеэкономического долга. Притом Россия, как показывает опыт последних 15 лет, не только вовремя и сполна, но иногда досрочно готова гасить свои долги, и этим выгодно отличается от многих, даже развитых стран. Так что в случае необходимости наше государство вполне могло бы по относительно низкой процентной ставке **занять средства на развитие внутренней экономики** у международных финансовых организаций и банков, у других стран и крупных частных инвесторов.

Условия для этого могли бы быть более благоприятные, если бы нам удалось нормализовать отношения, для начала, хотя бы с ЕС. В этой связи целесообразно было бы, на мой взгляд, России сделать первый шаг к нормализации этих отношений, отменив, например, наши антисанкции, что для нас и экономически будет выгодно, поскольку будет способствовать некоторому снижению цен из-за поступления более дешёвых продовольственных продуктов из-за рубежа и лучшему снабжению продовольствием жителей нашей страны.

С моей точки зрения, надобность наращивания внешнеэкономических государственных долгов нашей страны не очень желательна, и к ней можно прибегнуть в качестве **крайней меры**. Не очень желательна потому, что у нас всё ещё высок корпоративный долг, занимающий подавляющее место во внешнеэкономических долгах России. Эти долги снизились до 522 млрд долл. (на 1 октября 2015 г.). По отношению к валовому внутреннему продукту, объём которого по рыночному валютному курсу оценивается в 1,3 трлн долл., доля этого долга составляет немногим около 45 % при обычной международной норме допустимости долга до 60 % ВВП. Но все эти долги взяты внебюджетными предприятиями и организациями. И по отношению к ВВП, созданному внебюджетными организациями, долги составляют более 60 %, что настораживает.

Главными должниками здесь являются Роснефть – 47 млрд долл., Газпром – 45 млрд долл., а в среднем на все госпредприятия и организации падает 40 % всех долгов. Хотя формально государство не отвечает по долгам Газпрома или Роснефти, в критических ситуациях, которые возникают в кризисные годы, когда надо отдавать долг, государство вынуждено использовать свои средства, чтобы помочь столь значимым государственным корпорациям, какими являются, например, Газпром, Роснефть, РЖД, Аэрофлот, Сбербанк России, ВТБ, Росатом, не говоря уже об оборонных концернах и объединениях. Поэтому значительную часть этого долга иногда называют **«квазигосударственным долгом»**, подчёркивая всё же определённое отношение этого долга к государству.

При всех диспропорциях и недостатках экономического развития, Россия обладает огромными возможностями и колоссальным потенциалом. Их использование – при переходе к новой экономической политике и радикальному улучшению государственного регулирования и управления – позволит нам серьёзно ускорить социально-экономическое развитие страны.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Глазьев С. Ю., *советник Президента Российской Федерации, д. э. н., академик РАН.*

В 2014 г. руководство Банка России заявило о переходе к таргетированию инфляции. В итоге не только не попали в заявленную цель снизить её с 6,5% до 5%, но и промахнулись с направлением — она повысилась до 11,4% в прошлом году и будет ещё выше в этом году. И стало это следствием как раз политики таргетирования инфляции. Если она будет продолжаться, то результаты, скорее всего, снова будут противоположны целям. Продолжение безграмотной безответственной денежной политики, при которой денежные власти не могут не только достичь целевых параметров основных макроэкономических показателей, но даже спрогнозировать направление их движения, в условиях санкционной войны и упавших цен на нефть становится угрозой суверенитету России.

Начнём с главного — с заявленной руководством Банка России уже несколько лет назад и последовательно повторяемой, как мантра, основной цели и методологии денежной политики — таргетирования инфляции. Поскольку с достижением этой цели у Банка России ничего не получается, возникает резонный вопрос, а что же его руководство понимает под этим термином?

Что значит таргетировать инфляцию?

В переводе с английского таргетирование означает целеполагание (target — *англ.*, цель, мишень). То есть, по-русски таргетирование инфляции означает, что Центральный банк подчиняет свою политику единственной цели — снижению темпов инфляции. Под последней, судя по многочисленным разъяснениям Банка России, понимается индекс потребительских цен. Таким образом, объявляя о переходе к политике таргетирования инфляции, Банк России имеет в виду, что денежная политика подчиняется достижению целевых показателей индекса потребительских цен. В 2013 г., предшествовавшему переходу к этой политике, последний составил 6,5%. На прошлый год цель по инфляции была установлена в 5%, реально составила 11,4%. На этот год она установлена в 7,5%, но, по прогнозу самого ЦБ, составит 12–13%. Выходит, что переход к таргетированию инфляции не способствовал достижению её целевых параметров (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели прогноза Банка России [20]

	2014 (факт)	2015 оценка	2016 базовый	2016 оптимистический	2017 базовый	2017 оптимистический	2018 базовый	2018 оптимистический
Цена на нефть марки «Юралс», средняя за год, долл. за баррель	98	52	50	60	50	70	50	75

[20] Денежная масса в реальном выражении и денежная база в реальном выражении рассчитаны автором. Источник: Банк России, 2015.

Валовый внутренний продукт, год к предыдущему году	0,6	-(3,9-4,4)	-(0,5-1)	0,0-0,5	0,0-1,0	1,0-2,0	2,0-3,0	2,5-3,5
Инфляция, декабрь к декабрю предыдущего года	11,4	12,0-13,0	5,5-6,5	5,5-6,5	4,0	4,0	4,0	4,0
Денежная масса в национальном определении, прирост за год	2,2	5-8	4-7	8-10	8-11	13-16	13-16	13-16
Денежная масса в реальном выражении	-9,2	-(7-5)	-(1,5)-0,5	2,5-3,5	4-7	9-12	9-12	9-12
Денежная база в узком определении, прирост за год	2,7	0-3	1-4	5-8	2-5	5-8	5-8	5-8
Денежная база в реальном выражении	-8,7	-(12 - 10)	-(4,5-2,5)	-(0,5)-1,5	-(2)-1,0	1-4	1-4	1-4
Кредит нефинансовым организациям и населению в рублях и иностранной валюте, прирост за год	25,9	4-7	4-7	7-9	8-11	13-16	13-16	13-16

Борьба за снижение инфляции всегда была главным приоритетом деятельности Банка России. И всегда устанавливались целевые параметры на планируемый год и 3-летнюю перспективу. Но в операциональной политике Банка России, наряду с целевыми ориентирами по инфляции, отслеживались также ориентиры по обменному курсу рубля и по приростам денежных агрегатов – денежной базы и массы. С развитием инструментов рефинансирования появился ещё один управляющий параметр – ставка рефинансирования, которую сейчас Банк России заменил ключевой ставкой. В чём же отличие проводимой сегодня политики таргетирования инфляции от проводившейся ранее политики, в которой ставилась та же цель снижения инфляции до определённой величины?

Судя по текстам основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики (ДКП) и выступлениям руководителей денежных властей, особенностью политики таргетирования инфляции является отказ от установления целевых ориентиров по обменному курсу национальной валюты и использование в качестве управляющего параметра ставки рефинансирования (теперь — ключевой ставки). Денежные власти заявляли и продолжают заявлять, что таргетирование инфляции предполагает перевод курса рубля в свободное плавание. При этом никогда — ни в ДКП, ни в выступлениях руководителей денежных властей, ни в статьях идеологов этой политики – ни разу не было приведено сколько-нибудь убедительное доказательство этого тезиса. Он принимался как не подлежащая обсуждению догма, освящённая авторитетом вашингтонских финансовых организаций. Хотя для любого системно мыслящего человека эта догма показалась бы, по меньшей мере, странной.

На начальных курсах теории управления студентов учат, что избирательная способность управляющей системы должна быть не ниже разнообразия объекта управления. Но денежные власти, объявив о таргетировании инфляции, отказались от контроля за фактором, который определяет динамику цен

на добрую половину потребительских товаров — обменным курсом. Любому инженеру такого рода подход показался бы сумасшествием — это всё равно, что пытаться обогревать комнату без стёкол на окнах зимой, не понимая, что температура в ней будет зависеть не от мощности отопительного оборудования, а от температуры за окном. Столь странное отношение к реальности объясняется догматическим мышлением, основанным на слепой вере в мифы.

В данном случае миф заключается в том, что денежные власти представили самих себя в качестве простого механизма с одним манипулятором. Согласно мифу о таргетировании инфляции, если у вас нет ограничений на движение капитала, и есть только один инструмент регулирования валютно-финансового рынка – ставка процента, то курс рубля должен находиться в свободном плавании. Действительно, одной ставкой процента в условиях свободного движения денег по счёту капитала курс рубля удержать невозможно, если только вы не являетесь эмитентом мировой резервной валюты. Но зачем же ограничивать себя одним инструментом управления?

Иными словами, когда денежные власти заявляют о том, что они ведут политику таргетирования инфляции, на самом деле это означает, что они оставляют у себя только один рычаг управления — ставку процента по краткосрочным операциям балансировки спроса и предложения ликвидности на финансовом рынке. Под понятием «таргетирование инфляции» в их умах скрывается нечто противоположное системному походу — отказ от всех инструментов денежной политики, кроме ключевой ставки. Если бы они на самом деле вели политику таргетирования инфляции, то первое, о чём они должны были бы позаботиться в условиях открытой экономики и сверхзависимости её от импорта — это контроль над курсом рубля, который определяет цены потребительских товаров, хотя и в разной мере. Они же, наоборот, от этого контроля отказались.

Исходя из изложенного, в дальнейшем слово «таргетирование» в качестве определения политики Банка России мы будем брать в кавычки, потому что в действительности под политикой «таргетирования» инфляции понимается не более чем отказ от всех иных целей и инструментов денежной политики, кроме ключевой ставки процента. Ниже мы покажем, что в этом случае достижение целевых ориентиров по инфляции невозможно, так как последняя определяется факторами, выходящими за пределы контроля ЦБ. Хуже того, провозглашая «таргетирование» инфляции, денежные власти теряют над ней всякий контроль, подставляя макроэкономическую ситуацию под власть внешних факторов.

Смысл «таргетирования» инфляции

Начнём с логики монетаристов, навязавших российским денежным властям «таргетирование» инфляции. Если постулируется отказ от контроля над трансграничным движением денег по счёту капитала, то в условиях свободного рыночного ценообразования для управления макроэкономическими параметрами у денежных властей остаётся контроль над обменным курсом рубля и инструментами денежной политики: учётной ставкой и иными условиями предоставления ликвидности, нормативами обязательного резервирования, достаточности капитала, формирования резервов по ссудам и ценным бумагам, объёмами операций на открытом рынке с гособлигациями и валютными интервенциями, которые в совокупности формируют величину денежной базы. На этот счёт в научной литературе

считается доказанной трилемма о том, что в отсутствие золотого стандарта невозможно одновременно держать открытым рынок капитала, фиксированный обменный курс национальной валюты и проводить автономную денежную политику. По-видимому, исходя из этой логики денежные власти выбирают автономную денежную политику, предпочитая манипулировать ставкой процента и жертвуя управлением валютным курсом.

Указанная трилемма была сформулирована Обстфельдом, Шамбаухом и Тейлором на основе эмпирического исследования денежных политик, проводимых национальными банками в период между Первой и Второй мировыми войнами (IMF Staff Papers, Vol 51, 2004). Однако с тех пор многое изменилось. Появился глобальный финансовый рынок с мировой резервной валютой, в качестве которой используется доллар, эмитируемый ФРС США в основном под обязательства американского правительства. С учётом того, что объём этих обязательств растёт с геометрической прогрессией и вышел далеко за пределы устойчивости американской налогово-бюджетной системы, указанную трилемму следует дополнить леммой о нарастающей эмиссии мирового капитала в форме необеспеченных обязательств американского государства. Для точности к ним следует добавить также необеспеченные обязательства стран ЕС (Греции, Великобритании и др.), вместе с которыми растёт эмиссия евро и фунта, а также Японии, с параллельной эмиссией иены. Эмиссия этих резервных валют вслед за долларом растёт по экспоненте, что повлекло увеличение объёма денежной базы этих валют на мировом финансовом рынке в 3–5 раз за период после развёртывания глобального финансового кризиса в 2008 г.

Таким образом, в отличие от межвоенного периода, для современного рынка капитала характерна закономерность его нарастающего инфлирования (вздутия) за счёт необеспеченной эмиссии мировых резервных валют. Поэтому страны, которые держат рынок капитала открытым, неизбежно подвергаются давлению безграничной и нарастающей эмиссии указанных валют в форме потоков спекулятивного капитала. Это означает появление на мировом финансовом рынке монополии, обладающей огромными возможностями манипулирования им, в том числе путём установления контроля над открытыми для свободного движения капитала национальными сегментами мировой финансовой системы. В отличие от мирового рынка товаров, подчиняющегося законам конкуренции и регулируемого нормами ВТО, мировой финансовый рынок всерьёз не регулируется, а нормы МВФ это дерегулирование защищают в интересах международных сетей финансовых спекулянтов, пользующихся неограниченным доступом к эмитентам мировых валют.

Из сказанного выше следует квадрилемма: если Центральный банк не имеет возможности эмитировать мировую резервную валюту, не использует ограничений на трансграничное движение капитала, а его национальная валюта не обеспечена золотовалютными резервами, то он не может контролировать в своей стране ни курс, ни процентные ставки. Счастливые обладатели доступа к эмиссии мировых валют в подходящий момент могут провести спекулятивную атаку любой мощности, опрокинув курс, а также предоставить национальным заёмщикам любой объём кредита по приемлемой для них ставке процента. По отношению к России они это демонстрировали многократно. Следует отметить, что обеспеченность рубля золотовалютными резервами практически 100-процентная, что теоретически позволяет Банку России удерживать курс рубля на любом разумном (соответствующем фундаментальным условиям формирования спроса и пред-

ложения на валютном рынке) уровне. По-видимому, чтобы лишить себя этого преимущества, Банк России самоустранился от валютного рынка, предоставив спекулянтам возможность манипулировать им. Учитывая доминирующую роль нерезидентов, на долю которых приходится ¾ операций на Московской бирже, перевод Банком России рубля в свободное плавание и его уход с рынка означает передачу контроля над российским финансовым рынком международной сети глобальных финансовых спекулянтов.

Таким образом, чтобы управлять национальной валютно-денежной системой, необходимо контролировать трансграничное движение денег по капитальным операциям. Иначе определять развитие нашей экономики будут из-за рубежа, причём, это будет не управление в смысле снижения энтропии объекта управления, а наоборот, усиления хаотичности. При этом нельзя говорить и о некоем едином субъекте управления, так как кроме ТНК и иностранных банков манипулировать российским финансовым рынком будут и «свои» олигархические офшоризированные бизнес-группы. Собственно, в этом заключаются политические последствия перехода к политике «таргетирования» инфляции.

Если политически так называемое «таргетирование» инфляции означает ни что иное, как передачу контроля над национальной валютно-финансовой системой внешним силам (прежде всего — ФРС США, и, вместе с ней, Банку Англии, ЕЦБ и Банку Японии), то экономически это делается в интересах финансовых спекулянтов (олигархических офшоризированных бизнес-групп, чьи бенефициары давно стали международными инвесторами и «гражданами мира»). Если государство теряет контроль над курсом своей валюты, то оно отдаёт манипулирование им валютным спекулянтам. А если ЦБ при этом их ещё кредитует, а финансовый регулятор передаёт им в управление валютную биржу, то возникают «валютные качели», валютно-финансовый рынок входит в состояние турбулентности, происходит дезорганизация всей внешнеэкономической деятельности и расстройство воспроизводства зависимых от неё предприятий. Именно это и произошло в российской экономике вследствие политики «таргетирования» инфляции.

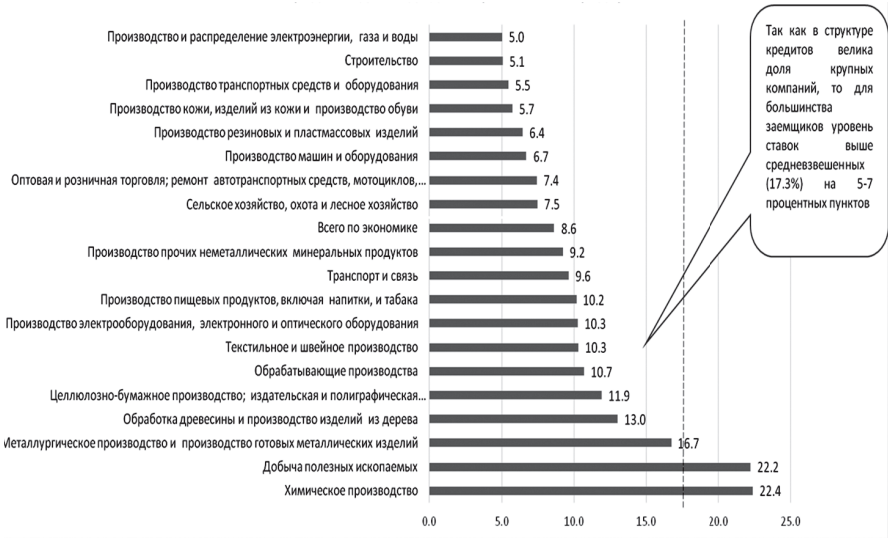
Реальные последствия «таргетирования» инфляции

Кроме провала достижения поставленных целей по инфляции, политика её «таргетирования» имела крайне негативные последствия для воспроизводства экономики в целом. Особенно тяжёлые и долгосрочные последствия этой политики связаны с подрывом устойчивости курса рубля и перетоком денег из реального сектора экономики в спекулятивный. Ещё три года назад автор этих строк в своём «Особом мнении» о проекте «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2013–2015 гг. » в отношении планировавшегося перехода к свободному плаванию курса рубля писал: *«Таргетирование инфляции, заявляемое Банком России в качестве главной цели денежно-кредитной политики, не может быть обеспечено без контроля за трансграничным движением капитала, амплитуда колебаний которого может в нынешних условиях достигать величин, сопоставимых с объёмом валютных резервов. Под влиянием этих колебаний изменения обменного курса рубля, который отпущен ЦБ в «свободное плавание», могут оказаться достаточно значительными для подрыва макроэкономической стабильности. Аналогичным образом дестабилизирующий эффект может иметь и заявляемый Банком России переход к плавающей ставке рефинансирования».*

И год назад в своём «Особом мнении» по нынешней редакции ДКП, когда уже западными странами вводились антироссийские санкции и становились очевидными риски обрушения курса рубля под воздействием усиления оттока капитала, автор вновь предупреждал: *«В прямое нарушение конституционной цели деятельности ЦБ в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики» декларируется отказ от регулирования курса рубля, который будет складываться на основе стихийного соотношения спроса и предложения на валютном рынке. Дерегулирование последнего и отказ от контроля за трансграничным движением капитала в условиях высокой долларизации сбережений, офшоризации экономики и зависимости платёжного баланса от экспорта минерального сырья влечёт хаотизацию валютного рынка, переток капитала из реального сектора в спекулятивные сферы финансового рынка и делает в принципе невозможным обеспечение устойчивости рубля».*

О верности этих предостережений наглядно свидетельствуют практические последствия заявленной в ДКП валютно-денежной политики. Объявив об отказе от таргетирования обменного курса и проведя скачкообразный рост процентных ставок, Банк России усилил дефицит денег и сделал самым привлекательным на финансовом рынке видом деятельности валютные спекуляции.

По итогам 2014 г. лидером в извлечении прибыли стали валютные спекулянты, нажившиеся на девальвации рубля, а теперь продолжающие наживаться на его ревальвации. В течение 2014 г. прибыльность валютных спекуляций против рубля составляла десятки процентов годовых, а после опускания курса рубля в свободное плавание — зашкаливала в иные дни за сотню. При этом рентабельность обрабатывающей промышленности опустилась до 5–7 %, существенно снизилась платёжеспособность предприятий реального сектора (рис. 1).



Источник: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН с изменениями автора.

Рис. 1. Рентабельность проданных товаров, продукции, работ и услуг (2015 г.)

Условия их кредитования последовательно ухудшались по мере повышения Банком России ключевой ставки. После её повышения до 17% кредит для большинства предприятий реального сектора стал недоступен, и оставшаяся в экономике ликвидность устремилась на валютный рынок. Его последующее обрушение стало закономерным итогом как манипулирования им, так и проводившейся денежными властями политики.

В 2015 г. политика стимулирования валютных спекуляций продолжилась. Чтобы снизить спрос на валюту на бирже, Банк России развернул механизм рефинансирования в иностранной валюте по операциям валютного РЕПО. Тем самым он создал новый канал обогащения спекулянтов, теперь уже на повышении курса рубля. Беря валютные кредиты по 2%, банки конвертируют их в рубли, покупая ОФЗ с доходностью более 10%, а затем продают их и снова конвертируют в валюту по уже повысившемуся курсу рубля. С учётом его роста на треть, доходность этих валютно-финансовых спекуляций составляла те же 30–40%, что и в прошлом году на плавном снижении курса рубля. Неудивительно, что деньги продолжали притекать на валютно-финансовый рынок, уходя из реального сектора. Только за первый квартал объём выданных банками кредитов производственным предприятиям сократился почти на полтриллиона рублей. Зато объём операций на Московской бирже за текущий год удвоился.

Обрабатывающие производства так и не смогли воспользоваться повышением конкурентоспособности своей продукции вследствие девальвации рубля из-за сверхжесткой денежно-кредитной политики. Несмотря на все призывы руководства страны к широкому импортозамещению и использованию повышения ценовой конкурентоспособности отечественной продукции после девальвации рубля для расширения её производства, в реальности этого сделать не удалось вследствие отсутствия кредита. Хуже того, портфель рублёвых кредитов, выданных реальному сектору, по итогам I квартала 2015 г. сократился на 410 млрд руб., а доля просроченной задолженности по рублёвым кредитам реальному сектору по состоянию на 1 мая текущего года выросла по сравнению с началом 2014 г. более чем на 60% (в том числе на 27% с начала 2015 г.) и достигла почти 7% от данного сегмента кредитного портфеля. Это неудивительно, если реальный сектор, в особенности машиностроение, на протяжении, как минимум, I квартала 2015 г. имел доступ к кредитным ресурсам по ставкам около 20% годовых в рублях, что почти вдвое превышает ожидания Банка России по инфляции на годовом горизонте. В итоге, не имея возможности привлечь кредиты для расширения производства, промышленные предприятия предпочли поднять цены, воспользовавшись ростом цен на конкурирующий импорт, и понизить объёмы выпуска. Тем самым усилили тенденцию роста инфляции.

Кредитные ресурсы, эмитированные в порядке рефинансирования коммерческих банков в размере 8 трлн руб., были использованы последними, в основном, для финансирования валютных спекуляций. Об этом свидетельствует синхронный рост обязательств коммерческих банков перед ЦБ и объёма их валютных активов. При этом попытки ЦБ повлиять на финансовый рынок повышением процентных ставок успеха не имеют. И не могут иметь, потому что доходность спекуляций на раскачивании валютного рынка многократно превышает ключевую ставку. Манипулирующие рынком спекулянты почти не рискуют – незамысловатая политика денежных властей ими легко просчитывается. Они без особого риска расшатали в прошлом году валютный коридор, заранее зная алгоритм действий Банка России, а в этом году без риска для себя используют занимаемые в ЦБ кредиты для финансирования высокоприбыльных операций «carry trade».

Благодаря политике денежных властей, главным генератором деловой активности в экономике России стала валютная биржа. Объём торгов на ММВБ составил в 2014 г. около 4 трлн долл., что в 2 раза превышает ВВП страны и в 10 раз — её внешнеторговый оборот. Порождённая политикой Банка России спекулятивная воронка поглощает все больше денег, высасываемых из банков и реального сектора. Экономика подчинена интересам валютно-финансовых спекулянтов, наживающихся на её дестабилизации и разорении. Когда рубль падал в прошлом году, сверхприбыли спекулянтов оплачивались обесцениением сбережений и доходов, сформированных в рублях. Когда рубль в этом году растёт, такие же доходы спекулянтов оплачиваются снижением прибыли предприятий реального сектора, которые вытесняются с рынка дешевеющим импортом.

Как не трудно посчитать, после того как курс рубля упал вдвое и до 16% подскочила инфляция, повысились ставки процента, издержки предприятий выросли на 20–30% в зависимости от доли импортных комплектующих. После повышения курса рубля на треть произошло соответствующее снижение их ценовой конкурентоспособности по отношению к импорту. Она вернулась на тот уровень, с которого год назад начиналась девальвация рубля. Только денег по сравнению с прошлым годом стало на четверть меньше, кредиты стали вдвое дороже и существенно менее доступны.

Если уж действительно курс рубля нужно было бы девальвировать исходя из объективных факторов торгового баланса — падение цен на нефть и другие товары сырьевого экспорта, западные санкции и отток капитала — то делать это надо было одномоментно со стабилизацией курса на новом уровне, не давая тем самым подняться спекулятивной волне. Например, понизили бы курс в 1,5 раза и зафиксировали на месяц, чтобы дать торговле адаптироваться к новому курсу. В то же время дать кредиты производственным предприятиям для наращивания импортозамещения. Тогда не было бы спекулятивной волны и увеличившее ценовую конкурентоспособность производство стало бы расти. А плавно переходящее в обвальное падение снижение курса в 2 раза с последующим его ростом в 1,5 раза — верный способ угробить производство и инвестиции не только чрезмерной неопределённостью курса, но и невыгодностью производственной деятельности на фоне сверхприбыльности валютных спекуляций.

Устойчивость национальной валюты подразумевает не только поддержание стабильного номинального обменного курса рубля по отношению к другим валютам. Она включает ещё две составляющих. Во-первых, устойчивость покупательной способности доходов и сбережений россиян, номинированных в национальной валюте. Во-вторых, создание за счёт управления валютным курсом максимально благоприятных макроэкономических условий для устойчивого развития экономики, финансовой системы, инвестиций и, в итоге — увеличения благосостояния граждан как конечной цели экономической политики.

ДКП не предусматривают ни защиты, ни обеспечения устойчивости рубля как в первом (нет инфляции), так и во втором (стабильность курсов) смыслах. Следование заложенным в них принципам уже повлекло провал как в защите покупательной способности доходов и сбережений граждан, так и в обеспечении благоприятных для роста макроэкономических условий. Последние стали невыносимыми для производственной сферы вследствие резкого повышения процентных ставок. Год назад в Особом мнении насчёт ДКП на текущий год автор этих строк писал: «*Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики не предусматривают никаких мер по необходимому для*

воспроизводства экономики расширению денежного предложения, замещению замороженных вследствие санкций внешних источников финансирования внутренним кредитом. Их реализация усугубит сжатие денежной массы, что повлечёт спазматическое сокращение кредита, цепочки дефолтов и резкий делеверидж. Без принятия адекватных упреждающих мер со стороны ЦБ РФ денежная масса в 2015 г. рискует сократиться на 15–25%, что вызовет паралич всей финансовой системы, неплатежи и дефолты по примеру 1996–1998 гг., обрушение инвестиционно-банковской системы, глубочайший инвестиционный кризис, спад производства и рост безработицы».

Несмотря на то, что эти подкреплённые прогнозными расчётами предупреждения, как было показано выше, полностью сбылись, денежные власти упорно продолжают прежний курс завышенных процентных ставок и свободного плавания рубля. Первая составляющая их политики мотивировалась странным мнением о «перегретости» российской экономики, в реальности работающей не более чем на 2/3 своих потенциальных возможностей. В обоснование этого мнения приводились рассуждения о якобы достигнутом равновесном уровне безработицы, которые совершенно неадекватно реальности оценивали положение на рынке труда. Вопреки опросам предприятий и официальной статистике, свидетельствовавших о значительной скрытой безработице и недогруженности производственных мощностей на 40%, аналитики Банка России считали, что нарастить выпуск можно не более чем на 1,5% и делали вывод об инфляционной опасности смягчения денежной политики[21].

Ещё более странной является убеждённость руководителей денежных властей в том, что они могут справиться с инфляцией и колебаниями курса рубля манипулированием процентных ставок. За годы рыночных реформ опубликованы тысячи исследований, которые свидетельствуют об отсутствии статистически значимой зависимости между динамикой процентных ставок и денежной массы, с одной стороны, и уровнем инфляции, с другой стороны. При этом есть хорошо прослеживаемая жёсткая зависимость между первыми двумя показателями и динамикой производства и инвестиций. Всегда и везде сокращение денежной массы и повышение ставки процента сопровождается падением производства и инвестиций. Особенно наглядно это видно в российской экономике.

Повышение процентных ставок в целях снижения инфляции и повышения курса национальной валюты — это стандартная рекомендация МВФ. Она основывается на математических моделях рыночного равновесия, которые не соответствуют экономической реальности, но иллюстрируют очень простые и внешне убедительные суждения. Монетаристы уверены, что повышение процентных ставок повышает привлекательность банковских вкладов, что сокращает спрос и влечёт снижение цен, а также связывает свободные деньги и сокращает их предложение на валютном рынке, что способствует повышению курса национальной валюты. Это поверхностное суждение не учитывает, однако, что повышение процентных ставок ведёт к росту издержек у заёмщиков, который они перекладывают на себестоимость продукции, что влечёт повышение цен и давит на девальвацию национальной валюты. Так же и сокращение спроса приводит к снижению производства и увеличению издержек в результате действия эффекта отдачи от масштаба выпуска, что может вести не к снижению, а к повышению цен. И наоборот, снижение процентных ставок и увеличение предложения денег

[21] Особое мнение члена Национального финансового совета С. Ю. Глазьева по проекту решения НФС «Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2015–2017 гг. ».

может трансформироваться в расширение производства и инвестиций и, соответственно, в снижение цен и издержек.

Реальная экономика отличается от моделей экономического равновесия так же, как живой организм от муляжа. Монетаристы не хотят понять очевидных вещей — нелинейности и неравновесности процессов экономической динамики. В нашем случае — пагубной роли демонетизации экономики при и без того низком уровне её монетизации. Расширение денежного предложения в нашей экономике до сих пор сопровождалось не повышением, а снижением инфляции вследствие опережающего роста производства и снижения издержек при увеличении загрузки производственных мощностей в реальном секторе экономики. В то же время увеличение кредита без контроля за целевым использованием кредитных ресурсов может повлечь их переток на финансовый рынок, вызвать новую волну валютных спекуляций с очередным обрушением курса рубля и последующим разгоном инфляционной волны. Вместе с тем совершенно точно можно прогнозировать, что продолжение начавшейся в прошлом году демонетизации экономики наверняка повлечёт усугубление спада производства и инвестиций.

Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики (ОНЕГДКП) на 2016–2018 гг. предусматривают дальнейшее сжатие денежной базы в реальном выражении, которое за 2014–2017 гг. составит по базовому сценарию, согласно представленным в ОНЕГДКП данным, 30%. По этим же данным сжатие денежной массы в национальном определении в сопоставимых ценах составит в 2014–2016 гг. 17,2%. Исходя из устойчивых эмпирических закономерностей, связывающих динамику денежной массы, с одной стороны, и инвестиций и ВВП, с другой стороны, можно с уверенностью прогнозировать резкое падение последних показателей. По опыту аналогичных периодов сжатия денежной массы в 1992–1998 гг. и 2007–2009 гг. падение экономической и инвестиционной активности может оказаться существенно ниже представленных в ОНЕГДКП прогнозных оценок [22].

Существенное падение ВВП и инвестиций повлечёт дальнейшее повышение издержек и снижение эффективности производства отечественных товаров, что будет способствовать повышению инфляции в большей степени, чем противоположное действие — снижения спроса. Об этом также говорят устойчивые эмпирические закономерности, свидетельствующие об отсутствии статистически значимой зависимости между динамикой денежной массы и инфляцией при наличии отрицательной корреляции.

Имеющийся отечественный и международный опыт проведения предлагаемой монетарной политики свидетельствует о том, что реализация ОНЕГДКП в их нынешнем виде усугубит стагфляцию и обострит кризисные явления в российской экономике. Наряду с дальнейшим спадом производства, инвестиций, конкурентоспособности и высокой инфляцией, можно прогнозировать возобновление кризиса неплатежей, роста безработицы, резкое падение уровня жизни граждан.

Итак, причиной втягивания нашей экономики в стагфляционную ловушку является догматическая и ошибочная политика денежных властей. Остаётся один вопрос — а могут ли они её исправить? Ответ один — если научатся жить своим умом, а не опираться на инструкции вашингтонских финансовых организаций.

В руководящей роли МВФ можно убедиться, ознакомившись с Заявлением миссии МВФ в Москве от 1 октября 2014 г.[23], адресованного российским

---

[22] Особое мнение члена Национального финансового совета С. Ю. Глазьева по проекту решения НФС «Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2016–2018 гг. ».

[23] http://www.imf.org/external/np/ms/2014/100114.htm.

денежным властям. В нем, в частности, были даны следующие рекомендации: *«Центральному Банку России имеет смысл продолжить курс на ужесточение ДКП и поднять процентные ставки с целью снижения инфляции и продолжения своего движения в сторону «таргетирования» инфляции, достижимого в рамках полностью гибкого курсообразования»; «для снижения инфляции потребуется ужесточение денежно-кредитной политики. Банк России в последние месяцы принял надлежащие меры, повысив процентные ставки по своим операциям и возобновив переход к большей гибкости обменного курса. Однако темпы базовой инфляции ускорились, вследствие чего для стабилизации и сдерживания инфляционных ожиданий потребуется дальнейшее ужесточение денежно-кредитной политики. Повышение процентных ставок также поможет ограничить отток капитала».* Политика Банка России направляется МВФ не только посредством указаний, но и внедрением соответствующих методик: экономико-математических моделей, представлений о взаимозависимостях между макроэкономическими параметрами, на которые опираются денежные власти при разработке своей политики. Неадекватность этих методов компенсируется зомбированием экспертов, которых отучают мыслить критически и убеждают верить на слово наукообразным рекомендациям и оценкам МВФ. Любопытно, что в адрес США МВФ даёт противоположные рекомендации: «преждевременное повышение ставок может вызвать ужесточение финансовых условий или расшатывание финансовой стабильности, что будет препятствовать росту экономики...»[24] Такое двуличие в позиции МВФ указывает на политическую подоплёку и ангажированность его позиции. России навязывается самоубийственная денежно-кредитная политика, которая создаёт угрозу не только «стабилизации стагнации», но и возникновения воспроизводственного коллапса наподобие того, который пережила Россия в 1990-е гг.

Для обеспечения расширенного воспроизводства российская экономика нуждается в существенном повышении уровня монетизации, расширении кредита и мощности банковской системы. Необходимы экстренные меры по её стабилизации, что требует увеличения предложения ликвидности и активизации роли ЦБ как кредитора последней инстанции. В отличие от экономик стран-эмитентов резервных валют, основные проблемы в российской экономике вызваны не избытком денежного предложения и связанных с ним финансовых пузырей, а хронической недомонетизацией экономики, которая длительное время работала «на износ» вследствие острого недостатка кредитов и инвестиций.

Необходимый уровень денежного предложения для подъёма инвестиционной и инновационной активности должен определяться спросом на деньги со стороны реального сектора экономики и государственных институтов развития при регулирующем значении ставки рефинансирования. Настоящее «таргетирование» инфляции невозможно без реализации других целей макроэкономической политики, включая обеспечение стабильного курса рубля, роста инвестиций, производства и занятости. Эти цели могут ранжироваться по приоритетности и задаваться в форме ограничений, достигаясь за счёт гибкого использования имеющихся в распоряжении государства инструментов регулирования денежно-кредитной и валютной сферы. В сложившихся условиях приоритет следует отдавать росту производства и инвестиций в рамках установленных ограничений по инфляции и обменному курсу рубля. При этом для удержания инфляции в установленных пределах необходима комплексная система мер по ценообразованию и ценовой политике, валютному и банковскому регулированию, развитию конкуренции.

---

[24] 2015 Article IV Consultation with the United States of America Concluding Statement of the IMF Mission. 28.05.2015.

Как показывает мировой опыт, для реализации открывающихся возможностей подъёма на новой волне роста нового технологического уклада требуется мощный инициирующий импульс обновления основного капитала, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях модернизации и развития экономики. Его организация предполагает повышение нормы накопления до 40% ВВП с концентрацией инвестиций на прорывных направлениях нового технологического уклада. Источником финансирования этих инвестиций в наших условиях, как и в большинстве других стран, совершавших скачки из отсталости и бедности на передовой уровень жизни и технического развития, может быть только целевая кредитная эмиссия, организуемая денежными властями в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами.

Для её реализации можно воспользоваться опытом стран, успешно использовавших окно возможностей для технологического рывка — все они прибегали к политике финансового форсажа, увеличивая в разы объём кредитования инвестиций в перспективные направления экономического роста. Их центральные банки становились на этот период банками развития, эмитируя необходимое количество денег для реализации централизованно спланированных инвестиционных проектов и программ.

Как показывает международный опыт и оценки нынешнего состояния отечественного научно-производственного потенциала, необходимый для перехода на траекторию опережающего развития на основе нового технологического уклада инициирующий импульс требует двукратного повышения уровня инвестиционной активности. Единственно возможным при нынешнем состоянии российской экономики источником финансирования этого подъёма является целевая денежная эмиссия. Последняя должна носить целенаправленный характер исходя из объективно оцениваемой потребности в кредитах со стороны разных сфер хозяйственной деятельности и с учётом устанавливаемых государством приоритетов долгосрочного развития экономики.

Из теории экономического развития и практики развитых стран следует необходимость комплексного подхода к формированию денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внутренние источники денежной эмиссии. Важнейшим из них является механизм рефинансирования банков, замкнутый на кредитование реального сектора экономики и инвестиций в приоритетные направления развития. Это можно сделать путём использования хорошо известных и отработанных в практике развитых стран косвенных (рефинансирование под залог обязательств государства и платёжеспособных предприятий) и прямых (софинансирование государственных программ, кредиты под госгарантии, фондирование институтов развития) способов денежной эмиссии. Не следует также исключать возможность направления денежной эмиссии на государственные нужды, как это делается в США, Японии, ЕС путём приобретения центральными банками государственных долговых обязательств.

Необходимо выравнивание условий деятельности российских предприятий по сравнению с иностранными конкурентами по стоимости финансовых ресурсов, срокам их предоставления, уровню рисков. Это требует снижения ставки рефинансирования, которая центральными банками многих ведущих стран устанавливается последние несколько лет на уровне ниже инфляции на долгосрочный период с целью стимулирования инвестиций и деловой активности для ускорения роста нового технологического уклада. При этом упор делается на формирование целевых длинных и сверхдлинных ресурсов (в США, Японии и Китае — до 30–40 лет) под обязательства государства. В том числе, связанные

с финансированием долгосрочных инвестиционных проектов, которые дополняются инструментами среднесрочного рефинансирования, что создаёт мощную основу длинных кредитных ресурсов в экономике. При этом денежно-кредитная политика увязывается с приоритетами научно-технической и промышленной политики, сочетание которых свидетельствует о формировании инструментария денежно-промышленной политики.

С учётом необходимости удвоения инвестиций для модернизации экономики Банку и Правительству России необходимо увязывать монетарную политику с решением задач кредитования модернизации и роста экономики. В нынешних условиях это возможно только на основе внутренних источников монетизации за счёт расширения долго- и среднесрочного рефинансирования коммерческих банков под обязательства производственных предприятий и уполномоченных органов государственного управления. Целесообразно также провести последовательное замещение иностранных заимствований контролируемых государством банков и корпораций внутренними источниками кредита.

Для формирования современной национальной кредитно-финансовой системы, адекватной задачам подъёма инвестиционной активности в целях модернизации и развития российской экономики, ЦБ должен функционировать как институт развития, обеспечивающий кредитами как потребности частных предприятий в расширении и развитии производства, так и инвестиции на реализацию государственных программ, стратегических и индикативных планов.

Это может быть сделано путём многократного увеличения масштабов использования уже применяемых ЦБ специальных инструментов рефинансирования с расширением их состава и снижением процентных ставок в зависимости от целей кредитования. Целевая кредитная эмиссия может вестись по воспроизводственным контурам: оборонно-промышленного комплекса, государственных программ и институтов развития под нулевую процентную ставку (в связи с отсутствием риска благодаря бюджетному финансированию); строительного и агропромышленного комплексов под ставку не выше 2% (требуемых исходя из оценки рисков невостребованности продукции); импортозамещения и пр. Банки и предприятия, участвующие в этой системе целевого рефинансирования, должны принимать на себя обязательства целевого использования денег для производства конкретных товаров и финансирования инвестиционных проектов в соответствии с индикативными планами, формируемыми совместно с государством в соответствии с установленными им стратегиями развития. Это предполагает заключение системы хозяйственных договоров между предприятиями, банками и органами государственного управления, участвующими в системе целевого кредитования развития экономики.

Может быть принято и другое решение, запускающее параллельно существующей денежно-кредитной политики механизм целевого кредитования инвестиционной и инновационной активности посредством институтов развития, действующих в соответствии с государственными программами, стратегическими и индикативными планами. Для этого, по аналогии с немецким KFW, может быть создан специализированный Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд, призванный рефинансировать институты развития и коммерческие банки в необходимых объёмах.

По сути, это означает создание параллельно действующей системе денежного обращения специального контура, ориентированного на достижение целей развития экономики. Наряду с обеспечением Фонда в необходимом объёме кредитными ресурсами, который может достигнуть половины денежной базы, ЦБ должен будет следить за целевым использованием денег.

Исходя из изложенного, предлагается следующий комплекс мер по настройке денежно-кредитной системы на цели развития и расширение возможностей кредитования реального сектора.

1. Законодательное включение в перечень целей государственной денежно-кредитной политики и деятельности Банка России создание условий для экономического роста, увеличения инвестиций и занятости. Переход к многоцелевой денежно-кредитной политике, предусматривающий одновременное достижение целей экономического роста, инфляции и увеличения инвестиций, а также системное управление процентными ставками, обменным курсом, валютной позицией банков, объёмом денежной эмиссии по всем каналам и другими параметрами денежного обращения.

2. Переход к многоканальной системе рефинансирования банковской системы с проведением денежной эмиссии преимущественно для рефинансирования коммерческих банков под залог кредитных требований к производственным предприятиям, облигаций государства и институтов развития. При этом, наряду с ныне действующим механизмом рефинансирования на цели пополнения ликвидности по ключевой ставке должны быть развёрнуты каналы целевого рефинансирования коммерческих банков под спрос производственных предприятий, ставка процента по которым не должна превышать среднюю норму прибыли в инвестиционном комплексе за вычетом банковской маржи (2–3%), а сроки предоставления кредитов должны соответствовать типичной длительности научно-производственного цикла в обрабатывающей промышленности (до 7 лет). Доступ к системе рефинансирования должен быть открыт для всех коммерческих банков на универсальных условиях, а также для банков развития на особых условиях, соответствующих профилю и целям их деятельности (в том числе, с учётом ожидаемой окупаемости инвестиций в инфраструктуру — до 20–30 лет под 1–2%).

Кроме того, предлагается развернуть специальные антикризисные целевые кредитные линии на восстановление деловой активности, расширение и модернизацию производства. Размещать такие кредиты коммерческие банки и институты развития должны на принципах целевого кредитования конкретных проектов, предусматривающих выделение денег исключительно на оплату установленных ими расходов без перечисления денег на счёт заёмщика.

3. Развернуть целевое кредитование производственных предприятий, сбыт продукции которых гарантирован экспортными контрактами, госзаказами, договорами с внутренними потребителями и торговыми сетями. Эти кредиты по ставке 2% должны рефинансироваться ЦБ под обязательства предприятий через подконтрольные государству банки с доведением до конечных заёмщиков по ставке 4% на срок от 1 до 5 лет с жёстким контролем за целевым использованием денег исключительно на производственные нужды. Требуемый объём таких кредитов — не менее 3 трлн руб., включая 1,2 трлн руб. для предприятий оборонно-промышленного комплекса.

4. Развернуть целевое финансирование одобренных государством инвестиционных проектов за счёт кредитов ЦБ институтам развития по ставке 1% на 5–15 лет под облигации госкорпораций, правительства, субъектов федерации, муниципалитетов, международных организаций. Объём — не менее 2 трлн руб.

5. Увеличить в 3 раза объём льготных кредитных линий на поддержку малого бизнеса, жилищного строительства, сельского хозяйства, рефинансируемых ЦБ через специализированные институты развития федерального и регионального уровня не более чем под 2% годовых, включая ипотеку.

6. Разработать и реализовать государственную программу импортозамещения в объёме не менее 3 трлн руб. ЦБ предоставить уполномоченным банкам целевую кредитную линию на эти цели до 1 трлн руб. Запретить импорт и лизинг за государственные средства (бюджета и средства госкомпаний) любой продукции, аналоги которой производятся в России, включая импорт самолётов, автомобилей, лекарственных препаратов, напитков, мебели и пр.

7. Обусловить низкопроцентное кредитование частного бизнеса его встречными обязательствами перед государством по производству определённой продукции (или оказанию услуг) в определённом объёме в определённые сроки по определённым ценам. Невыполнение обязательств должно вести к образованию долга перед государством в размере стоимости непроизведенной продукции.

8. В целях обеспечения стабильных условий кредитования запретить коммерческим банкам пересматривать условия кредитных соглашений в одностороннем порядке.

9. Изменить стандарты оценки стоимости залогов, используя средневзвешенные рыночные цены среднесрочного периода и ограничить применение маржинальных требований. В том числе предусмотреть отказ от маржинальных требований к заёмщикам со стороны Банка России и банков с государственным участием.

10. Многократно увеличить капитал институтов развития путём эмиссии их долгосрочных облигаций, выкупаемых Банком России и включаемых в его ломбардный список.

11. Создать Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд по образцу немецкого KFW с его рефинансированием за счёт Резервного фонда Правительства и выкупа облигаций Банком России в соответствии с государственной инвестиционной программой.

12. Открыть кредитную линию ЦБ на рефинансирование через ВЭБ корпораций и банков, сталкивающихся с прекращением внешнего кредита по причине санкций на тех же условиях, что и замещаемые иностранные займы. Её объём может составить до 5 трлн руб.

13. Многократно увеличить финансирование институтов лизинга отечественной техники путём целевого рефинансирования ЦБ под 0,5% годовых с маржой этих институтов не более 1%.

14. Ограничить заимствования контролируемых государством корпораций за рубежом; постепенно заместить инвалютные займы контролируемых государством компаний рублёвыми кредитами государственных коммерческих банков за счёт их целевого рефинансирования со стороны Центрального Банка под соответствующий процент.

15. Кардинально расширить ломбардный список Центрального банка, включив в него векселя и облигации платёжеспособных предприятий, работающих в приоритетных направлениях, институтов развития, гарантии федерального правительства, субъектов федерации и муниципалитетов.

16. Во избежание стимулирования вывоза капитала и валютных спекуляций приём иностранных ценных бумаг и иностранных активов российских банков в качестве обеспечения ломбардных и иных кредитов ЦБ следует прекратить.

О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ

Полтерович В. М., *заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, д. э. н., академик РАН.*

То, что происходит с экономикой России после 2008 г., достаточно хорошо объясняется эффектом ловушки среднего дохода в сочетании с двумя «отягчающими» обстоятельствами – внешнеполитической конфронтацией и ресурсным проклятием. Речь, конечно, не идёт ни о сильной форме гипотезы ресурсного проклятия, согласно которой избыток природных ресурсов замедляет рост, ни даже об эффекте условного проклятия, в силу которого относительно медленный рост наблюдается в экономиках с «плохими» институтами. Скорее, можно говорить о ресурсном проклятии в слабой форме: странам, богатым природными ресурсами, но институционально отсталым, не удаётся использовать периоды высоких цен на ресурсы для модернизации экономики, так что при падении цен они сдают свои позиции. Хотя, насколько известно автору, этот последний феномен изучался лишь применительно к конкретным странам, механизмы, рассматриваемые в теории ресурсного проклятия (см. обсуждение и ссылки в (Полтерович, Попов, Тонис, 2007)), могут служить его общим объяснением.

Исследуя эти механизмы, мы писали, что высокие «мировые цены диктуют международное разделение труда, при котором изобилие ресурсов и относительно дешёвая рабочая сила заставляют догоняющую страну делать ставку на ресурсный сектор в ущерб развитию секторов с более сложной технологией, требующей человеческого капитала относительно высокого качества». «Это и есть технологическое «проклятие ресурсов». Для его преодоления необходимы эффективные институты промышленной политики» (с. 84–85).

Институты промышленной политики

Догоняющее развитие реализуется за счёт непрерывного потока крупномасштабных проектов, обеспечивающих экономический рост и постоянное совершенствование технологий. Каждый такой проект должен не только увеличивать ВВП, но и создавать условия для дальнейшего движения.

В условиях слабо развитой институциональной среды рынок сам по себе не справляется с задачей генерации крупных эффективных проектов. Связано это, прежде всего, с высокой неопределённостью, порождаемой как сильной вариативностью рыночной обстановки – колебаниями цен и валютных курсов, условий кредитования, нестабильностью спроса, – так и непредсказуемым поведением государства и партнёров. Недоверие сочетается с низким уровнем договороспособности, коренящимся не только в указанных объективных обстоятельствах, но и в несовершенстве деловой культуры. Ещё одно препятствие – недостаток информации о перспективных технологиях, вызванный низким уровнем человеческого капитала и объективными трудностями её получения.

Для преодоления этих трудностей вся институциональная система страны должна быть соответствующим образом ориентирована. При этом целесообразно выделить «институциональное ядро» промышленной политики – подсистемы институтов, непосредственно ответственные за инициацию, разработку, отбор и реализацию крупномасштабных проектов и программ. К ним относятся: система научных исследований и разработок, национальная инно-

вационная система (НИС), система национального планирования (СНП) и система финансирования крупномасштабных проектов (см. обсуждение и ссылки в (Полтерович, 2014)). Задача настоящей статьи – наметить контуры формирования СНП в России. Мои предложения опираются на накопленный мировой опыт национального планирования и на анализ имеющегося в России «задела».

Эволюция национального планирования за рубежом

Каждая из существующих ныне в разных странах систем национального планирования представляет собой тот или иной вариант синтеза двух базовых механизмов: универсального и программного планирования. Первое нацелено на ускоренное сбалансированное развитие отраслей и регионов за счёт широкомасштабных инвестиционных проектов; оно требует формирования иерархии специализированных институтов планирования. Второе для стимулирования развития использует относительно небольшое число программ, направленных на решение ключевых народнохозяйственных проблем; программы разрабатываются и реализуются министерствами и ведомствами, осуществляющими также текущее управление. Национальное планирование в развивающихся странах тяготеет к первому типу, в развитых – ко второму.

Универсальное планирование может быть централизованным или индикативным. Современное программное планирование обычно реализуется в форме программного бюджетирования (Schick, 2013). Наметим лишь основные вехи развития СНП в двух странах – в Китае и во Франции.

При переходе к рыночной экономике Китай в отличие от России не демонтировал систему централизованного планирования, а постепенно её трансформировал. Сокращались масштабы прямого государственного вмешательства, всё больше функций делегировалось на уровень предприятий и отраслей. Однако координирующая роль основного планового органа, менявшего названия в процессе ряда реорганизаций, до самого последнего времени в целом усиливалась за счёт новых сфер ответственности в процессах прогнозирования, анализа, надзора и проектирования (Heilmann, Melton, 2013). Структура китайской Национальной комиссии по развитию и реформам (NDRC) и описание задач её подразделений[25] демонстрируют, что эту организацию недаром называют главным министерством или даже мини-правительством (Martin, 2014). Она разрабатывает кратко-, средне- и долгосрочные планы как на национальном, так и на региональном и отраслевом уровнях, обеспечивая их согласованность друг с другом и с бюджетом, координирует и во многом формирует все направления социально-экономического регулирования, включая промышленную, внешнеторговую, антимонопольную, макроэкономическую, природоохранную и социальную политику. Кроме того, Комиссия разрабатывает проекты реформ и фактически координирует работу национальной инновационной системы. Благодаря разумной степени агрегации плановых показателей китайская модель планирования оставляет значительное пространство для принятия решений на местах (Xu, 2011). В статье (Heilmann, Melton, 2013) авторы обращают внимание на две черты китайского планирования: встроенное в план экспериментирование, помогающее осуществлять его коррекцию, и кадровая политика, базирующаяся на мониторингах выполнения важнейших плановых показателей.

Индикативное планирование сформировалось после Второй мировой войны во Франции, а затем в Японии. Примерно в то же время в США стали применять программное бюджетирование. Так, в 1946 г. Генеральный комиссариат

[25] См. материалы сайта http://en.ndrc.gov.cn/.

по планированию при Правительстве Франции возглавил разработку пятилетних планов, включавших широкий спектр экономических индикаторов. Чтобы стимулировать их выполнение, использовались различные инструменты промышленной политики. Первые планы в основном выполнялись и перевыполнялись, но с 1970-х гг. достигаемые показатели стали сильно отставать от запланированных. К этому времени Франция уже решила задачу догоняющего развития, обогнав Великобританию по уровню душевого ВВП. Универсальное планирование не соответствовало новой стадии развития. Кроме того, оно было слабо связано с бюджетным процессом. Вследствие этого, а также из-за кризиса 1970-х гг., вызванного повышением нефтяных цен, рос национальный долг. На первый план вышла задача его снижения за счёт рационального бюджетирования, особенно при подготовке к заключению Маастрихтского договора, потребовавшего, чтобы долг не превосходил 3 % ВВП.

Эволюция планирования шла по четырём направлениям: 1) сокращалось число планируемых показателей; 2) региональное планирование всё в большей мере становилось функцией территориальных органов; 3) расширялся горизонт планирования; 4) возрастала роль бюджетирования. В середине 1990-х гг. было понято, что снижение координирующей роли государства, имевшее место в 1980-е гг., препятствует стабилизации долга и решению проблем инновационного развития. На первый план вышла задача интеграции индикативного планирования и бюджетирования. В 2001 г. во Франции вводится трёхлетний бюджет, подлежащий пересмотру каждые два года. В его задачи входит оценка и финансирование программ, направленных на решение задач развития, согласованных с долгосрочными целями. Разновидностью таких программ можно считать создание кластеров конкурентоспособности, десятки которых были созданы в 2000-е гг. для стимулирования инновационного развития. Постепенно формируется национальная система планирования, основанная на системе программных бюджетов (Martin et al., 2011; Андрюшкевич, 2012; Хрусталев и др., 2013).

Но задача стыковки планирования с бюджетированием остаётся пока нерешённой, так что возникают даже сомнения в эффективности программного бюджетирования в его нынешних вариантах (детальный анализ см. в (Schick, 2013)). Анализ современных систем программного планирования позволяет выявить их принципиальные отличия от классических универсальных систем. Структура первых представляет собой графы-деревья с однонаправленным потоком информации – от целей высшего уровня к задачам административных единиц, ответственных за разработку и реализацию программ (см. Хрусталев и др., 2013, с. 10). Обратная связь возникает лишь на этапе их мониторинга. Универсальное планирование предполагает непосредственное участие производственных единиц в процессах формирования проектов и многократный итеративный процесс взаимной корректировки целей и проектов. Смешанная система должна иметь структуру универсальной, но предусматривать итеративное согласование целей, проектов и программ с бюджетными возможностями.

Планирование и бюджетирование в России

Началом формирования системы индикативного планирования в России можно считать принятие Федерального закона от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Затем последовал ряд законодательных документов, прогнозов и стратегий. Однако, как правило, принятые планы не были состыкованы ни друг с другом, ни с прогнозами и, насколько мне известно, не сопоставлялись с достигнутыми показателями. Попытка пре-

одоления «хаоса планов» была в Федеральном законе от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Закон предусматривает разработку стратегий социально-экономического развития Российской Федерации каждые шесть лет, но горизонт планирования не определён. Стратегия должна содержать основные приоритеты регионального развития, обоснования необходимых реформ и программ. Она опирается на прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период (12 лет и более), который должен разрабатываться каждые шесть лет с учётом прогноза научно-технологического развития Российской Федерации и стратегического прогноза. Кроме того, Закон предусматривает разработку стратегий национальной безопасности Российской Федерации, бюджетных прогнозов Российской Федерации на долгосрочный период, основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации (на шесть лет), госпрограмм Российской Федерации, отраслевых стратегий, стратегий и прогнозов социально-экономического развития макрорегионов, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и т. д. к началу 2017 г. должна быть создана информационная система стратегического планирования.

Таким образом, закон вводит элементы скользящего планирования. Важно, что он предусматривает вовлечение в процесс стратегического планирования граждан и хозяйствующих субъектов, объединений профсоюзов и работодателей, общественных и научных организаций (ст. 8, 11).

Вместе с тем архитектура описанной в законе системы не выглядит обоснованной. Обилие документов с неясным соподчинением создаёт впечатление избыточности. Единая методология составления стратегий и прогнозов отсутствует. Понятие краткосрочного плана и прогноза в документе не вводится; на федеральном уровне предусмотрены среднесрочные прогнозы, но не планы. Установлено подчинение документов «сверху вниз» в соответствии с управленческой иерархией. Очевидно, однако, что процесс их формирования должен иметь итеративный характер, чтобы стратегии федерального уровня учитывали цели и возможности отраслей и регионов. Неясно, что имеет в виду законодатель, упоминая «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития». Остаётся надежда на исправление недостатков этого закона, поскольку ещё должен быть (до 1 января 2016 г.) определён «порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования» (ст. 47).

Одновременно с созданием системы планирования универсального типа в России наблюдается и другой процесс, слабо связанный с первым: создаётся система программного бюджетирования. В 2007 г. горизонт бюджетирования вырос с 1 до 3 лет. Принят ряд документов, регламентирующих составление и оценку государственных программ, создаётся информационно-управленческая система «Электронный бюджет» (Хрусталев и др., 2013, с. 49–78).

Вместе с тем, рассмотрение ежегодных законов о бюджете приводит к заключению, что расширение горизонта бюджетирования практически не изменило методологии его составления, добавилось лишь несколько ключевых цифр, относящихся к двум последующим годам. Минфин России не даёт каких-либо обоснований предлагаемого бюджетом распределения средств между статьями. Видимо, возможные варианты не оцениваются разработчиками. Соответственно, нет оснований утверждать, что выбранный вариант эффективен.

Контуры будущей системы национального планирования в России

В соответствии с выводами, полученными выше, России предстоит завершить формирование смешанной системы, интегрирующей планирование, бюджетирование и НИЦ. Только тогда станет возможным запустить многоуровневый итеративный процесс инициации и разработки проектов, их согласования с бюджетом. Для этого необходима сложная иерархически организованная система институтов, которую должно возглавлять специальное агентство, подчинённое непосредственно Председателю Правительства Российской Федерации. Назовём его Федеральным агентством развития (ФАР). В качестве региональных отделений ФАР можно использовать существующие в большинстве регионов агентства развития (РАР), реорганизовав их подходящим образом. РАР, таким образом, окажутся одновременно подчинёнными и ФАР, и региональным администрациям.

На первом этапе задачей ФАР могло бы стать совершенствование скользящего трёхлетнего программного бюджетирования, реализуемого с Минфином России и предусматривающего ежегодную корректировку трёхлетнего бюджета. Важным продвижением могло бы стать обоснование распределения средств между статьями на основе сопоставления нескольких вариантов (Schick, 2013, p. 16). Одновременно необходимо создавать информационную систему национального планирования (ИСНП), наладить разработку и обновление общероссийской и региональных матриц социальных счетов. Эта задача требует специальной программы, предусматривающей взаимодействие системы Росстата и институтов РАН. Централизация информации должна сочетаться с децентрализацией планирования и расширением полномочий регионов и муниципалитетов.

Разработка инструментов планирования (макромоделей, вычислимых моделей общего равновесия, методов экспертного планирования, оценивания и прогнозирования) могла бы стать предметом ещё одной важной государственной программы. В перспективе следовало бы перейти от сценарных планов-траекторий к динамическим планам – инструкциям, заранее предусматривающим корректировку политики при возникновении непредвиденных обстоятельств. Ещё одна задача первого этапа – формирование потока проектов и программ модернизации народного хозяйства. Здесь в качестве основных акторов, наряду с отраслевыми министерствами, могли бы выступить отраслевые ассоциации бизнеса. За счёт их членов (при небольшой поддержке государства) могли бы финансироваться разработки проектов модернизации отраслей. Государственные корпорации могли бы играть важную роль в этих процессах.

Современные методики оценки проектов и программ, их открытые обсуждения должны затруднить принятие дорогих проектов, обслуживающих лишь краткосрочные политические интересы. По мере формирования ИСНП будут создаваться возможности для постепенного расширения горизонта планирования до шестилетнего периода с последующим согласованием средне- и долгосрочных планов в скользящем режиме. Прогнозирование, как и бюджетирование, должно стать органической частью СНП. Целесообразно (по примеру Китая) возложить на ФАР ответственность за разработку и проведение институциональных реформ, поскольку без учёта процессов реформирования вряд ли возможны и адекватное целеполагание, и составление реализуемых планов.

Заключение

Несмотря на горький опыт, методология шоковой терапии всё ещё доминирует в российском экспертном и политическом пространстве как на правом, так

и на левом флангах идеологического спектра. Впрочем, отличить здесь правое от левого не всегда просто. Будто бы либеральные идеи пытаются реализовать путём жёсткого, насаждаемого сверху прямолинейного заимствования западных институтов при полном игнорировании интересов тех, кого касаются подобные преобразования.

Реформа РАН является ярким примером. Более завуалированный вариант шокового подхода состоит в утверждении, что никакая стратегия модернизации не имеет шансов на успех до тех пор, пока не изжита коррупция, не обеспечены права собственности, не создана конкурентная среда etc. Здесь неявно предполагается, что для достижения этих целей не требуется серьёзных изменений массовой культуры, а достаточно лишь усилий центральной власти. Однако фактически инициация догоняющего развития в странах, добившихся успеха, осуществлялась за счёт специальных институтов, а улучшение институционального климата в указанном выше смысле происходило постепенно, во многом благодаря быстрому росту.

К числу институтов, необходимых для инициации и поддержания высоких темпов развития, несомненно, принадлежит система национального планирования, скоординированная с НИС и со всем спектром государственных механизмов регулирования.

Выше я попытался показать, что формирование такой системы уже фактически происходит, и это даёт надежду на успех. Чтобы завершить этот процесс, нужно, прежде всего, отбросить идеологические аргументы против планирования типа «это похоже на Госплан». На самом деле это «похоже» на попытку преодолеть разрыв между Россией и Западом.

Список литературы

1. *Андрюшкевич О. А.* (2012). Национальное планирование в экономиках разного типа. Капитал страны. [Электронный ресурс] http://www.kapital-rus.ru/articles/article/199716/#a1.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации (2014). Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.
3. *Полтерович В. М.* (2014). Куда идти: двадцать четыре тезиса // Экономическая наука современной России. № 3(66). С. 7–16.
4. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* (2007). Экономическая политика, качество институтов и механизмы ресурсного проклятия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
5. *Хрусталев А. А., Тищенко Т. В., Соколов И. А.* (2013). Влияние программного целевого подхода на бюджетный процесс, пути совершенствования методологии и информационной системы формирования бюджета, ориентированного на результат. М.: РАНХиГС.
6. *Heilmann S., Melton O.* (2013). The Reinvention of Development Planning in China, 1993–2012 // *Modern China*. No. XX(X). P. 1–49.
7. *Martin E., Tytell I., Yakadina I.* (2011). France: Lessons from Past Fiscal Consolidation Plans. IMF Working Paper WP/11/89.
8. *Martin P.* (2014). The Humbling of the NDRC. China's National Development and Reform Commission Searches for a New Role Amid Restructuring. China Brief. Vol. XIV. Issue 5. March 7. P. 14–18.
9. *Schick A.* (2013). The Metamorphoses of Performance Budgeting. http://www.oecd.org/ officialdocuments/ publicdisplaydocumentpdf/?cote=GOV/PGC/SBO(2013).
10. *Xu Ch.* (2011). The Fundamental Institutions of China's Reforms and Development. Journal of Economic Literature. Vol. 49(4). P. 1076–1151.

ОТ НЕОТЛОЖНЫХ МЕР К СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РОСТА

Эскиндаров М. А., *ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д. э. н.*, **Сорокин Д. Е.**, *проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент РАН, д. э. н.*

Эффективность набора мер по преодолению сложившихся негативных трендов российской экономики определяется их адекватностью причинам, породившим эти тренды. Сегодня существует общее понимание, что фундаментальной причиной являются не конъюнктурные обстоятельства, порождаемые политическими факторами (типа «войны санкций») или флюктуациями мировых рынков (будь то резкое падение цен на энерго-сырьевых рынках или лопание «финансовых пузырей»). Для их преодоления существуют резервы, формируемые в период благоприятной экономической ситуации. По нашему мнению, российский экономический кризис не связан напрямую и с циклами экономической конъюнктуры. В основе нынешнего кризиса и кризисов 1990-х гг. и 2009 г. лежит производственно-технологическая структура нашей экономики.

Конечно, можно сказать, что кризис 1990-х гг. порождён распадом единого народнохозяйственного комплекса, созданного в СССР, и ошибками, допущенными в экономической политике того периода, а кризис 2009 г. – следствие мирового финансово-экономического кризиса, вызвавшего «схлопывание» мировых рынков и резкое падение мировых цен на энерго-сырьевые товары, образующие главную часть доходов экономики. Но в основании распада СССР лежала неспособность советской системы сформировать конкурентоспособную экономику, нарастанием её технико-экономической отсталости от главных геополитических конкурентов.

Что касается кризиса 2009 г., его фундаментальной причиной было не падение мировых цен на энерго-сырьевые ресурсы, а структура экономики, породившая зависимость экономического роста от динамики этих цен. Китайская экономика также, будучи экспортно-ориентированной, продемонстрировала в том же году рост ВВП на 9,1 %[26]. Дело в том, что экспорт Китая представлен, прежде всего, готовой конкурентоспособной продукцией. Поэтому закрытие внешних рынков было компенсировано стимулированием внутреннего спроса, который в том же году вырос на 14,8 %.

Именно низкая конкурентоспособность товаров высокой степени переработки в условиях открытого рынка породила высокую импортозависимость российской экономики, что сделало её весьма уязвимой для конъюнктурных колебаний мировых рынков, какими бы причинами они не вызывались. При этом надо иметь в виду, что объективные геополитико-экономические интересы стран-конкурентов неизбежно делают их заинтересованными в сохранении такого положения. В этом смысле проблема сохранения или отмены санкций в связи с украинским кризисом не имеет особого значения. Пример экономической экспансии китайской экономики является фактором, который постоянно будет

[26] Здесь и далее, если не указано иное – данные Минэкономразвития России и Росстата, либо расчёты на их основе.

заставлять страны, являющиеся традиционными лидерами глобальной экономики, предпринимать все меры для предотвращения появления ещё одного значимого конкурента, каким потенциально может стать экономика России.

При этом следует иметь в виду, что энерго-сырьевая зависимость российской экономики связана не с высокими или низкими экспортными ценами на соответствующие товары, а с их динамикой. При нынешней структуре производства для экономического роста России нужны не просто высокие, а непрерывно растущие цены на энерго-сырьевые товары. Этот тезис постоянно отмечался в прогнозах Минэкономразвития России в последние годы [27]. Фиксация же этих цен пусть и на высоком уровне неизбежно приведёт к замедлению экономического роста до недопустимо низких значений (табл. 1).

Таблица 1

Динамика мировых цен на нефть и ВВП России

Годы	Факт		Прогнозы Минэкономразвития	
	Сентябрь, 2013 г.		Май, 2015 г.	
	2010–2013	2014–2016	2013–2015	2016–2018
Среднегодовая мировая цена нефти Brent, долл./барр.	99,3	102,0	85,2	65,0
Среднегодовой прирост мировой цены нефти Brent, %	22,0	-5,6	– 23,7	12,0
Среднегодовой прирост ВВП, %	3,5	3,1	-0,3	3,0

Так, согласно прогнозу Минэкономразвития России, в сентябре 2013 г. среднегодовая цена нефти марки Brent на мировых рынках в 2014–2016 гг. должна быть выше, чем в 2010–2013 гг. Но среднегодовой рост ВВП в сопоставляемые периоды прогнозировался на более низком уровне, что было связано с разнонаправленностью среднегодовой динамики цены нефти. Однако согласно сценарию, представленному в мае 2015 г., среднегодовая цена нефти в 2016–2018 гг. прогнозируется существенно ниже уровня 2013–2015 гг. Тем не менее среднегодовой прирост ВВП должен, согласно прогнозу, составить 3 % против -0,3 % в 2013–2015 гг. Дело в том, что одновременно в 2016–2018 г. про-

[27] «Высокие темпы роста последних лет почти наполовину базировались на опережающем росте физических объёмов экспорта и повышении цен на нефть» // Уточнённый прогноз социально-экономического развития РФ на 2006 г. и основные параметры прогноза до 2008 г. Минэкономразвития России, 2005 г. «В 2004–2007 гг. фактор внешнеэкономической конъюнктуры обеспечил 42–50 % роста» // Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг. Минэкономразвития России, 2009 г. «Внешнеэкономический фактор (рост цен на нефть и спроса на сырьевой экспорт) определял до 50 % темпа экономического роста» // Пояснительная записка Минэкономразвития России о сценарных условиях для формирования вариантов прогноза социально-экономического развития в 2013–2015 годах. Минэкономразвития России, 2012 г. «В 2000-е годы динамичный рост российской экономики со среднегодовым темпом около 7 % более чем наполовину определялся эффектом улучшения внешнеэкономической конъюнктуры, ростом добычи и экспорта углеводородов и сырья, а также реализацией общих преимуществ догоняющего развития (около 4 п. п. прироста ВВП в год)» // Прогноз социально-экономического развития РФ на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. Минэкономразвития России, 2013.

гнозируется среднегодовой прирост цен нефти на уровне 12 % против более чем 20 % среднегодового её снижения в 2013–2015 гг. Понятно, что надеяться на устойчивый экономический рост за счёт непрерывно растущих цен на энергоносители (впрочем, как и на любой другой товар) – экономически неграмотно.

Таким образом, задача состоит не в том, чтобы преодолеть нынешний кризис, а в том, чтобы создать структуру производства, исключающую зависимость экономического роста России от какого-то одного фактора. В противном случае такого рода ситуации неизбежно будут повторяться, создавая всё большие угрозы национальной безопасности. Чтобы определить систему мер решения этой задачи, необходимо понять, в чём причина того, что российская экономика не производит в достаточных объемах конкурентоспособные товары высоких степеней обработки. На наш взгляд, дело, прежде всего, в состоянии обрабатывающих секторов российской промышленности.

Если добывающие отрасли еще до кризиса 2009 г. восстановили объёмы производства и по итогам 2014 г. более чем на 10 % превосходят по объему уровень 1991 г., то объёмы производства в обрабатывающей промышленности почти на такую же величину отстают от этого уровня. По сути, это – статистическое выражение её неконкурентоспособности. Причина же низкой конкурентоспособности – в изношенности и технологической отсталости её производственной базы. Ещё два года назад Минэкономразвития России опубликовало данные, согласно которым около 80 % технологического оборудования в реальном секторе экономики имеет срок службы от 16 до 35 лет.

Отсюда понятно, почему когда страны – технологические лидеры освоили пятый технологический уклад и начинают освоение шестого, то согласно анализу состояния российской экономики, проведённому учёными РАН, последняя, в основном, продолжает функционировать в рамках четвёртого технологического уклада с элементами пятого[28]. В свою очередь, состояние технологической базы определяется уровнем развития её машиностроительного комплекса. Объёмы же производства в последнем по итогам 2014 г. составляют менее половины от уровня 1991 г. и почти на 14 % меньше их максимальной величины, достигнутой в 2008 г. Причина в том же, что и для обрабатывающей промышленности в целом: более половины технологического оборудования в машиностроении имеет срок службы свыше 25 лет. Отсюда неудивительно, что в майском сценарии на 2016–2018 гг. Минэкономразвития России предупреждает о рисках в реализации политики импортозамещения.

Таким образом, единственной реальной мерой преодоления негативного сценария для российской экономики является технологическое перевооружение её машиностроительного комплекса и на этой базе развитие конкурентоспособной обрабатывающей промышленности[29]. Понятно, что масштаб задачи не позволяет решить её в парадигме «неотложных мер», которые должны дать

---

[28] См.: Научная сессия Общего собрания РАН “Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России // Вестник РАН. Т. 79, № 3, март 2009.

[29] Собственно, об этом неоднократно говорил Президент России В. Путин: «...20 трлн предусмотрели на гособоронзаказ до 2020 года, а как его выполнять, если мы хотим получить новейшие образцы вооружения на старом оборудовании?! Значит, начинать-то надо, прежде всего, с самого оборонно-промышленного комплекса: нужны новые станки, новые технологические линии» (совещание о реализации государственной политики в области развития ОПК на период до 2020 года и дальнейшую перспективу 20.02.2012; «Государство будет напрямую вкладывать средства в разработку технологий и поддержку критически важных отраслей. Прежде всего, это станкостроение...» (выступление в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 11.04.2012).

результат «к концу года». Такие меры необходимы, однако они будут носить паллиативный характер, возможно, облегчающий прохождение кризиса, но не устраняющий первопричину явления и потому ведущий к неизбежному его повторению по нарастающей негативной динамике. Для её решения необходима стратегия, выходящая за рамки привычных трёхлетних планов-прогнозов и сосредотачивающая ресурсы в рамках комплексного подхода, охватывающего её научно-технологическую, кадровую и финансовую составляющие.

При этом ни стратегия изоляционизма, ни мобилизационный вариант не принесут искомого результата. Такие меры придётся применять в определенных секторах, прежде всего, прямо определяющих безопасность страны, где нельзя опираться на чисто рыночные критерии. Экономика, безусловно, располагает потенциалом (научно-технологическим, финансовым, административно-организационным) для того, чтобы добиться положительных сдвигов в этой области. Но решение задачи создания конкурентоспособной технологической базы экономики выходит за рамки этих самих по себе крайне важных секторов.

Иначе говоря, России необходимо: наличие критической массы национальных корпораций, способных быть модераторами международных производственных цепочек, создающих конкурентоспособные продукцию и услуги, формирующих новые технологические уклады и национальных корпораций, встроенных в международные производственные цепочки на технологически высоких ступенях переработки; наличие производств, конкурентоспособных на внутреннем рынке по созданию продукции и услуг конечного потребления в объёмах, обеспечивающих эффективную занятость; размещение производственной базы, исключающее избыточную социально-экономическую дифференциацию регионов; наличие инфраструктуры, которая обеспечивает единство экономического и социального пространства страны и внутреннюю мобильность населения. При этом функционирование такой материально-технической базы должно обеспечить соблюдение экологических ограничений.

Национальная экономика по определению относится к большим системам органической целостности. Такого рода системы в силу своей природы не могут развиваться под воздействием управляющих сигналов, исходящих из единого центра[30]. Переоценка управленческих возможностей государства ведёт к возникновению явлений «псевдорегулирования», то есть такого регулирования, при котором воздействие регулятора на процессы в управляемой системе лишь номинально. То, что подобное развитие является не просто теоретическим предположением, а реальным фактом, указывает экономическая действительность СССР. Критика советской системы хозяйствования за сверхцентрализацию управления далеко не отражает всего существа дела.

---

[30] Это следует из сформулированного еще У. Р. Эшби основного закона управления – закона необходимого разнообразия. Суть в том, что функции управления могут эффективно выполняться управляющей системой лишь при условии, что её информационная мощность равна или превышает информационную мощность управляемой системы. Если же управляемая система имеет тенденцию к непрерывному росту своей информационной мощности, то в какой-то момент времени последняя необратимо превысит информационную мощность управляющей системы «наступает момент, когда восприятие всей информации становится невозможным по причине её чрезмерного объёма...» (Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностранной лит-ры. 1972. С. 153. По сути, теорема Р. Коуза, согласно которой фирма может существовать лишь до тех пор, «пока издержки контроля за её работниками меньше издержек защиты прав собственности» (Coase R. The Nature of the Firm//Economica, New Series. 1937, V. 16 (4). P. 386–405), есть частный случай действия закона разнообразия.

Экономику СССР, как минимум уже с 1960-х гг. в принципе нельзя рассматривать в качестве централизованно управляемой без существенных оговорок. Управленческие решения, действительно, принимались централизованно. Однако сами они не отражали потребности системы (пусть даже не адекватно понимаемые). Реальное управление было сосредоточено в руках мощных отраслевых министерств, ведомств, ряда территориальных органов, которые предопределяли решения экономического центра, направляя их, прежде всего, на сохранение сложившихся структур, а не на их перестройку в целях адаптации к новым условиям, рождаемым научно-техническим прогрессом. Наконец, неизбежно развивались латентные экономические процессы, в орбиту которых к концу 80-х гг. по некоторым оценкам оказалось прямо или косвенно втянуто почти 14 % занятых в народном хозяйстве. Объём движения неконтролируемой продукции составил около 9 % валового объёма производства в промышленности и сельском хозяйстве[31]. Другой вопрос, что социально-экономические результаты, порожденные такими латентными процессами, не имели ничего общего с ожидаемыми. Это означало переход от целостности к суммативности, то есть к распадению единой системы на ряд самостоятельных, хотя и связанных между собой, но преследующих собственные цели. По сути, распад СССР, повлекший распад единого народнохозяйственного комплекса, был естественным результатом этих процессов и подтверждением верности теоретических воззрений на функционирование больших сложных систем.

Наличие политической воли к использованию централизованных механизмов воздействия на процессы технологического перевооружения экономики в период СССР также не дали результатов. Еще в 1970-х гг. была сформулирована цель соединения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования. Однако, если в 1967 г. удельный вес продукции, выпускаемой одиннадцатью министерствами гражданского машиностроения свыше 10 лет (т. е. технологически устаревшей), составлял 16,2 %, то к началу 1980-х гг. он составил уже 30,6 %[32]. Именно тогда началось вытеснение высокотехнологичной продукции российского производства с мировых рынков (доля экспорта машин, оборудования и транспортных средств в общем объёме экспорта СССР (включая реэкспорт), составлявшая в 1970 г. 21,5 % к 1985 г. сократилась до 13,6 %[33]).

Большие системы органической целостности для своего сохранения и развития требуют наличия механизмов их саморегулирования, роль которых в экономических системах выполняют механизмы рынка. Это, конечно, не означает устранение государства от регулирования экономических процессов. Однако не следует отождествлять регулирующую роль государства с централизованным командно-административным управлением. Попытка такого управления окончится тем же, что и во времена СССР.

Политической экономией давно сделан вывод, что движущей силой экономического роста в рыночной экономике является конкуренция предпринимателей. Об этом писал ещё К. Маркс: «Капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли про-

---

[31] Рассчитано по данным: Народное хозяйство СССР в 1988 году. С. 5; Гриб В. Метастазы организованной преступности // Экономическая газета. 1989. № 30. С. 19.

[32] Плановое хозяйство. 1985. № 4. С. 92.

[33] Народное хозяйство СССР в 1985 году. М.: Финансы и статистика. 1986. С. 575.

изводства. ...Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства»[34]. Отсюда следует, что не всякий предприниматель является субъектом экономического роста, а тот, которого впоследствии Й. Шумпетер назовёт предпринимателем-новатором, «перетягивающим» на себя финансовые ресурсы в целях создания новых более эффективных технологий.

Вряд ли кто-либо из приверженцев опоры на регулирующую роль государства будет возражать против необходимости последовательного приоритетного для таких предпринимателей устранения излишних административных барьеров, эффективной защиты их прав собственности, удешевления и упрощения для них доступа к финансовым ресурсам и иных преференций, на которых настаивают сторонники политики либерализации экономической жизни. С точки зрения теории именно такая политика должна принести искомые результаты и потому либерализация экономической жизни в данном направлении является абсолютно необходимым условием перехода к устойчивому социально-экономическому развитию.

Вместе с тем, не лишне задаться вопросами. Располагают ли сегодня российские предприниматели и негосударственные финансовые институты ресурсами для решения масштабных задач коренного технологического перевооружения национальной экономики? Насколько реально получение ресурсов для создания конкурентоспособной технологической базы из зарубежных источников? Видимо ответы на них будут носить отрицательный характер. И, наконец, самый главный вопрос: располагает ли сегодня российская экономика той критической массой предпринимателей-новаторов, которая готова обеспечить соответствующее перенаправление финансовых потоков? В реальности, лидеры современного российского предпринимательства выросли не из конкуренции за рынки через нахождение организационно-технологических новшеств, а из конкуренции за раздел и передел собственности, требующей совсем иных умений. В силу этих объективных обстоятельств вряд ли можно ожидать от них поведения, характеризующего шумпетерианских предпринимателей-новаторов.

Безусловно, соответствующие изменения институциональной среды будут способствовать появлению тех предпринимателей, чей талант будет направлен на необходимые преобразования. Однако для такого рода изменений недостаточно принятия самых совершенных с точки зрения потребностей эффективных рыночных механизмов законов и иных нормативных актов[35].

---

[34] Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Второе изд. Т. 23. С. 329. При этом К. Маркс ссылается на общеизвестность этого процесса, цитируя издание 1720 г.: «...всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость в соревновании или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находились в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» («The Advantages of East-India Trade to England». London, 1720, p. 67).

[35] Еще Д. Норт отмечал ошибочность представлений, «что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» (Норт Д. Институты, институциональные изменения... М.: Начала, 1997. С. 56).

Конечно, развитие рыночных отношений на основе последовательных институциональных изменений теоретически должно привести к соответствующим сдвигам в общественном сознании и появлению критической массы предпринимателей-новаторов. Но этот процесс будет достаточно длительным. Имеет ли Россия временной ресурс для ожидания результатов институциональных реформ в виде появления критической массы шумпетерианских предпринимателей-новаторов? Сложившийся ныне вектор экономической динамики, а также геополитическая обстановка дают однозначно отрицательный ответ[36].

Таким образом, последовательно и настойчиво осуществляя реализацию институциональных мер, способствующих появлению и накоплению критической массы предпринимателей-новаторов[37], следует понимать, что эти меры в нынешней российской социально-экономической реальности, безусловно, необходимы, но недостаточны для перехода к траектории устойчивого экономического роста в рамках имеющегося у страны временного интервала для осуществления такого перехода. Они должны быть дополнены комплексом мероприятий, способных «заполнить временную яму» между необходимостью немедленного перелома стагнационных тенденций и временем, когда эту функцию сможет взять на себя новое поколение российских предпринимателей.

Можно ли в сложившихся условиях осуществить эти мероприятия без использования инвестиционного потенциала государства? Конечно, инвестиционная активность государства несёт в себе определённые риски. Так, оппоненты таких мер справедливо указывают, во-первых, что государство, при прочих равных условиях, «плохой предприниматель» по сравнению с частным предпринимателем. Во-вторых, существует опасность неверного определения приоритетов структурных преобразований, ведущая к растрате ресурсов. В-третьих, инвестиционная активность государства чревата всплеском инфляционных тенденций. В-четвертых, в России мы имеем «неэффективное государство».

Соглашаясь, в принципе, с вышеприведёнными доводами, необходимо отметить следующее. Во-первых, тезис о государстве, как «плохом предпринимателе» в нынешних российских реалиях сталкивается с ситуацией отсутствия критической массы «хороших» предпринимателей, по крайней мере, в сфере, которая связана с технологическими преобразованиями. Во-вторых, современная наука знает способы минимизации рисков, возникающих при выявлении приоритетов научно-технологического развития. Сохраняющиеся риски ошибок существенно меньше рисков, возникающих при отказе от такого определения. В-третьих, что касается инфляционных рисков, следует иметь в виду, что известны механизмы минимизации этих рисков, и они, как минимум, не превышают риски, возникающие вследствие дефицита инвестиционных ресурсов, порождённого ограничением госрасходов. В-четвёртых, принимая в качестве исходного положения тезис о «неэффективном госу-

[36] В каком-то смысле к нынешней ситуации применим тезис, высказанный более 80 лет назад: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 39).

[37] О содержательности, последовательности осуществления и сопряжения их с конкретно складывающейся ситуацией в российской экономике не только можно, но и нужно постоянно дискутировать.

дарстве», мы обрекаем себя на бездействие. Ведь «неэффективное государство» не только не сможет проявлять должную инвестиционную активность, но и точно так же – институциональную активность, в том числе в развитии частнопредпринимательских свобод.

Сама по себе инвестиционная активность государства не противоречит задачам развития частнопредпринимательской активности. Более того, весь опыт стран, осуществивших успешное формирование современных высокотехнологичных укладов, показывает, что этот процесс происходил и происходит при масштабной инвестиционной поддержке государства. Ставя задачу возрождения американской обрабатывающей промышленности (manufacturing) в Послании «О положении в стране» (12.02.2013 г.), Президент США предложил Конгрессу поддержать его инициативу о единовременных инвестициях в размере 1 млрд долл. на создание в стране сети из 15 институтов инноваций для обрабатывающей промышленности и выразил намерение использовать ресурсы исполнительной власти для создания трёх новых институтов, которые в партнёрстве с бизнесом, университетами, колледжами и правительством будут создавать и развивать производственные технологии, которые помогут находящимся на территории США предприятиям создавать привлекательные рабочие места.

На наш взгляд, самый существенный риск политики наращивания инвестиционной активности государства, вытекающий из исторического прошлого России, заключается в устоявшейся вере во всемогущество государства. Генетическая память о государственном патернализме может привести к тому, что власть начнёт осуществлять инвестиционную активность исключительно через т. н. «мобилизационный механизм», опирающийся на приоритет властного принуждения. Неизбежным следствием такого подхода станет всё более широкое использование методов «ручного управления», что, хотя и позволяет решать какие-то частные задачи, но в принципе неспособно перевести экономику в режим сбалансированного устойчивого развития, подавляет частнопредпринимательскую инициативу и ведёт к избыточному присутствию государства в тех сферах экономики, где оно должно быть сведено к минимуму при явном дефиците государственного участия там, где это реально необходимо. Наш исторический опыт показывает, к каким негативным социально-экономическим и политическим последствиям для общества может привести этот вариант, даже если первоначально он будет введён как временная мера.

Предотвратить такое развитие событий возможно лишь через проведение наряду с институциональными преобразованиями в экономической сфере, которые формируют слой самостоятельных предпринимателей-новаторов, не менее глубоких преобразований политических институтов в направлении демократизации жизни общества, способных, с одной стороны, предотвратить появление «большого брата», а с другой – исключить тенденции предпринимательского сословия к приватизации государства. Таково, в целом, содержание стратегии, направленной на переход России к устойчивому экономическому росту.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ

Гринберг Р. С., *директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н.,* **Городецкий А. Е.,** *заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, д. э. н.*

О состоянии конкурентоспособности российской экономики

Конкурентоспособность России нельзя рассматривать с точки зрения текущей конъюнктуры, то есть способности национальной экономики поставлять на мировые товарные рынки товары и услуги по ценам их возможной реализации и в условиях сложившейся на них спросовой конъюнктуры и цен. Достижение конкурентоспособности российской экономики сразу следует ориентировать на обеспечение её устойчивости применительно к долговременным факторам, формирующим тенденции и развитие глобального рынка.

Конкурентоспособность страны теперь определяется тем, насколько она интегрирована в глобальную экономику, насколько она эффективно взаимодействует с международными государственными, кадровыми, торговыми, финансовыми, экономическими и другими институтами, с другими странами, создавая с ними единое экономическое пространство. С учётом этого политика поддержания конкурентоспособности уже не является только прерогативой государства. Сегодня она носит комплексный характер и опирается на сочетание государственных регулирующих усилий, активной деятельности частного бизнеса, в том числе мирового. На микроуровне конкурентоспособность бизнеса уже не сводится, как прежде, к политике снижения затрат и ценовой конкуренции, а во многом зависит от таких параметров деятельности компаний, как взаимная связанность, стандартизация и сертификация, качество и инновативность, умение использовать культурный и географический ландшафт и др.[38]

Основными негативными факторами, влияющими на конкурентоспособность экономики России, остаются не меры экономических санкций, *а архаичная структура экономики, управления, неэффективные институты.* Мощные государственные и частные монополии – характерная часть российской экономики, оказывающей негативное воздействие на её конкурентоспособность.

С начала проведения экономических реформ и до 2005 г. место России в рейтинге конкурентоспособности по ВЭФ хоть и было низкое, но росло. Потом тенденция стала изменчивой. При этом темпы прироста ВВП слабо влияют на ранг конкурентоспособности страны, который рассчитывается ВЭФ[39] (рис. 1). То есть во многом правы специалисты Всемирного банка, которые отмечают, что возможность улучшения национальной конкурентоспособности требует формирования в экономике *определённого институционального режима*[40].

Комплексная оценка уровня конкурентоспособности по индексу GCI свидетельствует о том, что Россия медленнее всех стран БРИКС восстанавливалась после острой фазы кризиса 2008–2009 гг., продолжая оставаться

[38] World Bank (2009). Clusters for Competitiveness: A Practical Guide & Policy Implications for Developing Cluster Initiatives. Washington, DC: The World Bank, 2009.

[39] World Bank (2009). Clusters for Competitiveness: A Practical Guide & Policy Implications for Developing Cluster Initiatives. Washington, DC: The World Bank, 2009.

[40] World Bank. Op. cit. 2009.

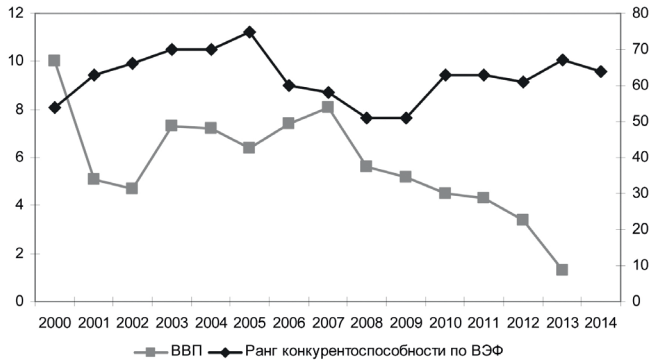


Рис. 1. Динамика ВВП и место России в рейтинге конкурентоспособности

в нижней части первой половины списка и продолжает накапливать отрицательные факторы, ограничивающие динамику развития (рис. 2).

В рейтинге конкурентоспособности 2014 г. Россия поднялась на 11 позиций по сравнению с 2013 г. (53 и 64 места соответственно). При позитивной общей динамике отдельные индикаторы свидетельствуют о недостаточно сбалансированной экономической политике, которая, будучи нацелена на перераспределение огромных бюджетных ресурсов в пользу инфраструктурных проектов, оказывается неэффективной в деле реализации новых перспективных стратегий встраивания российской экономики в систему мирового разделения труда (глобальные стоимостные цепочки) и мировую торговлю.

Внутренняя конкурентоспособность России подрывается диспропорциями – деформациями структуры производства и рынка, реальными условиями предпринимательской активности («business-doing»), неблагоприятной институциональной средой. Вопреки намерениям и декларациям исполнительной власти продолжается безудержное укрупнение корпораций, вымывание потенциальных конкурентов, нескончаемый передел рынка, необоснованные преференции для госмонополий при распределении бюджетных средств и ресурсов ФНБ.

Основные проблемы конкурентоспособности российской экономики находятся, во-первых, в восстановлении приоритетной роли реального сектора экономики, преодолении последствий деиндустриализации и оздоровлении структуры экономики, во-вторых, в институциональной плоскости и в первую

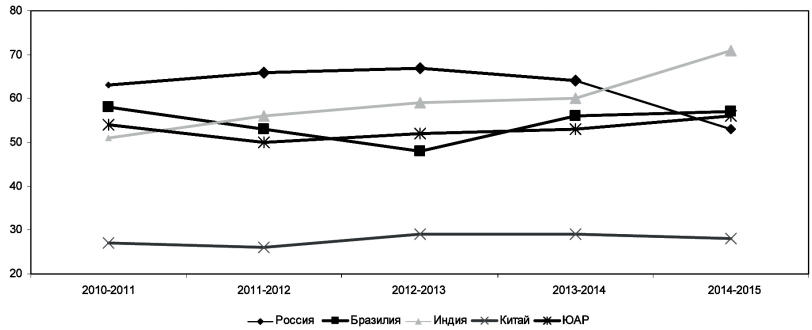


Рис. 2. Динамика индекса глобальной конкурентоспособности GCI WEF РФ и стран БРИКС

очередь, в системе управления на всех её уровнях. Рыночные преобразования не повысили эффективность рыночных механизмов, а ослабили действенность мер государственного управления, прямые и обратные импульсы в экономике.

Либерализация и приватизация не привели к созданию высококонкурентной предпринимательской экономики. Реальные условия и потребности экономического роста (его удвоения за 10 лет) и модернизационного прорыва вызвали в 2000-е гг. процессы реэтатизации, создания института мощных госкорпораций там, где реиндустриализация, структурный и технологический рывки были для российской экономики сферой национальной и экономической безопасности. Корпорации не заменили полноценной промышленной и структурной политики, но дали серьезные импульсы первоначальной реиндустриализации.

Вместе с тем, дополнительные импульсы получили процессы дальнейшей монополизации, монополистической конкуренции. Подлинным бичом стали глубоко укоренившиеся внеэкономические и внеправовые методы передела собственности («недружественные поглощения», рейдерство), достижения конкурентных преимуществ, в т. ч. по причинам административного произвола, бюрократической некомпетентности, коррупции и криминала. Они препятствовали развитию конкуренции и способствовали разрастанию беспрецедентного симбиоза старосоветского и нового, российского монополизма (рис. 3).

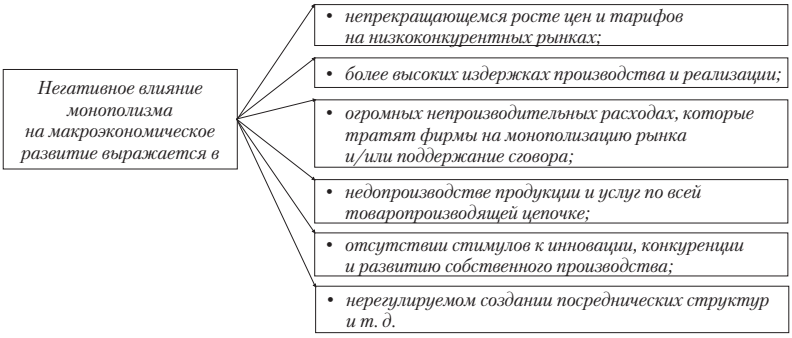


Рис. 3. Последствия монополизма и низкого уровня развития конкуренции
(Конкурентные и монопольные отношения формируются под воздействием общих деструктивных тенденций и одновременно вносят свой вклад в их углубление)

Отсутствие реальной конкуренции – один из факторов, подрывающих конкурентный потенциал страны. Исключительные, привилегированные позиции занимают финансовый сектор, посреднические структуры, экспортноориентированные сектора промышленности. Внутренний рынок страдает от засилья импортёров и импортной продукции. Но ещё более опасным, как показали санкционные войны на протяжении 2014 и начала 2015 гг., является наша абсолютная зависимость от глобальных рынков капитала, иностранных инвестиций транснациональных корпораций, которые так или иначе становятся участниками экономических санкций, в условиях кризиса выводят капиталы и сворачивают производство. Ставка на приоритетную роль иностранных кредитов, займов и инвестиций приводит к иллюзорным успехам (с точки зрения надежд на технологический прогресс, усвоение передовых методов менеджмента) в условиях «тучных лет» экспортно-сырьевого благополучия. И она демонстрирует полное фиаско в условиях глобальных кризисов и малейших попыток защиты Россией своего национального суверенитета, национальных интересов, национальной

безопасности, национальной конкурентоспособности. Таким образом, **монополизм становится симптомом болезни структуры экономики**[41].

Российская экономика приобрела завершённый монопольный характер. Из этого вытекает логика и последовательность наиболее важных реформ с точки зрения преодоления монопольного характера экономики. Надежда на рыночные силы в условиях отсутствия системной государственной конкурентной политики не имеет под собой основы. Её не могут заменить разрозненные меры типа пресловутых дорожных карт (в виде, например, дорожной карты «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики» и предложения по повышению эффективности деятельности Федеральной антимонопольной службы России). *В России проблема конкуренции и конкурентоспособности носит более глубокий, структурный характер и является частью глубоких структурных реформ в их классическом понимании.* Они включают:

– структурный манёвр для изменения условий межотраслевой конкуренции. Это означает преодоление безраздельного монопольного доминирования банковского, финансового, и посреднического секторов по отношению к реальному сектору экономики; в сфере промышленности, доминирования сырьевого, в особенности экспортно-сырьевого сектора; оздоровление структуры внутреннего рынка с точки зрения поддержки отечественного товаропроизводителя;

– обеспечение структурного манёвра потребует суверенизации финансового сектора, шире – национальной финансовой системы, преодоления зависимости от глобальных финансовых рынков, диктата международных финансовых институтов (МВФ, МБРР). В этом смысле национальная финансовая система нуждается в структурных и институциональных реформах[42]. Учитывая роль монетарных властей и монетарной политики в действующей сейчас модели социально-экономического развития, модели экономических реформ, речь должна идти о своеобразной «реформе реформ», означающей, как минимум, радикальный поворот в проводимой государственной экономической политике;

– комплексную реформу государственного управления, в том числе институтов поддержки конкуренции и антимонопольного регулирования;

– увеличение эффективности действующих методов антимонопольных расследований, влияния силы санкций на искоренение практики монопольных злоупотреблений, особенно внеэкономических способов конкуренции[43];

---

[41] В 2013 г. на долю 23 крупнейших бизнес-групп приходилось более трети промышленного производства и шестая часть занятого населения России. Самыми высококонцентрированными являются цветная, чёрная металлургия, добыча газа, автомобилестроение и нефтяная промышленность. Особенность и отличие российского монополизма от западного в том, что он формировался не в конкурентной рыночной борьбе как западный, а стал следствием приватизации и передачи собственности от государства в частные руки. В результате существование крупных компаний-монополистов оказалось оторванным от их реальной конкурентоспособности, тем более в сложных условиях становления рынка. Несмотря на наличие Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» по данным Федеральной антимонопольной службы на протяжении многих лет 5 нефтяных компаний «Газпромнефть», «Роснефть», «Лукойл», «ТНК-ВР Холдинг», «Сургутнефтегаз» – занимают доминирующее положение на рынке сырой нефти в России, их суммарная доля превышает 70 % и, кроме того, имеет дополнительную возможность оказывать существенное воздействие на основные условия обращения товара на рассматриваемом рынке. См. http://www.fas.gov.ru.

[42] См. С. Ю. Глазьев. Санкции США и Банка России: двойной удар по национальной экономике. Журн. «Вопросы экономики» № 9, 2014; С. Ю. Глазьев . Основные направления денежно-кредитной политики как приговор российской экономики: http://www.glazev.ru/upload/iblock/a00/a00dbbdb046f82a7a81905ad2e902836.docx.

[43] Об этом более подробно см. Институты современной экономики России: опыт и проблемы. Часть 1 / Науч. Ред. А. Е. Городецкий. – М. ИЭ РАН, 2013 г. – 274 с.

– радикальное изменение институционального статуса антимонопольного органа, его функций и компетенций, набора применяемых санкций. В качестве модели может быть использована Федеральная таможенная служба России, в деятельности которой комплексно представлены и увязаны регулирующие меры политики, меры контроля и правоохранительные функции.

Структурные реформы и конкурентоспособность

То, что по конкурентоспособности Россия, её экономика уступает не только развитым, но и развивающимся странам, признают все. Ситуация усугубляется тем, что, начиная с 2012 г. экономический рост начал затухать. Особенно эти тенденции проявляются с введением экономических санкций в 2014 г. Общепризнано, что для ликвидации разрыва нужна новая модель экономического развития, государственной экономической политики. Но суть модели понимают по-разному. Потребность в новой модели определяется исчерпанием возможностей экономического роста в рамках той порочной структуры экономики, в которой все недостатки бывшей советской экономики драматично усугубились архаизацией и примитивизацией, народившейся в 90-е гг. рыночной системы. Тогда само понятие структурных реформ и структурной политики вообще исчезло из лексикона либеральных политиков, государственных чиновников, теоретизирующих экономистов – сторонников монетаристских реформ (прил. 1).

Классическая и неоклассическая школы экономической мысли исходили из того, что рыночная экономика – это саморегулирующаяся система, в которой равновесие достигается с помощью ценового механизма. Хозяйственные субъекты получают всю необходимую информацию о спросе и предложении через колебания цен и исходя из имеющихся у них рациональных ожиданий, изменяют предложение товаров, либо выпускают новые продукты. Понятие структурных реформ изгонялось из экономической науки классического и неоклассического направлений, равно как и из практической государственной экономической политики. Но глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. показал, что мечты и догматы неолиберализма не выдержали проверки временем. Это понимают экономисты различной ориентации[44]. Либеральные экономисты и сторонники государственного вме-

[44] Гайдар Е. Т. Кризис и Россия. // Экономическая политика. – 2009. – № 6. – С. 6–19; Делягин М. Г. Антикризисная программа модернизации страны //Рос. экон. журнал. – 2008. – № 9–10. – С. 25–34; Глазьев С. Ю. Об антикризисной стратегии России //Российский экономический журнал. – 2009. – № 6. – С. 3–36; Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. – М., 2003; Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. Победители и проигравшие наступающего мирового порядка. – М., 1999; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1995; Опыт российских модернизаций. – М., 2000; Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006; Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2001; Мировая экономика: прогноз до 2020 г. / Под ред. А. А. Дынкина. – М., 2007; Лужков Ю. Кризис транскапитализма и Россия // Экономист. – 2009. – № 5. С. 12–28; Лексин В. Россия во время и после глобального кризиса // Рос. экон. журнал. – 2009. – № 7–8. – С. 3–34; Воронцов А. В. и др. Мировой кризис и его социально-экономические последствия для России. – СПб.: Союз, 2009; Рязанов В. Т. Мировой финансовый кризис и Россия: точка разворота? // Вестник СПбГУ. Сер. 5. – 2009. – № 1. – С. 3–21; Белоусов А. В. Концепция модернизации промышленности в политике антикризисного развития. – 2009. – № 1. – С. 94–119; Бляхман Л. С. Уроки кризиса, перспективы модернизации и экономическая наука // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2; Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. Избранные труды. В 3 кн. – М.: Наука, 1999. – С. 127–130; Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2002; Сапир Ж. К. Экономической теории неоднородных систем: опыт исследования децентрализованной экономики. – М., 2001; Стиглиц Дж. Макро и микроэкономические стратегии для России. // Бюллетень ЭКААР. – 2000; Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в XXI веке. – СПб., 2004; Суслина С. А. Государственное регулирование экономики: опыт Республики Корея // Проблемы теории и практики управления. – 2003. – № 4.

шательства согласны в том, что экономика после кризиса 2008 г. должна базироваться на новых принципах.

Институциональная теория экономической динамики рассматривает различные неравновесные состояния, к которым относится и кризис, как нормальную и неизбежную фазу развития социальных институтов и экономической системы. Согласно этой теории, структурные преобразования являются важнейшим этапом развития экономической системы, который должен находиться под контролем власти, общества и бизнеса. Принципы преобразования индустриальной экономики в постиндустриальную экономическую систему обоснованы в работах Дж. Аттали, Д. Белла и др. исследователей. В ряде публикаций обобщён опыт структурных преобразований в России, выделено воздействие глобализации и информатизации мировой экономики на эти преобразования.

Особо следует выделить работы, в которых с разных позиций исследуется кризис сложившейся в России модели капитализма и обосновываются перспективы дальнейшего развития её экономики. Например, исследователь Ю. В. Яременко ещё в 1970–90-х гг. определил приоритеты структурной политики России. Ряд работ был посвящён выявлению тех изменений в экономической политике и экономической доктрине, которые необходимы для проведения структурных преобразований. Большую ценность представляют работы зарубежных авторов по теории структурных преобразований и её применению в России. В трудах экономистов обобщён опыт Китая, Ю. Кореи и др. стран, которые в исторически короткий срок провели стратегические реформы в экономике.

Сейчас понятия структурных реформ возвращаются в официальную науку и экономико-политическую практику, но в специфичной редакции. В основу официальной концепции новой модели положена позиция группы либеральных экономистов, ядро которых составляют специалисты НИИ ВШЭ и РАНХиГС. Эта позиция находит отражение в официальной Стратегии-2020 г., в проекте Минэкономразвития России «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на 2015–2018 гг.». Суть их позиции состоит в том, что предполагается проведение «...комплексных институциональных изменений, которые способны пробудить силы, скрытые в человеческой личности и составляющие особенности человеческого капитала, ныне у нас недостаточно используемые. Эти силы связаны со свободой, конкуренцией и правом, которое ограничивает свободу и конкуренцию разумными рамками».

Новый этап реформ, по их мнению, требует принятия следующих решений: реализация принципов верховенства права, последовательное обеспечение независимости суда; перестройка взаимоотношений бизнеса и всего блока правоохранительных органов, что необходимо для укрепления доверия бизнеса к государству; расширение полномочий местного самоуправления, в том числе в плане установления собственных налогов и сборов, активизация гражданского общества на основе его участия в деятельности органов местной власти; пенсионная реформа, здравоохранение, образование, рынок жилья, сферы инвестиций населения – надо дать гражданам возможность выбирать, сберегать, повышать эффективность вложений, необходимо учесть и демографические процессы – число детей в семьях вряд ли существенно вырастет, как и соотношение числа работников и пенсионеров, должно сократиться неравенство в обществе; демократизация, обеспечение условий для свободной

и эффективной политической конкуренции, и периодической смены власти. Речь идёт о поэтапном процессе: создание современной избирательной системы, минимизирующей возможности манипулирования со стороны правящей элиты; гарантирование полноценной свободы слова; создание устойчивой многопартийной системы и разделение властей. Верховенство права также входит в число этих требований.

Говоря об институциональных изменениях, сторонники этих взглядов часто употребляют термин «структурные реформы», негласно вкладывая в него содержание, выходящее далеко за рамки традиционного понимания категорий «структуры экономики», «структурной политики» и «структурных реформ», означающих качественное преобразование пропорций распределения ВВП, обновление отраслевого, пространственного, организационно-экономического и технологического строения народного хозяйства. Здесь структурные реформы неправомерно отождествляются с институциональными трансформациями, составляющими, например, в странах Центральной и Восточной Европы, первую фазу интеграции в ЕС и означают перенесение и адаптацию институтов ЕС на национальную почву. Но успешный опыт институциональных трансформаций, как показали исследования ИЭ РАН, не дали ожидаемых результатов с точки зрения технологической модернизации, развития НИОКР и инноваций, роста внутренних прямых инвестиций. Не придали они пресловутой «Новой Европе» и антикризисной устойчивости. И это – при массированной системной экономико-политической и организационной поддержке, значительных иностранных инвестициях и щедром финансировании из структурных фондов ЕС[45].

Авторы концепции выступают против «фискального стимулирования», использования эмиссионного ресурса экономического роста, любых вариантов увеличения денежного предложения, наподобие пресловутого «*экспансионистского сценария* Глазьева»; любых подходов, связанных с государственным активизмом и проведением активной инвестиционной, промышленной и структурной политики. В отношении поисков новой модели развития отметим следующее. Учёные РАН, Институт экономики РАН все эти годы разрабатывали и предлагали обществу всесторонне обоснованные альтернативы сложившемуся курсу. Они шли не только в русле споров о качестве экономической политики.

Полемика шла в теоретической сфере. В рамках теории экономической социодинамики сформирована концепция опекаемых благ, осуществлена научная критика методологических предпосылок современной экономической науки (классической и неоклассической, австрийской школ, различных версий патернализма), обоснован принцип единства и взаимодополняемости методологического индивидуализма и релятивизма (точнее, «социо-этатизма»).

Государство, власть, согласно нашей позиции, играют не только роль «чистильщика» провалов рынка и/или социального «мецената-благотворителя». Государство выступает как органичный субъект экономической системы, генерирующий и интегрирующий общие интересы в экономике, которые носят характер нормативного образца, задающий ценностные,

[45] См. С. П. Глинкина, Н. В. Куликова, И. С. Синицина. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. Научный доклад. М: Институт экономики РАН, 2014. – 84 с.

этические и мотивационные ориентиры, политические и стратегические приоритеты для всей системы интересов[46].

Нами обосновано наступление переходной эпохи, в которой нарождаются *принципиально новые исторические вызовы*, резко усиливается *турбулентность развития*, формируется *новый международный экономический порядок*, складываются *новые научные парадигмы* (прил. 2). Возникают принципиально новые модели экономики, экономической политики, управления. Новые научные взгляды отвергают линейность прогресса, неолиберальные догмы, практику принудительного экспорта демократии, институтов и рыночных ценностей известного типа. Очевидно, вхождение в переходную эпоху, уже сегодня обозначающиеся контуры посткризисного мира не укладываются в узкие рамки так называемых российских неолиберальных «структурных реформ», предлагающих ложные ответы на реальные модернизационные вызовы и императивы.

Трудно согласиться с пониманием причин затухания экономического роста, угроз спада и кризиса. Многие факторы кризисных тенденций, с которыми нельзя не считаться, производны от экономических, социальных, административных и политико-правовых реформ, которые проводились в 90-е и первую половину 2000-х гг., а затем и антикризисных программ. При этом нами не отрицаются исчерпанность экспортной сырьевой модели роста, кризис системы государственного управления, принятия и исполнения управленческих решений. Но курс на фактическое продолжение той же (с точки зрения её принципиальных основ) политики неизбежно даст те же самые результаты, что и ранее.

Есть серьёзные сомнения в том, что основным драйвером роста становятся малые и средние компании (МСК), что они способны в кратчайшие сроки перестроиться на выпуск востребованной на мировом рынке продукции. Реальный опыт, известные данные о динамике российских МСК и о их якобы возросшей поддержке опровергают это предположение. Заметим, что основные проблемы и трудности российских МСК лежат вне сферы самих МСК. Они определяются сложившейся структурой экономики и институциональной системой России, включая состояние государственного управления и институтов развития.

Существенно важна и макроэкономическая ситуация. Девальвация рубля радикально изменила условия ведения бизнеса. Но последствия её неоднозначны. Во-первых, положительный эффект затрагивает прежде всего компании, относительно независимые от импорта, а таких немного. Во-вторых, этот положительный эффект будет носить временный характер – высокая инфляция неминуемо ведёт к наращиванию издержек. И, в-третьих, – и это главное, – неустойчивость валютного рынка и меры политики процентных ставок. Их текущий уровень просто перекрывает или в лучшем случае ограничивает большинству малых и средних предприятий доступ к кредитам. В совокупности эти факторы ведут к тому, что возможности формирования конкурентных преиму-

[46] Р. С. Гринберг, А. Я. Рубинштейн. Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПРЕСС, 2000 г. – 475 с; А. Я. Рубинштейн, Р. С. Гринберг. «Экономика общественных преференций». СПб.: Алетейя, 2008. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013. 560 с; Рубинштейн А. Я. Экономика социального сектора: проблемы теории // Экономическая наука современной России – 2005. *Рубинштейн А. Я.* Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 6. Рубинштейн А. Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2015. – 52 с.

ществ на внешних рынках открываются только для отдельных товарных групп, а они для российских товаропроизводителей в целом ограничены.

Мало у кого остаются сомнения в том, что концепция институциональных изменений содержит серьёзные противоречия с конституционными нормами о Российской Федерации как о социальном государстве, с майскими 2012 г. указами Президента России В. В. Путина. Она недвусмысленно ориентирована на серьёзные ограничения социальных прав граждан, достижение антикризисных целей за счёт ухудшения социально-экономического положения домашних хозяйств. Особенно надо подчеркнуть негативную роль институциональных новаций, затрагивающих ключевые отрасли социально-культурной инфраструктуры, напрямую воздействующие на человеческий капитал общества. Ярким примером является положение, складывающееся сегодня в сфере просвещения и образования, фундаментальной (академической) науки, здравоохранения, культуры, критическое отношение научного и экспертного сообщества, значительного числа граждан страны к происходящим там процессам.

В эпоху перемен, усилившейся турбулентности предлагаемые **модели институциональных изменений обрекают нас на вялотекущую инерционную рыночную эволюцию, с её непредсказуемостью и изменчивостью, консервацию сложившейся неэффективной и неконкурентоспособной экономической системы.** На неё у нас сегодня не остаётся исторического времени. Парадоксальным образом в данной концепции институциональные изменения вступают в непримиримый конфликт с институтами развития, без которых трудно себе представить какой-либо не инерционный сценарий и которые сыграли позитивную роль в стимулировании восстановительного роста в 2000-е гг.

Таким образом, возражения против неолиберальных взглядов на структурные реформы и структурную политику имеют системный, методологический, теоретический и концептуально-стратегический характер. Исходя из этого нами и были сформулированы понятия трёх вызовов и трёх императивов развития для России: структурный, социальный и институциональный[47].

Сегодня безальтернативный структурный императив состоит в инициировании и реализация государством структурной и промышленной политики, а также массированного финансирования их приоритетных направлений. В России есть промышленные сегменты и кластеры, которые ещё способны приблизиться по эффективности и капиталу к зарубежным аналогам. При этом необходимо определиться с критериями расстановки приоритетов. Заметим, что совершенного и не зависящего от субъективных устремлений ме-

---

[47] Urbi et orbi / под ред. Р. С. Гринберга, А. Я. Рубинштейна: в 4-х томах. СПб: Алетейя, 2015 г. (Библиотека Новой экономической ассоциации). «Стратегические ориентиры экономического развития России». Координатор проекта Р. С. Гринберг. Изд-во «Алетейя», Санкт-Петербург, 2010 г.; Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин, М. И. Воейков, Л. В. Никифоров. Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. Институт экономики РАН. Москва, 2011 г.; С. Гринберг. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М. «Магистр. Инфра-М». 2012–414 с.; Приоритеты и модернизация экономики России. Под редакцией д. э. н. И. Р. Курнышевой и С. Н. Сильвестрова. Санкт-Петербург, Алетейя, 2011 г.; И. А. Погосов. Тенденции воспроизводства в России и проблемы модернизации экономики. Нестор-История. Москва – Санкт-Петербург, 2012 г.; О. С. Сухарев. Экономическая динамика. Институциональные и структурные факторы Москва. ЛЕНАНД, 2015. – 240 с.; Научный доклад ИЭ РАН «Стратегические приоритеты и основные направления социально-экономического развития России». Подготовлен по заказу Института социально-экономических и политических исследований Добровольческого движения «Общероссийский Народный Фронт» в июне 2011 года (авторы доклада: чл.-корр. РАН Р. С. Гринберг; д. ф. н., проф. А. Я. Рубинштейн; д. э. н., проф. А. Е. Городецкий).

ханизма определения приоритетов структурной перестройки экономики не существует. Как нет «совершенного» рынка для оптимальной аллокации ресурсов, так нет и идеального, «научно обоснованного» государственного механизма выявления потребностей общества в структуре экономики. Но чем демократичнее общество, эффективнее экономическое управление и самоуправление, тем, при прочих равных условиях, быстрее будет замечена и исправлена ошибка в приоритетах.

В приоритеты структурной политики следует закладывать те направления развития, по которым Россия ещё сохраняет конкурентные преимущества – реальные или теперь уже в большей мере потенциальные. Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

Определение приоритетов современной промышленной политики должно носить не отраслевой, а межотраслевой характер, предвидеть и целенаправленно способствовать развитию инновационных платформ и кластеров. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Поэтому они не могут быть сделаны без систематической господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Именно способность производить такие системы удерживает страну в ряду ведущих мировых индустриальных держав. Однако, чтобы попасть в этот ряд, необходимо выполнение трёх базовых условий.

Первое условие – отказ от демонизации роли государства в экономике. Дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и надо прекратить в этой связи запугивать себя так называемым государственным капитализмом. Дискуссии в этой области должны вестись лишь в отношении оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и механизмов контроля целевого использования инвестиций.

Второе условие – радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного манёвра. Надо помнить опыт кризиса 2009 г. Финансовая «подушка безопасности» действительно позволяла в течение определённого времени не допустить «обвала» финансовой системы и социальных показателей. Но она не смогла предотвратить обвального падения производства. Именно отсталость перерабатывающих производств не позволила тогда компенсировать падение внешнего спроса на энергосырьевые товары увеличением внутреннего. Как это произошло, например, в Китае, где стимулирование внутреннего спроса увеличило его в кризисном году почти на 15 %. Это позволило обеспечить более чем 9-процентный прирост ВВП.

Третье условие – в силу объективно существующих ограничений госпроекты могут обеспечить технологические прорывы пусть в очень важных, но лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство должно выполнить исключительно важную роль задания мощного первоначального инвестиционного импульса модернизации. Обязательным условием её успешности является активное участие в этом процессе частнопредпринимательского сектора, который должен «подхватить» и развить этот первоначальный импульс, что требует применения механизмов государственно-частного партнёрства.

Однако такого рода партнёрство должно опираться не на волевые усилия со стороны власти, а на экономическую заинтересованность в нём некой критической массы предпринимательского слоя. Без этого усилия государства либо

дадут ограниченные результаты для экономики или будут использованы зарубежными конкурентами. К сожалению, такого интереса у российских предпринимателей сегодня, как правило, нет. Дело в том, что главным инструментом конкурентной борьбы для отечественных предпринимателей является не технологическая и организационная модернизация, а «крыша» со стороны человека, занимающего ту или иную «государеву должность». На это указывают и сами предприниматели, и признают высшие должностные лица государства.

Противники промышленной политики справедливо отмечают, что имеется достаточно много отрицательных примеров такой политики. Уместно привести изречение Б. Брехта: «если вы боретесь, вы можете проиграть, но, если вы не боретесь, вы уже проиграли». Ясно одно – страны, которые действительно совершили экономический прорыв и превратились из развивающихся в развитые, сделали это исключительно с помощью успешной промышленной политики.

В этой связи, структурные реформы, проводимые Правительством России, должны содержать мероприятия, направленные на формирование условий для перехода к динамичному и устойчивому росту на основе глубокой модернизации и структурной диверсификации национальной экономики. К числу первостепенных задач могут быть отнесены следующие: актуализация и конкретизация основных программных документов в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; создание механизма кредитной эмиссии под приоритетные инвестиционные проекты модернизации базовых отраслей, импортозамещение, создание ядра производств нового технологического уклада (кредиты долгосрочные под 5–6 % годовых, т. е. ниже проектной рентабельности), актуализация структурных и технологических приоритетов, оптимизация состава институтов развития; повышение интереса бизнеса в инвестиционной и инновационной деятельности инструментами налоговой и ценовой политики, которые должны обеспечивать изъятие рентной сверхприбыли различного генезиса (от природной до монопольной и административной) и сформировать реальные стимулы для оживления инвестиционной деятельности (действующая налоговая система эти задачи не решает).

Институциональные преобразования должны быть нацелены на повышения эффективности государства как драйвера экономического роста, формирующего основные приоритеты и тренды развития и комфортные экономические условия для бизнеса. Лишь в 2014 г. были сформированы юридические основы для такой роли государства (в законах о стратегическом планировании и промышленной политике), требующие, тем не менее, дальнейшей проработки, создания завершённой правовой, управленческой и кадровой инфраструктуры для того, чтобы заработала эффективная экономическая политика.

Приложение 1

Предпосылки новой модели социально-экономического развития

Необходимость новой модели развития, государственной экономической политики:	– ликвидации разрыва в уровнях конкурентоспособности экономики России и развитых, ряда лидирующих развивающихся стран; – затухание, начиная с 2012 г. экономического роста; – введение экономических санкций в 2014 году и невозможность использования традиционных экстенсивных и конъюнктурных экспортно-сырьевых факторов роста.

Потребность в новой модели:	– обострение структурных ограничений экономического роста в рамках той структуры экономики, в которой все недостатки бывшей советской экономики драматично усугубились архаизацией и примитивизацией рыночной системы, народившейся в 90-е гг.; – невозможность дальнейшего отрицания самого понятия структурных реформ и структурной политики, отсутствия его в лексиконе либеральных политиков, государственных чиновников, теоретизирующих экономистов – сторонников монетаристских реформ, практике государственной экономической политики; – методологический кризис классической и неоклассической школ экономической мысли с их символом веры о всемогуществе и самодостаточности рыночного саморегулирования в установлении равновесия и структурной эволюции в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2010 гг.

Приложение 2

Исторические вызовы переходной эпохи

Определение вызова	Характеристика вызова
Критическое возрастание антропогенной и техногенной нагрузок на природно-географическую среду, экологические системы и даже ближний космос	Цепная реакция многочисленных природных аномалий, сопутствующих им катастроф, генерирование долгосрочных изменений климата, влияющих на изменение природных ландшафтов, таяние арктических льдов и повышение уровня мирового океана. Угрозы планетарных космических угроз, связанных с астероидной и метеоритной опасностью. Эти планетарные вызовы требуют адекватного ответа со стороны мирового сообщества, национальных государств и их коалиций, международной и государственной координации и регулирования.
Повышение градуса напряжения истории, она вершится у нас на глазах, исторические эпохи меняются при жизни одного-двух поколений	Многократное возрастание событийного содержания истории, скорости исторического времени. Остро- и многоконфликтность современного мира. Осмысление и интерпретация исторического процесса как предмет идеологических и информационных войн. Распад старых и возникновение новых государств, образование новых цивилизационно-культурных и национальных границ. Теоретическое освящение войн и конфликтов как спутников неизбежных столкновений цивилизаций. Возвращение мира первенства геополитических интересов и связанного с ним политического сумасшествия в виде радикально-националистических движений, политизированного исламского фундаментализма, международного терроризма, этнополитического сепаратизма. Превращение конкурентных отношений в поле битвы экономических и классических «горячих» военных конфликтов и войн. Как резюме: в деятельности современных обществ и государств, политических классов становится критически важным наличие исторической памяти, исторического сознания и чувства исторической ответственности за выбор тех или иных альтернатив развития.

Качественный, революционный (по сути трансформационный, т. е. из одной экономической формации в другую) скачок в развитии производительных сил	Вызревание новых революционных открытий в науке и технологиях. зарождение основ новой экономической формации, нового технологического уклада обнимающих все стороны производства и потребления, технологических способов производства и образа жизни. Эти неравномерные, скачкообразные процессы требуют осмысления, понимания и целенаправленной поддержки государства, бизнеса, общества.
Резкое обострение проблем ресурсных ограничений, пределов ёмкости и расширения границ рынков	Небывалое экономическое и экологическое усиление нагрузки на недра, обострение проблемы исчерпанности природных ресурсов и технологических возможностей повышения эффективности добычи сырья, превращение экологической безопасности в глобальную проблему. Исчерпание ресурсов расширения рынков сбыта на рубеже 80-х – 90-х придали огромные дополнительные импульсы развития глобальной экономике после распада мировой социалистической системы и СССР, что способствует ужесточению глобальной конкуренции.
Пределы социальной поляризации в современном экономическом мироустройстве	Глобализация социальных противоречий и конфликтов. Эволюция современного экономического миропорядка в мир кричащих социальных контрастов, нарастания социальной несправедливости, непримиримых социальных противоречий между островком богатства и благополучия (пресловутый «золотой миллиард») и остальным миром бедности и нищеты. В этих условиях государство и общество вынуждено брать на себя ответственность за оказание социальной помощи и поддержки неимущим слоям, осуществление социального регулирования и на новой основе искать новые модели экономической социодинамики, социального государства.

Резюме. Наиболее ярко характер переходной эпохи характеризуют *принципиально новые исторические вызовы,* ставящие мир и страны-лидеры перед *новым историческим выбором.* Перед наступающей новой экономической эпохой система неолиберальных ценностей, основанных на условном мире идеальной экономической свободы и абсолютного рыночного саморегулирования, вновь уступает место «осознанной необходимости» социально ответственного, регулирующего и развивающего государства (будь то национальные государства или конспирологическое «мировое правительство»). Современные государства, глобальное сообщество должно сделать ответственный выбор. Либо мир остаётся, по-прежнему, миром господства частно-корпоративных, партикулярных партийно-политических, эгоистических геополитических интересов и амбиций отдельных государств или их сообществ, что обрекает его на перманентное пребывание в кризисе с весьма непредсказуемым концом. Либо обновлённый, ответственный государственный капитализм, с его уважением к объективным общественным потребностям, общим (общественным) интересам, демократическим институтам, к праву, и что актуально, международному праву, способностью улавливать знамения и веления времени, проводить их в жизнь с помощью эффективных государственных институтов управления, постоянного диалога и партнёрства с бизнесом, гражданским обществом, – сумеет ответить на вызовы времени и обеспечить эволюционное вхождение в новые времена.

СИСТЕМНЫЕ ЦИКЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Клейнер Г. Б., *заведующий кафедрой Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент РАН, д. э. н.*

Общие вопросы

За последние 25 лет Россия пережила четыре масштабных экономических кризиса. «Трансформационный» кризис 1990–1992 гг. сопровождался наибольшим снижением ВВП в размере 14,5 % (1992 г.). В период «долгового» кризиса 1998–2000 гг. наивысшее падение ВВП составило 5,3 % (1998 г.). Мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. привёл к сокращению ВВП в 2009 г. на 7,8 %. Текущий «экономико-политический» кризис, по разным прогнозам, может вызвать снижение ВВП в 2015 г. на 3–4 %. По меньшей мере семь значимых кризисов можно насчитать и в экономике СССР (Клейнер, 2000).

Несмотря на то, что амплитуда колебаний ВВП снижается, последствия как основных кризисов, так и их «афтершоков» прерывают кумулятивное развитие экономики, нарушают эволюционный ход экономических процессов, отбрасывают назад экономику технологического прогресса и снижают уровень устойчивости экономики. Есть ещё одно обстоятельство, характерное именно для экономики России. В экономической политике и управленческой практике, как и в других сферах деятельности, неизбежны ошибки. Исправление перекосов возможно лишь в условиях «ламинарного» развития, кризисы вносят искажения, не позволяющие, говоря математическим языком, процессу сходиться. Неидентифицированные, неосмысленные и неисправленные ошибки, равно как и перегибы на этом пути нейтрализуют достигнутые результаты.

Проблема устойчивости российской экономики давно находится в центре внимания экономистов (см., напр., Гурвич, Прилепский, 2013; Бобылев, Зубаревич, С. Соловьева, 2015). При этом разные направления экономической теории предлагают разные модели сущности и факторов устойчивости (неустойчивости) экономики и, соответственно, различные рекомендации по её стабилизации. Представители неоклассического направления апеллируют к повышению эффективности деятельности экономических агентов за счёт создания «безбарьерной» экономической среды для бизнеса; институционалисты ставят во главу угла создание системы эффективных институтов, прежде всего, институтов обеспечения прав собственности; представители эволюционного направления концентрируют внимание на поведенческих рутинах данной популяции агентов в периоды ослабления экономической активности. Есть основания ожидать рекомендаций и от системной экономической теории – нового направления экономической теории, активно развивающегося с конца 1990-х гг. и основанного на системной парадигме Я. Корнаи (Kornai, 1998; Корнаи, 2002).

В отличие от неоклассической теории, где в качестве единицы анализа выступает экономический *агент*, от институциональной теории, где основная единица анализа – *трансакция*, и от эволюционной теории, для которой такой единицей служит наследуемая *рутина* (в общем смысле – укоренившая-

ся *тенденция*), в системной экономике роль основной единицы анализа играет относительно автономная социально-экономическая *система*. Последняя трактуется как локализованная во времени и/или в пространстве относительно устойчивая часть странового (а иногда мирового) социально-экономического континуума, обладающая внешней целостностью и внутренним многообразием (Клейнер, 2013). При опоре на такой подход понятие *устойчивости* оказывается органически вплетённым в базисный концептуальный ряд экономической теории.

Для России проблема стабилизации развития играет особую роль. «Зигзагообразный» в пространстве и возвратно-поступательный во времени характер социально-экономического развития неоднократно обсуждался в литературе (Клейнер, 2000; Гольц, 2002; Зоидов, 2007, 2008, Айрапетян, 2014 и др.). Переход от возвратно-поступательной к эволюционной траектории развития видится нам как основная стратегическая цель экономической политики России, рядом с которой задачи модернизации, повышение эффективности и инновационности российской экономики отходят на второй план.

Исследовательский аппарат данной статьи базируется на системном анализе как в широком смысле этого слова, т. е. рассмотрении основных объектов исследования в качестве систем, так и в узком смысле, понимаемом как применение системной экономической теории, или системной экономики (см. Клейнер, 2013). В статье предложен новый взгляд на взаимосвязь понятий цикличности и устойчивости экономики. Экономическая динамика рассматривается как чередующаяся последовательность кризисных, посткризисных, межкризисных и предкризисных периодов, а устойчивость – как предсказуемость и частичная регулируемость длительностей этих стадий и глубины кризисов. Подчёркивается роль экономической науки как самостоятельной и равноправной подсистемы в ряду таких подсистем экономики, как хозяйственная практика, экономическая политика, управление экономикой. Исследуются ролевые функции этих подсистем на каждой стадии «кризисного» цикла экономики и строится структурная модель экономической динамики как результата реализации ролевых функций подсистем в синхронизации с их собственными жизненными циклами. Экономика рассматривается как система, объединяющая четыре ключевые подсистемы: *экономическую науку*; *социально-экономическую политику*; сферы *управления экономикой* и *хозяйственной практики* («реальной экономики»).

Такой взгляд позволяет определить наиболее важные системные факторы и периоды разрушения, восстановления, сохранения и укрепления устойчивости экономики. Предлагается модель жизненного цикла экономической динамики как чередующейся последовательности четырёх периодов: кризисного, посткризисного, межкризисного и предкризисного, синхронизированной с жизненными циклами каждой из указанных четырёх подсистем и чередованием их ролевых функций во взаимодействии с экономикой в целом. На основе модели качественно определяются факторы системной устойчивости экономики и длительности межкризисного периода.

«Кризисный» цикл российской экономики

В исторической науке и социальной практике периодизация развития страны часто производится с опорой на наиболее значимые события в жизни государства – войны, революции и т. д. Время делится на периоды по прин-

ципу «до войны», «во время войны», «после войны». Экономическая история стран также разбивается на периоды, связанные с наступлением тех или иных макроэкономических кризисов. Так возникают «кризисный», «посткризисный», и «предкризисный» периоды. Если макрокризисы возникают достаточно редко и влияние предшествующих кризисов с течением времени сглаживается, имеет смысл также выделять «межкризисный» период. Этот цикл в разных пропорциях повторяется неограниченное число раз (рис. 1).

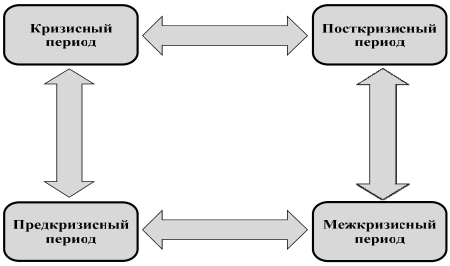


Рис. 1. «Кризисный» цикл экономического развития страны

Движение по часовой стрелке на этой схеме соответствует последовательности смены стадий «кризисного» жизненного цикла экономики. Стрелки в обратном направлении отражают влияние ожиданий, связанных с наступлением следующей стадии; таким образом следующая стадия влияет на предыдущую.

Ключевые подсистемы экономики – наука, политика, управление, практика

Разнообразные факторы, оказывающие влияние на протекание каждой из стадий (фаз) развития экономики, а также моменты смены фаз, можно сгруппировать, опираясь на естественную системную структуру экономики (в широком смысле слова)[48], т. е. представление её в виде четырёх взаимосвязанных макроподсистем: *экономической теории* (в более широком контексте – экономической науки как системы знаний об экономике); *экономической политики* (совокупности принимаемых в сфере экономики стратегических решений); *управления экономикой* (сфера передаточных организационно-экономических механизмов, осуществляющих доведение принятых решений до реализации); *хозяйственной практики* (сферы ведения реального хозяйства)[49].

[48] Термин «экономика» и его производные – макроэкономика, микроэкономика и т. п. – здесь трактуется максимально широко, т. е. и как научная дисциплина, и как реальное хозяйство, и как часть государственной политики. В данной статье экономика понимается как обобщающий концепт, объединяющий экономику как научную дисциплину (economics) и экономику как народное хозяйство (economy).

[49] Данная четырёхэлементная структуризация экономики («квадратура») не противоречит трёхэлементной структуризацией экономики, представленной в (Клейнер, 2010), где в качестве подсистем рассматривались экономическая наука, экономическая политика и хозяйственная практика, а представляет собой её детализацию: экономическая политика разделена на собственно политику и управление.

На уровень хозяйствующего субъекта эта структура проецируется (с некоторыми упрощениями) в виде четвёрки: «специалисты (носители знания) – собственники (лица, принимающие политические решения) – менеджеры (авторы управленческих решений) – работники (провайдеры принимаемых решений)» (исследование этой конфигурации на микроуровне, Клейнер, 2012). Каждая из этих подсистем имеет свои морфологические и функциональные особенности, развивается по своим закономерностям, имеет свои институты регулирования и связана с другими подсистемами. Наиболее важные взаимодействие между подсистемами происходят в ходе реализации цикла подготовки, обсуждения, принятия и реализации управленческих решений в экономике (рис. 2).

Рис. 2. Ключевые подсистемы экономики (в широком смысле слова)

Двусторонние стрелки на рис. 2 символизируют прямые и обратные связи участников цикла подготовки и принятия решений: «научная теория – политика – конкретные управленческие решения – их практическая реализация – анализ и обобщение результатов, усовершенствованная научная теория». В прямом цикле движения стрелка 1 указывает на движение вариантов развития, предсказываемых теорией, по направлению к сфере социально-экономической политики; стрелка 2 – превращение политических решений в управленческие; стрелка 3 символизирует доведение решений до хозяйствующих субъектов, и стрелка 4 – анализ результативности принятых и реализованных решений.

Персональными представителями первой (научной) сферы являются учёные-экономисты, представителями второй – политики, участвующие в формировании и принятии политических решений экономического характера (члены Федерального Собрания Российской Федерации, Администрации Президента России, руководители Правительства Российской Федерации, крупные бизнесмены и предприниматели и т. д.). Управленческую сферу представляют чиновники и менеджеры разных уровней. Сферу реального производства представляют работники предприятий и организаций (экономисты-практики, или «специалисты народного хозяйства»). Кратко эти группы можно охарактеризовать как учёные, политики, управленцы, работники (пересечения, разумеется, возможны, но в большинстве случаев каждый ощущает свою причастность главным образом к какой-либо одной из четырёх сфер).

Внутренние и внешние жизненные циклы подсистем

Каждая из четырёх указанных подсистем проходит в рамках своего *внутреннего жизненного цикла* вполне определённые стандартные стадии (фазы):

зрелость, обновление, становление (в рамках цикла – восстановление) и *развитие*. В стадии *зрелости* каждая из подсистем основное внимание концентрирует на своём вкладе в экономику в целом, в то время как ориентация на собственные проблемы минимальна. По мере дальнейшего прохождения стадий жизненного цикла подсистемы её ориентация на внешнюю надсистему ослабевает. На стадии *обновления* обычно происходит серьёзная реструктуризация, или переформатирование данной подсистемы. В частности, для экономической науки меняется парадигмальная база, изменяется инструментарий, в науку приходит новое поколение учёных и т. д. Подобные изменения происходят и в других сферах. В период инновационного обновления (реструктуризации) концентрация на внутренних проблемах подсистемы достигает максимума, а концентрация на внешних – минимума. Для стадии *становления* характерен процесс обучения новому аппарату, «нащупывания» новой сферы применения, адаптация подсистемы к новым внутренним и внешним условиям. На стадии развития осуществляется применение и усложнение инструментария, используемого данной подсистемой и расширение сферы её деятельности. В ходе циклической смены стадий меняется и распределение ориентиров подсистем (рис. 3).

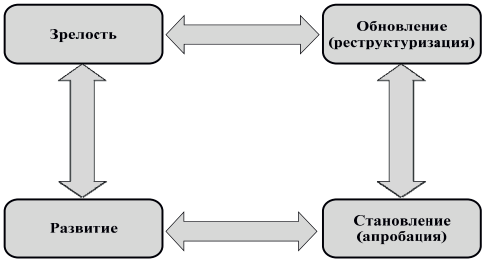


Рис. 3. Стадии внутреннего жизненного цикла ключевых подсистем экономики

Движение по часовой стрелке на рисунке 3 соответствует последовательности смены стадий жизненного цикла каждой из подсистем экономики, а стрелки в обратном направлении отражают влияние ожиданий, связанных с наступлением следующей стадии, на протекание предшествующей стадии.

Если рассматривать данные подсистемы с точки зрения их роли в экономике в целом (внешние циклы подсистем), то здесь естественно выделяются следующие четыре *ролевые функции*, сформированные по принципу участия подсистем в развитии экономики: *лидерство* (статус подсистемы, как основной движущей силы для данной стадии экономики); *оппозиция* (статус подсистемы, как критического наблюдателя в результате разочарования, выявления существующих в экономике проблем и противоречий, поиск своего места в новой экономической ситуации); *нейтралитет* (статус подсистемы как пассивного наблюдателя); *поддержка* (статус подсистемы как активного участника перемен, союзника лидера в процессе развития данной фазы).

Чередование ролевых функций подсистемы в определённой последовательности образует её внешний жизненный цикл в экономике. Стадия *лидерства* обычно заканчивается разочарованием общества и формированием критической позиции в отношении подсистемы – лидера. Вслед за ней наступает

стадия *оппозиции* данной подсистемы по отношению к обществу. Она сменяется снижением напряжённости взаимоотношений и переходом в стадию *нейтралитета*. В результате сближения позиций подсистемы и экономики в целом, их взаимоотношения переходят в стадию *поддержки* (сотрудничества) (рис. 4).

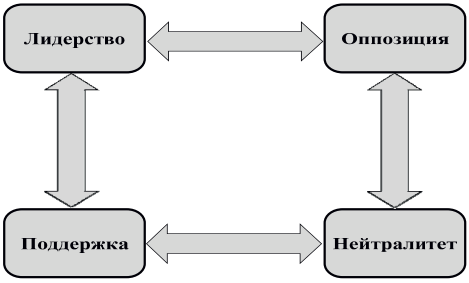


Рис. 4. Последовательность ролевых функций ключевых подсистем экономики

Движение по часовой стрелке на рисунке 4 соответствует последовательности смены стадий жизненного цикла каждой из подсистем экономики. Стрелки в обратном направлении отражают влияние ожиданий, связанных с наступлением следующей стадии, на протекание предшествующей стадии.

Комплексная модель циклического функционирования экономики и её подсистем

Сопоставляя стадийные ролевые функции подсистем (лидерство, оппозиция, нейтралитет, поддержка) с фазами их внутренних жизненных циклов (зрелость, становление, обновление, развитие), можно построить нормативную модель функционирования комплекса. Представляется естественным, чтобы лидерство осуществляла подсистема, находящаяся в стадии зрелости, так как непродуманные или неосторожные действия лидера могут дестабилизировать обстановку, увести на ложный путь; поддержку лидера (экономики) должна осуществлять развивающаяся подсистема; нейтральную позицию может занять подсистема, концентрирующаяся на внутренних проблемах – проходящая стадию становления; критическую позицию, поиски нового пути можно доверить подсистеме, находящейся в стадии обновления или реструктуризации.

Такая синхронизация внутренних циклов подсистем с их внешними циклами и кризисным циклом экономики позволит наилучшим образом распределить нагрузку (и, соответственно, права на получение ресурсов) и ответственность каждой из подсистем перед обществом. Задача построения нормативной модели функционирования экономики в виде рассматриваемого комплекса состоит в соединении рисунков 1–4 и решается с учётом следующих предпосылок, которые приводят к модели ролевых функций подсистем (табл. 1):

– каждая из подсистем проходит полный цикл развития: стадии зрелости, обновления (реструктуризации), становления (апробации) и развития;

– на каждой стадии странового «кризисного» цикла ведущая роль в процессах социально-экономического развития страны принадлежит одной из подсистем, а именно, той, которая находится на стадии зрелости;

– в стадии кризиса ведущая роль должна быть отдана подсистеме непосредственного управления. Эта сфера к данному моменту в этом цикле обычно ещё не успевает скомпрометировать себя в такой степени, как сфера экономической политики. Передача лидерства представителям управленческой сферы на период кризиса аналогична практике назначения «технического правительства», широко применяемой в развитых странах. Такое правительство рассматривается часто как единственная сила, способная вывести страну из кризиса;

– на посткризисной стадии лидирующая роль должна принадлежать хозяйственной практике, определяющей преодоление последствий кризиса;

– на межкризисной стадии лидерство переходит к экономической науке, нацеленной на повышение эффективности экономики, разработку и реализацию модели устойчивого развития страны;

– на предкризисной стадии лидирующие функции должны быть сконцентрированы в сфере экономической политики, усилия именно этой подсистемы способны отсрочить наступление кризиса перед входом в стадию кризиса.

Таблица 1

Ролевые функции и внутреннее состояние подсистем на разных стадиях развития экономики (в широком смысле)

Подсистемы страновой экономики	**Периоды развития экономики:**			
	Кризисный	**Посткризисный**	**Межкризисный**	**Предкризисный**
Управление экономикой	Лидерство	Оппозиция	Нейтралитет	Поддержка
	Зрелость	Обновление	Становление	Развитие
Хозяйственная практика	Поддержка	Лидерство	Оппозиция	Нейтралитет
	Развитие	Зрелость	Обновление	Становление
Экономическая наука	Нейтралитет	Поддержка	Лидерство	Оппозиция
	Становление	Развитие	Зрелость	Обновление
Экономическая политика	Оппозиция	Нейтралитет	Поддержка	Лидерство
	Обновление	Становление	Развитие	Зрелость

В таблице 1, таким образом, соединены и синхронизированы: «кризисный» цикл экономики в целом; «управленческий» цикл регулирования экономики на основе принятия научно обоснованных стратегических и тактических решений; жизненные циклы развития ключевых подсистем экономики. Возникает циклическая по горизонтали и вертикали последовательность сменяющих друг друга ролей подсистем экономики. Эта модель определяет не только динамику движения подсистем и их отношений с экономикой в целом, но и взаимоотношения между самими подсистемами. Так, на стадии лидерства в кризисный период представители хозяйственной практики дол-

жны сотрудничать с представителями управленческой сферы (управление экономикой) для скорейшего преодоления кризиса. В посткризисный период возрастает значимость кооперации экономической науки и хозяйственной практики, когда экономическая наука пытается создать новую модель экономики, опираясь на данные хозяйственной практики и разработанные в ходе предыдущего этапа новые подходы и т. д. В межкризисный период экономическая политика пытается поддержать науку, рассчитывая на продление длительности межкризисной стадии. В предкризисной стадии представители сферы экономической политики стремятся оказать поддержку управленцам, рассчитывая противостоять наступающему кризису.

Предложенная системная модель не ориентирована на бескризисное развитие, однако она позволяет обеспечить динамическую устойчивость экономики и её ключевых подсистем за счет циклического перенесения «центра тяжести» (ответственности за национальную экономику) на одну из ключевых подсистем в зависимости от периода развития экономики и стадии функционирования каждой из ключевых подсистем. Применение такой концепции при формировании экономической политики, в частности, при разработке и принятии государственного бюджета, позволило бы сформировать и реализовывать антикризисную стратегию и соответствующую экономическую политику, заблаговременно перемещая ресурсы в наиболее важную для того или иного этапа подсистему.

Кроме того, четыре указанные выше ключевые подсистемы экономики относятся к разным системным типам: управление экономикой, складывающееся из множества локальных и краткосрочных управленческих актов – к числу проектных систем; хозяйственная практика, реализуемая по преимуществу хозяйствующими субъектами – к числу объектных систем; экономическая наука – к числу средовых, а экономическая политика, представленная различными социально-политическими процессами, к числу процессных систем (Клейнер 2011). Это позволяет рассматривать конфигурацию четырёх подсистем на рисунке 2 как тетраду – устойчивый комплекс из четырёх систем разных типов, взаимодействие между которыми осуществляется по принципу кольцевой структуры (Клейнер, 2011). Отношения сотрудничества между лидирующей на этой стадии подсистемой и подсистемой, осуществляющей функцию поддержки, связывают только те пары подсистем, которые на рисунке 2 связаны стрелкой, а именно: управление экономикой – хозяйственная практика, хозяйственная практика – экономическая наука, экономическая наука – экономическая политика, экономическая политика – управление экономикой. Согласно теории тетрад (Клейнер, 2011) только пары смежных на рисунке 2 подсистем склонны к сотрудничеству, в то время как отношения подсистем, не имеющих непосредственной связи на рисунке 2, характеризуются скорее конкуренцией, чем кооперацией.

По сути, функции каждой из четырёх подсистем симметричны: в какой-то период каждой из них доверяется ведущая роль в составе системных факторов, определяющих состояние и направленность экономики. Это значит, что в среднесрочной перспективе эти подсистемы должны быть сопоставимы по уровню и потенциалу внутреннего развития и по возможностям влияния на экономику страны. Иными словами, между этими системами должен существовать определенный «мощностной» баланс. Сбалансированное развитие экономической науки, экономической политики, управленческой экономики и хозяйственной практики – необходимое условие долгосрочного устойчи-

вого развития страны. Поэтому распределение страновых ресурсов должно производиться с учётом необходимости решения этой важнейшей задачи регулирования экономики.

Организационно-экономический механизм функционирования экономики в различных фазах её движения, представленный в таблице 2, можно уподобить гусеничному механизму, применяемому для облегчения передвижения тяжелой техники по бездорожью. Гусеничная лента циклически вращается и, соприкасаясь с внешней стороны с полотном дороги, а с внутренней – с вращающимися колесами или валами, позволяет обеспечить более равномерное распределение веса машины по площади соприкосновения с полотном дороги. Подобным образом, движение экономики во времени осуществляется путем циклической смены фаз развития экономики при одновременном чередовании фаз собственных жизненных циклов её основных подсистем.

Системные факторы устойчивого развития экономики

Представленный анализ взаимодействия экономики (в широком смысле) и ее ключевых подсистем показывает, что длительность как кризисного, так и межкризисного периодов зависит от состояния подсистем. К периоду своего лидерства в структуре влияния на экономику каждая система должна подойти, образно говоря, «на пике форме». Это означает, что мониторинг состояния, обеспечение ресурсами и регулирование деятельности каждой из этих подсистем должны стать постоянными функциями регулирования экономики. В стратегии социально-экономического развития страны должны быть предусмотрены разделы, посвященные стратегическому регулированию перечисленных четырех подсистем, в том числе их подготовке к выполнению своих ключевых функций на всех стадиях развития экономики, в особенности – к роли лидера на соответствующей стадии. В этот же комплекс вопросов входит и регулирование взаимоотношений между данными подсистемами. Учитывая схему взаимодействия подсистем экономики (в широком смысле), представленную на рисунке 2, следует также укреплять отношения сотрудничества между парами подсистем, непосредственно соседствующих друг с другом.

В контексте циклической модели, описанной выше, показателями устойчивости экономики выступают длительность межкризисного периода и глубина самих кризисов (заметим, что последняя характеристика коррелирует с длительностью посткризисной стадии). Межкризисная стадия отличается от кризисной, главным образом, уровнем сбалансированности экономики. Кризис следует трактовать как стадию относительной разбалансированности движущих сил экономики. Это означает, что основным фактором и одновременно индикатором приближения кризиса служит развитие и усугубление дисбалансов в аспектах, жизненно важных для экономики.

Проведённый качественный анализ нормативных и дескриптивных аспектов кризисного цикла национальной экономики и жизненных циклов её ключевых подсистем позволяет сделать вывод о том, что формирование экономической политики как в периоды кризисов, так и в предшествующие и последующие периоды должно быть нацелено не на переход к бескризисному движению экономики (вряд ли это возможно), а на разработку и реализацию стратегии предсказуемого и в какой-то степени регулируемого че-

редования универсальных стадий экономической динамики. Именно такой характер движения, по нашему мнению, наиболее близок к понятию устойчивого развития.

В рамках системного исследования социально-экономической динамики можно рассматривать четыре вида циклов: «кризисный» цикл системы в целом; «кризисные» циклы основных подсистем; жизненный цикл развития системы в целом; жизненные циклы развития подсистем. В статье мы рассматриваем по отношению к экономике в целом и к таким её подсистемам, как экономическая наука, политика, управление экономикой и реальное хозяйство, только первый и последний виды циклов. Это объясняется тем, что жизненный цикл экономики в целом носит весьма долговременный характер и находится вне сферы относительно кратковременной смены кризисов первого и четвёртого типов; учёт кризисов экономической науки, политики, управления и практики по отдельности требует отдельного рассмотрения. Кроме того, он предполагает количественный анализ, в то время как нас в данной работе интересует структура качественного взаимодействия экономики как системы и её подсистем.

Список литературы

1. *Айрапетян М. С.* Глобальный мир: между Сциллой и Харибдой экономических и политических циклов. Проблемы теории и практики управления. М., № 1, 2014.
2. *Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С.* Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития // Вопросы экономики, 2015, № 1.
3. *Гольц Г. А.* Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 536.
4. *Гурвич Е., Прилепский И.* (2013). Как обеспечить внешнюю устойчивость российской экономики // Вопросы экономики. № 9. С. 4–39.
5. *Зоидов К. Х.* К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Ч. 1 / К. Х. Зоидов // Экономическая наука современной России. 2007. № 4. С. 7–22.
6. *Зоидов К. Х.* К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть 2. // Экономическая наука современной России. 2008. № 1 (37). С. 35.
7. *Клейнер Г. Б.* Институциональные факторы долговременного экономического роста. Экономическая наука современной России, 2000. № 1. С. 5–20.
8. *Клейнер Г. Б.* Кризис: что, кому и когда делать (попытка метаанализа). Государственная антикризисная политика в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Межкафедральный сборник научных трудов. М., 2010.
9. *Клейнер Г.* Системный ресурс экономики // Вопросы экономики, 2011. № 1. С. 89–100.
10. *Клейнер Г. Б.* Менеджериальная революция на российских предприятиях: предпосылки и императивы. Потенциал и перспективы экономического развития России в условиях модернизации. / Под ред. Г. Б. Клейнера, О. Ю. Мамедова, В. В. Сорокожердьева. М.: Современная экономика и право, 2012.
11. *Клейнер Г.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики, 2013. № 6. С. 4–28.
12. *Корнаи Я.* Системная парадигма. Вопросы экономики, 2002. № 5. С. 4–22.
13. *Kornai J.* The System Paradigm, William Davidson Institute Working Papers Series 278, William Davidson Institute at the University of Michigan, 1998.

МОНЕТИЗАЦИЯ – УСЛОВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ

Кротов М.И., *д. э. н.,* **Мунтиян В.И.,** *д. э. н., Санкт-Петербургский государственный университет.*

После относительно успешной пятилетки 2010–2014 гг. экономика России вошла в экономическую стагнацию. Поэтому стратегически важной задачей Правительства Российской Федерации и Банка России является недопущение перерастания стагнации в экономический кризис и обеспечение перехода от фазы стагнации к фазе экономического роста. Негативное влияние на экономику государства оказали как внешние факторы: резкое падение цен на нефть, введение санкций Западом, дестабилизация мировой финансовой системы и ухудшение мировой конъюнктуры на рынках сырьевых товаров, так и внутренние факторы: макроэкономические, структурные и институциональные диспропорции, среди которых главной, на наш взгляд, является заниженный уровень монетизации экономики.

Подтверждением начала стагнации является ухудшение макроэкономических показателей за первое полугодие 2015 г.: падение реального ВВП составило минус 3,4 %, экспорта – минус 22,3 %, инвестиций – 4,2 %, реальные денежные доходы населения сократились на 4,1 %. Отмеченные и другие негативные экономические характеристики неправильно объяснять только падением цен на нефть и западными санкциями. В значительной степени кризисные явления объясняются сложившейся с 90-х гг. экономической моделью, которая привела к разбалансированию экономической системы. Основная диспропорция в том, что экономика России, с одной стороны, имеет низкий уровень монетизации, а, с другой стороны – высокий уровень долларизации. Долларизация становится одним из каналов интернационализации российского фондового рынка, уменьшая спрос на финансовые активы, негативно влияет на конкурентоспособность экономики. Обращение громадного количества долларов США в России приносит чистую эмиссионную прибыль для США, а для России – убытки.

Экономическая теория подтверждает, что если структура экономики не уравновешена, не сбалансирована и не рациональна, то рыночный механизм самореализации начинает её просто уничтожать, а не развивать. Поэтому необходимо разработать и внедрить эффективную экономическую модель, соответствующую параметрам экономической безопасности, обеспечив при этом оптимальную координацию и сбалансированность на уровне государства денежно-кредитной, фискально-бюджетной, ценовой, научно-производственной, инвестиционно-инновационной и внешнеэкономической политик, нацелив их на обеспечение сбалансированного, равновесного и устойчивого роста экономики.

Цепь причинно-следственных связей формирования неравновесных состояний экономики России имеет свою природу и историю. Основная проблема в России – это отсутствие денег в стране. Не решив её, мы не сможем обеспечить полный финансово-экономический суверенитет страны, обеспечить её безопасность, экономический рост и повысить благосостояние граждан. В качестве основной причины появления неустойчивости

в экономике исследователи классической и неоклассической экономической теории называют такой экономический механизм, как кредитные деньги. Поэтому основные проблемы и пути обеспечения устойчивости лежат в области денежно-кредитных отношений[50].

Сложившиеся в России экономические диспропорции

Первый уровень экономических диспропорций. Фаза (Д-Т).

Низкая эффективность проводимой денежно-кредитной политики обусловила заниженный уровень монетизации экономики и, как следствие – завышенный уровень стоимости кредитных ресурсов[51]. Таким образом, первая диспропорция, нарушающая равновесное состояние экономической системы, заключается в том, что уже на такой фазе воспроизводственного процесса как снабжение (Д-Т) из-за завышенной цены на деньги российская экономика становится неконкурентоспособной. Поэтому, хозяйственным субъектам становится выгодно занимать средства не в своей стране, а за рубежом. Это, в свою очередь, спровоцировало целую вереницу как прямых, так и косвенных негативных последствий, которые проявились в снижении устойчивости национальной валюты, увеличении уровня долларизации, в нарушении пороговых индикаторов денежно-кредитной безопасности страны. Что в целом и сформировало первый уровень нарушения равновесного состояния в экономике.

Второй уровень экономических диспропорций. Фаза (Т-П-Т').

Увеличение спроса на иностранную валюту в России приводит к её удорожанию, начинают работать финансовые спекулянты и создают новый дисбаланс, где стоимость кредитных ресурсов уже не только отечественных, но и зарубежных кредиторов выше уровня производственной рентабельности в реальном секторе экономики. Создаётся ситуация вымывания денежных средств из производственного процесса в условиях денежного дефицита, с последующей автономизацией друг от друга сферы обращения и сферы производства, двух ключевых потоков – денежного и товарного. В результате этого товарный поток деградирует, а денежный поток, оторвавшись от товарного, как бы замыкается в своём внутреннем пространстве, теряя качественные и количественные ориентиры, но стремясь к быстрому наращиванию сво-

---

[50] См. Кротов М. И., Мунтиян В. И. Атикризисная модель экономического развития России // Проблемы современной экономики. – 2015. – 2. – С. 7–14; Кротов М. И., Мунтиян В. И. Об антикризисной монетарной стратегии экономического развития России. // Проблемы современной экономики. – 2015. – 3. – С. 17–26.

[51] Так, ключевая ставка Банка России с 31.07.2015 г. составляет 11,0 %, снизившись с 17 %. Для сравнения: в США аналогичная ставка составляет 0,25 %, в зоне евро – 0,05 %, в Китае – 4,6 %, в Японии – 0,01 %, в Великобритании – 0,5 %. Процентные ставки в развитых странах низкие, потому что у них, во-первых, в отличие от России не существует денежного дефицита, во-вторых, в условиях кризиса процентные ставки снижаются вследствие увеличения денежной массы. Подтверждением этому служат принятые ФРС США и Европейским ЦБ меры количественного смягчения во время кризиса 2007–2009 гг. (в 2008 г. ФРС США увеличила монетизацию экономики и снизила ставку рефинансирования с 4,25 % до 0,25 %). Характерно, что США и ЕС для себя используют одни антикризисные рецепты, а России и странам СНГ предлагают совершенно противоположного действия. Повышая ставку рефинансирования, Банк России снижает возможности коммерческих банков по кредитованию их клиентов, понижает объём денежной массы и степень деловой активности.

их объёмов. Всё это провоцирует вздутие очередного финансового пузыря, схлопывание которого является началом нового кризиса. В этом проявляется диспропорция следующей после фазы снабжения (Д-Т) начальной фазы производства (Т-П).

Хозяйствующему субъекту при отсутствии нормального доступа к деньгам невозможно приобрести предметы труда, средства труда, нанять квалифицированные трудовые ресурсы, затем организовать расширенное воспроизводство, получив новое качество товара, реализовать его так, чтобы получить дополнительную добавленную стоимость, достаточную для того, чтобы рассчитаться с кредиторами и произвести инвестирование нового производства. Это следующая диспропорция экономики, которая нарушает работу завершающей фазы производства (П-Т') и соответственно в дальнейшем фазы реализации (Т'-Д').

Формирование второго уровня неравновесного состояния фазы производства в целом (Т-П-Т') привело к заниженной монетизации экономики (к недостаточности денежной массы для обеспечения экономического роста и развития страны в целом) и к завышенной норме стоимости кредитных ресурсов, сделав их тем самым недоступными для субъектов хозяйственной деятельности. Создался порочный круг. С одной стороны, хозяйствующему субъекту реального сектора экономики невозможно получить необходимый кредит, потому что стоимость кредита в разы выше уровня рентабельности, а с другой стороны – невозможно его возвратить, потому что не из чего. Ведь результат хозяйственной деятельности при стоимости кредитных ресурсов в разы выше производственной рентабельности, да и рентабельности от продаж – приведёт к убыткам. Это ещё одна диспропорция, когда уровень рентабельности экономики снижается, а уровень стоимости кредитных ресурсов растёт.

Верхняя граница ставки по кредиту – это среднеотраслевой уровень рентабельности общественного производства и нижняя граница общественно необходимой нормы затрат по аккумулированию и размещению ресурсов. При рентабельности 5,2 % за 2014 г. по стране, среднеотраслевая рентабельность по машиностроению составила 1,5 %, по строительству – 2,0 %, химическому производству – 0,8 %, производству транспортных средств – 0,8 % и др. В этих условиях очевидна невозможность кредитования производства, ведь 11 % годовых – это ещё не коммерческий кредит, а учётная ставка, по которой Банк России может продать ресурс коммерческому банку. Последний, со своей стороны, будет учитывать взаимодействие спроса и предложения на кредитном рынке, инфляционные ожидания, обменный курс валют, риски, банковскую маржу и целый ряд других факторов, влияющих на величину процентной ставки. И в конечном итоге мы увидим, что стоимость кредитного ресурса, который может выдать коммерческий банк отечественному товаропроизводителю, будет в два и более раза дороже ключевой ставки Банка России. С другой стороны, и сам банк не может выходить за пределы нижней, «мёртвой» точки доходности банка, потому что доходная маржа банка не даёт ему возможности покрыть необходимые расходы и он в такой ситуации просто обанкротится. Вот и следующая диспропорция, когда из-за низкой рентабельности и дороговизны кредитных ресурсов, и заёмщик кредита, и кредитор становятся потенциальными банкротами, что в свою очередь создаёт предпосылки для реализации коррупционных и теневых схем.

В итоге складывается, с одной стороны – кабальная зависимость отечественного производителя от кредитора, а с другой стороны, банковской

системе не выгодно кредитовать отечественный производственный сектор с убыточными финансовыми результатами, потому что не будет обеспечен возврат выданных кредитов. И тогда банковская система кредитует импорт и виртуальную экономику, тем самым нанося тяжёлый урон отечественному товаропроизводителю и научно-производственному потенциалу страны.

Третий уровень экономических диспропорций. Фаза (Т'-Д').

Третий уровень неравновесного состояния хозяйственного комплекса страны, отражающий два предыдущих уровня диспропорций, формируется, с одной стороны, на завышенной норме прибыли, высокой норме ключевой банковской ставки и ставки налоговых платежей, с другой стороны, на заниженной норме монетизации экономики (отношение денежной массы к ВВП), рентных платежей и амортизации. Складывается ситуация, когда из-за завышенных издержек мы не можем создать конкурентоспособный товар и получить за него справедливую рыночную цену. То есть, на входе в систему воспроизводственного процесса (первая фаза – Д-Т) вместо дешёвых денег мы получаем дорогие деньги, а на выходе из этой системы (последняя фаза Т'-Д'), вместо высокой цены мы получаем заниженную цену. А это в свою очередь ведёт к снижению капитализации, финансовой устойчивости и конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей. Формирование третьего уровня неравновесного состояния выражается в создании определённой модели взаимно связанных негативных цепных реакций, ведущих экономику государства по пути экономического сжатия и деградации. Опасность этого уровня диспропорций заключается в том, что со временем население видит, что ожидания улучшения благосостояния, хотя бы в перспективе, не оправдываются, что может привести к нарастанию социальной напряжённости в обществе.

Таким образом, вследствие формирования трёх уровней диспропорций, неравновесных состояний российской экономики создался порочный круг причинно-следственных связей: дефицит денежной массы провоцирует высокую цену на деньги, которая приводит к удорожанию удельной стоимости единицы производимой продукции, товаров, услуг и капиталов, порождает рост цен. В свою очередь, рост цен ведёт к снижению платёжеспособного спроса, что ограничивает масштабы производства, а это порождают безработицу и удорожание себестоимости производства единицы продукции. Это вновь ведёт к росту цен, который ограничивает спрос, что далее порождает новое сокращение объёмов производства и так до бесконечности по спирали сверху вниз[52].

Взаимосвязь динамики монетизации, инфляции, процента и ВВП

Согласно классической теории денег, произведение величины денежной массы на скорость обращения денег должно быть равно произведению уровня цен на реальный национальный продукт. Современная теория спроса на деньги учитывает наличие инфляции. Она чётко разграничивает такие понятия, как реальный и номинальный доход, реальную и номинальную норму процента, реальную и номинальную денежную массу. Высокий уровень цен

[52] Симчера В. М. Как возродить экономику России. Кн. 3. – М.: ТЕИС, 2006. – 824 с. – С. 56, 289.

требует больше денег. Чем выше норма процента на альтернативные деньгам активы, тем выше их альтернативная стоимость. Таким образом, при прочих равных условиях, чем выше реальная норма процента, тем ниже величина спроса на деньги[53]. Завышенная норма процента банковского кредита является одним из инструментов встраивания инфляции в финансовый процесс российской экономики и определённым стимулятором повышения инфляционного роста.

Российская экономическая практика базируется на догме, согласно которой увеличение денежной массы спровоцирует резкое увеличение уровня инфляции. При этом в качестве главного аргумента приводятся сравнительные данные США, Великобритании, Японии и др. Однако такой подход некорректен по следующим основаниям. Во-первых, резкого увеличения монетарной инфляции в России не может произойти потому, что у нас занижена норма денежной массы (когда она выровняется, тогда можно говорить о данном факторе). Анализ динамики монетизации и инфляции за последние 25 лет, наоборот, показывает, что при увеличении денежной массы темпы роста инфляции не увеличивались, а снижались. Во-вторых, в развитых странах, с которыми приводится сравнение, норма денежной массы существенно превышает величину ВВП (в некоторых странах более чем в два раза). Для таких стран действительно увеличение денежной массы является проблемой, так как оно стимулирует увеличение темпов роста инфляции, поэтому они и используют разные механизмы стерилизации и разгона инфляции, в том числе частично смягчают инфляционное давление за счёт России, что в принципе допускать нельзя. Коэффициент монетизации, отношение финансового агрегата М2 к ВВП, в 2014 г. в России составил 42,7 %, то есть он даже не соответствует минимальному пороговому значению (50 %), а тем более норме – 70 % (рис. 1). В среднем величина коэффициента монетизации экономики в мире составляет 125 %, в Японии – 247,8 %, в Южной Корее – 134,5 %, в Китае – 194,5 %, в Индии – 80,4 %.

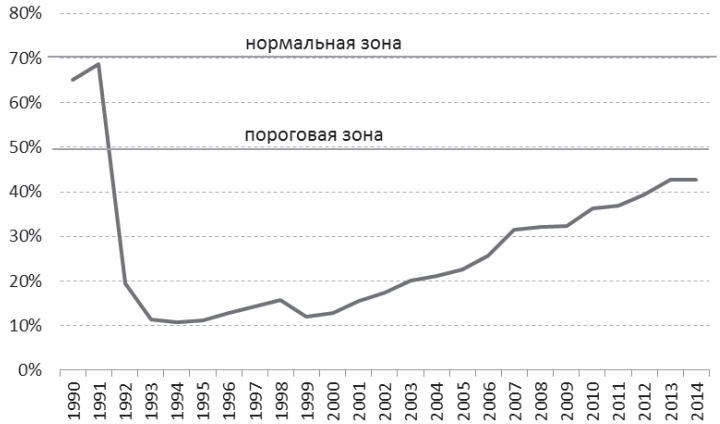


Рис. 1. Динамика коэффициента монетизации в России (М-2 в % к ВВП) с 1990–2014 гг.

[53] Долан Э. Дж. и др. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Пер. с англ. В. Лукашевича и др.; Под общ. Ред. В. Лукашевича. – Л., 1991. – 448 с. – С. 243, 256.

Поэтому в России, где занижен уровень монетизации экономики, существуют дефициты федерального и региональных бюджетов, Пенсионного фонда и т. д., неоправданно проводить политику стерилизации денежной массы, тем более в таких гипертрофированных формах и объёмах. В стране функционирует механизм вывода денег из экономики ещё до стадии вхождения их в производство или вывода денег за рубеж, хотя уже всем ясно, что средства за рубежом могут быть полностью потеряны, арестованы, заморожены и т. д.

Стерилизационную роль кроме Казначейства России, Стабфонда и Резервного фонда, также играют и сверхнормативные золотовалютные резервы, с той лишь разницей, что они омертвляют валютную выручку. Это равнозначно вывозу из страны товаров без получения за них материального эквивалента и беспроцентному кредитованию стран, чьи валюты формируют такие резервы. Ю. Любимцев удачно подметил, что: «Стерилизация и оптимизация бюджетных расходов означают не что иное, как «стерилизацию» конкурентных преимуществ российской экономики, блокирование инновационного развития и выживание даже не будущих, а нынешних поколений»[54]. И самый главный вывод, что такое масштабное изъятие средств из федерального бюджета и национальной экономики, реально не достигло практически не одной из поставленных целей.

Исследования Всемирного банка, практика Китая, Индии, Малайзии и других стран доказывают прямую связь между уровнем монетизации и экономическим ростом. При прочих равных условиях, чем выше уровень монетизации, тем выше темпы экономического роста, тем более объёмным и диверсифицированным является денежный спрос, более крупные потоки денежных ресурсов перераспределяются для финансирования экономического развития. Наоборот, низкая монетизация ведёт к торможению экономического роста, к чрезмерной зависимости от коротких инвестиционных вливаний нерезидентов, к слабости ресурсного потенциала финансового сектора, завышенной цене денег в экономике[55]. Тем не менее, Банк России, игнорируя мировой опыт, для борьбы с инфляцией с подсказки западных экспертов и МВФ ещё в начале 90-х гг. создал дефицит денежной массы, что стало одной из основных причин инфляции и, главное, падения реального объёма ВВП ниже критического уровня. Как ни парадоксально это звучит, но была создана причина для борьбы с её следствием.

Обратной величиной уровня монетизации экономики является скорость обращения денежной массы М-2. Скорость оборота денег в экономике зависит от её воспроизводственной структуры. Нормально, когда данная величина находится в пределах одного оборота в год или максимум двух. Но такой ситуации в экономике России, как показано на рисунке 2, мы также не наблюдаем. Несмотря на положительную тенденцию сокращения скорости денежного обращения, её уровень ещё не достиг не только нормального, но даже порогового значения. Если в экономике большой удельный вес приходится на высокоточное машиностроение и высокотехнологичную продукцию, а также оказывается широкая инвестиционная поддержка фундаментальных

---

[54] Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России-2012. – 468: М.: МГИМО-Университет. С. 342, 352.

[55] Миркин Я. М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. – М.: GELEOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2011. – 480 с.

научных исследований, то скорость оборота денег замедляется, так как эти отрасли обладают длительным производственным циклом. Если в экономике производятся в основном потребительские товары и услуги, скорость оборота денег растёт, так как производственный цикл в этих отраслях относительно короткий[56].

Заложенную в начале 90-х гг. модель демонетизации, обезденежнивания российской экономики не удаётся пока устранить на протяжении 25 лет. Даже на данный период времени (рис. 2) скорость обращения денежной массы составляет 2,34 раза, а ранее вообще были обороты 9, 8, 7 раз. При таких высоких оборотах невозможно обеспечить равновесное состояние экономики и развивать её реальный сектор, в том числе сферу высокотехнологической и инновационной продукции. В таких условиях финансовые ресурсы уходят в виртуальную сферу, финансово-банковскую (в основном, на межбанк, валютную биржу), в сферу торговли, а также в сферу виртуальной экономики. «Лишняя» ликвидность выводится за рубеж. При этом на рынке преобладают не отечественные, а импортные потребительские и производственные товары. В этом заключается парадокс, что при дефиците денежных средств внутри страны, отечественная банковская система помогает зарубежным товаропроизводителям.

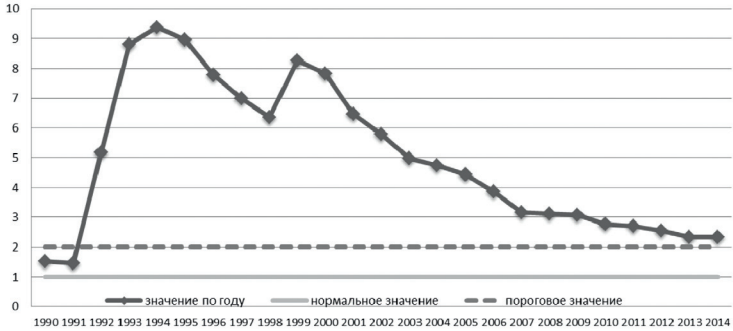


Рис. 2. Скорость денежного обращения М2

Вместе с обращением национальной валюты – рубля, на внутренний рынок России было допущено свободное обращение доллара США, а затем и евро. Но от долларизации и «евроизации» следует отходить, если мы хотим обеспечить реальный финансовый и экономический суверенитет страны, не быть зависимыми от внешнего финансирования и не платить «дань» Западу. Ведь деньги, кроме классических функций, в современной экономике выполняют и функцию управления. Статистические данные не подтверждает тезис отечественных монетаристов о монетарном характере инфляции (рис. 3 и 4). Как только в 1999 г. Россия перешла к смягчению денежной политики и начала постепенно увеличивать уровень монетизации в экономике, макроэкономическая динамика сразу же изменила свой тренд в сторону роста, увеличились темпы экономического развития и улучшились показатели российской экономики в целом. В результате в 2007 г. Россия превысила уровень ВВП

[56] Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 896 с.

базового 1990 г. И основным фактором экономического роста послужили не рост цен на нефть, хотя, безусловно, этот факт присутствует, а всё-таки увеличение монетизации экономики.

С 1999 по 2013 г. рост монетизации в 3,53 раза (с 12,1 % до 42,7 %) обусловливал увеличение реального объёма ВВП в 2,06 раза. Основные валютные поступления за счёт роста цен на нефть начались с 2005 года, когда цена на нефть составляла 54,4 долл. за баррель, до этого периода она находилась в пределах 20–30 долл. Т. е. за 2000–2004 гг. среднегодовые темпы прироста реального объёма ВВП составили 107,2 % и были самыми высокими в истории России XXI в., несмотря на относительно низкие цены на энергоносители. В 2014 г. рост монетизации прекратился, а точнее остался на прежнем уровне и поэтому прирост объёма ВВП за 2014 г. составил лишь 100,6 % (рис. 3).

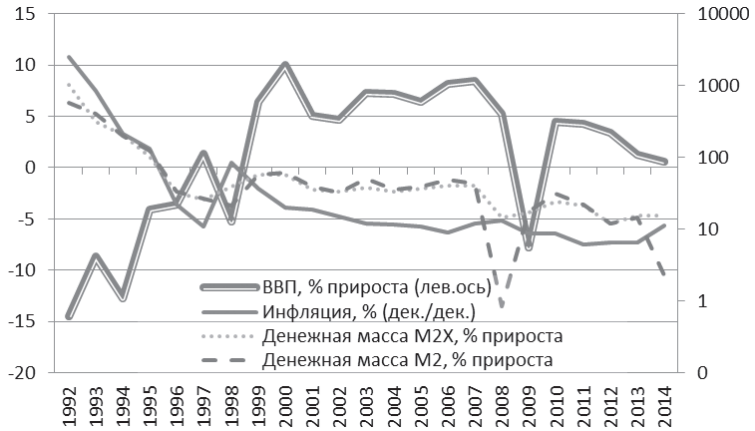


Рис. 3. Динамика прироста денежной массы М2Х, денежной массы М2, инфляции и ВВП

На левой оси шкалы рисунка 3 отображена динамика темпов прироста реального объёма ВВП, а на правой – М2, М2Х и инфляции. Таким образом, на рисунке 3 мы видим целостную картину экономической динамики России за 25-летний период, влияние монетарной и ценовой политики государства на экономический рост. Эти выводы подтверждают и данные рисунка 4.

На рисунке 4 видно, что с увеличением уровня монетизации экономики увеличиваются темпы роста ВВП и снижаются темпы роста инфляции. Прирост денежной массы по финансовому агрегату М2Х в 1992 г. составил 1035,4 % т. е. 40 % от индекса прироста цен и на 33,7 % превысил прирост денежной массы по финансовому агрегату М-2. На практике это означает, что более 30 % прироста «искусственного» завышения цен было компенсировано за счёт ввода в денежный оборот иностранной валюты, конкретно завезённых в Россию долларов США. Пора прекращать эту практику, длящуюся почти 25 лет. Тем более, что в 2014 г. прирост М2 составил 2,2 %, а прирост М2Х – 15,5 %, что характеризует ускорение процесса выталкивания на отечественном финансовом рынке из денежного обращения рублей долларами. Только за период 1991–1999 гг. потери национального богатства России составили

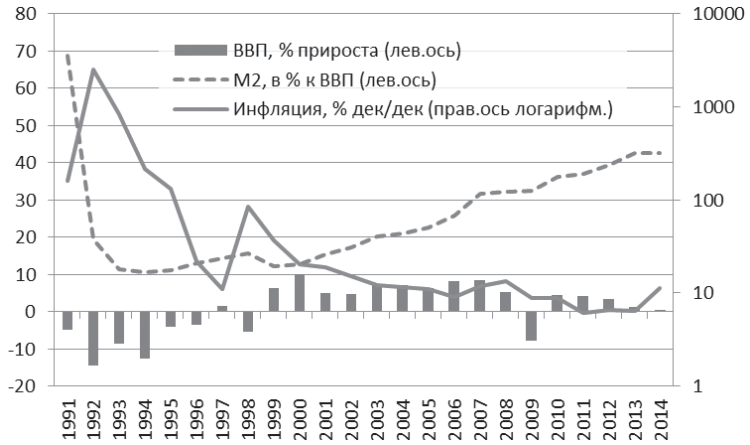


Рис. 4. Динамика прироста ВВП, денежной базы М2 и инфляции в процентах к предыдущему году.

2,7 трлн долл.[57] Российский и мировой опыт подтверждают: чем выше уровень монетизации, тем больше экономика насыщена деньгами; больше кредитов и ниже цена процентных ставок; выше уровень капитализации экономики, *выше уровень экономического развития*.

Совместимы ли денежная эмиссия и борьба с инфляцией? (О немонетарном характере инфляции в России)

Отечественные монетаристы считают, что инфляция зависит лишь от объёма денежной массы, и уверены, что, снижая объём денежной массы, снижают и инфляцию. Но практика этого не подтверждает. Безусловно, инфляция коррелирует с ростом денежной массы, но, во-первых, она зависит не только от этого фактора, а во-вторых, существует и немонетарная природа образования инфляции. Банк России установил целевой показатель инфляции на уровне 4 %. Научная обоснованность выбора целевого показателя инфляции зависит от взаимосвязанного учёта различных комбинаций факторов инфляции, прогноза роста инфляции или дефляции в условиях девальвации или ревальвации. На современном этапе для участников российского рынка важно получить экономико-математическую модель и прогноз инфляции в условиях девальвации рубля, чтобы показать реальную картину, обеспечить стабильность и не допустить паники на финансовом и фондовом рынках, а также среди населения.

Одной из функций инфляции является использование её для перераспределения национального дохода в пользу инициатора инфляционного процесса, которым, в большинстве случаев, является валютный эмиссионный центр. Если выпуск национальной валюты происходит за счёт покупки Банком России иностранной валюты, то происходит транснациональное перераспределение общественного богатства. Т. е. в конечном итоге выгодно тем странам, валюта которых находится в резервах Банка России, а это США и страны

[57] Симчера В. М. Как возродить экономику России. Кн. 3. – М.: ТЕИС, 2006. – 824 с. – С. 56, 289.

Еврозоны, но не России. Безусловно, эти процессы непосредственно оказывают влияние на курсовую политику рубля. Так, укрепление рубля увеличивает внутренний спрос, тогда как ослабление его сокращает. В России наблюдается одновременное проявление всех основных видов инфляции: структурной инфляции, инфляции издержек, импортируемой инфляции и т. д. Резкое увеличение монетарной инфляции, осуществляемой путём в основном безналичной эмиссии, не может произойти, потому что в России занижена норма денежной массы.

Провозглашённая в качестве приоритета экономической политики России борьба с инфляцией не может в принципе достигаться в условиях долларизации экономики. Это подтверждает российский двадцатипятилетний опыт, где пик официального курса доллара по отношению к рублю коррелирует с инфляцией с разницей в один месяц в течение многих лет. При этом пик инфляции, как правило, приходится на один месяц – январь, что и свидетельствует о немонитарной природе российской инфляции. Поэтому регуляторам необходимо своевременно принимать соответствующие меры по недопущению январских скачков цен, на преодоление последствий которых потом уходит целый год.

Немонетарный характер инфляции в России обеспечивают такие факторы, как: неэффективная антимонопольная и тарифная политика государства; олигополистический характер ценообразования; ежегодный пересмотр тарифов, в которые включаются рост цен, высокий уровень процентных ставок, повышенная норма прибыли, высокие риски и издержки; отсутствие механизма «здоровой» конкуренции. Всё это стимулирует раскрутку инфляционных процессов за счёт высокого уровня спекулятивной составляющей, включая портфельные инвестиции нерезидентов, объём которых превышает прямые инвестиции в реальный сектор и мотивирует и вывоз капитала, и психологию временщиков. Иными словами, бороться с инфляцией нужно не путём снижения монетизации, а путём устранения негативных факторов, провоцирующих рост инфляции.

Банк России, на наш взгляд, сокращая денежную массу ради борьбы с инфляцией, создаёт одну из основных причин роста инфляции и платформу для дальнейшей её раскрутки. В этих условиях, когда дефицит ликвидности усугубляется и началось падение объёмов ВВП, то Банк России должен заниматься ростом монетизации экономики, что в свою очередь, потребует проведения определённой подготовки и создания новых инструментов финансирования. При этом будет реализовано фундаментальное правило, согласно которому, чем выше финансовая глубина экономики и соответственно, чем больше она насыщена деньгами, ценными бумагами, финансовыми инструментами и институтами, тем лучше условия для экономического роста, модернизации, выше уровень индустриализации страны[58]. Ведь уровни инфляции, банковского процента, других финансовых показателей не могут быть самоцелью экономической политики, это лишь средства и факторы для повышения производительности труда, экономического роста и повышения благосостояния населения на базе ускорения научно-технического прогресса. Мощную базу для финансовой устойчивости и модернизации денежно-кредитной системы создаёт колоссальное

[58] Миркин Я. М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. – М.: GELEOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2011. – 480 с.

национальное богатство России, составляющее по оценке Мирового банка 60 трлн долл. (для сравнения национальное богатство США оценивается в 24 трлн долл.)[59].

О «безинфляционной» денежной эмиссии в России

В создавшихся условиях принят и действует план антикризисных мер Правительства Российской Федерации. Но такой план не предусматривает смены сложившейся практики, которая ставит Россию в зависимость от внешних факторов, базируется на сокращении государственных расходов и использовании Фондов развития и благосостояния, т. е. золотовалютных резервов, не применяя эффективную монетарную политику, основанную на оптимальной денежной эмиссии. В условиях санкций политика импортозамещения делает денежную эмиссию чрезвычайно востребованной: в основе импортозамещения должна лежать политика замещения валютных кредитов рублёвыми. При этом эмиссию мы предлагаем провести в безналичной форме под финансирование инвестиционных проектов отечественных товаропроизводителей, отбор которых должен проходить на конкурсной основе, путём рефинансирования Банком России коммерческих банков, соответствующих определённым критериям и способных обеспечить мультипликационный эффект от безналичной денежной эмиссии. Лишь это позволит увеличить коэффициент монетизации до нормального уровня, даст быстрый и надёжный источник развития отечественного производства, пополнения доходной части бюджета, возобновления финансирования инвестиционно-инновационных проектов, создаст необходимую конкуренцию, подрывающую монополию импортных товаров и снижение цен, обеспечит защиту и устойчивость рубля. При правильно проведённой эмиссии за импорт можно рассчитываться эмиссионным доходом, а не валютной выручкой.

В России монетизация имеет существенные территориальные особенности. При дефиците денежной массы, она неравномерно распределена по регионам страны, сверх сконцентрирована в Москве и Московской области (65 % от общего объёма). Если средний по стране уровень коэффициента монетизации составляет 42,7 %, то в столице он превышает оптимальную норму (70 %), а в других регионах существенно меньше этого среднего уровня. Соответственно, по сравнению с остальной частью страны, в Москве сформировался завышенный денежный спрос, стимулирующий рост инфляции. Поэтому денежная эмиссия должна быть направлена не только на дополнительное финансирование приоритетных отраслей, но и на поддержку регионов России. Это, на наш взгляд, предполагает, во-первых, повышение роли в финансово-кредитной системе региональных банков, во-вторых, ориентацию столичных банков на кредитование региональных программ. В результате уменьшится инфляция, будут выравниваться уровни зарплаты и цен в различных частях страны, это снизит внутреннюю и внешнюю миграцию в Москву и Санкт-Петербург, обеспечит более равномерное распределение трудовых ресурсов и производств в России, сгладит диспропорции между уровнем жизни городского и сельского населения.

Стимулируя рост доходов, не нарушая при этом пропорции между ростом производительности труда и ростом зарплаты, мы сможем обеспечить

[59] www.Grandars.ru Статистика. Экономическая статистика. Национальное богатство.

внутренний платёжеспособный спрос – главный двигатель экономического роста. Вложение за счёт эмиссии дополнительных значительных средств в приоритетные отрасли, производственную и социальную инфраструктуру регионов создаст стимулы и для прямых иностранных инвестиций в реальный сектор экономики, увеличит спрос на российскую валюту. При реализации гибкой денежно-кредитной политики, Банк России может осуществить закупки на открытом рынке ценных бумаг, а Минфин России, прибегая к помощи займов, продавать населению вновь выпускаемые ценные бумаги. Резервы банковской системы растут, Минфин изыскивает денежные средства путём «сеньоража», не повышая налогов. Происходит процесс, известный в мире как монетизация дефицита.

Эмиссионный ресурс реанимирует научно-технический прогресс в России, который должен стать фундаментальной предпосылкой для экономического роста. Более важной проблемой, чем инфляция, по нашему мнению, является проблема обеспечения финансово-экономической безопасности страны, роста производительности труда и эффективности экономики, инновационности экономики. Реформирование экономики нужно начинать не с инфляции, а с повышения уровня производительности труда, инноваций и эффективного использования ресурсов[60]. Рост производительности труда объективно обеспечивает снижение, а не повышение цен. Недостаточная эффективность экономики России и есть главная причина инфляции: индекс производительности труда составляет 101,9 %, а необходимо в 5 раз выше; доля высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП – 23,5 % (2014 г.), а необходимо в 3 раза больше; доля инвестиций в основной капитал в ВВП – 20,6 %, а необходимо не менее 30 %[61].

Необходимо обратить внимание на то, что многие аналитики обеспокоены тем, что в случае жёсткой денежной политики при росте денежной базы не выше 9,5 % (прогноз Банка России) банковская система не будет иметь ресурсов для роста кредитования экономики. Мы поддерживаем такую озабоченность, но считаем, что увеличение денежной базы проблему увеличения кредитования, тем более, обеспечения экономического роста не может решить в принципе. Во-первых, денежная база характеризует денежно-кредитные обязательства Банка России в национальной валюте. Во-вторых, денежная база не является денежным агрегатом, её структура в широком определении по состоянию на 01.09.2015 г. состоит из: наличных денег в обращении с учётом остатков в кассах кредитных организаций – 78,88 %; корреспондентских счетов кредитных организаций в Банке России – 13,19 %; обязательных резервов – 4,97 %; депозитов кредитных организаций в Банке России – 2,96 %[62]. В-третьих, денежная база не обладает необходимыми объёмами для кредитования экономики, у неё нет соответствующих источников, а в существующих источниках происходит динамика сокращения. Если денежная база

---

[60] Расчёты Э. Денисона показали определяющий вклад в экономический рост повышения производительности труда – 68 % (в т. ч. инновации – 28 %). При этом эффективное использование ресурсов даёт 17 % экономического роста, остальной вклад в экономический рост вносят прочие факторы. Антонюк Л. Л., Поручник А. М., Савчук В. С. Инновации: теория, механизм разработки и коммерциализации. – Киев: КНЕУ, 2003. – 394 с. С. 15.

[61] Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации.

[62] Статистический бюллетень Банка России 9 (265) / Центральный банк Российской Федерации. – М., 2015. – С. 263.

на 01.01.2015 составляла 11 332 млрд руб., то по состоянию на 01.09.2015 она составляет 9 837 млрд руб., наличные деньги в обращении уменьшились с 8 840 млрд руб. и до 7 760 млрд руб., депозиты кредитных организаций сократились с 804,6 млрд руб. до 291,1 млрд руб.[63]

В отличие от денежной базы денежная масса более полезна экономике, поскольку представляет совокупность денежных средств Российской Федерации, предназначенных для оплаты товаров, работ, услуг, а также для целей накопления нефинансовыми и финансовыми организациями, физическими лицами-резидентами России. Если денежная база даже в широком определении составляет 9 837 млрд руб., то денежная масса по одному из важнейших денежных агрегатов, который используется при разработке экономической политики и установлении ориентиров макроэкономических пропорций М-2 по состоянию на 01.09.15 составила 33 030,7 млрд руб.[64] Поэтому необходимо провести безналичную эмиссию, результатом которой должно стать увеличение денежной массы в размерах научно-обоснованных норм. Россия на вполне законном основании может довести до необходимой нормы (увеличив объём денежной массы на 20 процентных пунктов на протяжении 2016–2017 гг.) коэффициент монетизации, а затем уже в таких объёмах эмиссию не проводить. Это означает, что на конец 2017 г. уровень монетизации по финансовому агрегату М-2 составит 62,7 %. Как видим это не критическая величина, она даже на 7,3 % ниже нормы, но зато на 12,7 % выше порогового значения, что даёт возможность получить только годовой эмиссионный доход в объёме 7 трлн руб.

В целях обеспечения национальной финансово-экономической безопасности Правительством Российской Федерации и экспертным сообществом России должна быть разработана антикризисная монетарная стратегия, устанавливающая важнейшие характеристики денежно-эмиссионной политики:

1) величину увеличения денежной массы для обеспечения сбалансированного и устойчивого экономического роста, защиты и устойчивости рубля, стабильности финансового рынка и цен;

2) ориентиры роста денежной массы по финансовым агрегатам;

3) каналы ввода денег в приоритетные отрасли реального сектора и регионы России, в первую очередь, в территории опережающего развития (с учётом ошибок прошлого и необходимости направления эмиссионных потоков напрямую на кредитование производственной сферы, а не на поддержку банков, позволяющую им скупать иностранную валюту и финансовые активы);

4) специализированные институты, обеспечивающие инновационно-инвестиционное направление монетарной поддержки экономического роста;

5) пути модернизации трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики;

6) меры по обеспечению сбалансированности и координации денежно-кредитной, ценовой, фискально-бюджетной политик между собой и другими составляющими экономической политики;

7) оптимальные соотношения между отраслями и регионами экономики, темпами и структурой экономического роста, потоками товарной и денежной массы, сбережением, потреблением и инвестициями, повышением

---

[63] Там же. С. 56.

[64] Там же. С. 55.

реальных доходов населения и ростом производительности труда, уровнем инфляции, динамикой денежных агрегатов, обменным курсом рубля, процентными ставками.

Денежно-эмиссионная политика, особенно безналичная денежная эмиссия, должна базироваться на качественной нормативно-правовой базе. Поэтому необходимо разработать и утвердить на законодательном уровне порядок проведения такой эмиссии. Эти процессы не должны быть вне государственного контроля. Пока же используемый Банком России механизм эмиссии основан на существующей практике, ставящей её в основном в зависимость от объёмов поступающей в Россию иностранной валюты. Требуют также более чёткого законодательного разграничения функции Правительства Российской Федерации и Банка России по осуществлению различных направлений денежно-кредитной политики.

К процессу денежной эмиссии, чтобы не спровоцировать новый виток инфляции, следует тщательно подготовиться, принять своевременно меры по минимизации всех рисков и угроз. Денежную эмиссию необходимо осуществлять в соответствии с требованиями Антикризисной стратегии, в контексте общей денежно-кредитной, фискально-бюджетной и экономической политики государства в целом. Это позволит исключить направление эмиссионного ресурса на потребительское кредитование, которое может привести к новому витку роста цен и импортных поступлений; на проведение спекулятивных операций на фондовом и валютном рынках, которые могут организовать игру против рубля, что в свою очередь усилит девальвацию национальной валюты; не допустить вывода капитала за рубеж. Учитывая фактор времени и ухудшающуюся экономическую ситуацию, откладывать денежную эмиссию нельзя. Мы считаем, что основным каналом проведения монетизации в России мог бы быть кредитный канал. Поэтому необходимо подготовить банки для соответствующего их рефинансирования Банком России в целях кредитования инвестиционно-инновационных проектов. Важную роль здесь должен играть Внешэкономбанк, который проводит финансирование реального сектора экономики.

С учётом внешних угроз, возможных рисков и масштабов предлагаемой денежной эмиссии на период её проведения необходимо усилить контроль: валютный – со стороны Банка России, правительственный – за определением приоритетов, качеством проектов и целевым использованием эмиссионных средств и парламентский – за эффективностью денежной эмиссии в целом. Преимущество России заключается в том, что, если Запад свои «козыри» уже все использовал, а у КНР и «азиатских» тигров проблемы с перегревом экономики, то в России нет проблем, связанных ни с одной, ни с другой ситуацией, у неё остался и потенциал, и ресурсы. Сделав правильные выводы из мировой практики, успешно осуществив приведение монетизации экономики к нормальным параметрам, она способна занять достойное место в международном разделении труда. При хронической демонетизации экономики, никакие другие источники, без монетизации, обеспечить устойчивый экономический рост не смогут.

ПОЛИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ: ОКНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРЕДЕЛЫ

Клепач А. Н., *заместитель Председателя Внешэкономбанка (главный экономист) – член Правления, к. э. н.*

Кризис 2015 г. вновь обострил споры о том, какой темп роста нужен российской экономике, какова его цена с точки зрения дисбалансов в бюджетной и денежно-кредитной сферах, и какие институциональные преобразования необходимы для выхода на новую траекторию динамичного сбалансированного развития. Должны ли мы сначала отладить институты, оптимизировать бюджетную систему, сократить расходы, чтобы стать менее зависимыми от колебаний конъюнктуры на рынке углеводородов? Утверждается, что до завершения необходимых преобразований, ускорение темпов роста не может быть устойчивым и скорее имеет не позитивный, а негативный разбалансирующий эффект.

Если бы не санкционный и нефтяной шоки 2014–2015 гг., то темп роста российского ВВП вряд ли упал бы ниже 2 % в год. Учитывая провал ВВП в период трансформационного кризиса 1991–1998 гг., средний темп роста российского ВВП за 24 года составляет всего 0,7 %. Фактически мы переживаем период четвертьвековой стагнации, и это означает накопление огромного отложенного нереализованного потенциала роста. Можно сказать, что Россия обречена на длительный период динамичного развития, но его реализация зависит во многом от структурных и институциональных преобразований, каким бы разным в обществе и экономической науке не было понимание их содержания.

При всей значимости структурных и институциональных проблем[65] темпы роста российской экономики могут быть значительно увеличены в среднесрочной перспективе за счёт монетарных и бюджетных стимулов, при этом сбалансированность денежной, бюджетной политики имеет и долгосрочные эффекты для экономического роста[66]. Вопрос в том, как достичь согласованности и определённого единства между политикой роста, политикой структурных институциональных преобразований, бюджетной и денежно-кредитной политикой. Их рассогласованность является сейчас одним из главных и существенных тормозов роста. Риск утраты динамизма и сползания в стагнацию является сейчас для России наиболее острым и серьёзным по сравнению с рисками инфляции (которая снижается) и долговой нагрузки (невелика по международным меркам).

Вызовы международной конкуренции и укрепления экономического суверенитета

С 1999 г. российская экономика 16 лет развивалась в условиях растущих мировых цен на нефть (с провалом во второй половине 2008 – начале 2009 гг.),

[65] А. Кудрин, Е. Гурвич. Новая модель роста для российской экономики. Вопросы экономики, 2014, №12.

[66] Аргументация в пользу исключительно краткосрочного влияния денежных и бюджетных стимулов для роста экономики см. Е. Горюнов, С. Дробышевский, П. Трунин. Денежно-кредитная политика в России: стратегия и тактика // Вопросы экономики, 2015. № 4. О значимости монетарных факторов для экономического роста см. М. Ершов. Какая экономическая политика России в условиях санкций // Вопросы экономики, 2014. № 12.

которые были одним из основных драйверов экономического роста. При пятикратном повышении нефтяных цен с 1998 по 2015 г. (пик пришёлся на 2012 г.) доля в ВВП экспорта нефти и поставок на внутренний рынок выросла с 5,9 % (экспорт – 3,9 %) до 11,1 % (максимальный уровень был достигнут в 2005 г., когда доля в ВВП достигла 15,3 %, при этом экспорта – 10,9 %)[67]. Сейчас мы с большой вероятностью вступаем в период стабилизации цен на нефть на уровне 60–90 долл. за баррель, который может продлиться как минимум 4–5 лет. Стабильные цены на нефть в сочетании с ожидаемым отсутствием роста добычи нефти приведут к снижению вклада нефтяного фактора в ВВП. Но роль нефти и газа в российской экономике будет оставаться высокой. При этом в отличие от нефти в долгосрочной перспективе есть существенный потенциал увеличения объёмов добычи и экспорта газа. Основной риск связан с вероятным снижением цены газа к 2018–2019 гг. под влиянием ожидаемого начала экспорта американского газа и увеличением поставок газа со Среднего Востока, который может существенно потеснить российский газ на европейском рынке в 2022–2025 гг.

Наряду с перестройкой мирового рынка углеводородов ещё большие сдвиги происходят в целом в мировом балансе экономических сил. Несмотря на замедление роста китайской экономики, в меньшей степени индийской, затянувшееся восстановление европейской экономики, мировая экономика в целом будет развиваться достаточно высоким темпом – около 3,8–4,0 % (табл. 1).

Таблица 1

Изменение структуры мировой экономики (ВВП по паритету покупательной способности)[68]

Страна / (группа стран)	Доля в мировом ВВП, %			Среднегодовые темпы прироста, %	
	2005	2013	2020	2005–2013	2014–2020
БРИКС	21,8	29,5	33,3	7,6	5,6
Бразилия	3,1	3,1	2,7	3,7	1,4
Россия	3,5	3,4	2,7	3,7	0,2
Индия	4,9	6,6	8,5	7,7	7,5
Китай	9,7	15,7	18,9	10,2	6,5
ЮАР	0,7	0,7	0,6	3,2	2,3
ШОС	13,6	19,7	22,2	8,5	5,5
ШОС*	20,7	28,4	32,7	7,8	5,9

[67] С учётом экспорта нефтепродуктов и газа вклад углеводородов в ВВП существенно выше. Хотя на добычу нефти и газа приходится в методологии системы национальных счетов около 9 % ВВП, фактический вклад существенно выше. С учётом доходов, скрытых в системе торговли и распределения, доля нефти и газа достигает 22–24 % ВВП. К 2030 г. она может понизиться до 16–18 %.

[68] [*] – включая страны-наблюдатели: Индию, Иран, Пакистан, Афганистан, Монголию. Индия и Пакистан стали в июле 2015 года полноправными членами ШОС. Источник: Мировой экономический обзор, МВФ, апрель 2015.

Страна / (группа стран)	Доля в мировом ВВП, %			Среднегодовые темпы прироста, %	
	2005	2013	2020	2005–2013	2014–2020
ЕАЭС	4,0	4,0	3,2	4,0	0,6
США	19,6	16,3	15,0	1,5	2,5
Евросоюз (28)	21,8	17,5	15,4	0,9	1,8
Япония	5,8	4,6	3,7	0,7	0,6

Основные структурные сдвиги в мировой экономике характеризуются следующими ключевыми тенденциями:

1. Снижение доли ЕС, США и Японии в мировой экономике – с 47,2 % в 2005 до 38,4 % в 2013 г. и до 34,1 % в 2020 году (прогноз МВФ), хотя эти страны по-прежнему остаются финансовыми и технологическими лидерами.

2. Сдвигом баланса экономических сил в сторону Индо-азиатского региона. Повышением роли БРИКС в мировой экономике. За период с 2005 г. по 2013 г. доля ВВП по ППС стран БРИКС выросла с 21,8 % до 29,5 %, главным образом за счёт Китая. В среднесрочной перспективе роль локомотива роста будет постепенно переходить от Китая к Индии, а доля стран БРИКС продолжит увеличиваться до 33,3 % к 2020 г. В 2020 г. доля БРИКС в мировой экономике почти сравняется с суммарной долей США, ЕС и Японии. БРИКС с созданием собственного международного банка и валютного пула начинает приобретать черты не только клуба ведущих государств с развивающейся экономикой, но и интеграционного объединения, образующего по сравнению с G7 новый полюс принятия решений и выработки мировой экономической повестки.

При этом происходят поляризация и дифференциация темпов роста внутри БРИКС. При сложившихся тенденциях и Россия, и Бразилия могут перейти в разряд стран с низким потенциалом роста (менее 1,5 % в год), при сохранении относительно высоких темпов роста в Китае и Индии (6,5–7,5 % в год).

3. ШОС начинает преобразовываться из политического союза в интеграционное экономическое объединение. Хотя сейчас потенциал БРИКС значительно выше, чем у ШОС (19,7 % мирового ВВП), потенциал сотрудничества и интеграции в ШОС выше, так как страны имеют более высокую торговую и пространственную сопряжённость. Ключевое значение в развитии ШОС как центра экономической интеграции имеет расширение состава участников за счёт стран, которые сейчас имеют статус наблюдателей. На заседании в Уфе в июле 2015 г. было принято решение о полноправном статусе в ШОС Индии и Пакистана. С учётом стран-наблюдателей ШОС (Ирана, Афганистана, Монголии) удельный вес состава ШОС в мировой экономике сейчас составляет 28,4 % (2013 г.) и в 2020 г. может достичь 32,7 %. При этом повышается роль взаимодействия ШОС с ЕАЭС, большинство участников которого являются также членами ШОС.

Один из вызовов России заключается в том, что объём нашего экспорта и торговли с этими странами невелик. Главным внешнеторговым партнёром России всё равно остаются страны Евросоюза – это более 50 % экспорта и более 40 % импорта. И для Соединённых Штатов, и для еврозоны Китай является намного более важным торговым партнёром, чем для России.

Мы стоим перед необходимостью кардинального изменения структуры внешней торговли (и не только в части экспорта углеводородов), что позволит нам стать активным участниками этого динамичного и мощного сегмента мирового рынка.

4. При сложившихся тенденциях доля ЕАЭС в мировой экономике будет сокращаться. В соответствии с прогнозом МВФ, эта доля снизится с 4 % в 2013 году до 3,2 % к 2020 году, при снижении доли России в мировом ВВП с 3,4 % до 2,7 %. Ускорение темпов экономического роста становится для России важнейшим императивом, который позволит остановить ослабление и повысить влияние в мире, укрепить экономический суверенитет. Формирование новой модели экономической интеграции на Евразийском пространстве, опережающее развитие торговли с Индо-Азиатским регионом и Китаем, наращивание сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС являются важными внешнеэкономическими факторами возвращения России на траекторию динамичного развития.

Развилки экономической политики

Экономика России является энергосырьевой, экспортно-ориентированной и достаточно открытой мировому рынку товаров и капитала. Экспортный и потребительский бум служили основными драйверами нашего развития в двухтысячные годы, да и в период восстановительного роста после кризиса 2008–2009 гг. Однако в отличие от 2000-х гг., потенциал увеличения экспорта углеводородов и сырья (и по стоимости, и в физическом выражении) сейчас достаточно ограничен. Обеспечить в дальнейшем высокие двузначные темпы роста потребительского спроса мы также не можем. Поэтому есть консенсус о том, что от энергосырьевой модели развития мы должны перейти к инновационному и социально-ориентированному росту, создающему высококонкурентоспособную экономику, обеспечивающему качество жизни на уровне развитых стран. Эта задача поставлена в основном стратегическом программном правительственном документе – «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» (2008 г.), а также в «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации» и в майских указах Президента Российской Федерации (2012 г.).

В Концепции отмечалась следующая особенность перехода России к инновационному социально-ориентированному типу развития: «в условиях глобальной конкуренции и открытой экономики невозможно догнать развитые страны мира по уровню благосостояния и эффективности, не обеспечивая опережающего прорывного развития в тех секторах российской экономики, которые определяют её специализацию в мировом хозяйстве и позволяют в максимальной степени реализовать национальные конкурентные преимущества.

Переход от экспортно-сырьевого к инновационному типу экономического роста связан с формированием и нового механизма социального развития. Одно из внутренних противоречий сложившейся модели роста состоит в том, что значительный, опережающий увеличение ВВП, рост доходов и благосостояния населения во многом опирается на присвоение природной ренты – сверхдоходов от экспорта углеводородов и сырья. Такой рост благосостояния неизбежно сопровождается усилением эко-

номической дифференциации населения, нарушением принципов социальной справедливости, критически важных для российского общества. При этом объективно растут социальные запросы разных социальных групп, в том числе и не участвующих в распределении и присвоении природной ренты. Снятие этого противоречия требует формирования новых механизмов социального развития, сбалансированных с ресурсными возможностями экономики и её инновационной эффективностью. Основа такого баланса – соединение предпринимательской свободы, социальной справедливости и национальной конкурентоспособности»[69]. Фактическая экономическая динамика существенно отклонилась от целевых значений и прогнозов. Переход к инновационной модели развития затянулся, и наше нынешнее состояние ближе к консервативному прогнозу развития, чем даже к умеренно оптимистическому.

Снижение цен на нефть и введённые против России санкции существенно изменили параметры экономического развития. Свой вклад в торможение роста внесли и внутренние барьеры. Но актуальность самого перехода к инновационной модели развития это не отменяет. Новая экономическая и геополитическая реальность ставит вопрос не только о корректировке количественных параметров развития, но и об определённом изменении подходов к достижению целей, балансировке приоритетов. Выделяются несколько ключевых развилок:

1. Насколько в условиях сократившихся экспортных доходов можно продолжить курс на создание массового среднего класса, в том числе за счёт опережающего роста заработной платы бюджетников, или необходима пауза в повышении реальных заработных плат, чтобы за счёт снижения издержек повысить национальную конкурентоспособность?

2. Следует сосредоточить усилия на модернизации топливно-сырьевого сектора, создании инфраструктуры для энергетического экспорта в восточном направлении при фрагментарном развитии высокотехнологичных секторов, или сконцентрировать дефицитные ресурсы на модернизации машиностроения, создании новых материалов и «новой экономики», экономики знаний?

3. Должен ли этот переход быть связан с паузой роста, бюджетной консолидацией, или ускорение уже назрело, и надо интенсифицировать структурный манёвр в экономике, в том числе за счёт стимулирующей бюджетной и денежной политики?

Избыточность социальных обязательств, или дефицит инвестиций в развитие человеческого капитала?

Сейчас достаточно распространена позиция, что одна из основных причин и европейского кризиса, и наших коллизий заключается в избыточных социальных обязательствах и в избыточном росте заработной платы, или в кризисе «государственного всеобщего благосостояния». Действительно, в 2000-е гг. рост заработной платы значительно опережал рост экономики, что было связано не только с исключительно благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, но и определённым возвратом социального долга

[69] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М., 2008 г. С. 14.

(уровень реальных доходов населения превысил предкризисный максимум 1990 г. в 2007 г.).

Кризис 2008 г. значительно изменил эту тенденцию. Динамика реальной заработной платы в корпоративном секторе сблизилась с производительностью труда. За 2008–2014 гг. реальная заработная плата в корпоративном секторе выросла на 18 % при увеличении производительности труда (рост ВВП на одного занятого) на 12 %. В 2015–2020 гг. ожидается рост реальной заработной платы на 7 % при увеличении производительности на 11 %[70]. Опережающий рост зарплаты по сравнению с производительностью труда вызван ростом зарплаты бюджетников. Соотношение зарплаты в бюджетном и корпоративном секторах повысилось с 55 % в 2008 г. до почти 93 % в 2014 г. В 2015 г. это соотношение может понизиться до менее 90 % и вернуться к уровню 92–97 % к 2018 г.

Соотношение роста производительности труда и реальной заработной платы нельзя превращать в фетиш. Дело не только в потребности в структурном сдвиге между заработной платой бюджетников и корпоративного частного сектора. На отдельных рабочих местах и предприятиях есть резервы повышения производительности труда в разы как за счёт лучшей организации труда и производственного процесса, так и технологического обновления, а значит и значительных инвестиций.

Однако в экономике в целом высвобождение работников в одних секторах с повышенной производительностью балансируется их переходом в другие сектора с более низкой производительностью труда или сектора, производящие услуги, где индикатор производительности достаточно условен. В результате общий темп роста производительности труда больше зависит от темпов роста ВВП в целом, чем от высвобождения рабочих рук. Поэтому в условиях стагнации или низких темпов роста добиться темпа роста производительности труда не ниже 5 % можно только увеличив уровень безработицы с нынешних менее 6 % до 12–13 % экономически активного населения. Это неприемлемо ни по социальным, ни по экономическим причинам.

Замораживание реальной зарплаты или её ограничение ростом производительности приведёт к фактической остановке выполнения майских Указов Президента Российской Федерации о повышении заработной платы врачам, работникам образования, культуры и науки, и о 1,5-кратном росте реальной заработной платы. Корректировка целевых соотношений необходима, но она не должна превращаться в отказ от движения в этом направлении. Заработная плата в секторах, создающих человеческое богатство, это не только текущие расходы и издержки, но и важная составляющая инвестиций в человеческий капитал, который во многом определяет эффективность экономики. Человек и человеческий труд в инновационной экономике должен стоить достаточно дорого, но с соответствующей отдачей.

Социальным измерением этого изменения относительных зарплат является социальный сдвиг в пользу так называемого среднего класса[71]. Доля этого класса достигала в 2013 году 30 % и в результате кризисного шока

[70] Прогнозные оценки Внешэкономбанка.

[71] К среднему классу мы относим те слои населения, которые имеют не только приемлемый уровень доходов (подушевой доход сейчас – больше 1 тыс. долларов в месяц), но и имеют жильё, квартиру, дачу, могут позволить себе отдых за границей и определённые инвестиции в образование и здравоохранение своей семьи.

снизилась в 2015 году, по предварительной оценке, до менее 20 %. Переход к инновационной модели развития должен был привести к повышению доли среднего класса к 2020 году до 35–37 % населения. Но здесь важен не столько количественный процент, сколько качество самого среднего класса, в состав которого сейчас в основном входят работники финансового сектора, большая часть занятых в нефтегазовом комплексе, руководство институтов, медицинских, научных учреждений, часть государственного аппарата. Реализация майских Указов Президента Российской Федерации и переход к инновационно-ориентированной экономике означали, что в состав среднего класса уже в ближайшее время входит большая часть военнослужащих и к 2018 г. – учителя, врачи и значительная часть научных работников. То есть, вопрос среднего класса – это, в каком-то смысле, вопрос формирования интеллектуального класса: получит ли он конкурентоспособный уровень доходов или нет.

Поэтому продолжение политики опережающего повышения заработной платы в бюджетном секторе и в первую очередь для тех работников, кто напрямую влияет на качество человеческого капитала, должно оставаться приоритетом экономической политики и важным фактором перехода к инновационной социально-ориентированной модели роста. Вместе с тем, темп повышения должен быть скорректирован, учитывая как ухудшившиеся бюджетные условия, так и наметившееся отставание качественных характеристик преобразований в здравоохранении и образовании от роста заработной платы. Уровень образования в школе и вузах, качество медицинских услуг, несмотря на быстрое повышение зарплат, вызывает серьёзные претензии населения и профессионального сообщества. Надо скорректировать подходы к проводимым преобразованиям и сдвинуть на 1–2 года выход на целевые показатели по зарплате[72].

При этом назрела необходимость в изменении подхода к привязке динамики заработной платы бюджетников к средней зарплате по региону. Такое правило создаёт избыточную дифференциацию оплаты труда врачей, учителей за одну и ту же работу даже в соседних регионах. Например, между Москвой и такими соседними регионами как Ивановская, Владимирская области образуется разрыв в зарплатах учителей и врачей в 3,5–4 раза.

С другой стороны, в регионах с высоким удельным весом бюджетников в общей численности занятых, таких как Северный Кавказ, равнение на региональную среднюю по заработной плате приобретает самоподдерживающий характер и создаёт конкуренцию зарплат с частным сектором. Решением могла бы стать привязка динамики зарплат бюджетников к средней по экономике России в целом с дополнительными надбавками, отражающими возможности региональных бюджетов. Тем самым на федеральном уровне обеспечивался бы определённый единый стандарт труда в бюджетном секторе, единое социально-трудовое пространство, а регионы получили бы больше свободы в части дополнительного финансирования и стимулирования развития общественного сектора (табл. 2).

---

[72] При этом следует сохранить дифференциацию в оплате труда между работниками среднего и младшего медицинского персонала, отказавшись от ориентира выравнивания их на уровне 100 % к средней зарплате по регионам. Требует уточнения и повышение научным работникам вузов до тех же потолков, что и исследователям институтов РАН, так как это нарушает внутренние пропорции с профессорско-преподавательским составом.

Таблица 2

Программные расходы федерального бюджета на развитие человеческого капитала[73]

Расходы	2015	2016	2017	2018	2016–2018	Отношение**
Новое качество жизни (млрд руб.), закон № 384-ФЗ*	3594	3531	3351	3610	10492	
Предельные объёмы Минфина России	3323	3282	3137	3160	9580	91,3
Доп. потребность	704	928	1155	1013	3095	29,5
ГП 1. Развитие здравоохранения (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	272	273	264	287	824	
Предельные объёмы Минфина России	255	256	277	249	782	94,9
Доп. потребность	44	189	201	182	573	69,5
ГП 2. Развитие образования (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	441	450	475	548	1473	
Предельные объёмы Минфина России	424	432	465	468	1365	92,7
Доп. потребность	141	290	323	235	848	57,6
Относительно ВВП, %						
Новое качество жизни	4,87	4,51	3,91	3,84	4,07	
Предельные объёмы Минфина России	4,50	4,19	3,66	3,36	3,71	
Доп. потребность	0,95	1,18	1,35	1,08	1,20	
ГП 1. Развитие здравоохранения (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	0,37	0,35	0,31	0,31	0,32	
Предельные объёмы Минфина России	0,35	0,33	0,32	0,27	0,30	
Доп. потребность	0,06	0,24	0,23	0,19	0,22	
ГП 2. Развитие образования (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	0,60	0,57	0,55	0,58	0,57	
Предельные объёмы Минфина России	0,57	0,55	0,54	0,50	0,53	
Доп. потребность	0,19	0,37	0,38	0,25	0,33	

Расходы на образование и здравоохранение составляют сейчас около 9,6 % ВВП и при сложившихся тенденциях могут понизиться к 2018 г. на 0,2–0,3 проц. пункта ВВП. В то же время в Концепции долгосрочного социально-экономического развития ставилась задача: выйти к 2020 году на уровень расходов на развитие человеческого капитала в 13–14 % ВВП, что соответствовало бы уровню развитых стран. Особенно большой разрыв наблюдается в здравоохранении – в России расходы составляют 4,6 % ВВП (бюджетной системы примерно 3,5 % ВВП), тогда как в развитых странах –

[73] [*] – в состав раздела входят госпрограммы 1–13. [**] – отношение предельных объёмов, доведённых Минфином к плановым назначениям 384-ФЗ и паспорту госпрограммы; отношение дополнительной потребности к плановым назначениям.

8,5–11 %. На цели образования тратится 5 % ВВП (бюджетная система – 4,2 %), против 6,5–8 %ВВП в развитых странах. При всех резервах повышения эффективности в этих сферах без значительного увеличения уровня и частных, и особенно государственных расходов на эти цели реальный, а не декларативный переход к инновационной интеллектуальноемкой экономике невозможен. Для развития энергосырьевой экспортно-ориентированной экономики сложившийся уровень вполне приемлем, но мы ставим задачу перехода к другой модели роста.

Но в проектировках бюджета на 2016–2018 гг. заложено сокращение расходов на федеральном уровне на развитие человеческого капитала в реальном выражении. Бюджетный процесс не завершён и определённые корректировки ещё возможны, и необходимы. Без этого выполнить указы Президента Российской Федерации, касающиеся развития здоровья и образования населения, в полной мере не удастся. Дополнительная потребность оценивается на федеральном уровне по линии Госпрограммы «Развитие здравоохранения» за три года в 572 млрд рублей (0,2 % трехлетнего ВВП). Это самая высокая острота относительного дефицита среди госпрограмм – почти 70 % к запланированному по закону о бюджете и паспорту финансированию, а с учётом оптимизации он становится ещё выше.

В условиях ограниченного финансирования госпрограммы на федеральном уровне по сравнению с её паспортом возможно, что ряд дорогостоящих мероприятий таких, как увеличение охвата лечением больных СПИДом и гепатитом В и С (с 30 до 80 %), расширение финансирования редких (орфанных) заболеваний целесообразно сдвинуть вправо по шкале времени. В то же время финансирование подпрограммы по подготовке современных медицинских кадров, а также подпрограммы по развитию фундаментальной, трансляционной и персонализированной медицины следовало бы сохранить, так как они во многом определяют будущий облик российской медицины. Поддержание высокого научно-технологического уровня федеральных медицинских центров всё же требует изменения законодательной базы и сохранение их прямого финансирования из федерального бюджета, а не из системы ОМС.

Выполнение целевых показателей по повышению заработной платы врачам и медицинским работникам при условии сохранения сбалансированной структуры расходов системы ОМС (доля расходов на оплату труда – 60–65 %), по оценке экспертов, приведёт к образованию дефицита системы ОМС в 2016 г. в 85–170 млрд рублей, в 2017 г. – 330–425 млрд рублей, несмотря на значительное планируемое сокращение медицинских работников. Поскольку экономика не даёт возможности повышения страховых сборов (налогов), его придётся покрывать из федерального бюджета.

В сфере образования наиболее острые вызовы связаны с качеством подготовки кадров и рисками утраты творческого и гражданского начала в образовании. Вместе с тем, в этой сфере, в соответствии с предварительными предельными объёмами финансирования, планируется ещё более сильное сокращение в ближайшие 3 года, чем в сфере здравоохранения. В 2016–2018 гг. Госпрограмма «Развитие здравоохранения» сокращается против параметров закона о бюджете на 2015–2017 гг. и паспорта на 2018 г. на 5,1 %, а по образованию на 7,3 %. В то же время дополнительная потребность в средствах, в том числе на цели развития дополнительного образования детей и повышения конкурентоспособности вузов, оценивается за три года в 848 млрд рублей, или 0,3 % ВВП за 2016–2018 гг.

Хроническое недофинансирование образования и здравоохранения ведёт к ползучему замещению бесплатных услуг платными и не обеспечивает требуемого качества общественных услуг. Однако, поскольку на ближайшие три года прогнозируется стагнация реальных доходов населения[74], спрос на платные общественные услуги будет ограниченным. Получается риск двойной стагнации и государственных, и частных услуг здравоохранения и образования.

Приоритеты развития науки и технологий

Опережающее развитие науки, технологий и инноваций признается всеми как важнейший приоритет перехода к инновационной модели развития. Однако именно в сфере науки и технологий образовался наибольший разрыв с целевыми ориентирами Концепции долгосрочного социально-экономического развития, Стратегии инновационного развития Российской Федерации и майскими Указами Президента Российской Федерации. К 2015 г. мы должны были выйти на уровень расходов на НИОКР в 1,77 % ВВП в 2020 г. – 2,5–3 % ВВП. Фактические расходы стагнируют уже несколько лет на уровне 1,1–1,2 %ВВП (бюджетные расходы – 0,9 % ВВП). Расходы по линии госпрограммы «Развитие науки и технологий» держатся на уровне 0,2–0,22 % ВВП, и в соответствии с доведёнными предельными объёмами должны понизиться до 0,17 % (или снизиться в номинальном выражении за три года на 12 %).

По оценке Минобрнауки России, потребность в дополнительных средствах составляет около 42 % к паспорту программы и закону о бюджете на 2015–2017 гг. (0,1–0,11 %ВВП). Первоочередные потребности – финансирование повышения заработной платы в соответствии с Указами Президента Российской Федерации, взносы в международные научные проекты (с учётом изменения курса), продолжение поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих учёных и пополнение научных фондов. Вместе с тем, так и не разворачивается направление «мега-сайнс», направленное на создание новой научной экспериментальной базы для перспективных фундаментальных и поисковых исследований (за исключением проектов Курчатовского института и международных проектов). Объём госзаказа на научные исследования (если не будут выделены дополнительные средства) стагнирует в номинальном, а значит, сокращается в реальном выражении. Сохраняются риски невыполнения ориентиров по повышению заработной платы, и при этом она вытесняет другие виды расходов. Отношение фонда зарплаты к расходам по линии госпрограммы повышается с 34,4 % в 2015 г. до 56 % в 2018 г. (при предельных объёмах, доведённых Минфином России – до 70 %).

При таком уровне и структуре расходов на науку и технологии мы становимся неконкурентоспособными не только со странами Евросоюза (в среднем около 2 % ВВП), но и с Китаем, где они уже достигли 1,8 % ВВП. Конечно, основной прирост расходов на НИОКР должен дать бизнес, и принятые планы по импортозамещению, а также обновлённые инновационные программы компаний с государственным участием должны этому способствовать. Однако в условиях кризиса бизнес ни в одной стране не идёт на крупные затраты на НИОКР. Технологические платформы (поддержано Правительством Рос-

[74] По прогнозу Внешэкономбанка, они могут вырасти за четыре года всего на 2 % по отношению к 2014 г., т. е. три года потребуется для компенсации падения 2015 г.

сийской Федерации 35 платформ) пока не стали эффективным инструментом координации усилий бизнеса и науки по развитию и внедрению технологий, да и в целом получают минимальную финансовую и организационную поддержку от государства. Без масштабного увеличения государственного финансирования переломить ситуацию невозможно. При этом надо ввести инструменты компенсации части понесённых затрат на НИОКР бизнесом при условии их соответствия государственным приоритетам и обеспечения доступа к их результатам других компаний. Необходимо наконец решить и проблему использования частным бизнесом результатов исследований, профинансированных государством.

И показатели цитируемости учёных, и показатели доли инновационных предприятий – это важные, но условные частные ориентиры. Эффективность научного и технологического комплекса определяется его содержательными качественными составляющими. Требует серьёзной перестройки процесс формирования заказа на фундаментальные исследования, поисковые и прикладные технологические разработки. Есть «перечень критических технологий» – основные направления научно-технической политики, но по сути дела эти документы не являются в полной мере операционными инструментами ни для государственных программ, ни для тех конкретных решений и программ развития, которые принимают корпорации, в том числе с государственным участием.

Поэтому одна из ключевых задач – восстановление скоординированности развития и управления технологиями, научно-фундаментальными заделами. Раньше эта координация в основном осуществлялась в рамках тех же федеральных целевых программ и в части гражданских исследований – Минобрнауки России. Сейчас этот процесс во многом разорван после передачи ответственности за заказ и финансирование фундаментальных и поисковых работ в ФАНО, Фонд фундаментальных исследований, тогда как у Минобрнауки России осталась одна ФЦП, нацеленная на формально прикладные исследования. Здесь важно выстраивание сквозного финансирования и координации фундаментальных и прикладных работ. Тем более что за последние годы в прикладных программах Минпромторга России, Росатома, Роскосмоса были выделены работы по созданию заделов поисковых прорывных работ по созданию новых технологий. Президент России дал поручение по разработке технологической инициативы, направленной на технологии, создающие рынки будущего на рубеже 2030 г. При всей важности работы по технологическому будущему 2030 г., нельзя допустить провала и отставания в технологиях и проектах, которые надо реализовать на рубеже 2016–2020 гг., и которые находятся под прессом секвестирования.

В госпрограммах, которые реализуются сейчас, работающих технологических платформах выкристаллизовывается комплекс технологических направлений или инициатив, которые могут соединить технологические прорывы настоящего, завтрашние инновации и высокотехнологичные рынки будущего. Выделяются следующие комплексные технологические направления (инициативы), которые могут в будущем превратиться в пакет прорывных технологических проектов: новые материалы (композиты, высокомолекулярный полиэтилен высокого давления, металлокерамика, биосовместимые материалы); новые производственные технологии (аддитивные, системы управления сложными системами); фотоника и микро-

электроника; нейромедицинские и биотехнологии; новые технологии разведки, добычи и переработки углеводородов. На их основе в 2020–2025 гг. может быть создано новое поколение конкурентоспособных продуктов: новые технологии в электроэнергетике (ядерной), нефтегазодобыче и нефтегазохимии, новые отечественные программные продукты для инжиниринговых расчётов и проектирования, новые суперкомпьютеры, новые самолёты и вертолёты (из композитных материалов, новый широкофюзеляжный самолёт для пассажирских и грузовых перевозок, скоростной вертолёт), новая пилотируемая космическая система для дальнего Космоса, новые методы лечения человека и линии отечественных медицинских препаратов и техники.

Наряду с формированием госзаказа на разработки по этим направлениям, концентрацией на них необходимых, но ограниченных ресурсов, необходимо принуждение к инновациям и технологическим разработкам госкомпаний, организации ими стабильного стартового заказа на новые технологии (табл. 3). Мир находится в начале или в преддверии новой волны технологических инноваций, связанных не только с новыми материалами, но и с микробиологией, медицинскими технологиями, с новыми технологиями в энергетике, промышленности в части прецезионной обработки металлов и изделий. И здесь очень важно «не проспать» новую волну технологического развития. Новые технологии важны не только как драйверы экономического роста, завоевания рынков, но и как путь построения мастеровой, предпринимательской и интеллектуальноемкой экономики, а не экономики погони за прибылью любой ценой.

Таблица 3

Программные расходы федерального бюджета на модернизацию экономики и инновации[75]

Расходы	2015	2016	2017	2018	2016–2018	Отношение**
Инновационное развитие и модернизация экономики (млрд руб.), закон № 384-ФЗ, паспорт*	2329	2258	2294	2376	6929	
Предельные объёмы Минфина России	2172	2047	2053	2026	6127	88,4
Доп. потребность	501	793	994	875	2662	38,4
ГП 14. Развитие науки и технологий (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	164	183	177	203	563	
Предельные объёмы Минфина России	150	169	165	162	495	88,0
Доп. потребность	46	44	94	98	236	41,9
ГП Транспортной системы (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	917	915	988	892	2796	
Предельные объёмы Минфина России	824	830	874	870	2574	92,1

[75] [*] – в состав раздела входят госпрограммы 14–30. [**] – отношение предельных объёмов, доведённых Минфином России к плановым назначениям 384-ФЗ и паспорту госпрограммы; отношение дополнительной потребности к плановым назначениям.

Расходы	2015	2016	2017	2018	2016–2018	Отношение
Доп. потребность	122	423	514	502	1439	51,5
ГП 16–21 Промышленности, Космоса и Ядерного комплекса (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	621	566	522	530	1618	
Предельные объёмы Минфина России	560	505	451	446	1403	86,7
Доп. потребность	136	201	245	247	692	42,8
ГП 24. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы	188	167	195	324	685	
Предельные объёмы Минфина России	237	163	191	192	546	79,6
Доп. потребность	49	71	67	-44	94	13,7
Относительно ВВП,%						
Инновационное развитие и модернизация экономики	3,15	2,88	2,68	2,53	2,69	
Предельные объёмы Минфина России	2,94	2,61	2,40	2,16	2,38	
Доп. потребность	0,68	1,01	1,16	0,93	1,03	
ГП 14. Развитие науки и технологий (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	0,22	0,23	0,21	0,22	0,22	
Предельные объёмы Минфина России	0,20	0,22	0,19	0,17	0,19	
Доп. потребность	0,06	0,06	0,11	0,10	0,09	
ГП Транспортной системы (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	1,24	1,17	1,15	0,95	1,08	
Предельные объёмы Минфина России	1,12	1,06	1,02	0,93	1,00	
Доп. потребность	0,16	0,54	0,60	0,53	0,56	
ГП 16–21 Промышленности, Космоса и Ядерного комплекса (ФБ), закон № 384-ФЗ, паспорт	0,84	0,72	0,61	0,56	0,63	
Предельные объёмы Минфина России	0,76	0,65	0,53	0,47	0,54	
Доп. потребность	0,18	0,26	0,29	0,26	0,27	
ГП 24. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы	0,25	0,21	0,23	0,34	0,27	
Предельные объёмы Минфина России	0,32	0,21	0,22	0,20	0,21	
Доп. потребность	0,07	0,09	0,08	-0,05	0,04	

Структурные сдвиги в экономике: конкуренция между развитием топливно-энергетического комплекса и диверсификацией экономики

1. Развитие ТЭК: приоритет добыче и экспорту, или снижению энергоёмкости?

Когда говорится об исчерпании энергосырьевой модели экономики, надо иметь в виду, что она не может быть главным драйвером роста, и не может обеспечить достижения высокого уровня доходов для всего населения страны. Но существенный потенциал наращивания и добычи экспорта углеводородов у нас есть, и без него невозможно поднять темпы роста экономики до 4 и более процентов. ТЭК по-прежнему генерирует высокую долю инноваций в российской экономике, и сейчас, в связи с санкциями и обострившимися вопросами импортозамещения оборудования для нефтегазодобычи и переработки, его роль в инновационном процессе повысится. К тому же в условиях кризисного спада 2015 г. нефтегазовый комплекс выполняет стабилизирующую роль в экономике и особенно в инвестиционном процессе. Доля нефтегазового комплекса (вкл. трубопроводы) в инвестициях крупных и средних предприятий составляет 30 % (2014 г.) и в текущем году, благодаря росту инвестиций на фоне их падения в остальных отраслях, она может повыситься до 34–36 %.

В условиях ухудшения доступа к мировым рынкам капитала между ТЭКом и другими отраслями произошло обострение конкуренции за государственные инвестиции и банковский кредит. Хотя нефтегазовый комплекс почти не получает прямых государственных инвестиций (есть косвенные в транспортную инфраструктуру), его доля в одобренных в 2015 г. проектах инвестиций ФНБ достигла 21 % (Ямал СПГ), при полном отсутствии отобранных проектов в обрабатывающих отраслях. Доходы, извлечённые ранее из нефтегазового комплекса, обратно возвращаются в него же. Целесообразно часть ресурсов ФНБ зарезервировать на высоко- и среднетехнологические проекты, направленные на диверсификацию экономики и импортозамещение.

Можно сказать, что ТЭК, да и вся российская экономика стоят перед развилкой – концентрация ресурсов на технологическом обновлении, повышении коэффициента извлечения и глубины переработки нефти, упор на снижение энергоёмкости, или активная реализация новых крайне дорогостоящих проектов по добыче и транспортировке углеводородов (например, газопровод Алтай, шельфовые проекты в Арктике). Во втором случае есть риск, что сверхконцентрация дефицитных ресурсов в ТЭКе посадит другие отрасли на «голодный паёк» и затормозит процессы диверсификации.

Общепризнано, что для устойчивого развития топливно-энергетического комплекса необходимо сформировать стабильную и сбалансированную систему тарифов и регулирования рынка электроэнергии и нефтепродуктов. В последние годы в условиях перехода экономики к стагнации и в результате резких скачков курса и цен, мы фактически отошли от принятых ранее правил ценообразования регулируемых тарифов в пользу ситуативных решений, как то временное замораживание на один год тарифов, или привязка их к уровню инфляции (с дисконтом), при этом не фактической, а планировавшейся ранее при других макроэкономических условиях. Такая опережающая гонка тарифов к «равнодоходности», или к мировому уровню, которая была в предшествующие годы, в каком-то смысле загнала нас в тупик при нашей эффективности. Вместо сокращения перекрёстного субсидирования населе-

ния промышленностью по газу и электроэнергии, в результате принятых решений оно возросло.

Простое правило привязки регулируемых тарифов к инфляции здесь не работает, так как динамика потребительских цен во многом определяется курсом и мировыми ценами на продовольствие. Нужна скорее не привязка тарифов к инфляции, а, как это ранее делалось, учёт инфляционных последствий решений по тарифам и настройка рыночных сегментов в электроэнергетике и на транспорте. Базовым должен быть всё же принцип формирования регулируемых цен, обеспечивающих баланс между прибылью производителей энергии (транспортных услуг) и конкурентоспособностью потребителей. Можно назвать это модифицированным принципом равнодоходности, предполагающим дисконт на уровне не менее 15–20 % к мировым ценам, для поддержки отечественной промышленности и аграрного комплекса. Наряду с учётом фактора мировых цен, необходимо вернуться к учёту фактора межтопливной конкуренции, где сейчас сложилась деформация в пользу электроэнергии за счёт газа. Если не на 2016 г., то на последующие годы всё же надо вернуться к долгосрочным тарифам, учитывающим многофакторность взаимодействия предприятий ТЭКа и потребителей в различных секторах, обеспечивающих эффективности вложений в разные сферы энергетики (при этом не везде целесообразно ориентироваться на предельных производителей, что стало значимым удорожающим фактором).

2. Приоритеты промышленной политики.

В последние годы политика реиндустриализации стала приобретать конкретные черты с принятием пакета государственных программ по развитию промышленности (госпрограммы 16–20), космической деятельности (госпрограмма 21), атомного энергопромышленного комплекса (госпрограмма 22), закона о промышленной политике и созданного в соответствии с ним Фонда развития промышленности. В гражданском секторе промышленности приняты более 600 отраслевых планов по импортозамещению.

Однако предложенные на данный момент предельные объёмы сокращают финансирование по сравнению с параметрами закона № 384-ФЗ и паспортами программ на 13 %. Наибольшее сокращение (на 25 %) приходится на Государственную программу «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности». При таких лимитах остаётся только финансирование автопрома с учётом уплаты им утилизационного сбора (и то без необходимой индексации на изменение курса и планируемое снижение импортных пошлин). С 2017 г. обнуляется поддержка таких приоритетных для технологического развития промышленности направлений как производство композиционных и редкоземельных материалов, инжиниринг, станкостроение, промышленные биотехнологии, прекращается поддержка лёгкой и лесной промышленности. Не предусмотрено пополнение Фонда развития промышленности, который полностью использует свои ресурсы в текущем году. Отсутствуют мероприятия по поддержке экспорта обрабатывающей продукции, которые должны реализовываться через Российский экспортный центр, созданный при Внешэкономбанке.

По оценке Минпромторга России и других ведомств, дефицит финансирования (или потребность в дополнительном финансировании) промышленного блока, включая космическую отрасль и атомный комплекс, составляет 692 млрд рублей за три года (по оценке специалистов Внешэкономбанка – около 300 млрд руб.), или 43 % к планировавшимся ранее расходам. Оценки

могут и должны уточняться, но без дополнительных средств 16-я госпрограмма фактически теряет свою целостность и превращается в набор фрагментарных мероприятий, утрачивая направленность на развитие передовых технологий и производств.

Запланированное сокращение финансирования Госпрограммы «Развитие авиационной промышленности» на 6 % не является критическим. Вместе с тем даже утверждённые ранее параметры госпрограммы не позволяли в полной мере профинансировать работы по новому дальнемагистральному самолёту МС-21, высокоскоростному вертолёту и двигателю к нему, доработке и сертификации двигателя ПС-14. Новые проекты, такие как разработка (возможно совместно с Китаем) нового широкофюзеляжного самолёта, модернизации и запуска производства Ил-114 не имеют необходимого финансирования. Это означает либо необходимость значительного сдвига вправо этих проектов, либо резкого увеличения финансирования программы. Оценка относительного дефицита средств составляет 10–20 % к первоначальному финансовому плану. Кроме того, решение больного вопроса расширения продаж отечественных самолётов на внутреннем рынке потребует докапитализации государственных лизинговых компаний (в частности, ГТЛК).

Предложенное Минфином России сокращение финансирования Госпрограммы «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений» в 2016 г. не окажет значимого влияния на целевые показатели программы, однако, запланированное секвестирование в 2017–2018 гг. существенно ухудшит перспективы гражданского судостроения.

Дефицит финансирования Госпрограммы «Космическая деятельность России» на 2013–2020 гг. оценивается на трёхлетку в 7 %. При этом необходимо скорейшее утверждение новой программы по космической деятельности на 2016–2030 гг. Недофинансирование и так крайне напряжённого плана мероприятий может сдвинуть сроки работ по космодрому «Восточный» и разработке новой космической транспортной системы.

Финансирование Госпрограммы «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» резко урезается в 2017–2018 гг., что в случае реализации предложений по ограничению рыночной выручки Росэнергоатома может значительно ограничить инвестиционную и инновационную программы Росатома.

Наряду с недофинансированием госпрограмм промышленного блока, болевой точкой промышленной политики стала проблема финансового оздоровления ключевых системообразующих предприятий с госучастием или контролем. Прирост кредитной задолженности в 2013–2014 гг. превышал размеры господдержки[76] и сейчас у большей части корпораций объём кредитной задолженности сопоставим с выручкой. Возник порочный круг: недостаток бюджетной поддержки, а зачастую и просчёты менеджмента, ведут к наращиванию банковской задолженности, которая при сложившейся динамике и доходности (зачастую убыточности) заказов не может обслуживаться. Периодическая санация в большей степени работает на поддержку банков и возврат их кредитов, но не позволяет обеспечить финансовую устойчивость предприятий, пополнить оборотные средства. Начинается новый круг наращивания долгов перед банками.

[76] Например, в 2014 г. прирост задолженности предприятий обрабатывающей промышленности составил 827 млрд рублей, а государственные субсидии и инвестиции промышленному блоку (гражданская часть) почти вдвое меньше – 456 млрд рублей.

Предварительная оценка минимальной потребности в докапитализации, или финансировании в форме льготных долгосрочных кредитов на цели финансового оздоровления ОДК, ОАК, ОСК, предприятий космической отрасли и некоторых других предприятий ОПК оценивается как минимум в 170–250 млрд рублей. Учитывая ограниченность доходов бюджета, докапитализация компаний могла быть осуществлена за счёт средств ФНБ или увеличения государственного долга (специального долгосрочного займа, к выкупу которого можно было бы простимулировать банки и пенсионные фонды). Неустойчивое финансовое положение ключевых системообразующих компаний является одним из важнейших рисков российской промышленной политики.

3. Растущие задачи по развитию транспортной инфраструктуры и дефицит финансирования.

Развитие транспортной инфраструктуры традиционно рассматривается как важнейший приоритет экономической политики и бюджетных расходов. Вместе с тем, на трёхлетку предложено сократить расходы на транспортную инфраструктуру на 8 %. Это меньше, чем сокращение иных направлений. Но именно по транспортной инфраструктуре вместе с образованием и здравоохранением отмечается наибольший дефицит по сравнению с потребностью, отражённой в стратегических документах по развитию соответствующих секторов. По оценке Минтранса России, в 2016–2018 гг. он достигнет 51,5 % к утверждённым в законе о бюджете № 384-ФЗ параметрах, а с учётом планируемого сокращения – 60 %.

Без решения этой системной проблемы не удастся выполнить задачу удвоения ввода автодорог к 2022 г., а также в полной мере преодолеть узкие места в развитии железнодорожного транспорта. Реализация таких новых масштабных проектов как высокоскоростная железнодорожная магистраль Москва-Казань пока не обеспечена финансированием (выделены средства лишь на начало проектных работ в 2015 г.). Это системный проект, который, несмотря на дороговизну, может стать для нашей экономики одним из вытягивающих из стагнации и задаст переход к новому качеству железнодорожного сообщения, образу жизни глубинных российских регионов. Если мы в соответствии со стратегией развития транспортной инфраструктуры (и стратегией развития железных дорог), начали работу над проектом, он должен быть обеспечен бюджетным финансированием и возвратными инвестициями из ФНБ в необходимых объёмах, с учётом планируемых заимствований со стороны китайских партнёров проекта.

Вместо системной реализации принятой стратегии развития транспортной системы и связанной с ней Госпрограммы «Развитие транспортной системы», практика во многом разбивается на решение отдельных наиболее острых на этот момент вопросов, связанных, в частности, с развитием московского транспортного узла, строительством железнодорожного моста в Крым и транспортной части чемпионата мира по футболу. Количество задач умножается, стоимость строительства растёт быстрее планов, финансирование сокращается. Компенсировать эти дисбалансы повышением «бумажной эффективности» бюджетных расходов невозможно.

4. Структурный манёвр в аграрной политике.

Введение антисанкций, в сочетании со снижением курса рубля и резким ухудшением доступности банковского кредита, изменили условия реализации аграрной политики. Окно возможностей для импортозамещения может

быть использовано только при проведении «структурного манёвра» в проводимой аграрной политике и восстановлении положительной динамики кредитования. Реализованные Правительством Российской Федерации меры по поддержке доходов сельхозпроизводителей, краткосрочного льготного кредитования аграриев стабилизировали ситуацию, позволили провести посевную. В то же время инвестиционный спад, длящийся в сельском хозяйстве уже два года, и накопленные структурные дисбалансы являются основными вызовами для аграрной политики.

Во-первых, целесообразно сохранение и постепенное увеличение финансирования АПК в 2016–2018 гг. как минимум до уровня 4,5–5 % объёма производства сельскохозяйственной продукции (со стороны федерального бюджета). Это означает, что вместо предложенного Минфином России сокращения финансирования в 2016 г. на 31 %, его следует стабилизировать на нынешнем уровне в 237 млрд рублей и увеличить к 2018 г. до 280–300 млрд рублей (в соответствии с предложениями Минсельхоза России).

Во-вторых, необходима концентрация ресурсов на приоритетных проектах импортозамещения, обеспечивающих повышение конкурентоспособности российского АПК, включая наращивание экспортного потенциала, и решение задач обеспечения продовольственной безопасности.

В аграрном секторе наиболее зависимыми от импорта товарами справедливо считаются: тепличные овощи (70 % импорта), в том числе томаты (81 % импорта), фрукты, прежде всего яблоки (70 % импорта), говядина (37 % импорта), молоко (20 % импорта), семенной материал (кукуруза – 70 %, сахарная свёкла – 80 %, соя – 70 %, овощи – 50 %, подсолнечник – 70 %), племенное поголовье (свиньи – 80 %, птица – 80 %). Эти направления должны стать приоритетными для их ускоренного развития на ближайшие 5–7 лет. При этом в молочном и мясном животноводстве, учитывая длительные (12–15 лет) сроки окупаемости проектов, упор должен быть сделан не на начало новых, а на повышение эффективности уже реализованных, или завершение строительства уже начатых проектов, а также развитие кормовой и племенной базы. В целях поддержки отечественной племенной и селекционной работы в рамках инновационной подпрограммы Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия следует предусмотреть возможность выделения грантов (или компенсации части затрат) племенным и селекционным центрам агрохолдингов при условии их объединения в консорциумы (с участием аграрных вузов и институтов) для решения согласованных приоритетных задач в интересах всей отрасли.

В-третьих, назрела потребность в изменении порядка субсидирования инвестиционных проектов, где федеральный бюджет (Минсельхоз России) должен получить право напрямую субсидировать новые инвестиционные проекты в любом регионе страны независимо от наличия софинансирования в бюджете субъекта Федерации. Сейчас доля федерального бюджета в государственной поддержке АПК в среднем составляет 75 %, а доля региональных бюджетов лишь 25 % и продолжает сокращаться. Таким образом, сельхозтоваропроизводители становятся заложниками политики конкретного региона в вопросах поддержки АПК.

В-четвёртых, целесообразно более активно идти на замещение субсидирования процентных ставок по кредитам на прямую компенсацию части текущих и инвестиционных затрат сельхозпроизводителей, после их подтверждения. Необходимо увеличение погектарной поддержки (несвязан-

ной поддержки) на 20–30 % и дополнение её принципом дифференциации по культурам. Повышенный уровень поддержки первоначально с учётом потребности в импортозамещении целесообразно сосредоточить на посевах льна, гречки, овощей, и в дальнейшем распространить на рапс, сою и хлопок. Повышенные ставки субсидий необходимо предусмотреть для посевов семенного элитного материала. Для регулирования баланса спроса и предложения по отдельным культурам Минсельхоз России может корректировать ежегодно или раз в 3 года ставки погектарного субсидирования, ограничивая их по культурам, где ожидается перепроизводство.

Требуется модернизация механизма товарных интервенций и государственной политики развития зернового рынка. Целесообразно вернуться к модели восстановления государственного контроля над ОАО «ОЗК» и формирование на её базе государственного экспортёра при поддержке государственных банков. Возможный путь: разделение функции государственного агента (создание 100 % государственного оператора) и стимулирование образования национального частного зернового оператора (консорциума для целей экспорта).

Необходимо уточнение правил и масштаба субсидирования производства овощей закрытого грунта: привязка к потреблённому теплу и электроэнергии, или на м^2 введённых мощностей, т. е. компенсация части капитальных затрат. Целесообразно пойти на установление льготных тарифов на электроэнергию и газ для тепличных комплексов, что повысит спрос на электроэнергию и удешевит стоимость тепличных комплексов (за счёт отказа от собственной генерации). Это позволит сократить срок окупаемости проектов до не более 8 лет. В целях снижения логистических издержек и повышения конкурентоспособности отечественных производителей нужен запуск подпрограммы по софинансированию развития оптово-логистических центров, которая первоначально может предусмотреть пилотные проекты в 3–5 регионах. Среди других подпрограмм, особое внимание надо уделить корректировке подпрограммы по развитию мелиорации, в части увеличения объёмов поддержки по направлению поддержки внутрихозяйственных оросительных систем (с учётом бюджетных ограничений увеличение финансирования возможно с 2018 г.). Без развития мелиорации решить задачу производства достаточного уровня овощей и кормов не удастся.

В-пятых, восстановление за Россельхознадзором полномочий в части контроля за содержанием пестицидов и агрохимикатов в импортируемой сельскохозяйственной продукции, в том числе на границе Российской Федерации, с целью выравнивания условий конкуренции с импортом и обеспечения качества и безопасности импортируемых сельскохозяйственных продуктов. Следует вернуться к вопросу установления плавающей экспортной пошлины на удобрения, привязанной к изменению мировых цен, или установлению квоты на поставки на внутренний рынок с целью увеличения внесения удобрений.

В-шестых, для наращивания кредитования, особенно инвестиционного по доступным ставкам (привязанным к таргету по инфляции), необходимо дополнительное фондирование Россельхозбанка и Росагролизинга со стороны бюджета и Банка России. Такое фондирование должно быть обусловлено жёсткими обязательствами по увеличению кредитования на льготных условиях в соответствии с приоритетами Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Кроме того, необходима инвентаризация сло-

жившегося кредитного портфеля и честная расчистка его от «плохих активов» с принятием необходимых мер по повышению эффективности деятельности этих институтов.

В-седьмых, необходимо не сворачивание, а поддержка региональных аграрных программ, но в соответствии с развитием специализации региона и нахождением особой ниши по сравнению с другими механизмами поддержки. Например, для Алтая – это может быть субсидирование региональной программы по сырам и продуктам переработки молока, а возможно и мяса, а также специальная программа поддержки экспортного зернового и мукомольного хозяйства, ориентированного на экспорт. Субсидия должна быть увязана с определёнными защищёнными марками (товарными знаками).

Наряду с совершенствованием мер модернизации аграрного сектора необходима перестройка системы мер (программ) по развитию сельских территорий (поселений) и малых форм хозяйствования в сочетании со снятием избыточной «социальной нагрузки» с бизнеса и передачи целевых субсидий на уровень регионов и специализированных программ институтов развития. На это можно было бы зарезервировать часть ресурсов, направляемых по линии трансфертов на выравнивания бюджетных условий, придав им целевой характер.

5. Новые требования к бюджетной и денежной политике.

Основные направления бюджетной политики на 2016–2018 гг. нацеливают бюджетную систему на адаптацию к относительно низким ценам на нефть (около 70 долл. за баррель), при которых должна обеспечиваться сбалансированность, а затем бездефицитность федерального бюджета. Сейчас при среднегодовой цене нефти в 56 долл. за баррель дефицит федерального бюджета может составить 2,2 % ВВП[77] при уровне расходов в 20,5 % ВВП. К 2018 г. планируется сократить расходы бюджета на 4 проц. пункта до 16,7 % ВВП, а расширенного правительства (бюджетной системы в целом) с 41 % до 34 % ВВП. Такой уровень цен на нефть наблюдался в 2007 и 2009 гг., и бюджетные расходы возвращаются в реальном выражении (или относительно ВВП) также к уровню 2007–2008 гг.[78] Это позволяет перейти почти к бездефицитному бюджету и восстановить Резервный фонд и ФНБ на сегодняшнем уровне около 10 % ВВП.

С точки зрения повышения защищённости бюджета это последовательная политика и, она может быть подкреплена той или иной моделью модификации бюджетного правила. Для сглаживания динамики бюджетных расходов и устранения скачков, вызванных колебаниями курса, можно допустить использование усреднённого или условного курса базового года вместо текущего рыночного, а также усреднённой рублёвой цены нефти вместо долларовой. Однако такая бюджетная политика идёт вразрез с задачами развития, связанными с опережающими инвестициями в человеческий капитал, транспортную инфраструктуру, проведение активной промышленной и инновационной политики.

Сейчас только на фонд заработной платы и социальные нужды приходится около трети расходов федеральных бюджетов (у региональных – ещё

[77] В соответствии с законом № 98-ФЗ дефицит планируется на уровне 3,7 % ВВП, но поскольку среднегодовая цена нефти скорее будет выше (56–58 против 50 долл. за баррель в законе) дефицит уменьшится.

[78] Андрей Чернявский. ОНБП 2016–2018: осторожные прогнозы Минфина. Комментарии о Государстве и Бизнесе. ВШЭ-Центр развития. N96, 23 июня – 6 июля 2015. С 10–13.

выше). При повышении этих расходов в реальном выражении к 2018 г. как минимум на 3 %, все остальные расходы (закупки, инвестиции и др.) должны в реальном выражении сократиться на 26 %, так как все расходы федерального бюджета в соответствии с проектировками должны сократиться в реальном выражении на 18 % (к 2014 г.) и вернуться на уровень 2007 г. Это крайне разбалансированная конструкция во всем кроме сбалансированности бюджета любой ценой. Важно понимать, что образуется рестрикционный круг, цикл сжатия экономики. Из-за низких темпов роста нет увеличения ненефтегазовых доходов. Недостаток доходов ведёт к сокращению расходов бюджета, в опережающей степени за счёт расходов, влияющих на спрос, на развитие и дальше порождает новый цикл замедления роста, сокращения доходов и последующего сокращения бюджетных расходов.

Минимальные дополнительные расходы федерального бюджета на цели развития оцениваются в ближайшие годы в 1,5 % ВВП: 0,5–0,6 % ВВП на здравоохранение и образование, 0,9–1 % ВВП – на развитие науки, технологий и структурную политику. Это означает, что бюджетный дефицит в ближайшие годы составит 2–3 % ВВП. Это высокая планка. Профинансировать такой дефицит за счёт Резервного фонда невозможно, так как фонда хватит только на год с небольшим. Поиск баланса возможен несколькими путями.

Во-первых, есть определённый потенциал роста собираемости налогов, как НДС, так и особенно акцизов. По мере замедления инфляции можно вернуться к вопросу налога с продаж как источника дохода для региональных бюджетов. В любом случае необходима большая свобода муниципалитетам и регионам в налогообложении и сборах. По мере роста доходов населения следует вернуться к вопросу перехода к прогрессивной шале подоходного налогообложения (в 2018–2019 гг.). Тем не менее, потенциальный масштаб налоговых поступлений в ближайшие годы скорее всего будет небольшим (0,1–0,2 % ВВП).

Во-вторых, проведение пенсионной реформы, при этом наряду с повышением пенсионного возраста целесообразно изменить правила ежегодной индексации пенсий. Индексация базовой части пенсии осуществляется в зависимости от инфляции предыдущего года, а индексация страховой части пенсии – от динамики заработной платы (доходов Пенсионного фонда, без учёта трансферта из федерального бюджета).

В-третьих, стимулирование банков, пенсионных фондов к покупке гособлигаций. Для удешевления заимствований следует пойти на введение нормы обязательного размещения части активов в этих долгосрочных бумагах. Очень важно, что от рестрикционного цикла мы, тем самым, делаем переход к циклу роста, когда добавочное финансирование мероприятий и проектов способствует ускорению роста экономики и расширению налоговой базы.

В-четвёртых, растущие требования бюджетной поддержки могут быть частично компенсированы увеличением кредитования экономики по доступным ставкам, а прямое инвестирование бюджетных средств замещено возвратным «квази-фискальным» финансированием со стороны ФНБ или Банка России. Банк России справедливо начал в своей практике отходить от жёсткого таргетирования инфляции и предпринял усилия по пополнению валютных резервов, что добавило ликвидности банковской системе. В то же время, в условиях кризиса и санкционных ограничений остаётся неудовлетворённым спрос на нетрадиционные инструменты денежной политики, без

чего не удастся переломить ситуацию с доступностью банковского кредита для предприятий.

Ужесточение бюджетной политики фактически идёт рука об руку с ужесточением условий кредитной деятельности банков. Естественная реакция банковской системы в условиях ухудшения экономического состояния заёмщиков становится дополнительным фактором торможения экономической активности. В 2011–2014 гг. при относительно стабильном уровне государственных расходов на федеральном уровне относительно ВВП (19,5–21 %) прирост кредитов предприятиям снизился с 6,7 % в 2011 г. до 4,4–4,6 % в 2012–2013 гг. и 3,7 % в 2014 г. (прирост кредитов без учёта эффекта изменения курса) в 2015 г. ожидается дальнейшее торможение прироста кредитования до 1,8 % ВВП. Хотя Банк России предоставил банковской системе в целом достаточный уровень ликвидности, а его баланс вырос относительно ВВП с 33 до 45–46 %, в целом вклад банковской системы в экономический рост был тормозящим.

Поскольку мы вступаем в период сокращения бюджетных расходов, хотя, надеюсь, всё же не столько масштабного, как предложено Минфином России, с точки зрения активизации экономического роста необходимо существенное смягчение денежно-кредитной политики Банка России. Это смягчение должно быть направленным и связанным не столько с предоставлением дополнительной ликвидности банковской системе, сколько с увеличением кредитования бюджета и предприятий. Так как напрямую кредитовать бюджет Банк России не имеет права, речь может идти о нормативном стимулировании или принуждении банков market-maker на рынке гособлигаций и пенсионных фондов к покупке необходимых объёмов госбумаг. С другой стороны, для поддержки кредитования предприятий, целесообразно не столько напрямую рефинансировать банковские кредиты предприятий (из-за сложности и штучности процедуры), сколько пойти на дополнительное фондирование Внешэкономбанка Банком России, дав ему возможность выступить в качестве мощного антикризисного стабилизатора инвестиционного процесса и агента санации ключевых предприятий.

В 2015 г. ожидается сокращение инвестиций на 0,5–1,1 трлн рублей (-12–15 % в реальном выражении). При сложившихся тенденциях в номинальном выражении объём инвестиций может восстановиться в 2017 г., а в реальном – в 2019 г. Применяемые Банком России ограниченные специальные инструменты (постановление 1044 и др.) не могут переломить ситуацию. Решением могла бы стать программа выкупа Банком России долгосрочных облигационных займов Внешэкономбанка по льготной ставке, ориентирующейся на целевую инфляцию (4–5 %), а не на текущий уровень рыночных ставок. В отличие от других банков Внешэкономбанку можно задать условия кредитования в соответствии с принципами института развития, включая конкретизацию меморандума и направлений кредитной политики, а также параметры кредитного плана (роста объёмов кредитования). Ставка рефинансирования займов может быть дифференцирована в зависимости от направлений инвестирования. Потребность в рефинансировании оценивается от 300–400 млрд рублей на начальном этапе, затем до 500–700 млрд рублей.

Реализация такой программы позволила бы уже в 2016 г. восстановить докризисный уровень инвестиций и главное – задать новые долгосрочные стандарты инвестиционной деятельности, сконцентрировав её на проектах, направленных на импортозамещение, создание экспортного потенциала и разви-

тие новых технологий. Кроме того, предоставление инвестиционных кредитов по льготной ставке позволило бы высвободить бюджетные ресурсы, расходуемые на субсидирование процентных ставок, которые сейчас съедают от более половины в госпрограмме по развитию сельского хозяйства до около трети средств в промышленных госпрограммах. В этих предложениях нет чего-то оригинального. И США, и Китай для преодоления кризиса (хотя и другого типа, но кризис есть кризис) активно шли на увеличение госдолга и на использование нетрадиционных монетарных мер по стимулированию кредита. В результате темпы роста не только в Китае, но и в США выше, чем в России.

Краткосрочные и долгосрочные возможности ускорения

Практически все экономисты сходятся в том, что сейчас фактический ВВП России ниже потенциального, что указывает на востребованность стимулирующих мер бюджетной и денежной политики (как бы кто не оценивал их эффективность). По оценке специалистов Внешэкономбанка, в 2015–2016 гг. разрыв фактического и потенциального ВВП достигнет 5–5,2 %. В этих условиях стимулирующая бюджетная и денежно-кредитная политика может поднять темпы роста на 0,6–1 поц. пункта ВВП по сравнению с базовым консервативным сценарием, в первую очередь за счёт усиления инвестиционной деятельности.

Учитывая инерционность экономики и кризис доверия бизнеса к проводимой макроэкономической политике (рост неопределённости по предпринимательским опросам и ухудшение ожиданий), добиться резкого ускорения в 2016 г. вряд ли возможно. Темп роста ВВП не превысит 1–1,5 %. Однако в 2017–2018 гг. можно выйти на темпы роста около 3 процентов и выше.

Наряду с расширением экспорта и эффектом импортозамещения одним из ключевых факторов роста является увеличение государственного оборонного заказа, так как это даёт, как минимум, 02–0,3 процентных пунктов ВВП в краткосрочном плане, а в долгосрочном плане до 0,5–0,6, имея в виду мультипликативный эффект для развития технологий и высокотехнологичных отраслей. Значимый краткосрочный эффект будет иметь индексация заработной платы бюджетников, денежного довольствия и пенсий. Наряду с социальным эффектом, она может повысить темп роста в 2017–2018 гг. на 0,15–0,2 проц. пункта.

В долгосрочном плане более важную роль, как известно, приобретают не спросовые факторы, а динамика факторов производства и их производительности. При этом надо иметь в виду, что грань между спросом и предложением относительна. Сокращение инвестиций ведёт не только к отставанию фактического ВВП от потенциального, но и к понижению самого потенциального ВВП. Переломить эту тенденцию можно на основе возобновления роста инвестиций. Уровень отклонения загрузки мощностей от нормы (менее 60 % вместо 80 %) и отклонения безработицы от нормы (5,5 вместо 3–4 %, с учётом дефицита рабочей силы), а также динамика совокупной факторной производительности позволяют оценить долгосрочный сбалансированный рост в 3–4 %, при этом его уровень может повыситься при более интенсивном накоплении капитала и расходов на развитие человеческого капитала и технологий.

Оценки соотношения вкладов факторов производства в экономический рост, сделанные специалистами Минэкономразвития России, показывают, что вклад фактора изменения цен на нефть и экспорта углеводородов в рост ВВП

понизился с 3–3,4 п. пункта в 2000–2008-х гг. до 0–0,3 п. пункта в долгосрочной перспективе (2016–2030 гг.)[79]. При этом вклад накопления капитала также понижается с 2–2,5 до 1,3–1,8 п. пункта в долгосрочной перспективе. Вклад фактора труда варьируется между 0 и 0,2 п. пунктами, как результирующая между негативной демографической динамикой трудовых ресурсов и умеренным положительным эффектом улучшения здоровья (вложений в здравоохранение). Положительный вклад инновационного фактора, отражающего вложения в науку, технологии и образование, повышается с 0,2–0,3 п. пункта до 0,5–0,7 п. пункта, тогда как эффект догоняющего развития снижается с 0,7–0,8 до 0,5–0,6 п. пункта. В результате рост ВВП в долгосрочной перспективе не падает до траектории роста добычи углеводородов, а составляет от 2–2,5 % в год в консервативном до 3,5 % в умеренно-оптимистичном, более инновационно-выраженном сценарии.

Разница между вариантами кажется не столько большой, но её качественное значение велико. Именно структурные изменения и инновационные факторы становятся основными двигателями развития экономики, при этом российская экономика во втором варианте выходит на траекторию развития, не уступающую мировой экономике. Эти изменения в сравнительной производительности (эффективности) факторов производства во многом зависят от изменения структуры и уровня частных и государственных расходов на развитие соответствующих факторов производства. В умеренно-оптимистическом варианте прогноза Минэкономразвития России предполагается увеличение частных и государственных расходов на НИОКР с 1,1 % ВВП в 2011–2014 гг. до 1,4–1,5 % к 2020 г., прирост уровня расходов на образование на 0,5 п. пункта ВВП, здравоохранение – на 0,2–0,7 п. пункта к 2020 г., при опережающем росте капитала (особенно в 2016–2024 гг.), инвестированного в развитие транспортной инфраструктуры.

Даже в умеренно-оптимистичном варианте развития российская экономика не сможет полностью выйти на рубежи, заданные в майских Указах Президента Российской Федерации. Такие целевые показатели, как темп роста производительности труда и реальной зарплаты, количество созданных высокопроизводительных рабочих мест, нормы накопления и доли расходов на НИОКР в ВВП нуждаются в корректировке в реалистичную сторону. Но важно, чтобы движение экономики шло, несмотря на все внешние и внутренние препятствия в направлениях, обозначенных в указах. К 2018 г. есть возможности и ресурсы для улучшения качества здравоохранения, образования, серьёзного подъёма научной и технологической активности, улучшения опорной транспортной инфраструктуры.

Можно и необходимо восстановить динамизм российской экономики, повысить её привлекательность не только для иностранных инвесторов, но, прежде всего, для самих себя, для российских предпринимателей, учёных, инноваторов и работников. Социальная мобилизация, вызванная воссоединением Крыма с Россией и жертвы, понесённые обществом в связи с санкциями, должны получить своё продолжение и компенсацию в таких социальных и экономических преобразованиях, которые придадут российской экономике большую справедливость, свободу и благосостояние.

---

[79] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. М., 2013. С. 51–56; Клепач А. Н. «Экономическая политика и долгосрочный прогноз экономического роста в России», выступление на Президиуме РАН, 18.02.2014.

СТРУКТУРНЫЕ УСЛОВИЯ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Дементьев В. Е., *заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, д. э. н.*

Вводные замечания

Вырабатывать меры по преодолению кризисных процессов в российской экономике приходится в условиях начинающейся новой технологической революции. Её связывают с нано-, био- и информационно-коммуникативными технологиями, с робототехникой, с 3D-печатью. Разворачивается соперничество между странами за лидирующие позиции в развитии этих технологий. Несмотря на сложную ситуацию в мировой и, в частности, в экономике Евросоюза, наблюдается рост инвестиций в исследования и разработки (ИиР). Наиболее активные в отношении таких инвестиций 633 компании ЕС увеличили вложения в исследования и разработки на 2,6 % при снижении выручки от продаж (-1,9 %) и операционной прибыли (-6,6 %)[80]. Ожидается, что к 2022 году Китай превзойдёт нынешнего лидера по общим расходам на ИиР – США[81].

Перспективам и требованиям очередной технологической революции уделяется большое внимание во многих обсуждениях проблем реиндустриализации российской экономики. Как отмечает А. И. Татаркин, новая индустриализация зачастую рассматривается как создание новых предприятий и секторов хозяйства, формирующих в целом «новую экономику». Значительно меньше внимания достаётся, а то и вообще не исследуется судьба традиционных индустриальных отраслей, продолжающих составлять экономическую основу функционирования большинства индустриальных регионов (Татаркин, 2015).

Но новая индустриализация предполагает решение масштабных задач по ряду взаимосвязанных направлений: первое – восстановление или модернизация производственных мощностей, утраченных или устаревших в процессе деиндустриализации; второе – реализация программ инновационной индустриализации; третье – переход на стадию нового индустриального развития с учётом особенностей и технологических вызовов индустрии грядущих десятилетий (Бодрунов, 2013). Без выделения через государственно-частное партнёрство приоритетов в рамках каждого из этих направлений велик риск продолжения деиндустриализации в силу «размазывания» ограниченных ресурсов. Государственное стратегическое планирование призвано обеспечить системность этих приоритетов, сбалансированность развития по отдельным направлениям.

Претендуя на выход на ведущие позиции в экономическом развитии, приходится учитывать, что достижение таких позиций и, особенно, закрепление на них, во многом зависит от состояния воспроизводственной базы

[80] The 2014 EU Industrial R&D Investment Scoreboard European Commission (http://iri.jrc.ec.europa.eu/071).

[81] R&DMagazine. 2014 GLOBAL R&D FUNDING FORECAST (www.rdmag.com).

экономики – уровня развития станко- и приборостроения. Состояние этих отраслей влияет на возможности получения инновационной ренты в электронной промышленности, продукция которой обеспечивает функционирование информационной экономики. Поэтому оправдана трактовка создания «ядра саморазвития» в сфере производства средств производства в качестве приоритета реиндустриализации (Бодрунов, Гринберг, Сорокин, 2013). В целях соответствия начинающейся технологической революции, это ядро должно включать производство орудий труда, реализующих новые технологии широкого применения (ТШП).

На роль одной из них, способной обеспечить подъём новой длинной волны экономического развития, претендуют нанотехнологии. Активное участие в нанотехнологической гонке принимают национальные государства, но инициатива переходит от государства к частному бизнесу. Высокую активность здесь проявляют такие корпорации как IBM, Intel, Toyota, BASF (Jaideep, 2011). По объёму госинвестиций в нанотехнологии позиции Россия в 2012 году занимала 4-е место в мире. Государственные инвестиции нашей страны в нанотехнологии составили в 2012 г. около 1 млрд долл. США, из которых более 95 % пришлось на проекты «Роснано»[82]. В 2015 г. «Роснано» инвестирует в проекты по производству нанотехнологической продукции 30,7 млрд рублей[83].

Насколько надёжной является ставка на «Роснано» в разворачивающемся соперничестве в нанотехнологической сфере? При обсуждении перспектив такого соперничества большое внимание обычно уделяется как финансированию соответствующих исследований, так и институциональным условиям практического внедрения их результатов. Действительно, ключевая характеристика технологии широкого применения – её способность обеспечить длительное повышение производительности многих секторов экономики. Для того, чтобы это качество ТШП было реализовано, требуются соответствующие институциональные предпосылки (Brusoni, Sgalari, 2006; Castellacci, 2010). Потенциальный эффект технологической революции создаёт мотивы к осуществлению необходимых институциональных преобразований (Перес, 2011). Речь, в частности, идёт об изменениях, охватывающих антимонопольное законодательство (Carlaw et al., 2007). Необходимо, однако, учитывать и структурные предпосылки технологической революции. В этом отношении показательны процессы в других странах, претендующих на активную роль в развитии новых ТШП.

Существует мнение, что использование высоких технологий способно значительно нивелировать преимущество азиатских стран в стоимости рабочей силы и стать драйвером новой индустриализации не только в нашей стране, но и ведущих стран Запада. Речь идёт о том, что, уйдя в новый технологический уклад и осуществив третичную индустриализацию, США надеются, тем самым, лишить нынешние индустриальные гиганты (Китай и другие страны Юго-Восточной Азии) конкурентных преимуществ (Киселёв, Царик, 2013).

О «новом открытии» США заявляют лидеры высокотехнологического сектора. В частности, Apple, привыкшая производить свои «айфоны» и «айпэды» исключительно за рубежом, в начале ноября 2013 года объявила о намере-

[82] Роснано. Годовой отчёт за 2013 год.

[83] http://fingazeta.ru/industry/investitsii-v-nanotehnologii-194833.

нии построить завод в городе Меса (штат Аризона) (Ратников, 2013). Проводимые консалтинговой фирмой Boston Consulting Group ежегодные опросы менеджеров крупных американских промышленных компаний показывают, что всё больше компаний занимаются «репатриацией» производственных мощностей, возвращают производство из развивающихся стран на родину. Способствуют этому низкие цены на энергоресурсы и наличие квалифицированной рабочей силы (Кошкаров, 2014). К отказу от аутсорсинга и применению обратной практики – инсорсинга, использования компаниями трудовых и производственных ресурсов на своих домашних рынках, прибегают компании США не только высокотехнологичного сектора. В новую индустриализацию вовлечены GM, Ford, Chrysler, Caterpillar, MasterLock, DuPont (Хвостик, 2012). Тенденция репатриации зрелых отраслей наблюдается и в ряде стран ЕС, в Великобритании.

Такие изменения в этих отраслях заслуживают внимания не только с точки зрения ситуации с безработицей и с торговым балансом. Последствия репатриации могут иметь принципиальное значение для отраслей новой длинной волны технологического развития. Влияние рождённых предшествующими революциями отраслей на формирование принципиально новых производств позволяет отнести состояние этих отраслей к структурным факторам технологической революции. Об этом свидетельствует, как будет показано в дальнейшем, опыт распространения микроэлектронной технологии в экономике США. Этот опыт показывает, что уровень развития в стране предшествующих ТШП имеет большое значение для коммерциализации научных разработок в сфере новой ТШП. На необходимость учёта структурных обстоятельств при выработке стратегии технологического развития обращается внимание в целом ряде исследований.

Исследования структурных обстоятельств технологического развития

Производства нисходящей волны в процессе созидательного разрушения не являются лишь балластом для обновляющейся экономики или лишь объектом реанимации с помощью технологий новой волны. Слишком резкое свёртывание инвестиций в производства нисходящей волны способно затормозить подъём новой волны в лидирующей экономике. На ресурсной и интеллектуальной базе предыдущего технологического уклада складываются технологические цепочки нового уклада (Глазьев, 2012). То, что разные ТШП могут связывать отношения не только конкуренции, но и взаимодополняемости, отмечается в (Freeman, Louça, 2001; Carlaw, Lipsey, 2011). Если некоторые технологии, как паровой двигатель, почти полностью выходят из коммерческого использования или, как водяное колесо, отступают в специализированные ниши и перестают быть технологией широкого применения, другие, как электричество, остаются полностью ассимилируемыми в ткань экономики.

Состояние отраслей, воплощающих нисходящую длинную волну, имеет значение как для лидирующего, так и для догоняющего развития. Существующие отрасли играют большую роль в накоплении знаний, человеческого капитала. Имеющийся запас знаний влияет на возможности и их заимствования, и самостоятельного приращения. Как отмечает Д. Диденко (2011), широко признанным стало вытекающее из классической модели Р. Нельсона

и Э. Фелпса положение об определяющем значении накопленного в странах-реципиентах критического объёма человеческого капитала для успешного заимствования и диффузии новых технологий и институтов.

Это положение получило дальнейшее обоснование в исследовании Д. Асемоглу, Ф. Агион и Ф. Зилиботти (Acemoglu, Aghion, Zilibotti, 2006). Было показано, что при отдалённости экономики от мировой технологической границы ведущую роль в повышении производительности труда играет имитация инноваций, основанные на ней стратегии догоняющего развития. С приближением к этой границе такие стратегии уступают в эффективности стратегиям лидирующего развития, предполагающим оригинальность нововведений. Можно заключить, что отличающееся положение отдельных отраслей относительно передовых технологических рубежей в этих отраслях оправдывает дифференциацию стратегий их развития. Технологическое отставание и необходимость подготовки человеческого капитала к решению задач лидирующего развития оправдывают постановку таких задач перед продвинутыми отраслями экономики.

Решение задач догоняющего развития накладывает отпечаток как на роль технологических заимствований, так и на организацию фирм и отраслей. Ещё в 1962 г. А. Гершенкрон (Gerschenkron, 1962) в своём труде «Экономическая отсталость в исторической перспективе» пришёл к выводу, что для преодоления этой отсталости оправданы ставка на крупный бизнес, вмешательство государства и «неконкурентные» долгосрочные отношения между фирмами и банками.

Систематизировать описание ТШП, изменения её взаимодействия с другими технологиями помогает выделение этапов этого развития. Если на раннем этапе новая технология подстраивается под существующие ТШП, то затем уже они и связанные с ними институты и организационные формы приспосабливаются к новой технологии. Разрабатываются и осваиваются дополняющие её технологии. Изменившаяся структура экономики способствует расширению спектра приложений новой ТШП и высоким темпам роста экономики, которые снижаются с исчерпанием возможностей этой технологии (Carlaw at el, 2007).

Свою очерёдность имеет и распространение новой технологии в разных сферах деятельности, среди разных отраслей экономики. В монографии М. Хироока (Hirooka, 2006) такого рода описывается каскадной структурой инновационной парадигмы. Речь идёт о представлении этой парадигмы в виде структуры из трёх логистических траекторий: технологической траектории, траектории развития, траектории диффузии. Первая из них реализуется в научной среде и соответствует скрытому периоду развития инновационной парадигмы, характеризующемуся накоплением знаний о новой технологии. Траектория развития описывает их коммерциализацию, трансформацию знаний инноваторами в технологические и продуктовые нововведения. Формирование массовых рынков инновационных продуктов происходит по траектории диффузии.

Ряд исследователей (Graham at el, 2008; Carlaw, Lipsey, 2011) обращают внимание на то, что новая ТШП не сразу приводит к появлению новых конечных продуктов. Распространение ТШП описывается как передача технологии из сектора, где она создаётся, в другие отрасли, выступающие поставщиками для производства потребительских благ (Bresnahan, Trajtenberg, 1995; Helpman, Trajtenberg, 1998; Carlaw, Lipsey, 2006).

Детальная схема распространения ТШП представлена в (Castellacci, 2010). Различные подразделения производства и сферы услуг выделяются по той роли, которую они играют в обновлении производства на основе нового знания. В цепочке новой ТШП в качестве первого звена выделены поставщики передовых знаний (advanced knowledge providers). Они обладают ключевыми знаниями о новой технологии и располагают возможностями для их приращения. Этот сектор представляют собой ту базу знаний, на которую опирается инновационная деятельность во всех других секторах. Такие поставщики воплощают соответствующие микроэлектронной ТШП знания, во-первых, в компьютеры и программное обеспечение, выполнение исследований и разработок, консультирование, во-вторых, в специализированное машинное оборудование, медицинские, точные и оптические инструменты.

Промежуточное положение занимают поставщики массовых промежуточных продуктов (mass production goods) и инфраструктурных услуг (supporting infrastructure services) для производства потребительских благ (personal goods and services). В (Castellacci, 2010) к поставщикам массовых промежуточных продуктов отнесены такие наукоёмкие отрасли как производство офисной техники, химической и электротехнической продукции, радио-, теле- и коммуникационного оборудования. Кроме того, в качестве поставщиков массовых промежуточных продуктов рассматриваются отрасли со значительным эффектом масштабов производства: производство резиновых и пластмассовых изделий, основных металлов, готовых металлических изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов, транспортных средств и другого транспортного оборудования. Поддерживающие производство инфраструктурные услуги оказывают почта и телекоммуникации, финансовые посредники, страховые организации, оптовая торговля, разные виды транспорта.

Заключительным звеном в цепочке развития ТШП являются поставщики потребительских благ и услуг. К таким поставщикам относятся отрасли, производящие продукты питания, одежду, обувь, мебель, полиграфическую продукцию. Сектор потребительских услуг охватывает розничную торговлю, автосервис, ремонт бытовых предметов, ресторанный и гостиничный бизнес. Эмпирический анализ динамики производительности труда в разных секторах 18 стран-членов ОЭСР за период 1970–2005 гг. показал, что чем дальше отстоит сектор от поставляющего передовые знания ядра новой технологии широкого применения, тем слабее влияние этой технологии на секторную динамику производительности труда. Страны, способные смещать структуру экономики в направлении ядра новой ТШП, получают преимущество в темпах роста производительности. Использующим передовые знания поставщикам массовых промежуточных продуктов и услуг Ф. Кастелаччи (Castellacci, 2010) отводит ключевую роль в производственной цепочке развития ТШП. Специфика секторов, их возможности и ограничения должны учитываться в инновационной политике.

Обращает на себя внимание то, что подобно многим исследователям (см., например, Carlaw, Lipsey, 2007) процесс распространения новой ТШП Ф. Кастелаччи описывает с помощью логистической функции. Показываемый в ряде исследований (например, Aghion, Howitt, 1998, ch. 8) временный спад в экономике при внедрении ТШП связывается исключительно с динамикой развития старой технологии. Однако характер реальных структурных

сдвигов в экономике заметно отличается от монотонного. Так, по данным Бюро экономического анализа США, структурная перестройка экономики США до 1984 г. характеризовалась увеличением доли компьютеров и электронных продуктов в создаваемой в стране добавленной стоимости. Однако к середине 1980-х увеличение этой доли прекратилось и до 1993 г. она даже несколько снижалась. Последовавший подъём рассматриваемой доли сменился весьма глубоким спадом с восстановлением только к 2011 г. Для осмысления возможностей и трудностей обновления технологической базы производства целесообразно ориентироваться на реальную картину структурных изменений в экономике в ходе развития и распространения очередной технологии широкого применения.

Условия развития новой технологии широкого применения

Обратимся к развитию в экономике США микроэлектронной ТШП. О том, что даже в лидирующей стране распространение новой ТШП наталкивается на некоторые барьеры, можно судить по динамике частных инвестиций в компьютеры и периферийное оборудование. Если, по данным Бюро экономического анализа США[84], с 1970 г. по 1975 г. такие инвестиции выросли только в 1,3 раза (с 2,7 до 3,6 млрд долл.), то в 1980 г. они составили 12,5 млрд долл. (рост в 3,5 раза за 5 лет), а в 1985 г. – 33,7 млрд долл. (рост 9,4 раза за 10 лет). Об определённом насыщении промышленности США электронным оборудованием к середине 1980-х свидетельствует снижение доли компьютеров, электронных продуктов, создаваемых в стране, и резкое замедление роста инвестиций в компьютеры и периферийное оборудование. С 1985 г. по 1990 г. эти инвестиции увеличились всего в 1,15 раза. Энергичное наращивание таких инвестиций возобновилось в начале 1990-х. В 2000 г. они возросли 2,7 раза по сравнению с 1991 г.

Годы с середины 1980-х до первой половины 1990-х гг. можно рассматривать как своего рода переходный период в экономике США. К середине 1980-х фактически были исчерпаны возможности простого вкрапления продуктов пятой длинной волны в существующую технологическую базу, в доминирующий технологический уклад. Ещё только начали вырисовываться направления дальнейшего развития микроэлектроники. Однако сохранялась высокая неопределённость относительно перспектив широкой коммерциализации разработок в этих направлениях. В такой ситуации есть свои резоны в выжидательной позиции бизнеса при финансировании исследований и разработок (ИиР).

В переходный период производители компьютеров и электроники фактически заморозили уровень своих годовых инвестиций в ИиР. В 1991 г. такие инвестиции были даже ниже, чем в 1985 г. В то же время продолжался быстрый рост частных инвестиций в ИиР. С 1985 по 1991 г. они выросли более чем на 50 %[85]. Это и позволяет говорить о том, что, ощутив пределы внедрения микроэлектроники в существующие технологические цепочки, бизнес стал искать новые варианты инновационного развития. Выявление перспектив-

[84] BEA (*U. S.* Bureau of Economic Analysis). Table 2.7. Investment in Private Fixed Assets, Equipment and Software, and Structures by Type (http://www.bea.gov/national/FA2004/DownSS2.asp?3Place=N).

[85] BEA US. Table 2.1. Investment in R&D by Type of Funder, 1959–2007.

ных вариантов, накопление критической массы компетенций по ним произошло в начале 1990-х. Но к 2000 г. близким к исчерпанию оказался потенциал и этих компетенций.

Для выявления условий развития новой ТШП рассмотрим на примере экономики США динамику инвестиций в технологию широкого применения, вызвавшую подъём 5-й длинной волны (ДВ). В качестве инвестиций в ТШП этой волны рассматрим вложения в компьютеры, периферийное оборудование, программное обеспечение (Mainframes, PCs, DASDs, Printers, Terminals, Tape drives, Storage devices, System integrators, Prepackaged software, Custom software, Own account software). Источник – Бюро экономического анализа США[86].

Сравним по фазам 5-й ДВ инвестиции в новую ТШП следующих групп отраслей и видов деятельности: *торговля* (Wholesale Trade, Retail Trade); *финансовые и лизинговые услуги* (Credit Intermediation and Related Activities, Insurance Carriers and Related Activities, Rental and Leasing Services and Lessors of Intangible Assets); *информационные услуги* (Broadcasting and Telecommunications, Publishing Industries, Information and Data Processing Services, Management of Companies and Enterprises, Miscellaneous Professional, Scientific, and Technical Services); *зрелые отрасли промышленности* (Oil and Gas Extraction, Wood Products, Nonmetallic Mineral Products, Primary Metals, Fabricated Metal Products, Machinery, Electrical Equipment, Motor Vehicles, Bodies and Trailers and Parts, Petroleum and Coal Products); *электронная промышленность* (Computer and Electronic Products, Computer Systems Design and Related Services).

В начальный период распространения новой ТШП в формирование спроса на неё большой вклад вносят зрелые отрасли промышленности. Как только обнаруживаются признаки их насыщения этой технологией, на первый план выходит спрос от финансового сектора (рис. 1). За 10 лет инвестиции рассматриваемых групп отраслей в новую ТШП увеличились в 4 раза.

Рис. 1. Инвестиции разных групп отраслей в компьютеры, периферийное оборудование и программное обеспечение, 1965–1975 гг., млн долл.

[86] Bureau of Economic Analysis, US, Detailed Data for Fixed Assets and Consumer Durable Goods (http://www.bea.gov/national/FA2004/Details/Index.html).

В середине 1980-х происходит снижение инвестиций в компьютеры, периферийное оборудование со стороны зрелых отраслей, торговли и электронной промышленности (рис. 2). До 1983 года объём спроса, предъявляемого на новую ТШП со стороны зрелых отраслей, не уступает спросу со стороны электронной промышленности.

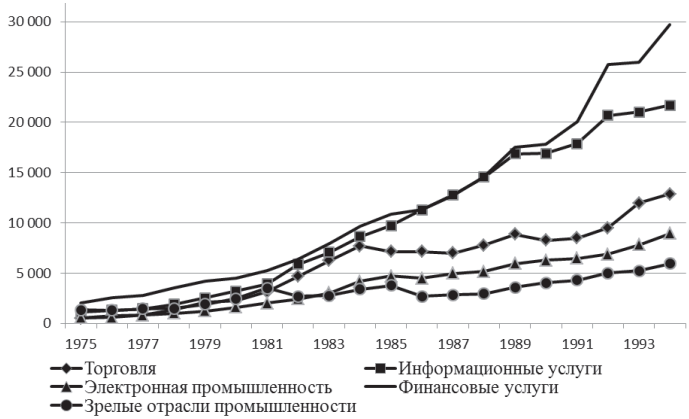


Рис. 2. Инвестиции разных групп отраслей в компьютеры, периферийное оборудование и программное обеспечение, 1975–1993 гг., млн долл.

По данным Бюро экономического анализа США, тенденция наращивания вложений в новую ТШП наблюдалась до 1985 г. в производстве электрооборудования, до 1982 г. в автомобилестроении. После этого и до 1993 г. эти отрасли прекратили увеличивать такие годовые вложения. Но следует учитывать, что продолжали снижаться и цены на компьютеры. С 1985 по 1993 г. – более чем в два раза[87]. Во второй половине 1990-х ведущая роль в формировании спроса на новую ТШП переходит к информационным услугам (рис. 3).

В зрелых отраслях наращивание инвестиций в компьютеры, периферийное оборудование и программное обеспечение наблюдалось до 1982 г. (рис. 2). Обращает на себя внимание, что последовавшее торможение технологического развития зрелых отраслей сопровождалось замедлением роста фондового индекса (*Dow Jones*), охватывающего не только высокотехнологичные компании. Самый большой в процентном отношении обвал индекса произошёл в «чёрный понедельник» 19 октября 1987 года, когда Доу-Джонс потерял 22,6 %. Судя по индексу NASDAQ, активные инвестиции в новую ТШП со стороны информационных и финансовых услуг обеспечили в первой половине 1980-х более быстрый рост котировок акций высокотехнологичных компаний по сравнению с динамикой индекса (Доу-Джонса MSN Money).

Выход зрелых отраслей в начале 1990-х гг. на новые объёмы инвестиций в компьютеры, периферийное оборудование и программное обеспечение (рис. 2) можно рассматривать как следствие тех изменений в этих отраслях, что последовали за интенсивными поисками в предшествующий период новых вариантов их развития. Эти варианты во многом были связаны с приспособлением производства к широкому использованию компьютерной техники в проектировании продукции и управлении технологическими процессами.

[87] BEA. Table 1.5.4. Price Indexes for Gross Domestic Product, Expanded Detail.

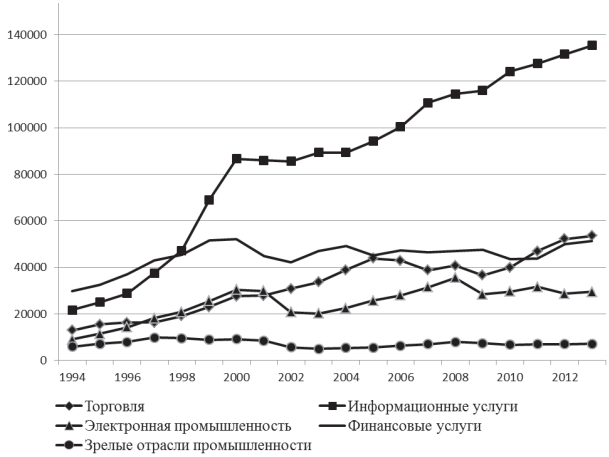


Рис. 3. Инвестиции разных групп отраслей в компьютеры, периферийное оборудование и программное обеспечение, 1994–2013 гг., млн долл.

Такое приспособление потребовало значительных инвестиций в 1980-е гг. в разработку соответствующего оборудования, включая гибкие производственные системы, промышленные роботы и роботизированные комплексы.

В 1998 г. после наращивания в прошлое десятилетие зрелые отрасли снова стали сокращать инвестиции в компьютеры, периферийное оборудование, программное обеспечение. Особого внимания заслуживает производство машин и электрооборудования, во многом определяющее технологический уровень других отраслей. Здесь рост вложений в новую ТШП наблюдался до 1996 г. Наметившиеся до кризиса 2000 г. тенденции сокращения спроса на новую ТШП со стороны ряда отраслей могли бы послужить предупреждением о приближающемся изменении конъюнктуры фондового рынка в сфере тех высокотехнологических производств, что являются поставщиками для этих отраслей.

Заключительные замечания

Анализ закономерностей технологического развития показывает, что первоначально роль новой технологии широкого применения сводится к замене некоторых составляющих уже существующих технологий. Эффект такой замены определяется в основном синергией от внедрения в существующий технологический уклад отдельных фрагментов будущего уклада. В дальнейшем на первый план выходит синергия от взаимодополняющих изобретений и разработок, относящихся к новой технологии широкого применения. В результате их появляются принципиально новые технологии и продукты. Так развивались электротехника и микроэлектроника. На стадии кластеризации инноваций барьеры вхождения на рынок могут достигать запретительной высоты. Здесь сказывается как комплексный характер знаний, располагаемых лидерами, так и капиталоёмкость основывающегося на этих знаниях производства.

Роль государства в формировании нового технологического уклада зависит от фазы его жизненного цикла, от уровня развития экономики, от научно-технологического потенциала страны. Государство в своей политике должно определиться в том, насколько обоснованы претензии страны на лидерство

в технологическом развитии, в каких видах деятельности первоочередными являются задачи догоняющего развития. Значительное отставание в развитии технологий предшествующей волны делает проблематичным повышение конкурентоспособности существующих отраслей за счёт комбинирования старых и новых технологий. Следует учитывать и то, что производства, использующие технологии предшествующей длинной волны, обеспечивают первичный спрос на новые технологии. Без этого спроса трудно развиться, достигнуть эффективных объёмов выпуска и новым производствам.

Наблюдаемая в США и Западной Европе тенденция к реиндустриализации, охватывающей и зрелые отрасли, создаёт предпосылки для широкого внутреннего спроса на новейшие технологии. Государственная поддержка в этих странах репатриации зрелых отраслей фактически оказывается одной из форм протекционизма (протекционизм в сфере спроса) по отношению к новейшим отраслям. Опыт нашей страны показывает неоправданность ориентации государства на логику «технологического толчка». Речь идёт о развитии науки и технологий, оставляя на втором плане логику общественного спроса. Помешать удовлетворению нанотехнологических амбиций нашей страны способна не только инерция её институционального развития. Во многом предопределяя соотношение между инновационной и имитационной активностью, между усилиями по решению задач лидирующего и догоняющего развития, сформировавшаяся технологическая структура экономики фактически является фактором не только технологического, но и институционального развития страны.

Большую роль в стимулировании спроса на инновации играет конкурентная политика. Однако усиление конкуренции не является универсальным средством повышения инновационной активности национального бизнеса. Инновационный эффект конкурентного давления зависит как от структуры рынка (Aghion et al, 2005), так и от дистанции до мировых технологических лидеров. При большом отставании обострение конкуренции чревато угнетающим влиянием на инновационную активность частных компаний.

Так, приход иностранных конкурентов в технологически отстающие отрасли оказывает слабое или даже отрицательное воздействие на национальных производителей (Aghion et al, 2009). Когда дистанция до лидеров велика, не является надёжной ставка и на «институциональный толчок» с помощью конкурентной политики. В таких условиях она может дать обратный эффект. Вместе с тем, конкурентный прессинг полезен при относительной близости к лидерам. Переход к такому прессингу оправдан после модернизации производства. Зарубежный опыт даёт примеры действий в следующей последовательности: национализация – модернизация за государственный счёт – приватизация.

Исключительно сложной является задача выработки инновационной политики в ситуации, когда, с одной стороны, ряд отраслей требует модернизации, с другой стороны, страна располагает значительными заделами в развитии новейших технологий. Даже при наличии таких заделов в экономике может возникнуть инновационная пауза (Полтерович, 2009), но уже не из-за дефицита готовых к коммерциализации научных результатов, а по причине «структурной ловушки». О такой ловушке можно говорить, когда далёкие от передовых технологических рубежей отрасли уступают позиции иностранным конкурентам, а новейшие отрасли не получают развития без поддержки спросом от других отраслей. В этой ситуации не то что лидировать в освоении новой технологии широкого применения, но даже подтягивать к современному уровню уже существующие производства сложно. Чтобы вырваться

из структурной ловушки, активная государственная экономическая политика должна основываться на комбинированной стратегии развития, максимизирующей синергический эффект от модернизации отстающих производств и становления новейших отраслей.

Эта стратегия призвана служить и созданию новых конкурентных возможностей для экономики, и реализации уже имеющихся у неё сравнительных преимуществ. Поэтому принципиальный характер имеет положение – «при выборе приоритетов необходимо не только исходить из прорывных технологий, которыми обладает Россия, но и учитывать её нынешнее положение в мировом разделении труда. Значительная часть российской промышленности, в том числе высокотехнологичной, в обозримой перспективе будет работать на обеспечение потребностей добычи и переработки природного сырья. Модернизация добывающих отраслей, топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов стимулирует развитие многих смежных высокотехнологических отраслей» (О стратегии развития экономики России, 2012, с. 9).

При слабости внутреннего спроса на новую технологию широкого применения некоторые шансы на развитие этой технологии даёт экспорт. Возможности для проникновения с нею на внешние рынки появляются при опережающей коммерциализации научных достижений, не обязательно собственных. Однако воспользоваться этими шансами проблематично без достаточно развитых отраслей, выступающих поставщиками для экспортных производств.

Для устойчивого успеха в соперничестве за технологическую ренту России, кроме концентрации усилий на некоторых прорывных направлениях, необходимо поддерживать высокий уровень компетенции по широкому спектру фундаментальных исследований. Наличие такой науки важно для восприятия чужих открытий, накапливания собственных заделов в соответствующих областях знаний, создания кадрового потенциала для прикладных НИОКР. Это может иметь критическое значение для комбинирования лидирующих разработок с дополняющими нововведениями, учитывающими зарубежные достижения.

Список литературы

1. *Бодрунов С. Д.* (2013) К вопросу о реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России, № 4 (38). С. 5–26.
2. *Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е.* (2013). Реиндустриализации российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России, № 1 (35). С. 19–49.
3. *Глазьев С. Ю.* (2012). Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. № 2. С. 27–42.
4. *Диденко Д.* (2011). Инновационное и догоняющее развитие: две стратегии модернизации российской интеллектуалоемкой экономики // Экономическая политика, № 1.
5. *Киселев А., Царик Ю.* (2013). Постиндустриализм мёртв. Да здравствует новая индустриализация!? (http://www.proektnoegosudarstvo.ru/publications/ 0020).
6. *Кокшаров А.* (2014). Снова «Сделано в Америке» // Эксперт, № 46 (923).
7. О стратегии развития экономики России (из Научного доклада РАН) (2011) // Деньги и кредит, № 12. С. 9–14.
8. *Перес К.* (2011) Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Изд-во «Дело», АНХ.
9. *Полтерович В.* (2009). Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики, № 6.

10. *Ратников А.* (2013). Экономисты заговорили о «новой индустриализации» США. (http://lenta.ru/articles/2013/12/10/usaindustry).

11. *Татаркин А. И.* (2015). Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени (http://econom.psu.ru/kongress.php?clear_cache=Y).

12. *Хвостик Е.* (2012). Аутсорсингу ищут замену. Корпорации начинают возвращать производство в развитые страны // Коммерсантъ, № 15.

13. *Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F.* (2006). Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth // Journal of the European Economic Association, Vol. 4. № 1. P. 37–74.

14. *Aghion A., Bloom N., Blundell R., Griffith R., Howitt P.* (2005). Competition and Innovation: An Inverted U Relationship // Quarterly Journal of Economics, Vol. 120, Issue 2 (May), p. 701–728.

15. *Aghion P., Howitt P.* (1998). Endogenous Growth Theory. – Cambrigde, MA: MIT Press.

16. *Aghion P., Blundell R., Griffith R., Hewitt P. and Prantl S.* (2009). The Effects of Entry on Incumbent Innovation and Productivity // The Review of Economics and Statistics, Vol. 91, Issue 1 (February), p. 20–32.

17. *Bresnahan T. F., Trajtenberg M.* (1995). General Purpose Technologies «Engines of Growth»? // Journal of Econometrics, Elsevier, vol. 65, № 1, pp. 83–108.

18. *Brusoni S., Sgalari G.* (2006). New combinations in old industries: the introduction of radical innovations in tire manufacturing // Journal of evolutionary economics. Vol. 16, Issue 1 (April), p. 25–43.

19. *Carlaw K. I., Lipsey R. G.* (2006). GPT-Driven, Endogenous Growth // Economic Journal, Vol. 116, No. 508, p. 155–174.

20. *Carlaw K. I., Lipsey R. G.* (2011). Sustained endogenous growth driven by structured and evolving general purpose technologies // Journal of Evolutionary Economics, Vol. 21, Issue 4 (October), p. 563–593.

21. *Carlaw K. I., Lipsey R. G., Webb R.* (2007). Has the ICT Revolution Run its Course? // Department of Economics, Simon Fraser University, Discussion Papers 01/2007.

22. *Castellacci F.* (2010). Structural change and the growth of industrial sectors: empirical test of a GPT model // Review of Income and Wealth, Volume 56, Issue 3 (September), p. 449–482.

23. *Freeman C., Louça F.* (2001). As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution. – Oxford: Oxford University Press.

24. *Gerschenkron A.* (1962). Economic Backwardness in Historical Perspective. – Harvard University Press.

25. *Graham S. J.H., Iacopetta M., Youtie J.* (2008). Assessing the Nature of Nanotechnology: Can We Uncover an Emerging General Purpose Technology? // Journal of Technology Transfer, Vol. 33, Issue 3 (June), p. 315–329.

26. *Helpman E., Trajtenberg M.* (1998). A Time to Sow and a Time to Reap: Growth Based on General Purpose Technologies / Helpman E. (ed.). General Purpose Technologies and Economic Growth. – Cambrigde, MA: MIT Press, pp. 55–83.

27. *Hirooka M.* (2006). Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. – Cheltenham, UK – Northampton, MA: Edward Elgar.

28. *Jaideep R.* (2011). Commercialisation of Nanotechnology: Global Overview and European Position. Presented at the EuroNanoForum 2011. May 30. (http://www.euronanoforum2011.eu/wp-content/uploads/2011/09/enf2011_support-commercialisation_raje_fin.pdf).

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Сильвестров С. Н., *директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д. э. н.*

Официальные и экспертные оценки состояния и перспектив мирового развития не только разнообразны и противоречивы, но при этом весьма тревожны. Много неясного в том, как будет развиваться мировая экономическая ситуация и мировое сообщество в целом, так точно названное выдающимся германским политическим философом У. Беком «обществом риска». Все оценки сходятся в одном – мир переживает трудный период переустройства. Происходящие события в чём-то внешне подобны Новому времени и эпохе Просвещения.

Вестфальский договор 1648 г. создал европоцентричное мироустройство, и вместе с другими событиями XVII–XVIII вв. способствовал созданию централизованных национальных государств. Изменения тогда, как и в наше время, охватили традиционные институты, обычаи, идеологию, социальное устройство. Институт королевской власти позволил отобрать и сконцентрировать абсолютную власть в руках суверенного государя, лишив её всех, кого сюзерен сделал своими вассалами. Процессы эти происходили болезненно и противоречиво, сопровождались революциями и войнами.

Первая мировая война – условная историческая грань, когда утвердившийся государственный суверенитет начинает подвергаться сознательно направляемой эрозии. В первую очередь стал снижаться экономический суверенитет. Открывались экономические границы, и средством разрушения этих границ служила либеральная идеология, которая уже сейчас в финансовой сфере привела к снятию большей части ограничений (очередь за налогами и бюджетными системами). Созданы и направленно работают международные институты трансформации, перераспределяя различные элементы государственного суверенитета в пользу наднациональных и глобальных регуляторов.

Постепенно просматриваются контуры новой субъектности мироустройства. В нём государство останется, но только одним из действующих лиц, при этом не всегда равноправным. Но поскольку среди равных всегда есть более равные, перспективы будут определять обладающие устойчивой системой ценностей и собственной идеологией, наиболее экономически и политически сильные государства, а также конгломераты государств. Как и при переходе от феодализма к капитализму, начался процесс, который в перспективе приведёт к длительному периоду поиска новых форм взаимодействия между различными акторами международных отношений. И пока неизвестно, в каких формах это будет проходить и что из этого получится. Можно допустить, что в будущем получит развитие экономическое и политическое взаимодействие сетевых сообществ (государств, корпораций, гражданских организаций) в зависимости от комбинации интересов и преимущественно в кофликтогенных формах. Похоже, что часть глобальной элиты проявит склонность к форме перманентной войны, поскольку абсолютная власть требует абсолютного подчинения.

Понятно, что есть тревожность, вызванная начавшимся турбулентным движением. Такое настроение привело к тому, что на различных форумах

представители ведущих стран пришли к важному выводу: главное, на что сейчас надо сделать упор в институциональном развитии, – это создать новую регулятивную парадигму. Она позволит вписать в систему взаимоотношений различных игроков разного уровня, ориентаций, интересов и мотиваций на основе определённых стандартов, правил, регулирующих норм и технологий, которые будут одобряться на основе консенсуса или по принуждению.

В данном направлении ведёт работу «большая двадцатка» (G20). Группа, возникшая в 2008 г. в качестве неформального совещательного органа, приняла на себя полномочия, отчасти сопоставимые с полномочиями ООН. Она пытается упорядочить процесс трансформации глобального регулирования, установить рамки и придать некоторые направления развития. По инициативе Группы создаются организации, без заключения межгосударственных соглашений, на первый взгляд слабо легитимные. Однако при этом они принимают на себя прерогативы выработки правил поведения в различных сферах экономики для всё ещё суверенных юрисдикций. Отдельный вопрос о том, в чьих интересах и куда направлено развитие. Другими словами, кто сюзерен, и кто станет вассалом. Так это сегодня видится из анализа современной мировой экономики и политики. И из этого вытекает повестка работы над российской экономической политикой, которая должна определить статус государства в происходящих изменениях и безопасный формат его участия в трансформации мироустройства.

Риски и кризисогенность глобального развития

Прокризисное развитие последних десятилетий требует выработки общих кодексов, принципов и правил поведения для всех государственных и негосударственных субъектов мировой политики и экономики в интересах обеспечения устойчивого и безопасного развития. В повестку реформ глобального регулирования поставлено укрепление позиций универсальных международных и региональных организаций, формирование новых глобальных институтов с расширенным числом участников, полномочиями и ресурсами.

Опыт председательства России в G20 в 2013 г. подтвердил, что применительно к российским условиям решение связанных с этой проблемой задач предполагает соблюдение ряда условий. Во-первых, мониторинг и учёт институциональных реформ глобального регулирования мировых рынков, оценку возможного влияния предлагаемых международных норм (т. н. soft law) на национальные нормы и механизмы экономического и правового регулирования. Во-вторых, проведение корректной оценки причин совпадения и взаимосвязей различных кризисов в разных областях экономики, а также сценариев выхода из прокризисного развития. В-третьих, постоянной корректировки российской позиции на основе, предложенной российской стороной «аутрич-стратегии», учитывающей последствия трансформации системы глобального регулирования не только для экономики, но и российского общества в целом.

Если оставить в стороне новые формы проявления и последствия, которые повлёк за собой затянувшийся экономический кризис, многочисленные идентифицированные риски глобального развития очерчивают вероятность возникновения новых кризисных ситуаций. По отношению к ним также необходимо вырабатывать соответствующие стратегии и методы предупреждения и преодоления. Развитие мировой экономики может стать ещё более хаотичным и непредсказуемым, если на неё окажут влияние непредвиденные события,

связанные с реализацией рисков[88]. Последний системный кризис свидетельствует о том, каких разрушительных и глобальных масштабов могут достичь следующие за ним волны кризисов складывающейся новой экономики, какого длительного выхода и какую высокую цену приходится за них платить.

Процессы развития различных трансграничных кризисов в последнее десятилетие показал, что реакция государства и институтов национального регулирования оказалась более острой и быстрой, чем это было в 1980-е и начале 1990-х гг. Тем не менее, источники и причины не изжиты и не преодолены. Главное – не выстроены системы предупреждения и алгоритм действий по отношению к проявлению системных рисков и последствий различных глобальных дисбалансов. Сохраняется и становится ещё более разветвлённой система дисбалансов, как глобальных, так и связанных с ними внутристрановых.

Предполагаемые преобразования должны способствовать поддержанию эффективных финансовых рынков, установлению действительной рыночной дисциплины, ликвидации зависимости банков от государственных финансов, защите потребителей финансовых продуктов, выработке общих принципов и подходов к регулированию деятельности финансовых посредников; совершенствованию макро- и микропруденциального регулирования и надзора.

Влияние кризисов на экономический рост

Финансовые проблемы, возникшие в Соединённых Штатах в 2007 г., широко распространились на развитые и развивающиеся страны и быстро переросли в самый серьёзный глобальный финансовый кризис со времён Великой депрессии. Это привело к интенсивным дискуссиям о последствиях и глубине воздействия финансового кризиса на различные экономические системы.

Вскоре подтвердилось, что последствия для реальной экономики оказались далеко не умеренными. В экономиках большинства стран буквально за считанные месяцы произошло замедление темпов роста и сокращение масштабов экономической деятельности. Эти события выдвинули на первый план многие вопросы о взаимосвязях между реальной экономикой и финансовым сектором во время рецессий и кризисов, об их последствиях для экономических и социальных систем в целом. В этой связи наиболее часто в ходе дискуссий поднимались два вопроса: каким образом, и в какой зависимости изменяются макроэкономические и финансовые показатели в целом и особенно во время рецессий, кредитных ограничений и кризисов, а также во время падения цен на активы (жильё и ценные бумаги)? И действительно ли рецессии, связанные с кредитными ограничениями и ценовыми спадами, обладают особенностями, отличающими их от других рецессий? Для ответа на эти вопросы было проведено эмпирическое исследование связей между ключевыми макроэкономическими и финансовыми показателями и их динамикой их изменений в процессе экономических и финансовых циклов в 21 стране ОЭСР за период с 1960 г. по 2007 г.[89]

---

[88] Отметим лишь некоторые из них: Риск, связанный с дефицитом собственных средств у предприятий реального сектора; риск снижения темпов роста китайской экономики до 6 % ВВП; угроза протекционизма; риск гиперинфляции. Global Risks Report. WEF, 2014. P. 17.

[89] Stijn Claessens, M. Ayhan Kose, и Marco E. Terrones. IMF Papers. № 274. December 2008. IMF

Первоначально были идентифицированы поворотные моменты в поведении этих переменных показателях на основе использования стандартных методов датировки деловых циклов. Документированы 122 рецессии, 112 кредитных кризисов, 114 снижений цен на жильё, 234 падений курсов акций для избранных стран за указанный период. Когда спад, сокращения кредитов или цен на активы попадают в верхние квартили всей совокупности рассматриваемых явлений, то они определяются как жёсткие, глубокие кризисы. В этих случаях анализируются их продолжительность и глубина на основе анализа поведения главных макроэкономических и финансовых переменных различных циклов.

При поиске ответа на первый вопрос определено, что типичная рецессия длится почти 4 квартала и связана со снижением выпуска продукции (снижение пикового показателя) примерно на 2 %. Серьёзный спад, по своей структуре намного сложнее, обходится дороже, характеризуется, в среднем, снижением приблизительно на 5 %, и длится на 1 квартал дольше. В то время, как типичный спад имеет тенденцию приводить к совокупной потере (выпуска продукции) примерно в 3 %, жёсткая рецессия стоит в три раза больше. Большинство макроэкономических и финансовых переменных проявляют проциклическое (усиливают падение) поведение при спаде. При этом спад характеризуется резким снижением (со стороны резидентов) инвестиций, промышленного производства, импорта, цен на жильё и курсов акций, сравнительно умеренным снижением потребления и экспорта, и некоторым сокращением объёма занятости. Два ключевых для регулирования показателя – краткосрочные процентные ставки и финансовые расходы часто ведут себя противоциклически во время спада.

Для некоторых наблюдателей глобальный масштаб текущего кризиса кажется беспрецедентным, поскольку несколько развитых экономик одновременно стали испытывать трудности на кредитных рынках, а также в равной мере падение цен на жильё и на ценные бумаги, прежде всего акции. Однако, эти недавние явления весьма обычны, потому что исторически спады, кризисы и банкротства зачастую происходят в одно и то же самое время в различных странах. Действительно, рецессии во многих развитых странах за последние 40 лет концентрированно произошли в определённое время в течение каждого из четырёх последовательных периодов: в середине 70-х, в первой половине 80-х, в начале 90-х прошлого века и в первом десятилетии 2000-х гг.

При этом рецессии связаны, в ряде случаев, с глобальными шоками для экономик. Как показал опыт многих стран, наряду с рецессиями в равной мере происходит и одновременное сокращение кредитования. Более того, в одно и то же время проявляются тенденции к снижению цен на жильё и акции. Кредитные кризисы, провалы цен на жильё и акционерный капитал, продолжаются намного дольше, чем рецессии. Так, средняя продолжительность кредитного кризиса составляет приблизительно 10 кварталов (2,5 года). Спад цен на активы длится дольше: цены на жильё держатся на низких уровнях в течение 18 кварталов (4,5 года), а на акции в среднем 12 кварталов (около 3 лет).

Спад темпов инвестиционной деятельности значительно больше, чем в темпах потребления. Это явление в равной мере свойственно рецессиям, кредитным кризисам и ценовым спадам в отношении активов. В частности, кредитные ограничения и снижения цен на дома сопровождаются серьёзными сокращениями объёмов инвестиций в жилищной сфере. Есть также свидетельства, подтверждающие, что сокращения кредитования и ценовые спады в жилищной сфере обходятся дороже, сопряжены с большими издержками, чем

спады цен на акционерный капитал. К тому же, последние в меньшей степени увязаны с результатами деятельности реального сектора экономики.

Что касается второго вопроса, то подтверждается точное совпадение рецессий с кредитными кризисами или падением цен на активы. В ходе одной из шести рецессий происходит кредитный кризис и, приблизительно, в случае каждой четвёртой рецессии резко падают цены на дома. Падение цен на акции частично совпадает с каждой третьей рецессией. В свою очередь рецессия, если она происходит, может начаться не позднее четвёртого – пятого квартала уже после начала кредитного кризиса или падения цен на активы.

С точки зрения продолжительности, жёсткости и глубины, можно сделать вывод, что рецессии, связанные с кризисами в сфере кредитования и жилья, являются более глубокими и продолжительными, чем какие-либо иные рецессии. Различия в объёмах совокупных потерь при рецессиях, увязанных с кризисами в кредитовании и жильё, в сравнении с неосложненными рецессиями различаются не более, чем на один процентный пункт. В то же время рецессии продолжаются на квартал дольше при жилищном кризисе. С позиций поведения ключевых макроэкономических и финансовых показателей, жилищные инвестиции имеют тенденцию падать более резко в случае рецессий совпадающих с падением цен на жильё и кредитными кризисами. Показатели безработицы увеличиваются больше в ходе рецессии и депрессии на рынке жилищного жилья.

«Постоянное непостоянство» – характеристика многочисленных вызовов, трудной предсказуемости трансформации многочисленных политических, экономических, социальных, технологических или экологических рисков в кризисы. По многим обоснованным оценкам последних десятилетий выход из нередко совпадающих, различающихся по сферам проявления, кризисов становится всё более сложным и дорогостоящим. Они приобретают всеохватывающий и разрушительный характер. Обозначились контуры мира, требующие от каждого государства, от каждой компании, финансовой или нефинансовой международной организации большей эластичности поведения и адаптивности. Предвидение рисков и предупреждение кризисов становятся приоритетом не менее важным, чем стремление к росту прибыли. А умение демпфировать угрозы с наименьшими затратами является признаком эффективного государственного и корпоративного управления. Вместе с тем, краткосрочные действия необходимо сочетать со стратегическим планированием, определяющим выходы из рисковых и кризисных состояний и приводящим к структурной адаптации, качественным изменениям и к укреплению конкурентоспособности экономики.

«Новый глобальный контекст»

На Всемирном экономическом форуме 2015 г. в Давосе прошли дискуссии в рамках главной темы форума – «новый глобальный контекст». В теме форума просматривается аккуратная замена «нового мирового порядка» на глобальный контекст. В обсуждавшейся теме нашло отражение всеобщее стремление переосмыслить содержание и перспективы мироустройства. Впервые так откровенно и прямо было сказано, что мир стал крайне хрупким, трудно прогнозируемым и неопределённым. Но что больше всего обращает на себя внимание в выводах, так это мысль о том, что мир переходит от привычной кооперации на основе ценностей к взаимодействию на основе комбинации интересов.

Это порождает важный вывод (он есть в работах многих авторов[90]) относительно создания и развития международных сетевых систем, в которых государству начинают отводить подчинённое, равное или пониженное положение. На международную арену активно выходят самые разнообразные негосударственные, корпоративные и международные институты нового толка.

Они формируются не на межгосударственной основе, которая всегда зиждется на определённой политике и идеологии. Государственное взаимодействие без ценностной основы невозможно себе представить. В новой же реальности возникает очень пёстрая абстрактная картина, когда сложно, и иногда невозможно предположить, каким образом будут комбинироваться все эти интересы, кем и как выбираться из них главенствующие. Всё это нарушает некоторые всё ещё существующие мифологемы относительно глобального контекста, в котором каждый участник должен определить параметры своего участия.

Взаимодействие преимущественно идёт между равными. Этот процесс также не точно толкуют как «регионализация vs глобализация». Но здесь проявляются вовсе не пространственные характеристики, а качественные черты глобализации. Ведь глобализация, по сути, – это унификация, которая проявляется в том, что вводятся новые стандарты поведения. И, если, какой-либо регион опережает другие в унификации и сближений норм поведения, то он только демонстрирует новое направление и углубление глобализации, всё более преодолевая, тем самым, ограничения суверенитета. Это понятно: когда действует множество сетевых игроков, возникает вопрос: как весь этот хаос и турбулентность загнать в упорядоченное пространство времени и действий. Ответ: лишь с помощью стандартов, которые принимают взаимодействующие стороны.

В прошлом году на международном уровне принят ряд важных решений, которые у нас остались незамеченными, поскольку внимание было отвлечено кризисом, санкциями и т. д. Так, в Швейцарии под эгидой Совета по финансовой стабильности (FSB) на основе швейцарского гражданского кодекса создана некоммерческая организация GLEIF (Global Legal Entity Identification Foundation). Во избежание возможных рисков дестабилизации финансовой системы, она должна заниматься глобальным мониторингом и идентификацией юридических лиц, осуществляющих финансовые транзакции в международном масштабе. GLEIF является, пусть и важной, но только частью, инструментом целостной системы (Global Legal Entity Identification System – GLEIS) контроля и мониторинга, сбора и трансфера информации (LEI) с региональными и страновыми представительствами (LOUs). В поле зрения этой организации попадают 80 % международных транзакционных сделок в 17 валютах.

Фактически незаметно возник ещё один – четвёртый институт глобального управления: *Совет по финансовой стабильности*, в задачу которого входит создание и координация деятельности организаций, устанавливающих стандарты в отдельных секторах. Их деятельность (Базельского комитета по банковскому надзору, Международной организации комиссий по ценным бумагам, Комиссии по платёжным системам, Комитета по глобальной финансовой стабильности и многих других) подкрепляется опережающим принятием модельных американских решений. Только принятие закона Додда-

[90] Held David/ Democracy and the global Order. From the Modern State the Cosmopolitan Governance. Oxford. Polity Press. 1005$ Ed. by Mike Featherstone. Scot Lash. Roland Robertson. Global Modernities. London>1995$ Attali Jacques. Tous ruines dans dix ans? P. Librairie Artheme Fayard. 2010 etc.

Франка фактически запустило механизмы, по поводу которых на международном уровне ведутся переговоры и постепенно конструируются институциональные аналоги.

Россия является полноправным участником этих переговоров и представлена Министерством финансов Российской Федерации и Банком России. Но напрашивается вопрос: каким образом, приняв эти акты и имплементируя их в наше внутреннее законодательство, мы будем в состоянии сохранять собственную стабильность и финансовую безопасность? Необходимы экспертные и аналитические фильтры, позволяющие вынести соответствующую оценку последствиям принятия или не принятия международных регулятивных норм. Отстраниться от участия в этих процессах выстраивания «нового глобального контекста» невозможно, но и принимать без оговорок и активного соучастия нельзя. Нужна деятельная позиция и собственная стратегия участия в подобных процессах с ясным пониманием собственных интересов и возможностей. Как раз с этим у нас есть проблемы и, что особенно важно, нет прозрачности в принятии решений.

Ещё один аспект «глобального контекста». Развитые страны ищут способы преодоления недостатков и ошибок кризисного регулирования на прежнем этапе кризиса. Предлагается усилить контроль за трансграничными сделками глобальных системно значимых финансовых институтов и перейти от модели, при которой убытки финансово-банковских структур оплачиваются налогоплательщиками, подрывая бюджетную сбалансированность («bail out»), к модели компенсации потерь за счёт их вкладчиков и акционеров («bail in»). Нечто похожее уже испытано на ряде американских банков, испанском банке «Bankia». Наиболее показательный пример – «стрижка депозитов» в банках Кипра.

И вновь возникает вопрос, что в большей степени должно тревожить: угроза санкций или уровень самодеятельности и активности российских финансовых институтов в качестве соучастников и разработчиков нормативной базы новой формирующейся системы взаимоотношений, где должны отстаиваться собственные интересы. Для этого следует знать свои интересы, понимать, к чему они ведут, и их консолидировано реализовывать в предлагаемых нами документах на международных переговорах. Это огромная по сложности задача, которая совершенно по-другому должна осознаваться и восприниматься нашей элитой и меритократией, чтобы ответить на вызовы глобального развития и вписаться в «новый глобальный контекст».

Вызовы и возможности экономического развития России

В кризисогенной мировой экономике российская экономика находится перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития. Спектр таких вызовов настолько широк, что в определённом смысле охватывает все сферы и направления развития экономики. Основными источниками угроз для неё на современном этапе выступают риски, связанные с накопленными диспропорциями в структуре экономики, и, прежде всего, в промышленном производстве. Возможности динамичного роста при слабо диверсифицированной структуре экономики близки к исчерпанию. Уровень открытости экономики обострил для системы госрегулирования проблему обеспечения устойчивого и безопасного развития.

Кризис экспортно-сырьевой модели развития российской экономики при её чрезмерной открытости, как и предсказывалось неоднократно, полностью проявился замедлением замедления роста мирового спроса на углеводороды в связи с активным развитием «зеленой» экономики, внедрением альтернативных видов топлива и энергии и вялым ростом мировой экономики. Уже сейчас экспорт сырья практически не растёт. В то же время на ряде внутренних рынков продукции обрабатывающей промышленности продолжается экспансия конкурирующего импорта. К началу кризиса 2008 г. значительное расширение внутренних рынков, достаточное для обеспечения экономического роста в 7 %, в основном трансформировалось не в повышение объёмов внутреннего производства, а в увеличение высокотехнологичного импорта. Объём импорта машин, оборудования и транспортных средств с 2000 г. увеличился почти в десять раз. Согласно статистическим данным, темпы роста импорта устойчиво превышают аналогичные показатели экспорта в 2–2,5 раза, что в ближайшей перспективе приведёт к отрицательному сальдо платёжного баланса. Такая оценка содержалась уже в прогнозе к проекту федерального бюджета на период 2014–2016 гг.

Возросла технологическая уязвимость ТЭК, добыча нефти и газа во все большей степени осуществляется на ввозимом оборудовании. Такая же ситуация и в других отраслях экспортной специализации страны – металлургии, химии, нефтехимии, добыче и переработке лесных ресурсов, военной технике. Утрата собственной технологической базы в основных экспортных отраслях закрепляет страну в качестве сырьевого придатка развитых экономик. Хотя по объёму ВВП Россия практически и достигла дореформенного уровня, отрасли обрабатывающей промышленности, прежде всего, высокотехнологичный сектор промышленности, существенно отстают по масштабам конца 80-х гг.

На этом фоне пока без ответов остаются технологические вызовы. Они связаны с новой волной технологических изменений, резко усиливающей роль инноваций в социально-экономическом развитии и обесценивающей многие традиционные факторы роста. Модернизация на основе национальной инновационной системы, обеспечивающей коммерциализацию интеллектуального сырья, так и осталась не реализованным призывом. В сфере производства современные и прогнозируемые вызовы чреваты потерей позиций на рынках продукции обрабатывающей промышленности, в то время как в странах – технологических лидерах ожидается качественный рывок. Конвергенция высоких технологий в сферу производства в странах-лидерах затрудняет для России позиционирование на развитых рынках. В дополнение современные производственные технологии начинают мигрировать в развивающиеся страны, производители которых опережают российских по соотношению «цена/качество».

В сфере безопасности технологические вызовы выступают как угроза критического отставания от развитых стран по качественным параметрам вооружений и военной техники (комплексная информатизация, аэрокосмические технологии и др.), а также от держав «второго эшелона» (КНР и других) – по количеству вооружений, хотя и Китай в прогнозный период может заметно улучшить и качество своей военной машины. Фундаментальный вызов – возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и сотрудничества. Ответ на этот вызов предполагает преодоление сложившихся негативных тенденций в развитии человеческого потенциала.

Остаётся достаточно высокой доля нерыночного сектора, который вносит серьёзные искажения в мотивацию деятельности хозяйствующих субъектов. До сих пор некоторые отрасли характеризуются низким уровнем конкуренции. Не уменьшаются масштабы неустойчивой занятости экономически активного населения. Непрозрачной остаётся деятельность субъектов естественных монополий. Другим проявлением неэффективной структуры российской экономики является низкая доля малых и средних предприятий, особенно инновационных.

В научно-технической сфере, несмотря на предпринятые в предкризисные годы попытки формирования национальной инновационной системы, сохраняется сложное положение. Так, крайне низок уровень использования результатов отечественных научных исследований и разработок в организации выпуска наукоёмкой продукции на российских предприятиях, в то время как многие их них находят свой спрос у зарубежного потребителя. Отсутствие эффективных связей между наукой и производством не позволяет российской экономике эффективно конкурировать в наукоёмких отраслях и отраслях с наиболее высоким уровнем добавленной стоимости. Серьёзную угрозу научно-технологическому развитию создаёт замедление темпов воспроизводства научных кадров.

В ближайшее десятилетие развитые страны перейдут к формированию новой технологической базы экономики. Для России отставание в развитии такой базы резко снизит глобальную конкурентоспособность российской экономики, может окончательно превратить её в периферию мировой экономики. Далеко не исчерпывающий перечень вызовов создаёт качественно новый формат социально-экономического развития России, резко отличающийся не только от 60–80-х или 1990-х гг., но и от первого десятилетия 2000-х. Возникает нелинейный характер взаимоусиления рисков. Накопление критической массы рисков может привести к необратимым негативным процессам в развитии страны.

Основными характерными чертами мировой экономики до 2030 г. могут стать: распространение современных природоподобных технологий и технологических систем в развивающихся странах и превращение Китая и Индии в главные локомотивы мирового роста; старение населения в развитых странах на фоне быстрого роста населения в развивающихся странах; расширение инноваций нового поколения, усиление их влияния на экономическое развитие; преодоление энергетических барьеров роста за счёт повышения энергоэффективности и использования альтернативных источников и видов энергии; усиление ограничений роста, связанных с биосферными факторами, ухудшением экологии, глобальным дефицитом пресной воды и изменением климата.

В долгосрочной перспективе, несмотря на возможное возникновение в будущем кризисных ситуаций, подобных финансовому кризису 2008–2011 гг. согласно прогнозам международных экономических организаций, сохранятся достаточно высокие темпы развития мировой экономики, со среднегодовым приростом мирового ВВП на уровне 3–4 %. Экономический рост будет обеспечиваться, главным образом, за счёт развивающихся стран, прежде всего, Китая и Индии, на долю которых придётся более трети мирового роста. Развитые страны сохранят низкие темпы роста в пределах 1,5–2 % в год.

В то же время в долгосрочной перспективе сохраняются риски торможения роста мировой экономики, которые могут быть вызваны: исчерпанием коммерческого эффекта инновационной волны 80–90-х гг. XX в., опиравшейся на массовую компьютеризацию на основе развития микроэлектроники,

распространение Интернета и телекоммуникационных систем; замедлением роста китайской экономики в результате повышения издержек внутренней перестройки, и переориентацией на внутренние источники роста; реструктуризацией мировых финансовых и валютных рынков, которые могут сопровождать перераспределение финансовых потоков в пользу азиатского центра роста и корректировку дисбалансов в финансовой системе США (огромного дефицита торгового баланса и дефицита бюджетной системы); ростом мировых цен на сырьё, энергоносители, воду и лесные ресурсы в условиях роста конфликтов вокруг дефицитных энерго- и водных ресурсов и усиления борьбы за контроль над дефицитными стратегическими ресурсами между национальными правительствами и международными компаниями и поддерживающими их наднациональными институтами; нестабильностью поставок основных видов сырья вследствие роста угрозы социальной нестабильности из-за наличия в мировой экономике больших зон бедности и отсталости; кризисом суверенных долговых обязательств; снижением темпов роста мировой торговли из-за возможной волны усиления протекционизма, направленной на устранение дисбалансов в трансграничных экономических связях и обеспечение стабильности ведущих национальных экономик.

Сохранение в прогнозируемый период опережающих темпов развития высокотехнологичного комплекса в мире диктуется тремя факторами. Во-первых, истощением легкодоступных и рентабельных стратегических природных, прежде всего, энергетических ресурсов. Во-вторых, обострением характера и методов глобальной конкуренции стран и ТНК за доступ к этим ресурсам. В-третьих, происходящим глобальным демографическим сдвигом[91]. Для России сложность задачи инновационного прорыва состоит в том, что её решение имеет двойную цель: стимулирование роста нового уклада, модернизация базовых секторов экономики, в первую очередь – энергетической и транспортной инфраструктуры путём внедрения технологий 5-го технологического уклада и, по мере появления, – следующего поколения технологий. Кроме того, модернизация этих секторов является мощным мультипликатором инвестиций и инновационного обновления всех связанных с этим процессом отраслей.

Тупики экспортно-сырьевой модели развития

Высказываются разные взгляды на то, в какие сроки, как и насколько удастся достичь поставленных целей. Но большинство сходятся во мнении о безальтернативности инновационного развития, как единственной возможности, позволяющей уйти от шоков сложившейся модели в условиях повышенной кризисогенности мирового сообщества. Вместе с тем, на этом пути существуют, как это показывает опыт многих стран, использовавших и использующих, как ныне Россия, выгоды изобилия природных богатств, типовые ловушки и тупики, которые невозможно игнорировать.

---

[91] Северная Америка и СНГ имеют сопоставимую ресурсную базу. Европа, Южная Азия и АТР – наиболее ресурсно-дефицитные регионы (с учётом потребностей), их население в разы больше населения России. Численность населения в Южной Азии превышает численность населения России в 12, в странах АТР – в 16 раз, в Европе – в 4 раза. Если в АТР и Южной Азии не произойдёт никаких природных катаклизмов или экономических катастроф, серьёзно влияющих на численность населения и мощь государств, Россия ничего не сможет противопоставить давлению со стороны соседей и ассимиляции населения при инерционном варианте развития.

Исследования подтверждают взаимозависимости между экономическим ростом и изменениями структуры и качества элементов национального богатства, проведённые международными экономическими организациями (ОЭСР, Мировой банк, МВФ), различными исследовательскими центрами (например, норвежским ECON Centre). Анализ развития более сотни стран за почти 50 лет показал, что сырьевая модель тормозит экономический рост. Это связано с последствиями «голландского синдрома» и просчётами недальновидной экономической политики, использованием экономической ренты и снижающимся качеством человеческого и социального капитала.

В большом числе стран в период с 1960-х гг. доля первичного сектора в занятости обратно пропорциональна уровням экспорта, внутренних и иностранных инвестиций, образования и напрямую связана с увеличением внешнего долга, ростом импорта, коррупцией и дифференциацией доходов различных социальных групп. Кроме того, сравнительные данные показывают, что доля первичного сектора в занятости обратно пропорциональна экономическому росту на душу населения. Однако, как делают выводы многие эксперты, эти следствия объективно не предопределены. Подобные зависимости – следствие качества экономической политики, управления природными ресурсами и структурой национального богатства в целом.

Так можно ли построить долговременную стратегию устойчивого роста благосостояния, формирования инновационной и конкурентоспособной экономики на основе преимущественного использования природных ресурсов? Исследования показали, что значительное природное богатство при отсутствии продуманной долгосрочной стратегии и соответствующего регулирования в перспективе замедляет экономический рост, снижает его качество. Более того, рост благосостояния в краткосрочной перспективе, в дальнейшем способствует снижению темпов экономического роста.

В странах с ограниченными природными ресурсами темпы экономического роста в 1970–1995 гг. были намного выше, чем в других странах, более одарённых природой. При этом оказалось, что темпы экономического роста выше в более крупных (по численности населения) странах по сравнению с меньшими по размеру странами. Это, возможно, свидетельствует о том, что небольшие страны с ограниченным внутренним рынком обычно имеют более низкие темпы роста, если они не принимают мер для компенсации неэффективности малых масштабов внутренней экономики путём наращивания внешней торговли. Страны с более ёмкими рынками не должны испытывать такой потребности в открытии экономики. Заметим также – во всех группах стран-производителей сырья экономический рост ниже, чем в среднем в мире.

Приведённые доводы не являются достаточным основанием для окончательного вывода, что сырьевая ориентация производства жёстко детерминирует отрицательное влияние на экономический рост. Рост также зависит от множества других факторов, которые необходимо учитывать. Нельзя исключить допущение, что экспорт сырья влияет на другие экономические факторы (такие как: общий неблагоприятный объём экспорта в целом за счёт снижения экспорта готовой продукции, инфляция и распределение дохода). Эти факторы, в свою очередь, косвенно снижают темпы экономического роста. Так, значительный экспорт приводит к высокому уровню импорта – не только товаров, услуг и капитала, но и технологии и знаний – и, тем самым, прямо или косвенно стимулирует экономический рост. Таким

образом, открытая экономика обычно растёт быстрее, чем закрытая при прочих равных условиях[92].

Для выяснения коренных причин этого явления нужен многомерный анализ. Он позволяет установить взаимосвязи долгосрочных экономических показателей в группе стран с различными синхронными переменными. Регрессионный анализ синхронных данных и временных рядов (проведён норвежским Центром экономического анализа), подтверждает, что производство сырья существенно снижает с течением времени темпы экономического роста в разных странах, даже если исходный доход на душу населения, инфляция и другие параметры остаются неизменными[93]. Таким образом, когда доля производства сырьевых экспортных товаров в общем объёме экспорта страны возрастает на 25 % (например, с 25 до 50 %), экономический рост на душу населения в долгосрочной перспективе замедляется на 0,5–1 % в год, а доля экспорта (отношение экспорта товаров и услуг к ВВП) одновременно сокращается на 6 %[94].

Анализ влияния фактора естественных ресурсов на экономический рост и развитие – явление, возникшее сравнительно недавно. Проведённые ВБ в 1970-е и 1980-е гг. эмпирические исследования экономического роста не поднимали этот вопрос[95]. В 1990-е гг. впервые проведены исследования долговременной связи между производством, базирующемся, преимущественно на природных ресурсах, и ростом. Появление таких исследований – результат более глубокого теоретического понимания проблем экономического роста. Теория эндогенного роста стала основой новых эмпирических данных только после 1990 г.

Установлены более сложные зависимости между характером и содержанием экономического развития, качеством, структурой национального дохода. Выявлены особенности роста нефтедобывающих стран, к числу которых принадлежит Россия. Решающий толчок этим разработкам дали нефтяные кризисы 1970-х и 1980-х гг. Сделанные выводы позволили уточнить вектор развития экономики в условиях ресурсного дефицита и резких ценовых колебаний на мировых рынках. Выводы следующие: доля произведённого капитала в совокупном богатстве фактически постоянна по всем доходным группам стран; с ростом доходов доля естественных активов в совокупном богатстве, как правило, сокращается, а доля нематериальных активов растёт; величина естественных активов на душу населения в богатых странах выше, чем в бедных, а доля в национальном богатстве гораздо меньше.

Ещё одно обстоятельство имеет концептуальное значение – тенденции в использовании национального богатства показывают, что крупные экспор-

---

[92] Easterly, William and Stanley Fischer/ W. B. Economic Review, 1995, № 3, P. 341–371 и Easterly and Ross Levine, Africas Growth Tragedy//Quaterly Journal of Economics.1997,112, Nov., P1203–1205

[93] Easterly, W. The Ways and Sorrows of Openness: A review Essay. Ch.3 in Oosterman, M. (editor) The Determinants of Economic Growth. Kluwer. 2000

[94] Gylfason, T., Herbertsson T.and Zaega. G. A mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth // Macroeconomic Dynamics, 1999, June, PP.204–215. Sachs, J and Warner, A., Natural Resources Intensity and Economic Growth / in Development Policiies in Natural Resource Economies, Edward Edgar, Cheltenham, UK & Northhampton, Massachusets. 1999

[95] Chenery, H and Syrquin, M. Patterns of Development, 1950–1970. London: Oxford University. Press. 1975. Chenery, H., Robinson. S. and Syrquin, M. Industrialization and Growth/ A Comparative Study // Oxford Un Pree &World Bank. 1986; Booming Sector and Dutch Deseas Economics: Survey and Consolidation// Oxford Economic Papers, 1984. № 36, P. 359–380

тёры природных ресурсов нередко проедают природное богатство. Экономическая система, в основе которой лежит «лёгкая» рента, имеет меньше стимулов к эффективному использованию человеческого и производственного капиталов. Более того, в ряде специальных исследований показано, что естественные активы могут даже вытеснять человеческий капитал. При включении в международные сопоставления стран-экспортёров, в том числе России, картина по миру в целом выглядит так: на естественные активы приходится 5 % от совокупного богатства, на произведённые активы – 18 %, а на нематериальные активы – 77 %.

Что касается России, то в структуре национального богатства сильно доминируют материальные активы, доля которых составляет 85 %. Из них 44 % – природный капитал, включая, прежде всего минеральные ресурсы, на которые приходится свыше 2/3 (68 %) всех естественных активов. На произведённый капитал (включая городские земли) приходится 41 %, а на остаточные нематериальные активы, в первую очередь человеческий капитал – всего 15 %.

Представляется, что развитие стран с богатыми ресурсами, имеющих экспортно-сырьевую модель экономики, сопровождается проблемами, сдерживающими модернизацию экономики, её социальную и инновационную ориентацию. В годы низких темпов экономического роста национальное богатство истощается. Экономическое развитие характеризуется неровным темпом, обусловленным не только непоследовательной экономической политикой, но и колебаниями цен на сырьё. Цены основных сырьевых товаров гораздо более подвержены колебаниям, чем цены остальных товаров и услуг в целом. Это означает, что для стран, богатых ресурсами, характерна большая изменчивость экспортных поступлений и экономическая нестабильность по сравнению с другими странами. За подъёмами следует быстрый рост, а иногда и инфляция. Во время спадов часто принимаются меры по снятию остроты проблем экспортных отраслей, иногда включая девальвацию валюты и иностранные займы – в результате инфляция высока, как в «худые», так и в «тучные» годы.

Когда экспортно-сырьевая экономика сталкивается с трудностями вследствие чрезмерной эксплуатации ресурсной базы, особенно, не возобновляемой, внешний импульс может быть сокрушающим, так как способность экономики переносить потрясения приблизительно обратно пропорциональна доминирующему положению сырьевого сектора в экономике в период успешного роста и благополучия. Обратной связи между природными ресурсами и устойчивым инновационным долгосрочным ростом имеется ряд объяснений: «голландский синдром», который ведёт к повышению реального обменного курса или заработной платы и усиливает нестабильность обменного курса, что вызывает сокращение экспорта и замедление экономического роста; недостаток внимания к качеству человеческого капитала, что, возможно, связано с в целом более низкими требованиями сырьевого сектора к уровню науки, технологий и образования по сравнению с другими отраслями; извлечение экономической ренты, которое отвлекает внимание и усилия власти и общества от создания нового качества богатства, переключая их на непродуктивную деятельность; недостатки экономической организации и политики, которые могут быть результатом обманчивого чувства безопасности и стабильности.

Направления адаптации российской экономики

Проблему российского прокризисного развития следует рассматривать исключительно в глобальном контексте. Прежде всего, потому, что открытость российской экономики в сложившейся ситуации становится весьма опасной. Так сложилось, что степень её открытости в 2,5–3 раза выше по сравнению с общемировым уровнем влияния внешних факторов на формирование ВВП, доходной части государственных финансов, монетизацию экономики, технологическое развитие и т. д. Экономическая политика и экономическое поведение должны быть иными, если мы видим нашу страну в будущем. Реакция на санкции и развитие импортозамещения, безусловно, задачи крайне важные. Однако они не цель, а следствие недальновидной политики, не учитывающей весь комплекс равнозначных вызовов для чрезмерно открытой экономики. И это сейчас является главным политическим вопросом.

Нынешний российский кризис – это в значительной мере результат потерянной способности видеть отдалённую перспективу, когда предпочтение отдаётся исключительно тактическим действиям по принципу «импульс-реакция». Кажется, каждое ведомство и министерство добросовестно выполняют часть общей работы, но действуют несогласованно и разрозненно. И общей стратегии действий, основанной на видении хотя бы среднесрочного будущего, не просматривается. Концепция социально-экономического развития до 2020 г. не актуальна во многих частях и разошлась с реальностью, корректировка же не удалась. Переход к плавающему валютному курсу, таргетирование инфляции в нынешнем виде, затухание инвестиционного процесса в отсутствие стратегии развития дестабилизировали выскомонополизированную открытую экономику.

Отдельные локальные действия могут быть очень правильными, но следует обратить внимание, что стратегические крупные вопросы остаются не решёнными и общая картина развития смутной. Показательный пример – многочисленные заявления о переходе к экономике на основе инновационного развития. С начала нулевых годов мы говорим о необходимости перехода к инновационной модели развития. Вскоре, однако, устали от слова «инновационный», затёрли его, стали стесняться использовать. Произошло это от того, что ни одна стратегия, ни одна программа сначала до 2010 г., затем до 2015 г. по созданию, например, инновационной инфраструктуры, национальной инновационной системы, по научно-техническому развитию практически не доведены до конца.

Вместе с тем, институты развития инновационной экономики созданы и работают. Но они практически блокируются инерцией прежней модели финансовой стабилизации, на которую преимущественно сориентирована экономическая политика. Кроме того, у власти, видимо, есть боязнь неопределённости, которая может возникнуть в период перехода к иной модели развития.

Хватит ли сил удержать экономику на весу? Этот момент очень опасный, требует согласованного стратегического манёвра, одновременного решения равновеликих по значимости вопросов. Должна быть определённая мобилизация ручного управления. Но не такого, как сейчас: следуем за событиями, бросаем ресурсы туда, где возникает критическая ситуация. Нет, ситуация диктует необходимость такого управления с точным пониманием того, какие стратегические результаты мы хотим получить. Можно его назвать так: «руч-

ное управление формированием будущего». Для этого нужна высокопрофессиональная команда, видение будущего и стратегическое целеполагание.

Такой подход серьёзно обсуждался ещё в конце 90-х гг. В качестве возражения или сомнения часто говорили: да, налоговую систему и межбюджетные отношения надо менять, но что произойдёт с бюджетом, как страна переживёт этот финансовый год? Понятно, что переходить из одной колеи в другую лучше тогда, когда накоплены ресурсы, есть подушка безопасности. Подушка безопасности, и не одна, появилась, а переход не произошёл.

Главная проблема адаптации российской экономики в современных условиях – выбор такого типа модернизации, который не даст стране выпасть из исторического времени и позволит провести системные изменения в российской экономике в сроки, учитывающие темпы глобальной модернизации. Такой тип модернизации содержательно должен охватывать совместные усилия корпоративного сектора, институтов государства и гражданского общества в четырёх взаимосвязанных направлениях. Во-первых, в стратегическом целеполагании и планировании для реализации крупномасштабных новаторских проектов, направленных на всестороннее ресурсосбережение и внедрение технологических платформ более продвинутых технологических укладов. Во-вторых, в системном использовании лучших практик налогово-бюджетного и денежно-кредитного регулирования развития национальной инновационной системы и модернизации на основе коммерциализации технологий. В-третьих, в сбережении и повышении качества человеческого капитала на основе модернизации модели распределительных и перераспределительных отношений. В-четвёртых, в реализации не только процессного, но и проектного подхода к регулированию и управлению. Без отлаживания системы отношений между участниками модернизационного процесса не может быть реализован ни один крупный проект, невозможно избежать расточительного расходования ресурсов и непрозрачности принимаемых решений и ответственности за их выполнение.

Административная форма организации процессов в экономических отношениях давно распалась, незрелые рыночные механизмы российской экономики самостоятельно отладить новую систему не в состоянии. Такая система, как показывает опыт всех развитых стран, опирается на комплекс постоянно совершенствуемых правил, стандартов и общих процедур. Они обеспечивают устойчивость качества не только производства, но, и это главное, управления на государственном и корпоративном уровне, способствуют консолидации усилий и сбережению ресурсов, повышению социальной ответственности и экологически устойчивому развитию. Последнее направление, в котором необходимо ускоренно предпринимать особые меры, находится на периферии всех стратегических разработок и предложений по модернизации. И тем самым ставится под сомнение не только успешность любых иных предложений и проектов, но и участие России в процессах глобальной модернизации.

Именно проблеме создания базовых и рамочных условий для взаимодействия участников модернизационного проекта на основе общепринятых правил и стандартов организации и управления процессами устойчивого развития в конкурентной и изменчивой глобальной среде должно уделяться основное внимание при реализации экономической политики. Вместе с тем её новой задачей становится учёт адаптации вновь формируемых международных норм и правил, обеспечивающих конкурентоспособность экономик и корпораций.

Для успеха модернизационного проекта необходимо отладить взаимосвязанные системы рамочного регулирования экономики: технического ре-

гулирования; стандартизации и унификации; сертификации и аккредитации. Применительно к российским реалиям решение связанных с этой проблемой вопросов предполагает соблюдение двух условий. Во-первых, учёт институциональных реформ глобального регулирования мировых рынков и их влияния на национальные нормы и механизмы экономического и правового регулирования. Во-вторых, проведение корректной оценки опыта кризисного развития экономики и сценариев посткризисного развития.

Экономический кризис стал серьёзным испытанием для государственного управления. Собственно, государственная антикризисная политика – это система мер, направленная на минимизацию потерь в период протекания кризиса и скорейшее восстановление устойчивого экономического роста. Эффективная антикризисная политика может рассматриваться в нескольких измерениях. Во-первых, как антициклическая политика, направленная на регулирование совокупного спроса и предложения с целью минимизации возможных дисбалансов между ними и предотвращения, либо максимального снижения глубины и продолжительности циклических кризисов перепроизводства. Во-вторых, как политика по снижению негативных последствий кризиса для широких слоёв населения. Наконец, в-третьих, важнейшим направлением антикризисной политики развитых государств являются меры по преодолению депрессии, восстановлению устойчивого экономического роста с последующим переходом к более качественному росту. Собственно, выход на устойчивый экономический рост (докризисные темпы) и означает преодоление экономического кризиса.

Разработка эффективных мер по блокированию депрессии и возобновлению экономического роста является наиболее сложной составляющей антикризисной политики и предполагает учёт комплекса факторов состояния и развития экономики. Любой международный экономический кризис по-разному влияет на различные страны, при этом на самых слабых (наименее конкурентноспособных) он воздействует наиболее болезненно. Россия сталкивается практически сразу со всеми негативными аспектами. Важно отметить две причины, формирующие условия развития кризисных явлений в российской экономике.

Для России мировой финансовый кризис выразился в резком сокращении внешних источников финансирования экономики, в невозможности заменить внешние рынки сбыта сырьевой продукции переориентацией на внутренний рынок. Сокращение произошло в условиях неспособности российской финансовой системы генерировать собственные финансовые ресурсы для устойчивого экономического роста, высокой импортной зависимости по основным ресурсам. Вторая причина имеет глубокий внутренний характер и связана с экспортно-сырьевой моделью экономического роста и деиндустриализацией страны.

Докризисная модель экономической динамики не может рассматриваться как достаточно устойчивая в долгосрочной перспективе, поскольку не основывается на росте наиболее прогрессивных отраслей национального хозяйства. В результате, в России кризис только на поверхностный взгляд имеет одинаковую природу с тем, что происходит в экономически развитых странах с диверсифицированными экономиками. Динамика и устойчивость экономики обеспечивалась исключительно допингом высоких мировых цен на энергоносители и узкую группу сырьевых полуфабрикатов. Если такой допинг исчезает на время большее, чем необходимо для поддержания устойчивости надутого ценово-

го пузыря (а в период предыдущего цикла цены на нефть падали 16 лет – с 1983 по 1999 гг.!), он лопнет, потянув за собой и остальные сектора национального хозяйства. Это означает высокую вероятность наступления экономического коллапса. Это подтвердил 2008 г., и подтверждает нынешнее положение дел. И нет оснований прогнозировать иной исход, если произойдёт перерастание глобального энергетического риска в большой энергетический кризис.

В перспективе нельзя также исключить появление и нарастание дефицита добываемой сырой нефти. Сначала временный, а затем постоянный. Это может вызвать масштабный экономический кризис, к преодолению которого практически никто не готов. Первый «технический потолок» добычи, иначе называемый peak oil, может быть достигнут, если производство временно будет меньше объёма спроса из-за недостаточного финансирования геологоразведки и промышленного освоения новых месторождений. Второй, или «абсолютный peak oil» показывает тот момент, когда половина всех предполагаемых мировых нефтяных запасов будет использована и когда начнётся действительное истощение месторождений. Другой потолок в добыче нефти – технический – будет достигнут довольно скоро. Экономический кризис ограничивает инвестиции в геологоразведку, что неизбежно приведёт в среднесрочной перспективе к снижению объёмов нефти, предлагаемой на мировых рынках.

Сложившаяся в России ситуация накладывает серьёзные ограничения и на возможности антикризисной политики. Деградация в 90-е гг. производственной структуры российской экономики во многом была вызвана неадекватной сложившемуся уровню её конкурентоспособности чрезмерной открытостью национальной экономики. Инструментом такой открытости стало преждевременное введение широкой конвертируемости национальной валюты. Продолжается процесс примитивизация неконкурентоспособной российской промышленности, что увеличивает технологические риски для устойчивого развития.

Высокий уровень открытости экономики продолжает сдерживать преодоление экономической стагнации. Такие ограничения будут порождаться не только низкой конкурентноспособностью российской промышленности, но и сохраняющимися, в рамках сложившегося эмиссионного механизма, ограничениями для мобилизации финансовых ресурсов на осуществление модернизации и выхода на новый качественный уровень конкурентоспособности.

Противоречивость экономической политики Правительства Российской Федерации – понимание необходимости модернизации экономики, как главного условия выхода на устойчивый рост,[96] с одной стороны, и приоритетность

[96] Ряд экономистов и политиков указывают на несвоевременность и/или невозможность существенных инвестиций в модернизацию в условиях кризиса – хватило бы средств для поддержания на плаву того, что есть. Однако это означало бы потерю драгоценного времени, в течение которого ведущие экономики мира, включая Китай, вышли бы на новый технологический уровень, тем самым, ещё более ухудшив конкурентные позиции российских производителей. О том, что эти страны действуют именно в указанном направлении, свидетельствуют их антикризисные программы, которые предусматривают оказание активной помощи развитию энергоэффективных и энергосберегающих технологий и производств, возобновляемой энергетики, энергетической и транспортной инфраструктуры, которым выделяется значительная, а в ряде случаев преобладающая часть средств, поскольку именно эти сегменты экономики отличаются повышенным мультипликатором создания рабочих мест и добавленной стоимости и инновационным потенциалом. Доля инвестиций на эти цели в указанных программах составила: в США – 12 %, ФРГ – 13 %, Франции – 21 %, а в Китае – 38 %, в Южной Корее – 81 %!

расходования финансовых ресурсов на поддержание текущих расходов и финансового сектора, с другой, объясняется институциональной «ловушкой», в которой оказалась российская экономика. Суть такой «ловушки» в неспособности экономики эффективно реагировать на расширение спроса за счёт увеличения инвестиционной активности. Причины, которые воспроизводят такую неспособность, не связаны собственно с кризисом, они сформировались задолго до кризиса и, в свою очередь, определяют жёсткие ограничения для технологической и структурной модернизации. К таким проблемам следует отнести: отсутствие целостной картины перспективной структуры российской экономики и, как следствие, локомотивных проектов модернизации по основным секторам экономики; отсутствие в российском бизнес-сообществе достаточной мотивации для инвестиций в прорывные проекты, как основного инструмента роста доходности и эффективности бизнеса; слабость финансового сектора экономики и отсутствие эффективной политики по его реформированию, ориентированной на решение задач масштабной модернизации национальной экономики.

Отмеченные негативные условия для качества экономического роста в России в своей основе имеют структурные причины и, следовательно, стабильную тенденцию к воспроизводству на долгосрочном временном тренде. В этих условиях возможна реализация двух экономических сценариев. *Первый сценарий* – продолжение сложившихся трендов качественного застоя («рост без развития») с перспективой дальнейшей утраты национальной конкурентоспособности. *Второй сценарий* – государство берёт на себя функции субъекта целенаправленной и динамичной структурной модернизации[97].

Целесообразность проведения активной государственной политики обычно имеет две причины. Первая связана с недостаточной экономической мотивацией у хозяйственных структур в решении задач модернизации и освоении новых товарных рынков. Вторая – со слабостью или отсутствием в национальной экономике хозяйствующих субъектов, способных в необходимых масштабах обеспечивать концентрацию ресурсов для решения этих задач. Для современной России актуальны обе причины.

При этом выбор структурных приоритетов имеет определяющее значение. Сложность же проблемы выбора таких приоритетов состоит в том, что вряд ли существует совершенный и не зависящий от субъективных устремлений механизм определения приоритетов структурной перестройки экономики. Поэтому выбор приоритетов и отбор проектов должен осуществляться с широким привлечением научного экспертного сообщества и основываться

[97] Помимо объективных причин, обусловленных нынешним её состоянием, этого требуют и международные обязательства России, в частности принятые в ходе саммита «большой восьмёрки» в июле 2009 г. в Италии. В принятой там «Декларации об ответственности стран-мировых лидеров за устойчивое развитие в будущем» подчёркивается: «Инновации и знания являются ключевыми факторами, способствующими выходу из кризиса и выводу мировой экономики на более устойчивый путь развития. Мы (*страны, подписавшие этот документ*) намерены ускорить нововведения, являющиеся ответом на долгосрочные вызовы развитию, и стимулировать прогресс современных производств, видов услуг и компаний, которые смогут играть решающую роль в обеспечении новых источников экономического роста. Мы обязуемся осуществлять инновационную политику в наших странах, в том числе используя антикризисные программы стимулирования. Эта политика нацелена на развитие исследований, предпринимательства, человеческого капитала и способностей, «зелёных» технологий и инвестиций в инфраструктуру, включая информационные и коммуникационные сети».

на глубокой проработке возможных долгосрочных сценариев развития страны в рамках концепций и стратегий долгосрочного развития экономики. Разработка таких прогнозных и программных документов должна носить постоянный характер.

В отраслевом разрезе приоритеты структурной модернизации представляются гораздо более широкими, чем это определено в программных документах и заявлениях Правительства России. Для того, чтобы процесс модернизации экономики начал приобретать практическое наполнение, отраслевые стратегии должны выводить (т. е. предлагать) приоритетные инвестиционные проекты. Первый и необходимый этап разработки программ развития важнейших секторов экономики – это анализ имеющегося производственного и технологического потенциала на основе данных проведённой под руководством Федеральной службы по статистике, промышленной переписи. На следующем этапе, с учётом такого анализа и переписи, разрабатываются (или уточняются уже разработанные) стратегии развития основных секторов промышленности на длительную перспективу (до 15 лет) в разрезе основной номенклатуры продукции.

Общая идеология экономической политики, учитывающая необходимость регулирования рисков, должна строиться вокруг экономии на текущих затратах с максимальным наращиванием инвестиций модернизационной направленности. В этой связи и рационализация бюджетных расходов на ближайшие три года должна отдавать приоритет затратам инвестиционной направленности, перераспределяя ресурсы в пользу инвестиционных проектов с максимальным эффектом для роста в сопряжённых секторах и сферах деятельности.

Основная проблема связана с мобилизацией финансовых ресурсов на инвестирование приоритетных проектов развития. Государство приобрело опыт сбережения сверхдоходов в суверенных фондах и их размещения за рубежом в высококачественные ценные бумаги. Но оно не научилось управлять накопленным богатством в интересах развития собственной экономики. В этом, отчасти, отражается отсутствие концепции управления национальным богатством страны в целом. Проблема накопления финансовых ресурсов для модернизации экономики и возобновления экономического роста встаёт чрезвычайно остро. Она может решаться либо за счёт наращивания внешних источников, либо на основе использования целевой кредитной эмиссии инвестиционного назначения, что позволяет повысить уровень монетизации экономики за счёт «длинных денег», но усиливает риски дестабилизации финансовой системы.

Широкое использование кредитной эмиссии для финансирования приоритетных инвестиционных проектов предполагает введение определённых ограничений на сложившиеся «финансовые вольности» для уменьшения рисков финансовой дестабилизации. Это потребует, во-первых, существенного улучшения качества и прозрачности всей деятельности по формированию инвестиционных проектов (и здесь нужно воспользоваться международными стандартами), которые должны вытекать из долгосрочных концепций развития отдельных отраслей и секторов, увязанных со стратегией долгосрочного социально-экономического развития России. Именно в таком контексте должна быть на практике реализована взаимоувязанная система разработки перспективных документов экономического развития страны: стратегический индикативный план – долгосрочный прогноз социально-экономического развития России – долгосрочная концепция социально-экономического раз-

вития страны – долгосрочные концепции и программы развития основных секторов (отраслей) экономики – среднесрочные приоритетные инвестиционные проекты развития отдельных отраслей и секторов экономики, о чём уже говорилось выше.

Во-вторых, необходимо широкое использование механизмов целевой кредитной эмиссии, для финансирования приоритетных проектов потребует усиления прозрачности движения как общих денежных потоков, так и, в особенности, валютных средств. В-третьих, необходимо качественно повысить прозрачность общих условий формирования затрат и результатов хозяйственной деятельности на основе проведения государством более активной ценовой политики. Прежде всего, речь должна идти о преодолении сложившихся перекосов в ценообразовании. Наконец, в-четвёртых, необходимо проводить более активную политику регулирования доходов населения, увязав их динамику, прежде всего с ростом национального производства.

В этих целях в рамках трёхсторонней комиссии (государство, профсоюзы, предприниматели) необходимо в законодательном порядке зафиксировать минимальный уровень почасовой оплаты труда и средний уровень оплаты труда с дифференциацией по секторам экономики. Такой уровень должен учитываться при формировании экономически обоснованных затрат и налогооблагаемой прибыли. В экономически обоснованный уровень оплаты труда целесообразно включать и средства обязательного пенсионного и медицинского страхования, которые должны зачисляться получателями доходов на персональные счета.

Наибольшей угрозой эффективной реализации предлагаемого варианта политики кризисного регулирования является сложившийся довольно невысокий качественный уровень российских институтов государственного управления экономикой и недооценка роли государственного регулирования системы отношений между институтами государства и частным предпринимательством. Качество государственных институтов изменится не в результате кампаний по сокращению и административных реформ, а только тогда, когда начнёт трансформироваться характер решаемых ими задач. Осознание модернизации национальной экономики в качестве стратегической цели экономического развития на достаточно длительный период (15–20 лет) потребует более прагматичного подхода и к выстраиванию отношений с международными экономическими институтами (ВТО, МВФ. Международными банками развития).

Необходимо иметь в виду, что успешное решение задач широкомасштабной модернизации национальной экономики потребует корректировки сложившейся ментальности российского бизнеса. В этой связи, идеологическому аспекту и психологическим основаниям успешной модернизации, как основы «благосостояния для всех», должно уделяться не меньше внимания, чем экономическим и технологическим аспектам её проведения. Выход из кризиса на высокие и устойчивые темпы экономического роста потребует не только внедрения соответствующих технологий разработки и реализации экономической политики, но и определённой переориентации общественного сознания и существенного повышения качества государственного управления в целом.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Миркин Я. М., *заведующий отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, д. э. н.*

Реальность – 2015 г.

Что такое российская экономика? Это экономика 1 (одного) трамвая и 4 (четырёх) троллейбусов в месяц. Великая промышленность России производит в год 1 (одно) пальто на 140 человек, 1 (одну) пару трикотажных носков / колготок на одного человека, 1 (одно) платье на 20 женщин, 1 (одну) пару брюк на 12 человек. Всё это следует из публикаций Росстата 2015 г.[98]

Это экономика, потерявшая за четверть века сотни научных школ и ставшая тем, что называется «обмен сырья на бусы». Ставшая критически зависимой от импорта: «Станкостроение (доля импорта в потреблении по разным оценкам более 90 %), тяжёлое машиностроение (60–80 %), лёгкая промышленность (70–90 %), электронная промышленность (80–90 %), фармацевтическая, медицинская промышленность (70–80 %), машиностроение для пищевой промышленности (60–80 %)». Это оценка заместителя министра Министерства промышленности и торговли Российской Федерации[99]. «Доля импорта во внутреннем потреблении составляла в 2011–2012 гг. 62–66 % по горячекатаному листовому прокату, 84,4–91,6 % по холоднокатаному листовому прокату и 36,2–48 % по сортовому прокату»[100]. Доля импорта в товарных ресурсах розничной торговли – 42 %[101].

Это экономика «слонов», олигополий. В щели между ними еле-еле пробивается средний и малый бизнес. С минимумом инноваций, с редкими – на пустынном поле – «газелями», стартапами, «быстрорастущими», «высокотехнологичными» малыми компаниями. Их крайне недостаёт, чтобы создать индустрию венчура, финансовые рынки компаний с малой капитализацией. Экономика огосударствленная, зависящая от госзакупок, а также с участием государства в собственности и бизнесе, достигающем 5–70 % по разным сегментам.

Развивающаяся экономика, находящаяся (по всем параметрам) в «среднем кластере» себе подобных. С сверхконцентрированной собственностью. Каждый бизнес – под контролем 1–5 владельцев. При минимуме участия в капиталах населения. «Средний кластер». Продолжительность жизни – 123-е место в мире (ВОЗ, 2012 г.). В Китае живут на 5 лет дольше, чем в России. Уровень человеческого развития – 57-е место, Куба – 44-е (ООН, 2014 г.). По конкурентоспособности – 64-е место (ВЭФ, Global Competitiveness Index 2013–2014 гг.).

---

[98] См.: Информация о социально-политическом положении России. – М.: Росстат, 2015. Январь.

[99] Интервью с С. Цыбом. Российская газета, 5 августа 2014 г.

[100] Приказ Минпромторга от 5 мая 2014 г. № 839.

[101] Росстат. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Показатель «Доля импорта в товарных ресурсах розничной торговли (Российская Федерация)». Выборка 2005–2014 годы.

Уникальная офшоризованная экономика, в которой произошёл перенос собственности, держаний активов, денежных потоков, прибылей, обязательств в офшоры. Причина – высокие риски и регулятивные издержки, тяжёлое налоговое бремя. Нет другой экономики, в которой бы 70–80 % прямых иностранных инвестиций, «входящих» и «выходящих», шли бы через офшоры (IMF CDIS). Итог – превращение внутреннего хозяйства в операционный центр, в «цех», где прибыли концентрируются где-то за рубежом, а то, что остаётся внутри страны – просто предмет торга между властями, бизнесом и населением. Это падающая экономика, находящаяся под сильнейшим внешним давлением.

Внешнее давление

«Технологический» и «финансовый» бойкоты (санкции). Цель – ограничение прироста добычи сырья и притока капиталов нерезидентов. От него экономика очень зависела. Плюс «круги по воде», когда сделки не заключаются, хотя и не запрещены, потому что есть «общий настрой», много рисков, и кто-то когда-то будет разбираться, что это за сделки и что они нарушили. Что в итоге?

Устаревающая экономика, которая была на технологическом пике к 2014 г., а затем, шаг за шагом, покатилась назад. Удастся ли заместиться технологиями в Азии? Большой вопрос. Будут ли эти технологии «первого ряда»? По-прежнему США и ЕС – ключевые мировые центры инноваций, как и 100 лет назад. Кроме того, Япония и Корея – под «ядерным зонтиком» США. Китай – в тройке крупнейших торговых партнёров США, партнёр по «стратегическому диалогу». Есть все возможности, чтобы предупредить обход санкций.

В чём ещё «внешнее давление»? Россия теряет ключевого клиента – ЕС (48–50 % внешнего товарооборота). Официальной политикой ЕС и США стало снижение доли России на рынке топлива ЕС (до украинских событий – одна треть), диверсификация поставщиков. Высока вероятность «длинного сезона» мировых цен на сырьё. У доллара 15–17-летние циклы (восемь-девять лет слабеет, семь-восемь лет укрепляется) с начала 1970-х, когда его «отвязали» от золота (демонетизация золота). После ослабления в 2000-х гг. (2000-й – июль 2008 г.) технически ждём, что доллар будет много лет укрепляться к евро и другим валютам. Это и происходит. С начала 2000-х гг. сырьё (нефть, металлы, продовольствие) стало финансовым товаром. Цены формируются прежде всего на рынках деривативов (биржи Чикаго, Нью-Йорка, Лондона и др.), и только после этого – под воздействием «обычных» фундаментальных факторов (запасы, производство, спрос, технологии, геополитика). Цены на сырьё как «финансовый актив» тесно связаны с долларом США как резервной валютой. Доллар слабеет – мировые цены растут, доллар укрепляется – цены падают.

Сильный доллар на 5–6 лет вперёд означает, при прочих равных, низкие цены на сырьё. Это – удар, финансовый стресс для таких сырьевых экономик, как Россия[102]. Стремительное усиление доллара США с мая 2014 г., глубокое падение цен на нефть с июля 2014 г., сезон низких цен на топли-

[102] Анализ циклов курса доллара США, его влияния на цены на сырьё см.: Бушуев В., Конопляник А., Миркин Я. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз (2013). М.: Энергия.

во и металлы (хлеб российского экспорта) на 5–7 лет вперёд – ещё один фактор «внешнего давления» и высочайший барьер для роста внутренней экономики.

Сущностные ограничения

Всё, что с нами происходит, во многом обусловлено моделями коллективного поведения. Политическая система, структура собственности, модель экономики выводится из идей, традиций, ценностей, фобий, массовых реакций, превалирующих в обществе. То, как ведёт себя российское население, ближе всего к «континентальному типу» (меньше мобильности, рисков, склонность к иерархиям, к защите в них). «Восточноевропейская модель» добавляет к этому ландшафту больше резкости и яркий индивидуализм («выживание», «волк-одиночка»)[103]. Социологические исследования из года в год подтверждают, что только 10–15 % населения готовы действовать – в бизнесе, в жизни – независимо, с минимальной защитой, опираясь прежде всего на собственные силы[104].

Из этого выстраивается модель экономики и общества, основанная на концентрациях власти и собственности, вертикальных структурах, олигополиях, «слонах» в бизнесе, доминанте бюджета, банков и долгов в финансах. В развивающихся экономиках свойства таких моделей – дорогое государство (его конечное потребление в России на 15–30 % выше, чем в других крупных хозяйствах), высокая коррупция (Россия – среди 25 % наиболее коррупционных государств)[105], тяжкие регулятивные издержки (в 2010–2015 гг. растут по экспоненте). И, конечно же, волатильность во всем – в идеологии (из крайности в крайность), в экономике и финансах. Размах колебаний – самый высокий среди крупнейших стран мира в последнюю четверть века.

Вертикаль – лучший способ делать ошибки в экономической идеологии. «Государство всегда право». Четверть века рыночного фундаментализма, непререкаемости и, как следствие, ошибок, следованию мифам. За четверть века не удалось нормализовать даже инфляцию и процент. Четверть века «высвобождения рыночных сил», в той иррациональной форме, в какой это было, из года в год вело к огосударствлению, всё большей концентрации власти и собственности, к олигополиям, к почти нерыночности, к деиндустриализации.

У этой неудачи есть следствие – усиление идеологии «другой крайности» – будущего ухода в почти командную закрытую экономику, в изоляционизм, в идеологию экономического противостояния, в антилиберализм. В сумму тупиковых идей для экономики, которой, как воздух, нужны устойчивый рост и модернизация. Но зато эти идеи хорошо ложатся в «модель коллективного поведения» населения, особенно в эпоху кризисов и внешних вызовов.

Модель коллективного поведения, политическая модель, модель экономики, мелкая модель финансов, идеология, сшитая не по размеру, – всё это сущностные ограничения для того, что называется «экономическое развитие».

---

[103] См. международный проект «World Values Survey» (www.worldvaluessurvey.org).

[104] Детально см.: Двадцать лет реформ глазами россиян / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова (2011). М.: Весь Мир.

[105] Corruption Perceptions Index 2014 (www.transperancy.org)

Финансовые ограничения

То, что удалось создать за четверть века, – мелкая финансовая машина[106]. Монетизация, насыщенность кредитами – в пределах 40–45 % ВВП (развитые экономики – 90–120 %, страны «экономического чуда» – выше 100 %). Инфляция – двузначна больше 20 лет, за исключением 2–3 лет. По-прежнему в полной мере работает мотор роста цен – немонетарная инфляция. Процент – двузначен годами. Низка доступность кредита в регионах, в среднем и малом бизнесе.

Налоги и квазиналоги – на уровне континентальной Европы. С такой налоговой нагрузкой быстро не растут (доказано международной практикой). Минимальны налоговые стимулы роста и модернизации. Банки на 60 % огосударствлены[107]. Растёт концентрация в банковском секторе. 5 банков – держатели более 50 % банковских активов, 20 банков – более 75 %. Остатки средств на счетах банков на корсчетах центрального банка в Москве и Московском регионе – 82–85 % (в начале 2000-х гг. чуть более 50 %). Число финансовых институтов (банков и небанковских) убывает со скоростью 8–10 % в год (2013–2014 гг.).

Россия – страна постоянного чистого вывоза капитала. С 1995 г. только два года чистого ввоза капитала (2006–2007 гг.). Правда, это спекулятивный бум перед кризисом 2008 г. С начала 2000-х гг. – переоценённый рубль (до декабря 2014 г.). Ни в одной стране мира не было такого по величине разрыва между реальным и номинальным курсами рубля (с 2005 г.). Высокая степень долларизации, даже в спокойные годы. Одно из самых неблагоприятных для развивающихся экономик соотношений между прямыми и портфельными иностранными инвестициями (не в пользу прямых). Сверхвысокая волатильность финансовых рынков. Каждый год – падения и взлёты на десятки процентов. Три кризиса, три шоковых девальвации (1998, 2007–2008, 2014 гг.). Самая высокая волатильность среди 40 крупнейших стран в кризис 2007–2008 гг. Всё это значит, что, несмотря на низкий госдолг, большие валютные резервы и более-менее здоровый бюджет, экономика встретила вызовы 2014 г. с финансовой системой, дающей слабые возможности для поддержки в «минуты роковые».

Наклонная траектория. Сценарии

Шоки 2014 г. (разлом в кооперации и торговле с Украиной, взаимные санкции, падение рубля) – всё это привело к «удару в лоб» по экономике. К её реструктурированию. Что случилось в начале 2015 г.? Взрыв производства продовольствия и фармацевтики (замещение импорта), удержание добычи сырья (кроме падения по газу), малые минусы в транспорте и электроэнергетике, падения «с десятого этажа» в лёгкой промышленности, машиностроении. Проседание экспорта – импорта на десятки процентов. Убытки реального сектора и банков – в целом по стране. Затем – стабилизация на более низком уровне, как «после инсульта», новые скачки рубля, пространство неопреде-

[106] Анализ см.: Миркин Я. М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски (2011). М.: Гелиос; Миркин Я. М. Финансовый конструктивизм (2014). М.: Лингва-Ф.

[107] Выступление Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной на Съезде АРБ, 6 апреля 2015 г.

лённости и рисков. Внешние факторы действуют с той же негативной силой. Слабые ответы на вызовы (антикризисный план). Экономика, находящаяся на наклонной траектории. События только начинаются. Впереди, по оценке, четыре сценария.

«*Цунами*». Внешний удар (доллар до 1,0–0,95 к евро, цены на нефть до 25–30 долл. за баррель, финансовая инфекция от шока на рынке акций США или что-то ещё). Обострение кризиса внутри России, политический шторм, замыкание, антизападничество, маргинализация идей, уход в башню из слоновой кости. Бойкот, страна – изгой. «Большой Иран». «*Замороженная экономика*». Полузакрытая стагнационная экономика с устаревающими технологиями. Стабилизация на более низком уровне. Все процессы заморожены, заграница заинтересована – лишь бы не дёргались, потихоньку сокращает зависимость от России как якорного поставщика сырья. «Большое Приднестровье». «*Управляемый холод*». Из верхов вежливо удаляются «управляющие активами», «приватизаторы» и «надзорные». Вместо них – в минуты роковые для отечества – появляются молодые маршалы. Эффективные менеджеры, технические специалисты, патриоты, взявшие экономическую власть. Победа? Нет, это – «модернизация паровоза». Всё работает, все металлические части начищены, но это – паровоз.

«*Внезапный поворот*». Другая риторика. В экономике – быть «либеральнее самых либеральных». Тезис для тех, кто снаружи – «ведь у нас очень либеральная страна». Высвобождение энергии бизнеса и среднего класса. Политика дешёвого кредита, дешёвого процента, заниженного валютного курса рубля, сильных налоговых стимулов за рост и модернизацию, сокращения налогового бремени, урезания регулятивных издержек, подавления немонетарной инфляции, сильного антимонопольного регулирования, максимума льгот для среднего и малого бизнеса, в пользу роста активов среднего класса. При сохранении политического консерватизма. Только стратегия поворота даёт стране шанс на опережающий экономический рост и догоняющую модернизацию. Вероятность стратегий: первая – 15 %, вторая – 30 %, третья – 50 %, четвёртая – 15 %.

Экономическая стратегия «внезапного поворота»

О какой «целевой модели» экономики идёт речь? Открытая, социальная рыночная, диверсифицированная экономика, прошедшая модернизацию, формирующая 5–6 % мирового ВВП и глобальных финансов, обеспечивающая устойчивый рост, выше, чем средний в мире, находящаяся в группе развитых стран. Период – 15–25 лет. Примерная этапность реализации модели:

– *2015–2025 гг.* – переход к догоняющей модернизации и опережающему, устойчивому экономическому росту, на основе: расширенного вмешательства «государства развития» (developmental state), центрального банка развития (developmental central banking) по нормализации дисбалансов, возникших в переходный период; настройки на экономический и финансовый форсаж, создание подлинно рыночной среды, диверсификацию собственности, снижение рисков, на ослабление монополизации, разгосударствление и высвобождение энергии бизнеса; роста экономической и финансовой зрелости экономики.

– *2025–2035 / 2045 гг.* – экономическая и финансовая либерализация, резкое сокращение регулятивного и прямого вмешательства государства

в экономику и финансовую систему, дальнейшее высвобождение рыночных сил, достижение уровня зрелости «новых индустриальных экономик».

Всё это – адаптация для России известных стратегий «экономического чуда». Концепции, детальный разбор, межстрановй анализ, привязка к России[108].

Экономический форсаж – личное авторство (автор экономического чуда); точки быстрого роста; приоритетные отрасли; управление проектом, офис развития; промышленная политика (временами насильственная); «новый контракт с Западом». Ни одно «экономическое чудо» после Второй мировой войны, ни одна модернизация в России (даже 1930-х гг.) не случились без «открытых окон» в Западную Европу и с XX в. – в США.

Промышленная политика – все ресурсы государства (материальные, финансовые, административные) подчиняются росту и модернизации экономики, прежде всего, в точках быстрого роста, приоритетных отраслях, инновациях. Не тоннам, баррелям и мегаваттам, тому, что связано с ростом качества жизни, внутреннего спроса, технологического обновления. *Регулятивная политика* – резкое (на 30–40 %) снижение регулятивных издержек (в части законотворчества и правоприменения); стимулирующая вместо «карательной».

Финансовый форсаж для первого этапа – осторожный, там, где могут быть повышены инфляционные ожидания, а также вызваны колебания валютного курса или может возникнуть острый налоговый или регулятивный арбитраж:

– *налоговая политика* – «ударный» пакет налоговых льгот, стимулирующих рост, модернизацию, прямые иностранные инвестиции, «длинные деньги», точки роста, лёгкий в доказывании и администрировании; поэтапное снижение налоговой нагрузки до 32–34 % ВВП, как условие ускорения роста. Другой подход к налоговым стимулам. Налоговый стимул – не вычет из бюджета, не избегание уплаты налогов. Наоборот, рост деловой активности и налоговой базы;

– *бюджетная политика* – удешевление государства (конечное потребление государства / ВВП – до 14 % ВВП), сокращение госаппарата и регулятивных издержек; рост роли инвестиций в инфраструктуру «качества жизни» (малые инфраструктурные проекты, социальная инфраструктура); инвестиции в мегапроекты и докапитализация через финансовый рынок; постепенное прекращение субсидирования процента; децентрализация, рост доходной базы регионов;

– *политика государственного долга* – рост госдолга к ВВП в 1,5–2 раза (25–30 % ВВП) с целью привлечения денежных ресурсов для сокращения налоговой нагрузки, в дальнейшем – до 50–60 % ВВП;

– *политика финансового развития* – рост насыщенности деньгами, финансовыми инструментами (институтами) рынками и их инфраструктуры;

– *денежная, точнее, денежно-промышленная политика* (mondustrial policy) – стимулирование денежного спроса, формирование «длинных денег» в меру роста экономического оборота. Смягчение денежной политики. Рост монетизации до 60–70 % ВВП, затем до 80–100 % ВВП. Дедолларизация экономики;

– *кредитная политика* – рост насыщенности кредитами до 60–70 % ВВП, в дальнейшем до 80–100 % ВВП; создание целевых каналов кредитов /

[108] Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика (под ред. Я. М. Миркина) (2014). М.: Магистр, ИМЭМО РАН.

кредитной эмиссии для «доставки» кредитов в регионы, средний и малый бизнес, в сектор инноваций (в дальнейшем – их сокращение, либерализация);

– *процентная политика* – нормализация уровня ссудного процента в экономике до 3–5 %, затем – до 1–3 %; политика низкой ключевой ставки; усиление роли административных инструментов управления процентом с целью его нормализации (в дальнейшем – сокращение, либерализация);

– *валютная политика* – политика умеренно заниженного валютного курса при плавании внутри установленного де-факто коридора относительно корзины валют торговых партнёров (по факту – евро и доллар США). Поддержание разрыва между номинальным и реальными эффективными курсами рубля, обеспечивающего умеренно заниженный курс рубля;

– *счёт капиталов* – открытый счёт капиталов, с введением временных ограничений (рыночных, нерыночных) в моменты финансовых шоков;

– *ценовая политика* – подавление немонетарной инфляции (в меру и наряду с нормализацией денежно-кредитной сферы), в том числе на основе временных замораживаний цен, лимитирования их роста. Далее – постепенное сужение массива цен и тарифов, регулируемых государством;

– *политика собственности* – диверсификация собственности и снижение уровня её концентрации в бизнесе и земле, поэтапное «разгосударствление», поощрение собственности мелких розничных инвесторов (роста активов среднего класса), создание равных условий для всех классов инвесторов; деофшоризация в меру снижения рисков, налогов и регулятивных издержек;

– *антимонопольная политика* – демонополизация, ослабление олигополий на внутреннем рынке, деконцентрация; реструктуризация монополий – игроков на мировом рынке для усиления рыночных начал; поощрение опережающего роста среднего и малого бизнеса; рост рыночности хозяйственной среды;

– *инвестиционная политика* – рост доли накопления до 30–35 % ВВП (в период ускорения), затем – снижение до 24–26 %. Диверсификация инвестиций, снижение доли мегапроектов, рост доли инвестиций в малые инфраструктурные проекты в Центральной России и регионах быстрого роста, в приоритетные отрасли, инновации, малый и средний бизнес.

Это не политика «печатного станка» и не проинфляционные действия. По опыту «экономических чудес» – из года в год снижаются инфляция и процент. Это не политика сверхвысокой волатильности. Не политика, в которой вернётся командная система. Это – политика другой экономической школы. «Прагматичного либерализма». Спасения хронически больной экономики, которая не может быть осуществлена уже «амбулаторным способом». Хирургическое вмешательство ради нового качества жизни, новой рыночности и открытости.

ОБ УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: О ВАЛЮТНОМ КУРСЕ, ВАЛЮТНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ДЛИННЫХ ДЕНЬГАХ

Ершов М. В., *главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, д. э. н.*

Последний год развитие российской экономики сталкивается с одновременным действием трёх «шоков»: первый – курсовая нестабильность и обесценение рубля; второй – сохраняющийся высоким уровень процентных ставок, отсекающий большую часть участников рынка от кредитных ресурсов; третий – продолжающееся денежное сжатие. Действие этих факторов – и каждого в отдельности и, тем более, всех единовременно – делает решение проблемы экономического роста крайне сложными. Всё это усугубляется противоречивыми целями и рычагами по их решению, которые применяются.

Валютная нестабильность и денежные ограничения

Согласно отчёту Банка России, за 2014 г. «на фоне увеличения **структурного дефицита ликвидности** банковского сектора, продолжился рост спроса кредитных организаций на операции рефинансирования Банка России». При этом в 2015 г. денежная база рубля за 4 месяца сократилась на 12,6 % (рис. 1, 2). Такое сжатие лишь обострит упомянутую проблему дефицита ликвидности.

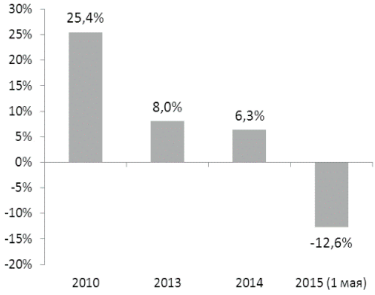
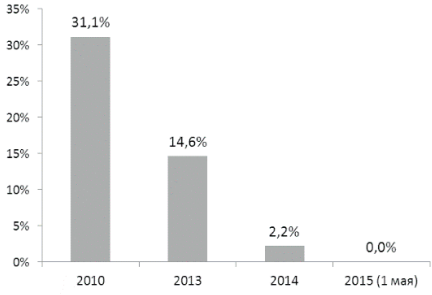


Рис. 1. Динамика денежной базы рубля (прирост с начала года, %)

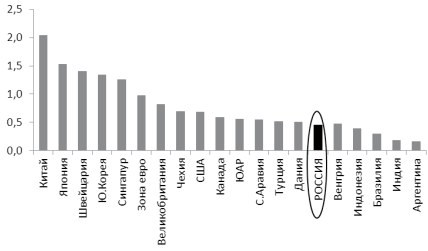


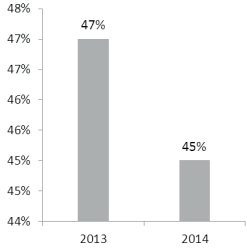
Источник: ЦБ РФ.

Рис. 2. Динамика денежной массы (М2) (прирост с начала года, %)

Уровень монетизации экономики России по-прежнему крайне низок (рис. 3), а по итогам 2014 г. монетизация даже сократилась (рис. 4).

Монетарные проблемы усилились валютными. С введением режима свободного плавания в конце 2014 г. рубль резко обесценился, продолжив своё снижение, которое началось ещё раньше – вследствие падения цен на нефть. При этом удешевление рубля было даже более масштабным, чем у валют других стран нефтеэкспортеров (рис. 5). Отметим также, что с введением режима свободного плавания резко возросла курсовая нестабильность (рис. 6).

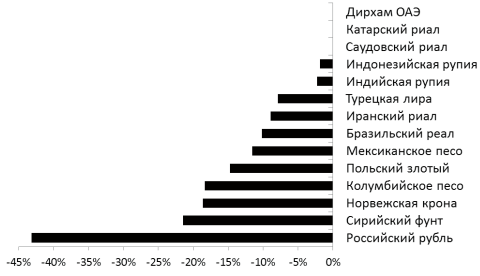


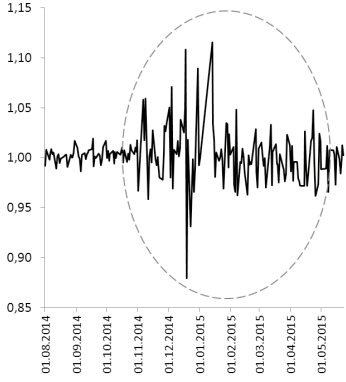


Источник: центральные банки соответствующих стран, ЦБ РФ.

Рис. 3. Монетизация экономик ряда стран (М2/ВВП, в 2014 г., %)

Рис. 4. Монетизация экономики Российской Федерации (М2/ВВП, %)





Источник: Bloomberg.

Источник: ЦБ РФ.

Рис. 5. Курсы валют ряда стран (01.01.2014 = 100)

Рис. 6. Волатильность курса рубля* (*Индекс номинального курса рубля к доллару США, к предыдущему дню)

Напомним, что стабильность валютного курса – это то, что на законодательном уровне требуется от Банка России в Конституции Российской Федерации, где в ст. 75 п. 2 говорится, что «защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации». Согласно объявленной политике «инфляционного таргетирования», предполагалось, что при свободном плавании курса процентные ставки, напротив, будут находиться под более жёстким контролем. Фактически же наблюдается и волатильность курса, и постоянный рост процентных ставок, который инициировался самим Банка России (рис. 7).

Ставки по кредитам реальному сектору также возросли (рис. 8). Согласно Банку России, это связано «как с повышением ключевой ставки Банка России, так и со снижением доступности и удорожанием внешних заимствований...»[109]. Вызывает недоумение, когда ужесточение внешней среды сопровождается ужесточением (!) внутренних подходов регуляторов, которые,

[109] ЦБ РФ. Основные направления денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов. Проект. Сент. 2014. С. 16.

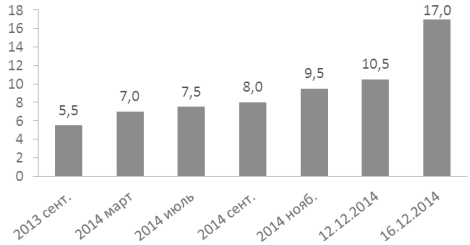
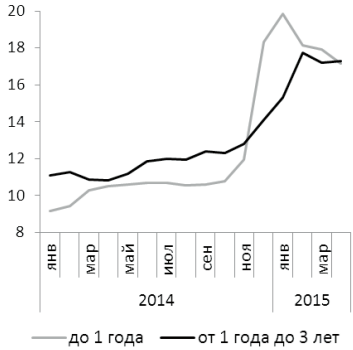


Рис. 7. Ключевая ставка ЦБ РФ (%)



Источник: ЦБ РФ.

Рис. 8. Процентные ставки по кредитам для нефинансовых организаций (%)

по идее, должны были бы своими действиями смягчать внешние трудности, а не усугублять их.

Политика по росту ставок была рекомендована МВФ: «Для выполнения установленного Банком России на 2015 г. целевого показателя по инфляции ... Банку России следует быть готовым в течение следующего года дополнительно повысить процентные ставки»[110]. При этом с инструментами, применяющимися в США, в 2015 г. предполагаются диаметрально противоположные подходы, которые выглядят более логично: «Преждевременное повышение ставок может вызвать ужесточение финансовых условий или расшатывание финансовой стабильности, что будет препятствовать росту экономики...»[111]. Инфляция в России действительно высока, и в большой степени имеет немонетарный характер. Кроме того, её резкий рост в последнее время в большой мере был обусловлен, во-первых, снижением курса рубля. Во-вторых, рекомендованные более высокие ставки приводят к росту издержек, и, следовательно, к инфляции. Но при этом и в наших условиях более высокие ставки однозначно ведут к ужесточению финансовых условий и тормозят рост. Поэтому почему-то для некоторых стран рекомендации выглядят логично и соответствуют здравому смыслу, а для некоторых, видимо, есть какая-то своя особая логика.

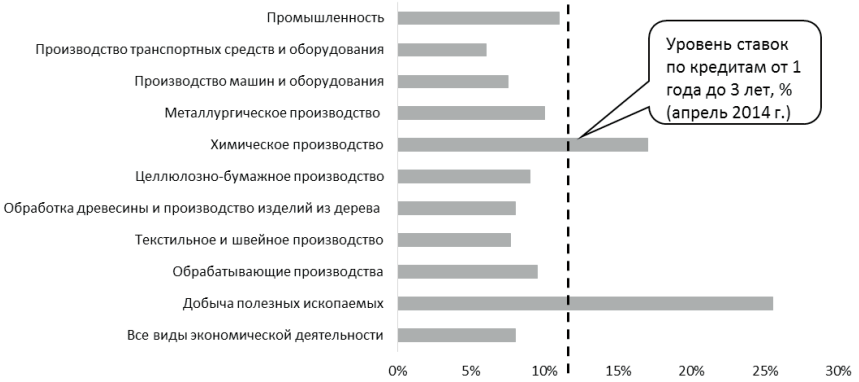
Вызывает удивление и объяснение причин, по которым поддержка рубля была уменьшена, и курс вошёл в режим свободного плавания. По мнению руководства Банка России, поддержка рубля была оправдана, пока не было санкций и пока не произошло падение цен на нефть[112]. А вот, когда оба эти события, которые напрямую, заметим, подрывают стабильность валютного курса, произошли, то вместо того, чтобы своим участием валютный рынок стабилизировать, Банк России, напротив, решил поддержку рубля прекратить.

---

[110] МВФ. Российская Федерация – Консультации 2014 года в соответствии со статьёй IV. 30.04.2014. С. 3.

[111] 2015 Article IV Consultation with the United States of America Concluding Statement of the IMF Mission. 28.05.2015.

[112] Выступление Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной в Государственной Думе. 16.06.2015 г.



Источник: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Рис. 9. Текущая рентабельность продаж и ставок по кредитам, %

Представляется, что указанные первопричины должны были бы вызвать прямо обратные действия от тех, которые были фактически приняты.

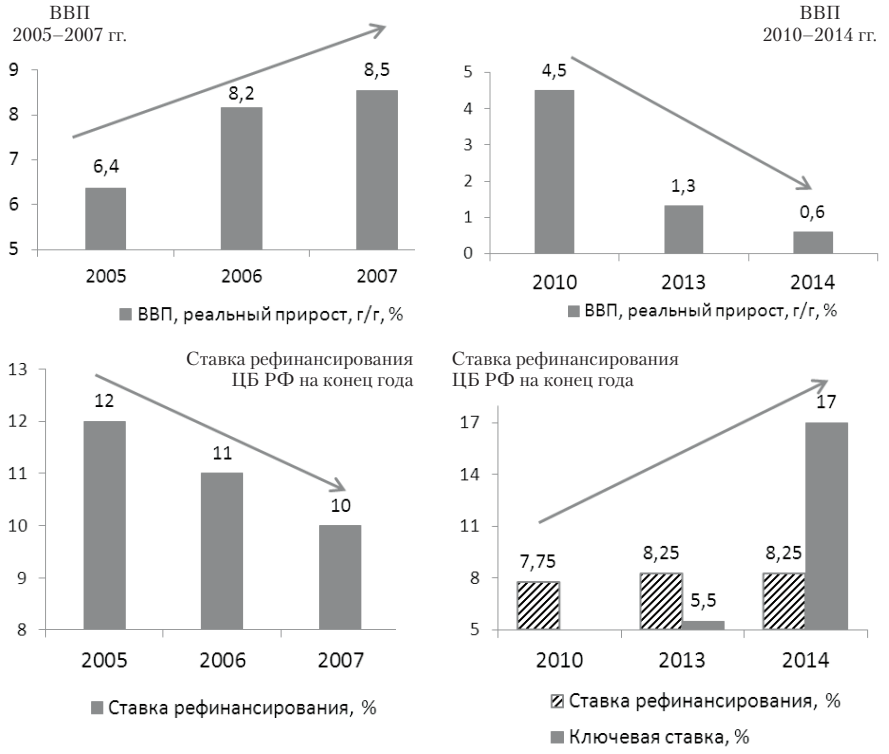
Те меры, которые использовал Банк России для стабилизации положения на валютном рынке – ограничение предоставления рублёвой ликвидности в целом, а также повышение процентных ставок (повышение ключевой ставки до 17 %) – имеют двоякий эффект воздействия на экономику. С одной стороны, они действительно сократили приток рублёвой ликвидности на валютный рынок, способствуя его стабилизации. Но при этом указанные меры также ограничили доступность рублей для всех остальных видов рублёвых операций (кредиты, депозиты и т. д.), а также сделали стоимость денег неприемлемо высокой (рис. 9). Экономический рост в результате замедляется (естественно, при всей множественности факторов, влияющих на рост экономики) (рис. 10).

Решая проблему увеличения монетизации (что необходимо), следует строго контролировать её инфляционный эффект. Представляется, что не стоит преувеличивать вероятность больших инфляционных рисков вследствие расширения рублёвой массы. В условиях, когда масштабы монетизации (соотношение М2/ВВП) российской экономики по-прежнему относительно умерены, сохраняется возможность абсорбировать финансовые ресурсы на безинфляционной основе. В 2000–2014 гг. ежегодный прирост цен в России устойчиво многократно отставал от ежегодного прироста денежной массы (рис. 11). Более того, с учётом значительной немонетарной доли в российской инфляции итоговое отставание монетарной инфляции от роста М2 может достигать почти 20 раз, другими словами, 100-процентный рост М2 вызовет повышение цен лишь на 5 %.

На возможность именно такого развития событий нами было указано ещё 15 лет назад. Отмечалось, в частности, что вследствие низкой монетизации российская экономика «демонстрировала способность принимать дополнительные рублёвые ресурсы на безынфляционной основе»[113]. В связи с этим делался вывод о том, что «немонетизированные операции... могут в значительной степени способствовать эффективному расширению капитальной базы экономики»[114].

[113] Ершов М. В. Валютно-финансовые механизмы в современном мире: кризисный опыт конца 90-х. Москва. Экономика. 2000 г. С. 317–318.

[114] Там же.



Источники: ЦБ РФ, Росстат.

Рис. 10. Рост экономики Российской Федерации и ставка рефинансирования Банка России

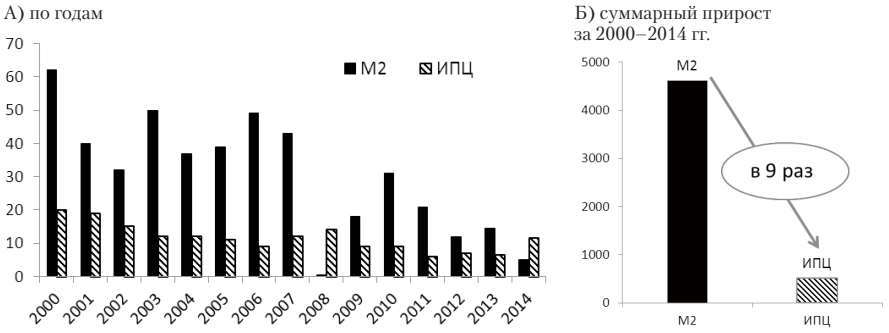


Рис. 11. Прирост денежной массы и инфляция (ИПЦ) в России в 2000–2014 гг., %

Такие выводы были оправданы с учётом «денежного провала», который имел место в первой половине 1990-х гг.: тогда цены выросли в 10 раз больше, чем денежная масса, что привело к её реальному сжатию на ту же величину (рис. 12, 13). Следствием такого «монетарного шока» стало появление неплатежей, бартера, суррогатов и прочих квазиденег. Было очевид-

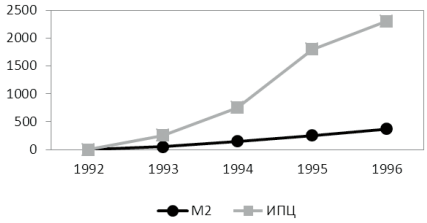


Рис. 12. Индексы потребительских цен и М2 в 1992–1996 гг. в России (1992 г. = 1)

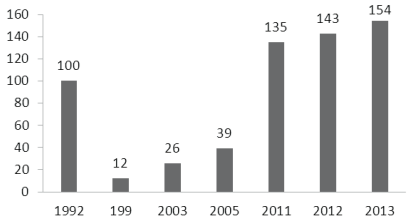


Рис. 13. Динамика реальной денежной массы в 1992–2012 гг. в России (1992 г. = 100 %)

но, что инфляционные последствия от роста денег в таких условиях будут ограничены.

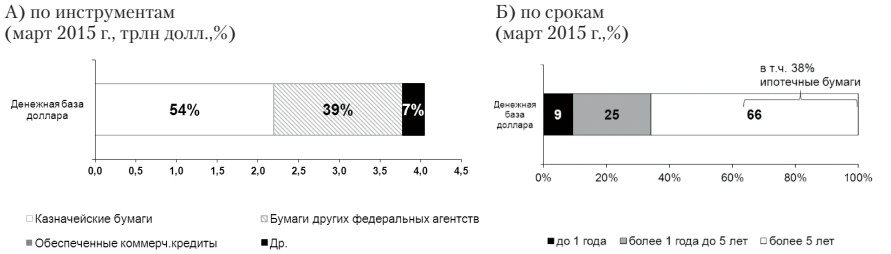
Неплатежи и использование «квазиденег» по сути защитили экономику от полного коллапса и обеспечили осуществление экономических операций, пусть и путём применения таких «нецивилизованных» методов, осуществляя «квази-эмиссию» за пределами Банка России и восполняя недостающие экономике финансовые ресурсы. «Денежное сжатие» привело и к сокращению монетизации экономики в целом, которая хоть и выросла в последние годы, но сейчас по-прежнему невелика и может существенно ограничивать возможности экономического роста и тормозить формирование адекватного объёма «длинных» денег.

«Длинные» деньги

Очевидно, обеспечение устойчивого экономического роста возможно лишь при условии наличия «длинных» ресурсов в экономике. Согласно годовому отчёту Центрального банка Российской Федерации за 2014 г., доля долговых обязательств Мифина России в денежной базе рубля составляет всего 3,8 % (по состоянию на начало 2015 г.). Отметим, что в США на казначейские облигации приходится 93 % всей денежной базы (эмиссии) доллара, а в Японии на японские гособлигации приходится 83 % всей денежной базы (эмиссии) японской иены (рис. 14, 15).

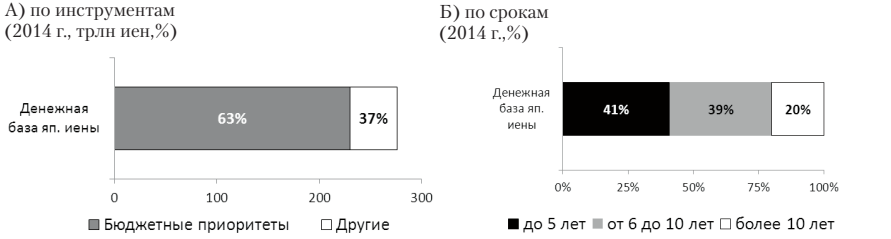
Указанные цифры говорят о принципиальных отличиях при проведении экономической политики в России и в развитых странах. В последних за основу формирования ресурсов и монетизации используются госбумаги для целей бюджетного финансирования. Это, в свою очередь, предполагает использование бюджетного дефицита, как важного механизма экономического роста[115]. В прежние годы основной акцент в российской экономике делался на внешнюю сферу как источник финансирования роста. В период санкций,

[115] Рост экономики предполагает, что экономика получает дополнительные ресурсы для достижения конечного результата. Причём, они должны авансироваться экономике (т. е. предоставляться до получения результата), что изначально значит возникновение расходов и дефицита, и лишь потом возникновение доходов, которые приведут к получению прибыли и профицита. Кроме того, указанное финансирование должно представлять собой прирост дополнительных ресурсов, а не их переток с других сегментов, т. к. в последнем случае это будет означать финансирование одних отраслей за счёт других и не вызовет суммарный прирост экономики.



Источник: ФРС США.

Рис. 14. Денежная база доллара США



Источник: Банк Японии.

Рис. 15. Денежная база японской иены

когда доступ к внешним займам ограничен, участники экономики для получения средств должны теперь, в первую очередь, выходить на внутренние рынки, как главный источник такого финансирования. Причём важно использовать механизмы целевого формирования финансовых потоков на основе внутренних источников и направления их на первоочередные бюджетные и иные приоритеты.

У внутренних источников есть два основных компонента: первый – это частный сектор (корпоративные средства и средства населения), а второй – госсектор. Что касается первого, его объёмы средств недостаточны для того, чтобы обеспечить необходимый рост экономики.

Кроме того, при направлении этих средств на бюджетные цели это будет означать лишь переток ресурсов из одних сегментов экономики в другие, что также не обеспечит рост экономики в целом. Наиболее важным источником в складывающихся условиях может явиться государственный (бюджетный) механизм при одновременном участии в финансировании со стороны Банком России, как главного источника финансовых ресурсов и эмиссионного центра. (Такие подходы успешно применяются самыми зрелыми финансовыми системами – США и Японией в течение многих десятилетий.)

Центральный банк покупает госбумаги, выпущенные своим минфином, и одновременно осуществляет эмиссию, идущую, соответственно, министерству финансов. Купленные Центральным банком бумаги обычно потом не участвуют в обратной операции, предполагающей продажу бумаг на рынке и стерилизацию эмитированных денег. Приобретённые госбумаги, как правило, размещаются на балансе Центрального банка до срока их истечения (т. е. на все 10, 20, 30, 40 лет). Другими словами, экономика получает «длинные» и целевые инвестиционные ресурсы, которые затем мультиплицируют-

ся по мере подключения к работе с «длинными» проектами частного сектора (субподрядчиков и т. д.). Более того, целевая эмиссия позволяет направлять финансовые ресурсы на приоритетные цели (ипотека, малый бизнес и др.), что насыщает эти сферы ресурсами и снижает там процентные ставки (как это удалось успешно реализовать, в частности, в США в последние годы, где вследствие использования указанных механизмов, ставки по ипотечным займам снизились с 7–8 % до 3–4 %).

Более того, когда срок бумаг заканчивается, часто происходит новая эмиссия и покупка новых бумаг, что **делает процесс поддержания «длинных» ресурсов в экономике при необходимости практически бессрочным**. Участие Центрального банка в этих механизмах позволяет осуществлять финансирование бюджетных задач, не сокращая ликвидность финансового рынка в целом. Если бы госбумаги просто размещались на вторичном рынке, то они – при интересе к ним со стороны участников – покупались бы частными компаниями и банками, и тогда инвестированные ими при этом средства ушли бы на финансирование указанных госпрограмм. На иные цели текущей коммерческой деятельности (кредитование и т. д.) средства уже потрачены быть бы не могли.

В результате преобладающей становится картина, при которой центральный банк – минфин формируют мощный пласт целевых «длинных» денег в соответствии с приоритетами экономической политики (ипотека, малый бизнес, региональные программы и т. д.). Дополняясь иными источниками «длинных» денег (пенсионных, страховых и т. д.), в итоге формируется мощная финансовая среда, которая существенно расширяет возможности для инвестиций.

Учитывая, что проблема «длинных» денег для российской экономики давно является крайне актуальной, возникают вопросы. Единственной ли возможностью привлечения объёмных и доступных по цене «длинных» денег являются международные рынки, где финансовые ресурсы больше по объёму, дешевле и «длиннее» и формируются на основе приведённых механизмов? Или есть возможность начать самим использовать механизмы с участием национальных монетарных властей по аналогии с подходами, которые в течение многих лет практикуются самыми сильными и зрелыми финансовыми системами? Нужен подробный технический анализ реальных возможностей этого процесса, наличия рисков (а их, естественно, будет немало), путей их минимизации.

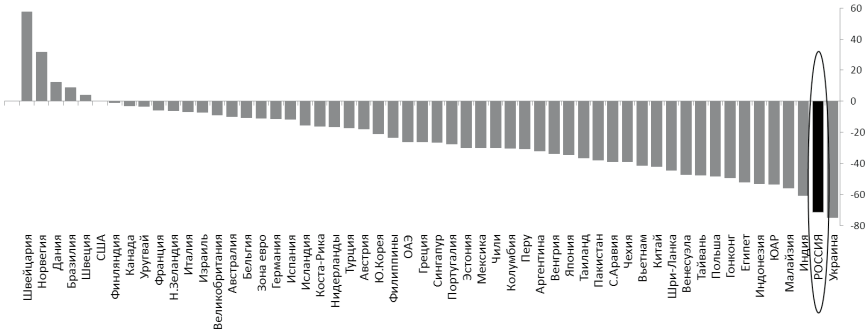
Обесценение рубля: насколько оно оправдано?

Упомянутая курсовая нестабильность и удешевление рубля привели к появлению вновь некоторых отрицательных явлений из прошлого, в частности, долларизации и даже «бегства» от рубля (хоть и на непродолжительный период). Всё это развивалось в условиях сохраняющихся санкций против России и снижения цен на нефть, что лишь усилило давление на курс рубля.

По справедливым оценкам Президента России В. В. Путина, события на валютном рынке «не связаны с фундаментальными экономическими причинами и факторами»[116]. Курс рубля, рассчитанный на основе паритета покупательной силы (ППС), недооценён в несколько раз (такой курс рассчи-

[116] http://top.rbc.ru/finances/10/11/2014/546069becbb20f41bbe9881c.

тан с учётом большого числа компонентов товаров, услуг и др., включаемых в ВВП). Так, по оценкам ОЭСР, на декабрь 2014 г. курс рубль/доллар должен был составить **19 рублей за один доллар**. Учитывая, что текущий рыночный курс в течение декабря составлял 50–68 руб./долл., это говорит о том, что номинальный курс был недооценён в среднем 3–3,5 раза относительно курса, рассчитанного на основе ППС[117]. Аналогично, согласно индексу Big Mac (хотя отметим, это гораздо более «локальный» показатель, чем показатель ОЭСР), Россия занимает предпоследнее место по недооценке своей валюты (уровень недооценки – около 70 %) (рис. 16). При этом, ожидания и предпочтения рынка отнюдь не одинаковы. Так, согласно февральскому мониторингу, за укрепление рубля выступали 58 % опрошенных промышленников, за дальнейшую девальвацию – всего 2 %[118].



Источник: http://www.economist.com/

Рис. 16. Индекс Big Mac

Напомним, что недооценка рубля, которая до сих пор отчасти сохраняется, была заложена ещё в самом начале формирования валютного рынка в стране – в конце 80-х гг. Тогда рубль был существенно недооценён, а доверие к нему было очень низким, что обусловило долларизацию и положило основу для экспортной ориентации российской экономики, негативно отражаясь на её развитии.

Об опыте формирования валютного курса в России

Ещё в ходе формирования валютного рынка в конце 1980-х и начале 1990-х гг. установился такой курс рубля к доллару, который отражал ценовые соотношения лишь узкой группы престижных тогда товаров потребительского импорта. Тогда как по соотношениям цены промышленных активов, жилья и других важных компонентов ВВП имела место прямо обратная картина, показывающая, что рубль по этим соотношениям должен стоить дороже (причём часто значительно дороже), чем другие валюты.

Действительно, сформировавшийся тогда на валютном рынке (и валютных аукционах) курс рубля составил в среднем 15–20 руб. за 1 доллар, что соответствовало ценовым соотношениям по таким «модным» товарам как джинсы, косметика и т. д. Однако целый ряд других товаров и услуг

[117] https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm#indicator-chart

[118] РБК. Сильный рубль, низкие налоги: чего хотят промышленники от государства. 27.03.2015.

были при этом на российском рынке многократно дешевле. Проезд в метро стоил 5 копеек, а в Нью-Йорке – около 1 доллара, хлеб у нас стоил около 20 копеек, а в США – 1–2 доллара. Жильё сопоставимого уровня, равно как и коммунальные платежи по его поддержанию даже сейчас у нас многократно дешевле. В конце же 1980-х гг. при средней стоимости платежей за квартиру в России – около 15–25 руб. в месяц эта величина была не менее чем в 50–70 раз! меньше, чем цены за аналогичное жильё в западных странах. Следует также учитывать ту долю, которую играет соответствующий товар в расходах (например, коммунальные платежи делаются ежемесячно и достигают в случае с западными экономиками – не менее 20–30 % от ежемесячных расходов). Также стоимость промышленных активов, в свою очередь, была в России многократно дешевле относительно аналогичных активов в сравниваемых странах[119].

Укажем, однако, что валютный курс – это не абстрактный цифровой индикатор. Он должен давать конкретные оценки для участников экономики (инвесторов, частных лиц и др.), основываясь на сравнительных ценах на соответствующие товары и услуги в рассматриваемых странах и, как следствие, целесообразности осуществления тех или иных видов экономической деятельности. Поэтому столь сильная недооценка рубля изначально дала мощный импульс к превращению российской экономики в экспортоориентированную, делая экспорт сверхэффективным. Аналогично, такой перекос заложил основу для долларизации российской экономики, делая покупки рублей и рублёвых активов сверхэффективными для держателей долларов[120].

Очевидно также и то, что наиболее «конкурентным» товаром в таких условиях становилась продукция ТЭК, которая в целом отвечала требованиям мирового рынка. Учитывая, что на ТЭК всегда приходилась значительная часть экспорта страны, те возможности для осуществления сверхэффективных экспортных операций, которые открылись в результате масштабной недооценки валютного курса рубля, надолго закрепили сырьевую экспортную ориентацию российской экономики. Формируемый таким образом валютный курс был затем положен в основу при установлении официального курса рубля. Последовавшее вскоре присоединение к VIII статье Устава МВФ обязывало Россию перейти на единый валютный курс рубля, причём как по текущим, так и по капитальным операциям (инвестиции и т. д.), что означало существенное снижение эффективности инвестиций и относительное удешевление продаваемых активов.

Поэтому курс на «открытость» экономики и проводившаяся либерализация капитальных операций в таких условиях создавали риск перевода наших реальных активов под контроль иностранных инвесторов по многократно заниженным ценам. Заметим при этом, что, например, в случае Японии валютная либерализация и либерализация движения капиталов произошли более 30 лет (!) спустя после либерализации текущих операций середины 1960-х гг.

---

[119] По оценкам иностранных инвесторов, Газпром в 1999 г. стоил почти в 700 раз меньше (по сопоставимым критериям оценок), чем такие компании, как, например, Exxon (International Fund Investment. 1999. № 4. P. 17).

[120] Поэтому некорректно сравнивать динамику рубля, доллара и инфляции в соответствующих экономиках лишь за отдельные периоды без учёта стартового уровня курса между валютами. Многократная недооценка рубля на начальном этапе, очевидно, создала возможности для его ускоренного удорожания, опережая инфляцию.

Кому выгодно обесценение рубля: плюсы и минусы

В обесценивающейся валюте заинтересованы сторонники опоры на экспорт, внешнюю сферу, как главный источник роста, и бюджет. Но у нас недооценка рубля сама по себе фактически не приводит к росту экспортной валютной выручки (в т. ч. из-за ограничений пропускных способностей трубопроводов, портов), и из-за ограничений со стороны спроса. Происходит лишь рост рублёвых доходов экспортёров после продажи валютной выручки, полученной от экспорта. В то же время эффективность привлечения валютных кредитов снижается, а сами акции российских предприятий-экспортёров, как и все российские активы, становятся из-за курсового обесценения относительно дешевле для иностранных инвесторов. Под обеспечение кредитов в итоге требуется залог бóльшего количества акций, возникает проблема т. н. margin calls. Обесценение валюты ведёт к сокращению капитализации фондового рынка, снижению котировок (рис. 17, 18). Более дорогой рубль повышает эффективность привлечения иностранных инвестиций, делая продаваемые активы более дорогими и создавая возможность уменьшения более дорогостоящего обеспечения.

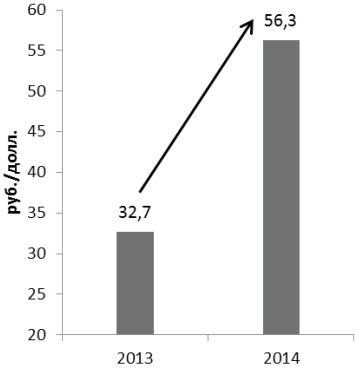
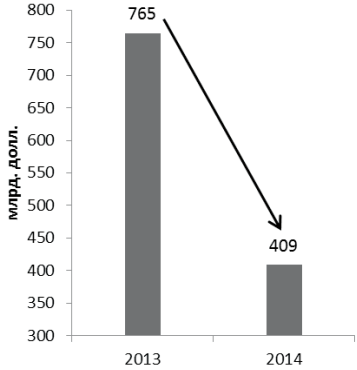


Рис. 17. Курс руб./долл.



Источник: НАУФОР, ЦБ РФ.

Рис. 18. Капитализация российского фондового рынка, млрд долл.

Кроме того, при «дешёвом» рубле и экспортёры, и бюджет будут сталкиваться с удорожанием внешних долгов, импортных компонентов и др. Для экономики в целом будет также отмечаться рост инфляции. По оценкам Банка России, превышение инфляцией целевого уровня в 5 % примерно «на две трети обусловлено ослаблением курса»[121]. Вновь вызывает удивление противоречие между объявленной целью и применяемыми инструментами: с одной стороны, объявляется цель по снижению инфляции, но одновременно с этим используются меры (девальвация рубля), которые эту инфляцию провоцируют.

Также при «дешёвом» рубле происходит уменьшение доходов населения и сжатие внутреннего спроса – важнейшего драйвера экономического роста.

[121] Выступление Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной в Государственной Думе. 16.06.2015 г.

Когда нам пытаются доказать, что при слабом рубле нам же лучше, – это вызывает, по меньшей мере, недоумение, поскольку это равносильно утверждению, что та зарплата, которую мы получаем, и те рубли, которые лежат у нас на вкладах или в кошельке, чем легковеснее и дешевле и чем на них меньше можно купить, тем нам же выгоднее. Вся нелогичность этой фразы очевидна.

Мы формируем рублёвую, а не долларовую экономику, и чем устойчивее и дороже будут рублёвые активы у населения и бизнеса, тем богаче они будут и тем охотнее они будут работать с рублями. Действительно, из-за более «дорогого» рубля усиливается конкуренция с импортными товарами. Однако, во-первых, это является стимулом для повышения конкурентоспособности наших производителей. В тех же случаях, когда внутренние производители не могут адекватно конкурировать с внешними поставщиками, целесообразно подключение рычагов торговой политики, которые обеспечат защиту соответствующих производств (поскольку валютный курс не является универсальным инструментом и его эффективное использование в целях внешнеэкономического регулирования возможно лишь в комплексе с другими мерами торговой политики).

Фактор более дешёвого импорта имеет свои положительные стороны – он удешевляет импортную составляющую для внутреннего производства, снижая издержки. Вновь, в соответствии с приоритетами экономической и структурной политики можно осуществлять селективный подход, обеспечивая низкий уровень цен для тех товаров, импорт которых является для внутренних производителей ключевым, и вводить защитные меры по тем товарам, производство которых необходимо в первую очередь осуществлять на внутренней основе.

Вновь о российских особенностях

Взгляд на данную проблему с точки зрения потребительского сектора имеет ещё один аспект, носящий геоэкономическое измерение, показывая насколько эффективно или неэффективно для экономики участие в международном разделении труда. Он говорит о том, как оцениваются результаты нашего труда (рублёвая зарплата, доходы в целом) мировыми рынками, какой объём товаров мы можем там приобрести по итогам нашего «трудового дня» (недели, месяца, года). Другими словами, какой спрос мы можем предъявить мировому рынку в обмен на итоги наших трудозатрат, и каков, в свою очередь, будет объём спроса у других стран к нашей экономике по итогам их аналогичных трудозатрат сопоставимого качества и квалификации. Будем ли мы (к примеру, по итогам рабочего дня или недели) в состоянии купить там какие-то значимые потребительские товары или после обмена рублей по «удешевляющему коэффициенту» на основе недооценённого валютного курса рубля, максимум на что мы можем претендовать на мировом рынке – это питание для восстановления своих трудозатрат. Чем более необоснованным будет удешевление рубля, тем более неэквивалентным будет наш обмен с внешним миром и тем в большей степени это будет походить на те принципы, которые использовались в прошлом в отношениях между страной-метрополией и развивающимися территориями.

В глобальном плане необходимо повысить нашу системообразующую роль в качестве субъекта (а не объекта) мировой экономики. Тогда попытки других стран использовать нас для своих потребностей (а это неизбежно произойдёт) будут компенсироваться нашими открывающимися возможностями использовать те преимущества, которые заключены в международной

системе, для собственного развития. Слабая национальная валюта, по сути, отсекает Россию от участия в мировой экономике в качестве полномасштабного инвестора, делая зарубежные реальные активы для российских инвесторов недоступно дорогими и оставляя в результате возможность нашего участия в их экономиках лишь во второстепенном качестве поставщика товаров и сырья.

Кроме того, упор на постоянно обесценивающуюся и недооценённую валюту ещё больше консервирует экспортную ориентацию отечественной экономики и сырьевой профиль такого экспорта. Именно экспортёры (а среди них важную роль играют сырьевые экспортёры) являются основными бенефициарами слабого рубля. Когда экспортёр сырья продаёт свою валютную выручку и получает рубли, то он же и формирует рублёвые спрос и предложение для всей остальной экономики, размещая заказы, субподряды и т. д. Другие отрасли начинают всё больше работать на обслуживание «сырьевых» интересов, и роль сырьевого сектора возрастает. В этой связи для прогрессивных изменений в структуре российской экономики необходимы новые подходы валютной и денежно-кредитной политики, которые способствовали бы развитию отраслей с высокой переработкой и внутреннего рынка.

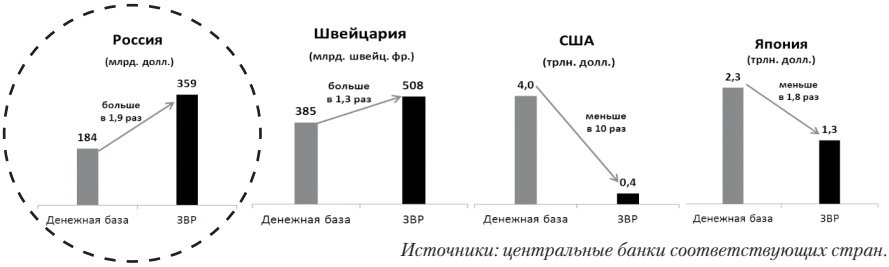
Некоторые предложения

Необходима целевая системная политика по формированию и управлению денежными ресурсами в экономике, которая должна превращать их в важный фактор экономического роста. Очевидно, такие подходы должны охватывать максимально широкий набор механизмов денежно-кредитной, валютной, бюджетной политики. Эффективность таких подходов будет существенно повышаться в условиях валютно-финансовой стабильности. В этой связи укажем, что для укрепления устойчивости и предсказуемости валютно-финансовой сферы целесообразно проводить курсовую политику, направленную на обеспечение долгосрочного стабильного реального курса рубля. Предсказуемость курсовых рисков будет способствовать удешевлению, а также удлинению кредитов, предоставляемых производственным предприятиям – реальному сектору.

В этой связи необходимо формирование адекватного объёма финансовых ресурсов, в том числе длинных, по доступной цене необходимых для обеспечения экономического роста. Необходимо увеличить роль внутренних источников финансовых ресурсов, необходимых для экономического роста по сравнению с внешним финансированием. Это становится особенно актуальным в условиях санкций против России. Важную роль должно играть использование целевых государственных бумаг (в том числе связанных с финансированием долгосрочных инвестиционных проектов), которые дополняются инструментами среднесрочного финансирования. Это будет способствовать созданию мощной основы длинных ресурсов (по опыту наиболее зрелых финансовых систем). В целом же использование механизма целевой долгосрочной эмиссии будет способствовать насыщению экономики длинными деньгами; диверсификации инструментов на рынке; оживлению соответствующего сегмента рынка; снижению ставок.

Необходим широкий комплекс мер (информационно-разъяснительных, регулятивных), направленных на повышение доверия к рублю. Для роста

доверия к рублю регуляторам следует более чётко обозначать свои курсовые предпочтения и те возможности по установлению курса, которыми регуляторы располагают. Так, размер золотовалютных резервов в настоящее время превышает величину всей рублёвой эмиссии (денежной базы) более чем в 2 раза[122] (рис. 19).



Источники: центральные банки соответствующих стран.

Рис. 19. Объём ЗВР и денежная база ряда стран (конец 2014 г., апр. 2015 г.)

Иначе говоря, все рубли в экономике теоретически могут быть стерилизованы. Естественно, никто этого делать не должен, но до участников рынка должно быть доведено, что при необходимости столь масштабные возможности воздействия существуют. Кроме того, указанные объёмы ЗВР технически позволяют установить такой уровень валютного курса рубля, какой целесообразен регуляторам для решения задач, стоящих перед экономикой. Это также необходимо довести до понимания рынка. В случае сокращения объёмов ЗВР до пределов, создающих угрозу финансовой устойчивости экономики страны, а также при сохранении спекулятивного давления на рубль можно на необходимое время вернуться к практике обязательной продажи части валютной выручки, и использовать нормативы валютной позиции (по успешному опыту 1998 г.), лимиты и иные меры, уменьшающие спекулятивный спрос на валютном рынке.

При необходимости следует внести изменения в нормативы, регулирующие деятельность кредитных организаций, которые стимулировали бы операции в национальной валюте и делали бы менее выгодными операции в иностранной валюте (при создании банками резервов, оценке рисков, достаточности капитала и др.), как это успешно делается в Швеции, Японии и других странах. В условиях санкций необходимо ускорить проработку механизмов использования рублей в расчётах за российский экспорт (на начальном этапе со странами СНГ, а на более позднем этапе – и с остальным миром). Важно учитывать геополитический аспект указанного вопроса. Вследствие расчётов в рублях для самих экспортёров уменьшатся экстерриториальные риски, связанные с возможностью применения санкций к их финансовым ресурсам (замораживание средств, мораторий по платежам и т. д.), как это может быть в случае хранения средств в иностранных банках. В результате расчётов в рублях российские экспортёры будут в большей степени заинтересованы в укреплении рубля, поскольку им будет выгоднее по-

[122] По этому критерию рубль находится в категории обеспеченных валют (рис. 17). Более того, западные эксперты также указывают на это обстоятельство, говоря, что «Россия – страна с валютой, обеспеченной золотом», и лишь вопрос времени, когда она это преимущество реализует. www.washingtontimes.com, 30.04.2015.

лучать платежи в дорожающей (а не обесценивающейся) валюте. При этом крепкий рубль, среди прочего, выступает тормозом инфляции, способствует росту доверия к российской валюте и в целом делает её более привлекательной для сбережений и инвестиций.

Необходимо продолжить политику расширения функций Банка России, приближая его к реальной экономике. Следует со всей тщательностью оценить новые возможности, возникшие вследствие введения поправок в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации» (поправки от 23.07.2013 г)[123]. Если перед Банком России будут поставлены новые задачи, которые приблизят его к целям стимулирования экономического роста, то тот мощный набор инструментов, которыми располагает Банк России, будет направлен на достижение этих целей, повышая его заинтересованность в решении этих задач. Обеспечение экономики адекватным объёмом финансовых ресурсов (в том числе длинных) по доступной цене будет способствовать созданию благоприятных условий для роста.

Важную роль будет играть стабилизация положения на валютном рынке, формирование курса рубля по более объективным критериям и недопущение его неоправданного обесценения. Адекватная и взвешенная валютная и денежно-кредитная политика будет способствовать росту доверия к рублю и станет фактором для обеспечения устойчивого развития. В условиях сохраняющихся внутренних и внешних вызовов необходимость этого ещё больше повышается.

[123] Речь, в частности, идёт о ст. 34.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации», где теперь более расширенно трактуются цели Банка России («устойчивость рубля посредством ценовой стабильности, в т. ч. **для формирования условий сбалансированного и устойчивого экономического роста» (**выделено. – *М. Е.*).

О НАУЧНЫХ ОСНОВАХ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Маневич В. Е., *руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, д. э. н.*, **Букина И. С.**, *старший научный сотрудник Института экономики РАН, к. э. н.*

Денежно-кредитная политика, проводившаяся в последние годы, во многом предопределила кризисную ситуацию в экономике России. От пересмотра денежной политики будет зависеть и выход из депрессии, возобновление экономического роста. Однако разработчики денежной политики по-прежнему исходят из ошибочной оценки макроэкономической ситуации и спорных теоретических постулатов, неприменимых к сегодняшним условиям России.

Денежно-кредитная политика и темпы инфляции

Руководители и аналитики Банка России (далее – ЦБ) полагают, что любое усиление инфляции, чем бы оно не вызывалось, может быть остановлено с помощью денежной рестрикции и повышения процентных ставок. В реальности, денежная рестрикция и повышение процентных ставок, сдерживающие агрегированный спрос, могут остановить лишь такую инфляцию, которая порождается избыточным платёжеспособным спросом. Если в экономике существуют ограничения по спросу, а рост цен порождается ростом издержек (одним из факторов издержек являются процентные ставки), или ростом цен импорта, например, вследствие снижения курса национальной валюты, тогда повышение ставок может лишь усилить инфляцию, повышая издержки, и при этом ещё более сократить агрегированный спрос, прежде всего – инвестиционный.

Такая политика «снижения инфляции» может обернуться глубоким экономическим спадом. Собственно, это мы и наблюдаем в российской экономике. Жёсткая денежная политика и рост процентных ставок, которые продолжаются уже в течение нескольких лет, сопровождаются усилением инфляции и торможением темпов роста. Тезис о снижении инфляции методами денежной политики и создании, тем самым, условий для ускорения роста в будущем повторяется в докладах ЦБ почти дословно из года в год. Результат, однако, достигается обратный: инфляция усиливается, рост тормозится.

Основная декларированная цель ЦБ – снижение темпа инфляции до 4 % в год *методами монетарной политики*. Но инфляция может вызываться как избыточным спросом, так и ростом издержек. В последние годы в российской экономике удельные издержки повышались в результате опережающего роста цен и тарифов естественных монополий, опережающего роста заработной платы (относительно производительности труда), падения валютного курса рубля. Жёсткая монетарная политика может замедлять темп инфляции, ограничивая избыточный спрос, если он имеет место, но методами такой политики невозможно преодолеть немонетарные факторы инфляции. Инфляция, вызванная ростом издержек, сама по себе ограничивает спрос. Если к этому ограничению прибавляется жёсткая денежная политика, заключающаяся

в сжатии денежного предложения и повышении процентных ставок, спад производства становится практически неизбежным, при этом инфляция может даже ускорится.

Зависимость между инфляцией и ставкой процента

В качестве основного инструмента монетарной политики, сдерживающей инфляцию, ЦБ рассматривает ключевую ставку, повышение которой, по его мнению, передаётся на весь спектр процентных ставок, в конечном счёте, снижает агрегированный спрос и темп роста цен. Однако ЦБ упускает из вида, что резко возросшие ставки по кредитам сами являются фактором, повышающим издержки и поэтому – цены. Инвестиционный спрос, действительно, критически зависит от ставок процента: систематические повышения процентных ставок и неблагоприятные процентные ожидания ведут к спаду инвестиционного спроса и одновременно способствуют росту, а не снижению цен.

Повышение процентных ставок в ответ на ускорение инфляции оправдано в условиях бума, избыточного инвестиционного спроса, перегрева экономики, но в условиях стагнации резкое повышение ставок может иметь разрушительные последствия: стагнация может перейти в полномасштабный кризис.

ЦБ упрощённо трактует зависимость между ключевой ставкой и ставками по кредитам и депозитам. «Проводя операции с кредитными организациями, Банк России непосредственно воздействует лишь на наиболее краткосрочные ставки денежного рынка, стремясь приблизить их к ключевой ставке. Данного воздействия должно быть достаточно, чтобы изменения ключевой ставки отразились на процентных ставках по кредитам и депозитам банков»[124]. Но на ставки по кредитам и депозитам, кроме ключевой ставки, влияет ряд других факторов. В текущей ситуации, сложившейся в российской экономике, критическое воздействие на ставки по кредитам оказывает неустойчивость валютного курса, которая делает валютные кредиты разорительными для заёмщиков, а рублёвые кредиты – разорительными для банков. Кроме того, процентные ставки, как и цены, значительно эластичнее в сторону повышения, чем в сторону понижения. Повышение ключевой ставки действительно может подтолкнуть ставки по кредитам вверх, но снижение ключевой ставки в сложившейся ситуации вряд ли приведёт к автоматическому снижению ставок по кредитам.

Плавающий валютный курс и таргетирование инфляции

Как полагают руководители ЦБ, управление валютным курсом является политикой, альтернативной контролю над инфляцией. Более того, режим свободного плавания рубля ЦБ рассматривает как решающее условие перехода к таргетированию инфляции. Логика здесь такова: до тех пор, пока ЦБ направлял основные усилия на поддержание валютного курса, денежное предложение ЦБ зависело от ситуации на валютном рынке, ЦБ не мог целенаправленно и достаточно эффективно влиять на инфляцию, и на процент-

[124] «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016–2017 годов», с. 4. Официальный сайт Банка России: www.cbr.ru.

ные ставки. Поэтому инфляция оставалось высокой, а ставки процента также были чрезмерно высокими и неустойчивыми. Снижение инфляции рассматривается в качестве основной предпосылки для снижения процентных ставок, роста инвестиционной активности. Предполагалось, что переход к свободному плаванию, следовательно, уход ЦБ с валютного рынка, позволит сохранить валютные резервы.

В качестве доказательства того, что поддержание устойчивого валютного курса и снижение инфляции являются альтернативными направлениями денежной политики, руководители ЦБ ссылаются на опыт российской экономики до кризиса 2008–2009 гг., когда ЦБ жёстко контролировал валютный курс, и задача снижения инфляции оставалась на втором плане. В этой аргументации упускается очень важный момент: в период до кризиса 2008–2009 гг. ЦБ стремился не допустить чрезмерного укрепления рубля. Напротив, в настоящее время регулирование валютного курса заключается в том, чтобы не допустить чрезмерного снижения курса рубля. Валютные интервенции в условиях снижения курса равнозначны не расширению, а сужению денежного предложения (ЦБ не покупает, а продаёт валюту), следовательно, даже в том случае, если принять монетаристскую догму о зависимости инфляции от количества денег, поддержание валютного курса в условиях ослабления рубля не противоречит подавлению инфляции. Напротив, неуправляемое снижение валютного курса подогревает инфляцию. *Действительно, анонсированный в ноябре 2014 г. переход к свободному плаванию рубля привёл к резкому падению курса рубля, что, в свою очередь, способствовало ускорению инфляции.*

В то же время, ЦБ, вопреки обещанию, не смог уйти с валютного рынка, что в сложившейся ситуации, было предсказуемо. Падение курса, индуцированное, в частности, анонсом о переходе к свободному плаванию, было столь значительным, что ЦБ вынужден был не свернуть, а резко расширить свои операции на валютном рынке. Если в III квартале 2014 г. ЦБ продал иностранную валюту на сумму 5 млрд долл., то в IV квартале – на сумму 64 млрд долл. В течение всего 2014 г. было продано иностранной валюты на 107,5 млрд долл.

Огромные продажи валюты ЦБ приводили к изъятию из обращения значительного количества денег, к снижению банковских резервов, нехватке ликвидности в экономике в целом. Чтобы восполнить нехватку ликвидности, ЦБ вынужден был расширить кредитование коммерческих банков. Однако, кредитуя коммерческие банки, ЦБ практически финансировал спрос на иностранную валюту и способствовал дальнейшему падению курса. В 2014 г. ЦБ предоставил коммерческим банкам кредиты на сумму 5,4 трлн руб. Напомним, что за тот же период ЦБ продал иностранную валюту на сумму 107,5 млрд долл., что эквивалентно 5,2 трлн рублей по курсу на конец каждого квартала.

Таким образом, в 2014 г. ЦБ полностью профинансировал спрос на иностранную валюту. Одновременно, стремясь охладить спрос на валюту, ЦБ повышал ключевую ставку процента, что способствовало росту всего спектра ставок. Ставки по кредитам достигли уровня 20–30 %, что совершенно неприемлемо для реального сектора. *Повышение процентных ставок тяжело сказалось на экономической активности реального сектора, но практически не повлияло на валютный рынок.*

Ключевая ставка – не единственный фактор роста ставок по кредитам. Резкий скачок валютного курса сделал кредиты, предоставленные в иностранной валюте, разорительными для заёмщиков, а кредиты в рублях –

разорительными для кредиторов. Чтобы избежать роста ставок, парализующих экономику, нужно допускать как предоставление кредитов, так и открытие депозитов, только в национальной валюте. Необходимо также и жёсткое регулирование валютного курса, но не с помощью продажи резервов, а методами прямого воздействия на спрос и предложение на внутреннем валютном рынке (обязательная продажа валюты экспортёрами ЦБ, валютный контроль над вывозом капитала, постепенное возвращение иностранных активов резидентов).

ЦБ принимает ошибочный постулат, будто бы свободное плавание курса национальной валюты «полноценно действует как встроенный стабилизатор экономики»[125]. Использование термина «*встроенный* стабилизатор» здесь не вполне корректно. Но дело не в некорректном использовании терминов: плавающий курс не является ни встроенным, ни естественным стабилизатором экономики в целом. Плавающий курс может уравновесить спрос и предложение на валютном рынке, но при этом вызвать многочисленные дестабилизирующие эффекты в остальной экономике, в частности, общий рост цен и перераспределение добавленной стоимости в пользу экспортёров и держателей иностранных активов. Повышение доходности экспорта в рублях достигается не за счёт остального мира, а за счёт тех отраслей и видов деятельности, которым нужна валюта (для оплаты импорта или погашения внешних обязательств).

Рост доходности в отраслях, ориентированных на экспорт, сопровождается снижением доходности в отраслях, работающих на внутренний рынок, но использующих импортируемые компоненты промежуточного спроса. Общий рост цен вызывает растущие ценовые ожидания и общую неуверенность предпринимателей. Неконтролируемое удорожание иностранной валюты может вызвать неплатёжеспособность заёмщиков, привлекавших внешние кредиты и т. д.

Анонсированное намерение ЦБ уйти с валютного рынка вполне предсказуемо вызвало всплеск ожиданий повышения курса и ускорения инфляции, усилило бегство от рубля, дало дополнительный импульс валютным спекуляциям.

Денежно-кредитная политика и экономический спад

Мы не преуменьшаем негативные последствия санкций, оттока капитала, снижения курса рубля, однако снижение темпов роста и сокращение инвестиций началось уже в 2013 г., т. е. *до* обострения внешней политической и экономической ситуации, и причины этих явлений лежали во внутренней экономике и экономической политике. К числу причин нужно, прежде всего, отнести политику жёсткой денежной и финансовой рестрикции, проводившуюся с 2011 г.

Федеральный бюджет в течение трёх кварталов каждого года сводился с крупным профицитом. Реальный избыток бюджета в 2011–2013 гг. увеличивался за счёт внутренних займов, не вызывавшихся необходимостью финансировать расходы. Даже в 2012 и 2013 гг., когда по итогам года фиксировался небольшой дефицит, в течение трёх первых кварталов бюджет сводился

[125] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов. С. 36.

с крупным избытком. При этом финансовые ресурсы, которые привлекались для финансирования дефицита по итогам года, превышали сам дефицит. Поэтому даже по итогам года существовал реальный избыток бюджета, оседавший на счетах в ЦБ. Формирование профицита означает неполное использование ресурсов, абсорбированных бюджетом, и является «встроенным тормозом» экономики. Увеличение остатков на счетах бюджета в ЦБ, если оно не уравновешивается активными операциями ЦБ, равнозначно уменьшению денежной базы.

Денежная политика, проводившаяся ЦБ в 2011–2014 гг. (и продолжающаяся в 2015 г.), была зеркальным отражением финансовой рестрикции. В течение первого квартала денежное предложение ЦБ резко сокращалось, во втором и третьем кварталах оно оставалось на уровне ниже последнего квартала предшествующего года, так что весь годовой прирост денежной базы приходился на декабрь месяц. Экономика функционировала в условиях хронического дефицита ликвидности.

Избыточное предложение иностранной валюты на внутреннем рынке, начиная с 2011 г., уменьшалось, а в отдельные кварталы сменялось избыточным спросом, так что валютный канал денежного предложения ЦБ не мог обеспечить прирост денежной базы в соответствии с потребностями экономики. Бюджетный канал эмиссии в условиях профицитного бюджета, в принципе, не функционирует. Возможности кредитования банков ограничены не всегда высокой кредитной активностью банков, залоговыми ограничениями, процентными ставками. Прирост денежной базы составлял до кризиса 2008 г. 4–5 % ВВП в год, в относительно благоприятном 2010 г. – 3,7 % ВВП, в 2011–0,8, в 2012–1,9 и 2013 – около 1 % ВВП, в 2014 – немногим более 1 % ВВП.

Сжатие же денежного предложения вело к росту всего спектра процентных ставок. Процентные ставки межбанковского рынка выросли с 2,6 % в середине 2010 г. до 8,1 % в середине 2014 г., то есть более чем в 3 раза. Ставки по кредитам на срок более 1 года, предоставленные банками нефинансовым организациям в рублях за тот же период, выросли с 9,0 % до 13,3 %, т. е. почти в полтора раза. Особенно ускорился рост ставок в 2014 г., когда ЦБ стал систематически повышать ключевую ставку по своим операциям.

В настоящее время ставки по долгосрочным кредитам кратно превышают рентабельность активов в экономике в целом, особенно рентабельность активов в обрабатывающих производствах и в сельском хозяйстве; именно в этих видах деятельности инвестиции финансируются, в значительной мере, за счёт банковских кредитов. При таком соотношении рентабельности и ставок по кредитам масштабное обновление производственных мощностей невозможно; реальны лишь точечные инвестиции в отдельные высокорентабельные проекты.

Руководители Минфина России и ЦБ утверждают, что в условиях низкой безработицы невозможно добиться расширения выпуска, наращивая бюджетные расходы и финансирование инвестиций. Но, во-первых, существует большая скрытая безработица на предприятиях, существует теневая занятость с низкой производительностью труда. Во-вторых, уровень безработицы различен в разных регионах, нужно решать проблему мобильности труда. В-третьих, инвестиции могут направляться не на создание новых рабочих мест, а на перевооружение существующих рабочих мест, на повышение производительности труда.

Политика, проводимая ЦБ, остаётся, в своей основе, неизменной в течение всего периода после кризиса 2008–2009 гг., однако аргументация руководителей и аналитиков ЦБ постоянно обновляется. Рассмотрим в форме тезисов важнейшие новшества в аргументации, выдвигаемой руководством ЦБ.

Тезис 1. ЦБ не может непосредственно влиять не только на денежную массу, но и на денежную базу, поскольку она определяется спросом банков на кредиты ЦБ. Но денежное предложение ЦБ определяется кредитованием банков, операциями на валютном рынке, избытком или дефицитом бюджета.

Тезис 2. ЦБ может влиять на денежную массу только через регулирование процентных ставок. В реальности, динамика процентных ставок находится в выраженной обратной зависимости от денежного предложения ЦБ. Принимая денежную базу в качестве экзогенной переменной, можно утверждать, что динамика денежной базы определяет динамику процента, а не наоборот.

Тезис 3. Рост денежной массы не всегда приводит к росту инвестиций и выпуска, он может приводить к инфляции или образованию финансовых пузырей. Тезис «не всегда приводит» превращается в утверждение «никогда не приводит», а тезис «может приводить» – в утверждение «всегда приводит». Это недобросовестный, но широко применяемый приём в полемике. В реальности, в российской экономике мы видим довольно чёткую зависимость между динамикой денежной базы и темпами роста ВВП. И, напротив, зависимость между динамикой денежной базы и динамикой цен практически не обнаруживается.

Таблица 1

Основные индикаторы денежной политики в 2003–2008 гг.[126]

	2003	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**
Темп роста денежной базы в реальном выражении, в процентах*	138,7	111,3	110,4	129,8	119,5	89,3
Динамика краткосрочной ставки, в разах**	0,78	0,78	1,16	0,97	0,98	1,53
Индекс потребительских цен	112,0	111,7	110,9	109,0	111,9	113,3
Темп роста ВВП	107,3	107,2	106,4	108,2	108,5	105,2
ВВП, в процентах к 2008 г.	71,0	76,1	81,	87,6	95,1	100

Как видно из таблицы 1, быстрый рост денежной базы, чем бы он ни вызывался, способствовал снижению ставок, но не оказывал существенного влияния на динамику цен. Напротив, практическое прекращение роста денежной базы в 2008 г. сопровождалось резким ростом ставок, но не остановило инфляцию.

[126] [*] – темп роста денежной базы в номинальном выражении, делённый на индекс потребительских цен. [**] – отношение краткосрочной ставки в декабре к декабрю предшествующего года.

Таблица 2

Основные индикаторы денежной политики в 2008–2014 гг.[127]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Темп роста денежной базы в реальном выражении в процентах*	89,3	106,5	116,4	99,4	106,9	100,1	96,9
Динамика краткосрочной ставки, в разах**	1,53	0,79	0,61	1,12	1,00	1,03	2,64
Индекс потребительских цен	113,3	108,8	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4
Темп роста ВВП	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6
ВВП, в процентах к 2008 г.	100	92,2	96,3	100,5	103,9	104,4	105,1

Как видно из таблицы 2, в 2009 г. и особенно в 2010 г. темп прироста денежной базы был достаточно высок, процентные ставки быстро снижались. Напротив, в период после 2011 г. темп роста денежной базы в реальном выражении был низким. *Темпы роста денежной базы снизились и были близки к нулю не вследствие усиления инфляции (до 2014 г. инфляция была низкой), а вследствие политики денежной рестрикции ЦБ.* Динамика денежной базы, очевидно, играет важную роль в определении темпов роста до и после кризиса. Снижение ставок, характерное для докризисного периода и 2009–2010 гг., начиная с 2011 г., сменилось их ростом. *Это вполне закономерно привело к затуханию темпов роста ВВП.* За 6 лет, предшествовавших кризису 2008 г., ВВП вырос почти на 30 %. За 6 лет, последовавших за кризисом, ВВП вырос всего на 5 %, а в 2015 г. ожидается его снижение. В 2014 г. ЦБ отказался от регулирования курса и «сосредоточился» на инфляционном таргетировании регулировании процентных ставок. *В результате ставки по кредитам взлетели более чем в 2,6 раза.*

Тезис 4. В условиях, когда сохраняется двухзначная инфляция, расширение денежного предложения не ведёт к повышению монетизации. Решающим фактором для уровня монетизации является темп инфляции, а не денежное предложение ЦБ и коммерческих банков. Это утверждение наглядно опровергается приведёнными выше данными. Монетизация снижалась в периоды резкого роста темпов инфляции (в 2008 и 2014 гг.) потому, что в эти года рост денежной базы останавливался (в 2008 г.), или же сводился к минимуму (как в 2014 г.).

Тезис 5. Разработчики политики ЦБ исходят из того, что эмиссионного дохода не существует. Иногда это утверждение высказывается открыто, но не в официальных документах, а в журнальных статьях[128]. В действительности в развитых и успешно развивающихся странах именно эмиссионный доход является важнейшим источником ресурсов для независимых (в том числе, государственных) долгосрочных инвестиций. В современной рос-

[127] [*] – темп роста денежной базы в номинальном выражении, делённый на индекс потребительских цен. [**] – отношение краткосрочной ставки в декабре к декабрю предшествующего года.

[128] См. Тулин Д. В. В поисках сеньоража, или лёгких путей к процветанию (Обзор полемики вокруг политики Банка России) // Деньги и кредит, 2014, № 12.

сийской экономике использование эмиссионного ресурса в размере 3–4 % ВВП для финансирования государственных инвестиций позволило бы увеличить долю накопления основного капитала с 18 до 21–22 %. В мировой литературе эмиссионный ресурс рассматривается как беспроцентный и безвозвратный кредит, предоставляемый частным сектором правительству[129]. Частичная монетизация государственного долга в развитых странах позволяет существенно сократить процентные расходы бюджета и служит действенным инструментом регулирования не только краткосрочной, но и долгосрочной ставки процента.

Обратимся теперь к теоретической модели, используемой разработчиками политики ЦБ. Отдельные фрагменты этой модели содержатся во врезках к тексту ежеквартальных докладов ЦБ, представленных на официальном сайте Банка России[130]. К сожалению, сколько-нибудь подробное, целостное описание этой модели в открытых источниках отсутствует.

Теоретическая модель Банка России

Постараемся воспроизвести теоретическую схему рассуждений ЦБ. Центральное место в этой схеме занимает понятие «разрыв выпуска» – ненаблюдаемая (умозрительно конструируемая) переменная. Суть этой переменной в следующем: существует определённый разрыв или зазор (gap) между объёмом реального выпуска и некоторым предельным гипотетическим объёмом, превышение которого будет ускорять инфляцию. Предельный уровень выпуска, не ускоряющий инфляцию, не равнозначен уровню, обеспечивающему полную занятость и эффективное использование труда, капитал и других ресурсов. Экономика может достичь уровня выпуска, ускоряющего инфляцию, и при неполной занятости и неполной загрузке производственных мощностей.

Этот гипотетический уровень зависит не от загрузки мощностей и занятости, а от факторов, которые можно считать ненаблюдаемыми, гипотетическими. К числу таких факторов относятся *ожидаемый* разрыв выпуска в предстоящем периоде, разрыв выпуска в предшествующем периоде, разрыв выпуска остального мира, отклонение банковских ставок от равновесного уровня, отклонение реального курса рубля от «фундаментально обоснованного» уровня, отклонение условий торговли (соотношения цен импорта и экспорта) от сложившегося тренда. Каждая из этих переменных предполагает оценку некоторого гипотетического равновесного уровня, будь то соотношение экспортных и импортных цен, валютный курс, уровень выпуска в предшествующем или последующем периоде, в стране и в остальном мире. Вполне наблюдаемые и измеримые переменные, обусловливающие динамику спроса и предложения, выпуска, дохода, занятость ресурсов и т. д. не включаются в эту схему.

По сути, темп инфляции не интересует авторов схемы. Уровень инфляции, вызываемый другими факторами, помимо разрыва выпуска, может быть любым, высоким или низким, для рассматриваемой схемы важно только

---

[129] См., например, Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост. М. УРСС, 2010, Гл. VII.

[130] Доклад о денежно-кредитной политике, выпуск № 1 (9), март 2015 и выпуски за 2013–2014 годы.

одно: *Объём выпуска (и, соответственно, дохода) не должен превышать гипотетический уровень, ускоряющий инфляцию, безотносительно к тому, каков реальный темп инфляции*. Следуя логике этой концепции, в конечном счёте, ограничивать нужно не инфляцию, а именно рост выпуска и дохода. Концепция «разрыва выпуска» предполагает, что любая инфляция, в конечном счёте, порождается избыточным спросом, и может быть преодолена ограничением спроса.

Регулирующая роль ЦБ сводится к воздействию на краткосрочную ставку. Устанавливая ставки по своим операциям, ЦБ, согласно этой схеме, вызывает импульс, воздействующий на цепочку зависимостей: краткосрочная ставка, долгосрочная ставка и валютный курс, наконец, разрыв выпуска. И, напротив, любая попытка стимулировать рост с помощью низкой процентной ставки приведёт только к ускорению инфляции, вслед за которой процентные ставки неизбежно вырастут, и торможение роста возобновится.

Насколько эта схема применима к российской экономике? Действительно ли динамика краткосрочной ставки и «условия торговли» определяют валютный курс? Действительно ли долгосрочная ставка зависит от краткосрочной ставки и долгосрочных инфляционных ожиданий? Действительно ли темп инфляции определяется факторами спроса, концентрированным выражением которых является умозрительно конструируемый «разрыв выпуска»? И от чего зависит сама краткосрочная ставка? Действительно ли на сколько-нибудь длительном отрезке времени ставка процента детерминируется темпом инфляции?

Динамика валютного курса в российской экономике обусловлена не столько состоянием торгового баланса или баланса товаров и услуг, сколько потоками трансграничного движения капитала. Сам по себе баланс товаров и услуг остаётся положительным, поэтому он не может вызывать резкого падения курса рубля. Следовательно, не может вызвать падения валютного курса изменение условий торговли, в том числе, падение цен на нефть. Снижение цен на нефть и газ сокращает чистый экспорт, но коль скоро сохраняется положительное значение чистого экспорта, изменение условий торговли (без учёта трансграничного движения капитала) может вызвать уменьшение избыточного предложения иностранной валюты, но не избыточный спрос на неё, замедление прироста валютных резервов, но не их сокращение.

Введение валютного контроля над вывозом капитала и постепенное сокращение иностранных активов российских корпораций вполне могут привести в равновесие финансовый счёт платёжного баланса, предотвратить формирование избыточного спроса на иностранную валюту и давление на курс рубля. Но с помощью манипуляций с краткосрочной ставкой достичь этой цели невозможно, такие манипуляции могут лишь немного скорректировать спекулятивный спрос на иностранную валюту.

В целом же вывоз капитала вряд ли определяется процентными ставками внутри и вне российской экономики. *Динамика процентной ставки в российской экономике не оказывает существенного воздействия на валютный курс, но рост ставок может вызвать серьёзные негативные последствия для реального сектора экономики, прежде всего, для инвестиций в основной капитал*.

Обратимся к факторам динамики процентной ставки. В мировой литературе динамика процентных ставок ставится в зависимость от ценовых

ожиданий на коротком, среднем и длинном отрезке времени, от ставок по операциям Центрального банка, от инерции процентных ставок, сложившихся в предшествующие периоды, от различий между процентными ставками внутри страны и на мировых финансовых рынках (с учётом премии за риск). Можно ли без критической проверки перенести эти зависимости на российскую экономику и на их основе моделировать динамику процентных ставок?

Остановимся сначала на временной структуре процентных ставок. Корректное сопоставление статистических данных о краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных ставках в России возможно лишь для тех немногих лет, когда не происходило значительного повышения или понижения ставок; процентные ставки оставались относительно стабильными. Конкретно это 2006, 2007, 2012 и 2013 гг. Статистические данные о *средних значениях* долгосрочных ставок (но не сами ставки по долгосрочным кредитам, предоставляемым в каждый текущий момент) более консервативны, чем данные о средних значениях среднесрочных и краткосрочных ставок. Дело в том, что средняя ставка по кредитам на срок, скажем, в три года формируется в течение трёх лет. Она отражает не только сегодняшний уровень ставок, но также уровень ставок, сложившийся один, два, три года тому назад. Напротив, средняя ставка по кредитам сроком до 30 дней отражает ставки, складывавшиеся всего в течение 30 дней.

В результате этого в те годы, когда происходил резкий рост процентных ставок (например, в 2014 г.), наблюдается своеобразный «статистический парадокс»: согласно статистическим данным, ставки по долгосрочным кредитам оказываются существенно *ниже* ставок по краткосрочным кредитам. Но это отнюдь не означает, что долгосрочные кредиты в текущем месяце или квартале предоставлялись по более низкой ставке, чем долгосрочные.

Если сопоставить ставки по кредитам разных сроков погашения в те годы, когда уровень всего спектра процентных ставок не обнаруживал явной, чётко выраженной тенденции ни к повышению, ни к понижению, можно обнаружить характерную для российской экономики зависимость: среднесрочные ставки, как и следовало ожидать, несколько выше краткосрочных ставок, но *долгосрочные ставки практически не отличаются от среднесрочных*. Ставки по кредитам на срок от 1 года до 3-х лет примерно равны ставкам по кредитам, сроком от 181 дня до года, и нередко *выше*, чем ставки на срок более 3-х лет.

Можно предложить несколько объяснений этого устойчивого феномена в российской экономике. Во-первых, горизонт ценовых ожиданий агентов российской экономики, как кредиторов, так и заёмщиков, не простирается за пределы половины года. Во-вторых, заёмщики имеют возможность замещать долгосрочный кредит несколькими последовательными среднесрочными кредитами. В результате выравниваются ставки по кредитам разных сроков. В-третьих, многие получатели долгосрочных кредитов связаны с банками устойчивыми институциональными зависимостями и пользуются некоторыми преференциями при установлении процентных ставок. Возможно, что к получателям долгосрочных кредитов предъявляются более жёсткие непроцентные требования.

Если горизонт ценовых ожиданий агентов российской экономики не превышает половины года, вполне логично предположить, что горизонт

процентных и курсовых ожиданий также не превышает этот отрезок времени. Вряд ли у агентов российской экономики могут сложиться устойчивые ожидания относительно политики ЦБ в предстоящие периоды, даже при условии, что ЦБ будет добросовестно анонсировать намечаемое использование своих инструментов.

Далее, трансграничное движение капитала в России вряд ли можно объяснить соотношением уровней процентных ставок внутри страны и на мировых рынках. Процессы ввоза и вывоза капитала обусловлены, скорее, политическими и институциональными причинами (суть дела не изменится, если мы, вслед за аналитиками ЦБ, назовём эти причины *межстрановыми рисками*), следовательно, регулироваться эти процессы могут только с использованием политических и институциональных рычагов, а не с помощью манипуляций процентной ставкой. Конструируя систему ненаблюдаемых переменных, ЦБ пренебрегает анализом реальных, наблюдаемых, вполне измеримых зависимостей в российской экономике, в частности, зависимостей между денежным предложением ЦБ и динамикой процентной ставки, выпуском и совокупным доходом.

Краткие выводы: необходимые изменения в денежно-кредитной политике

Подчинение денежно-кредитной политики единственной цели – сведению инфляции к намеченному уровню – противоречит экономической теории, мировой практике и совершенно неприемлемо в современных условиях российской экономики. Сферой ответственности ЦБ должно быть поддержание устойчивого роста и обеспечение экономики ликвидностью в размерах, определяемых потребностями хозяйственного оборота. И для этого необходимо расширение денежного предложения ЦБ и снижение процентных ставок.

Необходимо органическое согласование денежно-кредитной и финансовой государственной политики. Федеральный бюджет должен сводиться с дефицитом, определяемым возможностями его неинфляционного финансирования. Одним из источников финансирования дефицита должна стать денежная эмиссия, осуществляемая относительно равномерно по кварталам года.

Снижению ставок по кредитам должны способствовать, во-первых, снижение ставок по операциям ЦБ до уровня *существенно ниже темпа инфляции*, во-вторых, насыщение экономики ликвидностью, в-третьих, ограничение спроса на иностранные активы, в-четвёртых, весомое присутствие на кредитном рынке (в качестве кредиторов) Правительства Российской Федерации, ЦБ, банков и фондов развития.

Равномерное формирование бюджетного дефицита в пределах возможностей его неинфляционного финансирования исключит стерилизацию ликвидности на счетах бюджета в ЦБ. Негативный эффект другого фактора, обусловливающего «структурный дефицит» ликвидности – продажа валюты ЦБ – должен уравновешиваться покупкой ЦБ долгосрочных облигаций правительства. Эмиссионный ресурс ЦБ может служить важнейшим источником финансирования госинвестиций, необходимых в условиях спада инвестиций частного сектора.

Необходимо обеспечить устойчивость валютного курса рубля, однако в сегодняшних условиях управление валютным курсом исключительно с по-

мощью интервенций ЦБ ведёт к растрате официальных резервов. Нужно косвенное воздействие на курс рубля посредством регулирования спроса и предложения иностранной валюты на внутреннем рынке. *Спрос* на иностранную валюту может быть ограничен с помощью контроля над вывозом капитала. *Предложение* иностранной валюты может быть расширено в результате вывода из-за границы части иностранных активов российских корпораций и государства. Нужно иметь в виду, что в предшествующие годы значительная часть иностранных заимствований осуществлялась корпорациями именно для приобретения иностранных активов; эти обязательства не должны погашаться за счёт внутренней экономики или сокращения официальных валютных резервов.

Регулирование спроса и предложения иностранной валюты качественно изменит ситуацию на валютном рынке, позволит стабилизировать валютный курс на приемлемом уровне, не вызывая растраты валютных резервов.

ИМПЕРАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦЕН

Гельвановский М. И., *директор Национального института развития РАН, д. э. н.*

Уровни и соотношения цен во многом определяют характер и динамику развития страны. Одновременно перед страной стоят серьёзные проблемы масштабной модернизации. От того, как государство понимает свои задачи в области ценообразования, какую ценовую политику оно проводит, во многом зависит и успех реализации поставленных им задач по развитию экономики.

Стратегическое единство решения задач модернизации и повышения конкурентоспособности

Подходы к государственной политике цен на макроуровне могут носить различный характер – от полного неприятия вмешательства в сферу ценообразования, что также является выражением политики и активно декларируется значительной частью экономистов, придерживающихся либеральных взглядов на развитие экономики, до жёсткого регулирования цен, подобного тому, какое было в условиях плановой экономики СССР.

Между тем главным является вопрос не «как?», а «зачем?». Чего мы хотим добиться, влияя на цены? Здесь следует определиться с приоритетом стратегических задач развития экономики.

Как главный императив развития страны, модернизация российской экономики стала особенно очевидной и актуальной в условиях обострения геополитических противоречий между Россией и западными странами и объявления последними экономических санкций. Между тем, подход к модернизации рассматривается с разных позиций. Часто предлагается вариант догоняющей модернизации, который в самом своём названии содержит элемент неполноценности, обречённости на вечную гонку за лидером или за лидерами. Но даже если принять некий более активный, опережающий вариант модернизации, всё равно подход к этой проблеме должен носить междисциплинарный характер.

Модернизационный процесс (лучше – проект) должен рассматриваться как гораздо более широкая задача, чем её обычно понимают, как задачу обеспеченного инвестициями технологического перевооружения. Поэтому сама задача модернизации требует уточнения. Должна быть предельно ясно осознана главная взаимосвязь: *модернизация должна быть полностью подчинена задаче повышения конкурентоспособности национальной экономики (мароконкурентоспособности)* и необходимо найти правильное место в алгоритме решения этой задачи.

Другим важным ключевым понятием, с которым связано понятие модернизации, является понятие *«национальной безопасности»,* которое

является базой формирования конкурентоспособности, особенно макроконкурентоспособности[131].

Модернизация, конкурентоспособность и национальная безопасность и образуют базу, на основе которой должна формироваться государственная стратегия развития экономики. Причём модернизация должна рассматриваться в широком понимании, учитывающем не только технологические и финансовые возможности страны, но и её культурно-историческую специфику.

Опираясь на методологию формирования конкурентных преимуществ, при которой базовым фактором является обеспечение безопасности, можно выстроить следующий алгоритм развёртывания государственной конкурентной стратегии:

1) уточнение определения геополитических интересов для формирования внешнеполитической доктрины (Россия впервые с начала 90-х гг. XX в. начала серьёзно заниматься этим вопросом);

2) на основании внешнеполитической доктрины формируются оборонная доктрина, которая должна учитывать ресурсные возможности страны и военно-политические риски;

3) на основе оборонной доктрины вносятся коррективы в структурную экономическую политику государства, при этом экономика страны должна прочно опираться на собственную воспроизводственную базу;

4) центральной частью структурной экономической политики является промышленная политика, которая опять-таки должна исходить из максимальной ориентации на собственную воспроизводственную базу и кооперацию с наиболее лояльными к ней странами;

5) сердцевиной промышленной политики является высокотехнологический комплекс отраслей, который в определяющей мере должен обеспечить динамику развития не только оборонного потенциала, но, опираясь на технологии двойного назначения, социально-экономического развития страны в целом.

Такая логическая конструкция[132] даёт общее представление, способствующее принятию приоритетности стратегических решений по всей гамме отраслей национальной экономики, позволяет более рационально распределить ресурсы государственного управления при решении большого числа важных задач для достижения главной цели – повышения конкурентоспособности страны. Эта логическая последовательность формирования и решения задач, могла бы позволить предприятиям и компаниям стран-участниц более чётко понимать свои задачи, способствовать активному участию государственных структур и предприятий в решении главной задачи – повышения конкурентоспособности на основе учёта специфики страны, модернизации

---

[131] Более подробно проблема взаимосвязи макроконкурентоспособности и национальной безопасности рассмотрена в работах: Гельвановский М. И., Рожков К. Л., Скрябина Н. И. Конкурентоспособность национальной экономики: проблемы статистического сопровождения. Поиск методологической адекватности. М. Статистика России, 2009. С. 20–23 и 105–107. Гельвановский М. И. Конкурентоспособность и экономическая безопасность России в условиях глобализации, статья в сборнике научных трудов к XI Чаяновским чтениям, М. РГГУ, 2011. С. 5–11. Национальная безопасность и конкурентоспособность: взаимосвязи и приоритеты в условиях глобализации, статья в сборнике «Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации», вып. 5: К 20-летию образования Совета безопасности Российской Федерации, М. Известия, 2012. С. 30–43.

[132] Подробно: Гельвановский М. И. Международная интеграция: методологические аспекты проблемы повышения конкурентоспособности в условиях глобализации // Kazach Economic Review, 2012, № 1

производственной, хозяйственной и многих сторон социальной жизни. Каждая из которых должна вносить свой вклад в повышение общей эффективности хозяйственной системы.

Три функции социального государства

Прежде чем выстраивать модернизационную линию развития, необходимо определиться с социальными функциями государства. Что же такое социальное государство? Постараемся ответить на этот вопрос, ограничивая себя только социально-экономическими функциями государства. Речь должна идти о *государстве, стоящем на страже интересов социума как целого*, действующем от его имени и несущем перед ним всю полноту ответственности. В этой связи можно выделить *три уровня ответственности социального государства,* одновременно отражающих и *приоритеты* этой ответственности*:*

1**. Функции защиты**, которые складываются из трёх основных компонент: *внешняя защита социума* – оборона страны, обеспечение защиты территориальной целостности, отстаивание внешнеполитических и внешнеэкономических интересов; *поддержание внутреннего социального порядка*, обеспечивающего стабильность внутренней жизни населения страны, вертикальных и горизонтальных связей в социально-экономической системе; *поддержание систем жизнеобеспечения населения страны*. Это системы обеспечения водой, теплом (мы живём в природной зоне, где на большей части территории отрицательная температура держится более полугода), электроснабжением; продовольствием (способность прокормить своё население за счёт собственного производства основных продуктов питания); системы, обеспечивающие экологическую безопасность (предупреждение экологических и техногенных катастроф); производственная и социальная инфраструктуры, особенно транспорт и связь; различного рода государственные резервы, складские помещения под материалы, связанные с упреждением разных стихийных бедствий; сеть медицинских учреждений, пунктов первой помощи; система институтов здравоохранения (не предоставления платных услуг, а государственно гарантированную медицинскую помощь и профилактику); наука (прежде всего фундаментальная, которую не под силу поднять ни одной частной фирме); образование и воспитание, как важнейшие элементы формирования конкурентных преимуществ; метрологические службы, стандарты, в том числе стандарты безопасности.

2. **Функции гармонизации (балансирования) и развития**, которая складывается из следующих основных компонент: *обеспечение внутреннего хозяйственного порядка*, являющегося экономической основой социальной стабильности – справедливого формирования, распределения и перераспределения общественного дохода, общественных благ и собственности, приносящей доход; *придание всей хозяйственной системе необходимой динамичной сбалансированности*[133], обусловленной: естественным ходом технологического развития (человек, особенно современный не может не изобретать и не со-

[133] Важно подчеркнуть принципиальную важность термина «динамичная сбалансированность». Сама по себе сбалансированность предполагает нечто пропорционально завершённое, что изначально вступает в противоречие с динамикой хозяйственной системы. Поэтому правильнее в данном случае говорить именно о таких пропорциях экономики, которые в наибольшей степени обеспечивают динамику её развития.

вершенствовать орудия своего труда и методы производства и управления), а также конкурентной средой, прежде всего, международной, формирующей характер межгосударственных (межстрановых) отношений и задающей темп в современной мировой и национальной экономике. Для решения первой задачи требуется разработка и *проведение эффективной макроструктурной* политики, которая по существу является симбиозом *достаточно жёсткого технологического планирования* для решения программ жизнеобеспечения и более гибких механизмов балансирования удовлетворения потребностей второго, третьего и пр. порядков.

Промышленность – это ядро экономики, гармоничная структура которого обеспечивает определённую самодостаточность, вовсе не означающую полную автаркию, но способность поддерживать в активном и самодостаточном состоянии национальную воспроизводственную базу, разумное взаимодействие с глобальными партнёрами, при условии полного исключения односторонней зависимости от внешних ресурсных источников (Россия является одной из немногих стран на планете Земля, способной обеспечить наивысший уровень такой самодостаточности). Высокотехнологический комплекс – ядро, обеспечивающее рост эффективности и ресурсосбережения, на основе развития которого достигается совершенствование производства и управления, создаются технологии двойного назначения, обеспечивая задачи, определённые функциями защиты, гармонизации и динамического балансирования. Таким образом, в социальном государстве приоритетными являются задачи безопасности и динамичного балансирования производства и потребления. Это достигается двумя путями одновременно: государственным планированием, основанном на целевых прогнозах и гибкой формой самонастройки деятельности хозяйствующих субъектов, основанной на конкурентных (рыночных) принципах.

3. **Функции социальной поддержки** – *решение социальных задач, связанных с поддержанием социальной защиты слабых, не к собственной социальной защите групп населения*: престарелых и инвалидов, не способных содержать себя, детей-сирот, людей, попавших в трудные жизненные обстоятельства (стихийные бедствия, техногенные катастрофы и пр.). Эта деятельность в основном должна базироваться на местном (муниципальном) уровне. Но *государство должно создать условия, чтобы местные бюджеты были способны помогать таким людям, оказывать им помощь на регулярной или постоянной основе, или просто содержать их.* При этом уровень поддержки со стороны самодеятельного, здорового населения должен быть одним из важнейших показателей благополучия местных социальных институтов. На месте всегда лучше видно, кто и в какой помощи нуждается. И такая помощь будет более реальной и полезной не только для получающих, но и для оказывающих её, чем казённое распределение средств, получаемых из центра, которое часто служит источником коррупции или расхищения средств, направляемых на общественные нужды. И расходование таких средств должно контролироваться местным населением. Такой подход вовсе не означает полного ухода государства из этой сферы, но в основном эта деятельность, видимо, должна больше концентрироваться на мониторинге и анализе происходящих в этой сфере процессов, характеризующих не только материальное благополучие местных институтов, но его моральный климат в данной местности.

В дополнение к описанным трём функциям социального государства соответственно можно выделить три уровня *социальных цен. Социальные цены*

первого порядка – цены, обеспечивающие реализацию функции защиты социума (их ещё можно было бы назвать *инфраструктурными ценами*). Здесь, как правило, реального рынка нет и быть не может. Крупные сырьевые комплексы, железнодорожный транспорт, авиастроение и аэропорты, электроэнергетика (крупные предприятия по производству и передаче электроэнергии), тарифы ЖКХ (для крупных населённых пунктов), здравоохранение и образование, оборона – всё это нерыночная сфера. Насаждение рыночных отношений в этих сферах – это, в основном, форма лоббирования и прикрытия растаскивания общественных ресурсов по личным карманам. Развитие искусственных рыночных форм в этих сферах раньше или позже приведёт к углублению социального недовольства и социальным конфликтам, что мы уже наблюдаем сегодня. Эти зреющие конфликты будут постоянно источником социальной нестабильности и *главным направлением в этой сфере ценообразования является развитие различных форм научно обоснованного нормообразования и жёсткого государственного и общественного контроля. Социальные цены второго порядка* – регулируемые цены на продукцию государственных закупок, а также создание условий для социальной реализации потенций конкурентной среды на основе использования экономической информации. *Социальные цены третьего порядка* – цены социальной поддержки. Их формирование должно в основном регулироваться на основе методологических рекомендаций государственных органов экономического управления и соответствующих законодательных актов местного уровня.

Модернизация и инновации: как достичь национальной конкурентоспособности

Решая задачу модернизации, государство решает задачу *обеспечения стабильного состояния социума* (это главное, базисное условие) *в условиях внутренней и внешней конкурентной среды*. При этом оно должно особое внимание уделять своей специфической социальной функции – *приданию всей хозяйственной системе необходимой динамичной сбалансированности*. В современных условиях России стоит задача активной модернизации, под которой следует понимать, в первую очередь, обеспечение условий для *инновационного прорыва*, который мог бы вывести экономику страны на передовые рубежи глобального конкурентного соревнования. Здесь следует отметить следующее.

Задача построения инновационной экономики *должна решаться параллельно с восстановлением индустриальной экономики страны*, значительная часть которой оказалась утраченной в последние 20 лет. Формирование инновационных прорывных условий *должно опираться на чёткую конкурентную стратегию государства,* в которой должны быть предусмотрены меры экономической безопасности, обеспечивающие сформирование, сохранение и укрепление конкурентных преимуществ страны в глобальной конкурентной борьбе.

Инновационная экономика *предполагает чёткое и эффективное взаимодействие двух секторов хозяйства: рыночного,* гибко реагирующего на быстро меняющуюся внешнюю и внутреннюю экономическую конъюнктуру, приспосабливающуюся к меняющимся условиям, *и государственного,* ответственного, прежде всего, за системы жизнеобеспечения основной массы населения, оборону страны, социальную стабильность, обеспечивающую условия для создания устойчиво развивающихся центров инновационного развития.

Конкурентные отношения внутри страны не должны быть не только единственным, но и доминирующим условием развития инновационной экономики, которая должна базироваться прежде всего на интенсивном развитии фундаментальных исследований. Последние, в силу своей специфики (неопределённость и длительность экономических результатов от затраченных весьма внушительных ресурсов), не могут быть участниками конкурентных отношений и *должны финансироваться исключительно из средств государственного бюджета*, как практически во всех странах мира. Доминирующими в развитии экономики страны должны быть отношения согласованности и сотрудничества, позволяющие эффективнее использовать имеющиеся ресурсы, укрепляя и расширяя прежде всего интеллектуальный ресурсный потенциал страны.

Эффективное выстраивание модернизационной инновационной экономики предполагает также *достаточно равномерное и адекватное развитие всех отраслей и регионов хозяйственной системы страны.* Инновационная часть не может существовать в виде анклава на территории, где основная часть населения живёт в условиях средневековья: без газа и электричества, без нормальных транспортных путей и инфраструктуры. *Инновационная экономика не может быть самоцелью.* Она лишь *средство* выведения страны на новые, лидирующие позиции. Такие позиции может создать только государство, *создающее условия для формирования внутри страны взаимоувязанного блока сотрудничающих между собой мощных корпораций, выступающих в глобальном конкурентном пространстве как объединённый одной целью конкурентный субъект*, ориентированный на победу в глобальной конкурентной схватке XXI века.

Государственная политика цен как средство модернизации российской экономики

Опираясь на изложенные выше соображения, можно сказать, что для формулирования основных положений, которым должна удовлетворять государственная политика цен как мощное средство, способствующее модернизации российской экономики, следует выделить несколько моментов.

1. Государственную политику цен необходимо рассматривать как *совокупность мер, активно влияющих на процессы ценообразования в стране.* Это связано, во-первых, с тем, что рынок как система прямых и обратных связей работает на кратко- и среднесрочную перспективу и не может решить задачи стратегического характера. Во-вторых, ценовая сфера, оставленная без государственной опеки, становится объектом воздействия и влияния наиболее крупных и могущественных частных компаний и корпораций, не только непосредственно действующих на соответствующих рынках, но и занимающихся лоббированием на законодательное поле, в результате чего получается некоторая система, разрываемая интересами этих рыночных субъектов в ущерб государственным, общенациональным интересам.

2. При формировании подходов к государственной политике цен, следует исходить из того, что в современной экономике требования экономической устойчивости, сбалансированности между основными макроэкономическими агрегатами и задача поддержания *стабильно высоких* темпов экономического роста являются *взаимосвязанными. Цены в достижении этой цели являются одним из основных инструментов реализации этой сба-*

лансированности, т. е. должны быть «встроены» в стратегию социально-экономического развития страны на ближайшую и отдалённую перспективу. И это является главным принципом, на котором должна основываться государственная политика цен[134].

Достижение и сохранение динамичной сбалансированности цен может быть обеспечено путём определения направления и размеров изменения цен на основные виды товаров по годам очередной среднесрочной программы социально-экономического развития. Государственной политикой цен должно быть предусмотрено *активное регулирующее воздействие на цены со стороны государства*.

Размеры изменения цен предполагается рекомендовать в больших или меньших интервалах с разной детализацией по товарам. Расчёт гибких ценовых коридоров и удержание системы цен в их рамках, устанавливаемых на основные группы товаров, определяющих затраты на производство (энергоресурсы, электроэнергия, тарифы на жилищно-коммунальные услуги, продукты питания и проч.), и на основные ценовые агрегаты (индекс потребительских цен, индекс цен производителей, дефлятор инвестиций, дефлятор ВВП, курс национальной валюты) и ценовые агрегаты по отраслям и видам экономической деятельности, *является неотъемлемой частью макроэкономической сбалансированности*.

Следует особо подчеркнуть, что *современные экономические отношения требуют чрезвычайной гибкости*, поэтому им должны соответствовать *столь же гибкие регулятивные механизмы*. Отсюда требования к динамичной сбалансированности и устойчивости *априори не могут быть жёсткими*, такими, например, как это имело место в советской системе планового хозяйства.

Любая экономическая система, и особенно гибкая, должна обладать *дополнительным запасом прочности, так как состояние сбалансированности определяется не конкретными единичными значениями макроэкономических показателей, а их совокупностью, лежащей в середине некоей области устойчивости, которую представляется возможным очертить при помощи системы экономических расчётов (в том числе и прогнозных)*.

3. Созданию механизмов ценовой политики, направленных на рост эффективности и конкурентоспособности продукции и экономики должно предшествовать *определение параметров ценовой сферы и её соответствия задачам государственной политики цен*. Оно включает в себя:

– характеристику ценовой сферы национальной экономики с позиций её гармоничного развития;

– оценку степени соответствия уровня и соотношений цен задаче пропорционального развития отраслей экономики, обеспечения расширенного воспроизводства на основе современной техники и передовой технологии;

– оценку соответствия цен и доходов с позиции обеспечения общественно необходимых потребностей населения, государства и производственной сферы в товарах и услугах.

---

[134] Именно разбалансированность финансового и реального секторов экономики сначала привела к ценовой нестабильности на мировых рынках финансовых и материальных активов, а затем послужила «пусковым механизмом» мирового кризиса. *Цены и соотношения между ними не просто балансируют спрос и предложение в экономических системах, но одновременно являются важнейшими индикаторами устойчивости систем, сигнализируют о кризисных проявлениях.*

4. Следующим шагом должно быть *определение критериев и параметров, характеризующих систему цен* как отвечающую требованиям общей экономической политики и обеспечивающей долговременное повышение конкурентоспособности национальной экономики, исходя из складывающейся экономической ситуации. На основе определения параметров и критериев сложившейся ценовой сферы разрабатывается *Программа перехода к системе взаимоувязанных цен внутреннего рынка.* Переход к системе взаимоувязанных цен внутреннего рынка должен осуществляться в соответствии с решениями, принимаемыми *органом, ответственным за реализацию ценовой политики (*далее – регулирующий орган)[135]. Регулирующий орган в процессе объединения обособленных сегментов цен в единую систему учитывает затраты на производство и прибыль в соответствии с установленным нормативом рентабельности.

Затраты на производство учитываются по степени соответствия объёма производства товаров (продукции и услуг) *общественно необходимым потребностям* в них (сбалансированности спроса и предложения), а также по возможности и целесообразности обеспечения той или иной степени соответствия в предстоящем периоде. *Нормативы рентабельности* разрабатываются регулирующим органом для определения лимитов изменения цен. *Цены участников рынка должны формироваться на основе затрат в соответствии с действующим порядком отнесения их на себестоимость продукции. Их уровень и динамика определяются рыночной конъюнктурой при условии соответствия лимитам регулирующего органа. Фактическая рентабельность должна быть результатом ценовой конкуренции,* обеспечивая производителям товаров и услуг дополнительный доход от более эффективного использования ресурсов. В этой части целесообразно установить нижнюю планку рентабельности, ограничивающую использование прибыли после уплаты налогов на выплату дивидендов. *В социально значимых отраслях* (жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, сельское хозяйство) *возможно применение стимулирующих налоговых механизмов, административного регулирования цен на отдельные виды товаров и услуг, предоставление субсидий отдельным группам населения.*

5. Особую роль в формировании эффективной государственной политики цен принадлежит *системе ценовой информации***,** которая должна охватывать всю хозяйственную вертикаль – от муниципального уровня до федеральных органов управления, но в основе которой должен осуществляться *реальный обмен ценовой информацией между реальными хозяйствующими субъектами.* Система ценовой информации должна представлять собой *непрерывно обновляемую базу данных о ценах предложения отечественных производителей всех видов товаров и услуг, а также импортёров, ввозящих товары на таможенную территорию Российской Федерации.* Система ценовой информации должна обеспечивать: полномасштабное включение производителей в конкурентную борьбу с целью выработки стратегии развития; возможность выбора потребителями товаров и услуг, оптимальных производственных связей с целью минимизации затрат; прозрачность изменения стоимости товара по мере движения его по цепям технологической кооперации от сырья до конечного продукта.

---

[135] Функции этого органа могут быть либо возложены на подразделение одного из действующих ведомств экономического блока Правительства России, либо для этого может быть образована специальная структура, за которой будет законодательно закреплено решение задачи реализации ценовой политики государства.

Система ценовой информации позволит субъектам рынка и органам исполнительной власти осуществлять мониторинг процессов в ценовой сфере для оперативного принятия мер, предотвращающих рост инфляции, а также вносить необходимые изменения в стратегию развития экономики страны и её отдельных секторов.

6. Реализация государственной ценовой политики *должна быть этапной.*

На первом этапе государство осуществляет комплекс мер *по объединению разобщённых сегментов ценовой сферы в единую систему цен внутреннего рынка.* Комплексная программа включает следующие шаги: проведение углублённого анализа состояния ценовой сферы с целью определения количественных размеров накопившихся диспропорций, препятствующих нормальному воспроизводственному процессу в отдельных отраслях экономики и в хозяйственной системе в целом; определение на основе анализа состояния ценовой сферы количественных параметров изменения цен в отдельных сегментах ценовой сферы для устранения накопившихся диспропорций; установление заданий по изменению соотношений цен между секторами по годам среднесрочной программы социально-экономического развития. Одновременно предполагается осуществление подготовки правовой базы для формулирования порядка ценообразования в России в целом и применения административного регулирования цен в ходе реализации первого этапа государственной политики цен. С этой целью в законодательство должны быть внесены изменения, ограничивающие права хозяйствующих субъектов на формирование и применение цен.

На втором этапе, после завершения объединения разобщённых сегментов ценовой сферы в единую систему цен внутреннего рынка, *практически отпадёт необходимость в активном административном регулировании цен.* Временные нормы, необходимые для реализации первого этапа, заменяет Федеральный закон «О ценах и ценообразовании в Российской Федерации», который становится основой законодательного закрепления стратегических направлений государственной политики цен. В результате его принятия должны быть решены следующие наиболее важные задачи: а) приведены в систему нормы, устанавливающие порядок формирования цен; б) определены права и обязанности участников внутреннего рынка в области ценообразования; в) фрагментарные и разрозненные, содержащиеся в различных законодательных актах (федеральных законах и кодексах, действующих в отдельных отраслях) положения, касающиеся цен и ценообразования, должны быть заменены непротиворечивым системным изложением соответствующих требований. Важная роль должна быть отведена понятийному аппарату, используемому в законе, который исключал бы различное толкование отдельных норм и положений закона.

Раздел закона, посвящённый вопросам формирования цен, опираясь на положения действующего порядка отнесения затрат на себестоимость, должен определить перечень затрат, подлежащих обязательному учёту в ценах, а по ряду статей – *установить критерии достаточности затрат. Критерии достаточности необходимо установить по затратам воспроизводственного характера, а нарушение этих критериев квалифицировать как демпинг.* Особая глава должна быть посвящена *порядку учёта и отражения в цене налогов и акцизов, а также обязанности изготовителя снижать цену при снижении ставок налогов (акцизов).* Раздел закона, устанавливающий порядок применения цен, должен *обеспечить приоритет изготовителю товара (продукции, услуги) в вы-*

работке и реализации ценовой политики. Законом должна быть предусмотрена *общедоступность информации об уровне и динамике цен*. Общеметодологические правила формирования и применения цен в законе должны быть установлены едиными для всех отраслей и видов продукции и услуг.

Государство может устанавливать исключения (временные или постоянные) из единых правил, например, для детского ассортимента товаров или медицинских препаратов, но только в случае компенсации выпадающих доходов изготовителя или продавца при установлении таких исключений. Единые правила формирования и применения цен должны распространяться на всех участников рынка независимо от их доминирующего положения на рынке, а также от вхождения в состав естественных монополий. Проявления монополизма как отступления от единого порядка формирования и применения цен должны пресекаться законодательством о защите конкуренции. При этом нормы закона о защите конкуренции не должны препятствовать стремлению предприятия (организации) к занятию доминирующего положения на рынке за счёт более высокой эффективности производства и качества товара (услуги) при условии соблюдения им требований закона о ценах и ценообразовании.

7. Для реализации государственной политики цен *должны применяться косвенные методы ценового регулирования в соответствии с задачами развития экономики в средне- и долгосрочной перспективе*. При этом в законе о ценах должен быть определён ограниченный перечень ситуаций, допускающих применение тех или иных регулирующих инструментов. Основание для применения регулирующих инструментов – результаты мониторинга тенденций в ценовой сфере по данным системы ценовой информации. Таким образом, федеральный закон о ценах и система ценовой информации являются институциональной основой реализации государственной политики цен в России (рис. 1).

Рис. 1. Взаимодействие Федерального закона о ценах и Национальной системы ценовой информации

8. Кроме институциональной основы государственная политика цен должна быть обеспечена организационно. Предлагается такой алгоритм взаимодействия государственных органов в реализации государственной политики цен.

– *Правительство разрабатывает долгосрочную национальную государственную конкурентную стратегию развития*. Сейчас мы относимся к конкуренции как к стихийному процессу, хотя он на самом деле организуется, а также как к исключительно положительному процессу, хотя он имеет теневые стороны, связанные с недобросовестной конкуренцией. Это очень жестокая борьба. Для такой среды эта стратегия и должна быть разработана и транслирована в орган, который принимает решение по регулированию цен.

– *Орган, отвечающий в государственной системе за состояние ценовой среды,* должен работать на основе регулярно проводимых исследований и разработок научно-исследовательского центра по комплексным проблемам государственной ценовой политики. Такой центр анализирует и выдаёт федеральному органу по ценам соответствующую информацию об изменении цен, состоянии ценовой сферы страны (сейчас на макроуровне в таком комплексном виде этим никто реально не занимается). При центре с участием федерального органа по ценам следует создать *координационный совет по ценовой и тарифной политике*, который должен играть роль согласовательной площадки государственных институтов, представителей бизнеса и общественных организаций (прежде всего, профсоюзов). Система государственных органов анализа, контроля и регулирования цен в стране должна *базироваться на системе ценовой информации*, которая доступна участникам рынка и *должна стать той основой, на которой будет выстраиваться система национальных цен, отвечающих потребностям страны, её модернизационному развитию.*

Такова примерно институциональная схема организации работы на федеральном уровне. Дальше это должно транслироваться в регионы, в некоторых из которых ещё сохранились остатки прежней системы органов ценообразования (надобность в них, видимо, не везде отпала). В целом, предполагается, что по завершению работы по формированию системы цен, обеспечивающих нормальное воспроизводство, и созданию национальной системы ценовой информации возникнет возможность перевода всей системы реализации государственной политики цен в своеобразный «полуавтоматический режим функционирования».

Этот режим должен базироваться на двух основах: первая – система ценовой информации, которая обеспечивает необходимые условия для самостоятельной работы предпринимателей, принятия ими оптимальных хозяйственных решений; и вторая – федеральный закон о ценах в России, который должен очертить рамки этой работы хозяйствующих субъектов. На этой основе и должна базироваться государственная политика цен, её *главная задача – не вмешиваясь активно и непосредственно в текущее ценообразование, создавать условия для того, чтобы цены стимулировали те или иные модернизационные процессы, исходя из стратегии социально-экономического развития страны.*

Свою политику государство может проводить через предприятия госсектора или смешанные предприятия и компании, экономическая мощь которых достаточна, чтобы реализовать интересы государства через рыночные механизмы, не прибегая к чрезвычайным мерам грубого вмешательства в тонкий процесс ценообразования на частных предприятиях. Вся система реализации государственной политики цен должна осуществляться в комплексе с бюджетной, кредитной, таможенной и валютной политикой.

Именно так можно реализовать стратегические задачи, которые должны быть поставлены в национально-государственной конкурентной стратегии развития России, без которой она фактически не обладает субъектностью в международной конкурентной борьбе. Исходным посылом государственной политики цен должна неизменно являться долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны, в которой и должны быть заложены элементы навязываемого современным миром глобального соперничества России с ведущими державами мира.

РОЛЬ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ ПО ВЫХОДУ ИЗ ТЕКУЩЕГО КРИЗИСА[136]

Ермаков В. П., *генеральный директор Российского агентства поддержки малого и среднего бизнеса, к. э. н.*

Современная экономическая история развития ведущих стран мира показывает, что, несмотря на все трудности и вызовы развития, именно малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) остаётся ключевой «точкой роста» экономики любой страны. Этому способствует лучшая адаптация к изменению конъюнктуры рынка, более высокая налоговая дисциплина, более низкий уровень затрат, значительная инновационная активность.

МСП – основа для формирования и расширения среднего класса, заинтересованного в политической стабильности общества, развитии демократических основ, повышении качества человеческого капитала и реализации модернизационной повестки дня в экономике. Именно МСП способно обеспечить конкурентоспособную диверсификацию отечественной экономики с необходимой инновационной составляющей на глобальных рынках. МСП является естественным резервом увеличений объёма экспортируемой несырьевой и высокотехнологичной продукции, продукции с высокой добавленной стоимостью.

Кроме того, развитие МСП – это один из решающих факторов инновационного обновления – обновления на принципах реализации экономики знаний, человеческого капитала, роста инициативы и ответственности. МСП является наиболее приспособленным и мобильным при реагировании на постоянно изменяющуюся рыночную конъюнктуру, появление новых ниш и потребностей рынка. При этом МСП обеспечивает высокую эффективность капиталовложений, формирует конкурентную среду, насыщает рынок товарами и услугами, увеличивает налоговые поступления в бюджеты всех уровней, а также обеспечивает быструю генерацию новых рабочих мест.

МСП играет важную роль в формировании конкурентоспособных кластеров, без их участия невозможна реструктуризация действующих промышленных предприятий. Одним из основных показателей элементов оценки уровня экономического развития любого государства является его способность конкурировать с экономиками других стран. Поскольку основу любой рыночной экономики составляет МСП, то его состояние отражается и на состоянии экономики страны в целом. Возможность реализации частной предпринимательской инициативы и развитие МСП являются необходимыми условиями успешного развития страны, решения социальных и экономических задач.

Поддержка и развитие МСП России – один из основных приоритетов антикризисного плана Правительства Российской Федерации, ведь малые и средние компании в силу присущей им мобильности и гибкости могут сгладить негативные процессы в сфере занятости населения, обеспечить социальную

[136] При подготовке статьи использованы материалы заседания Государственного Совета Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего бизнеса (7 апреля 2015 года), данные Минэкономразвития России и Росстата, материалы Российского агентства поддержки малого и среднего бизнеса.

адаптацию высвобождающихся с крупных предприятий работников, сформировать новые рыночные ниши и точки экономического роста. МСП должно стать основой экономики посткризисного периода. Готов ли этот сектор к решению подобных задач и обладает ли достаточным для этого потенциалом?

На 1 января 2014 г., по данным Росстата (по выборочному наблюдению) и ФНС, в России зарегистрировано 5,6 млн субъектов МСП, на которых занято 25 % от общей численности занятых в экономике. Анализ основных показателей развития МСП в России позволяет сделать следующие выводы:

1. Несмотря на относительно высокий вклад в обеспечение занятости населения, по другим показателям МСП играет незначительную роль в экономических процессах. На МСП приходится около 25 % от общего объёма оборота продукции и услуг, производимых предприятиями по стране. Доля сектора МСП в ВВП России находится на уровне 20–21 %. Вместе с тем уровень обеспеченности МСП основными средствами пока является крайне низким. Малые и средние компании владеют только 5–6 % от общего объёма основных средств и формируют около 6 % от общего объёма инвестиций в основной капитал.

Более того, сравнение уровня развития МСП в России с другими странами показывает заметное отставание по ряду показателей. Так, доля МСП в ВВП во многих зарубежных странах составляет более 50 %. Аналогичная ситуация наблюдается с долей занятого населения, приходящейся на сектор МСП, в России МСП обеспечивает лишь 25 % постоянных рабочих мест, тогда как в развитых странах он колеблется от 35 % до 80 %. Плотность МСП (количество субъектов МСП на 1000 жителей) в России сопоставима с зарубежными показателями. Но средний объём добавленной стоимости, производимой одним субъектом МСП, заметно уступает уровню развитых стран.

2. МСП в России – это, в первую очередь, микробизнес. Сектор МСП в России представлен в основном индивидуальными предпринимателями и микропредприятиями. В частности, около 62,8 % от общего количества субъектов МСП являются индивидуальными предпринимателями, 32,7 % относятся к категории микропредприятий, 4,2 % – к малым предприятиям и лишь 0,3 % – к средним предприятиям. Сопоставление среднего числа занятых с установленными законодательством пороговыми значениями разделения на категории субъектов МСП (до 15, до 100 и до 250 работников) подтверждает тезис о том, что малый бизнес в России – это скорее мелкий бизнес. Так, в 2013 г. среднее число работников на малом предприятии составило 27,5 человека, на микропредприятии – 2,4 человека, на среднем предприятии – 102,6 человека. В сфере индивидуального предпринимательства в среднем занято 1,5 человека.

3. Задача по развитию МСП связана с перераспределением трудовых ресурсов, занятых в государственном, частном и неформальном секторе экономики. Совокупная среднесписочная численность занятых на субъектах МСП составила в 2013 г. 17,8 млн человек, из которых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности занято 5,4 млн чел. (30,6 %), на предприятиях-юридических лицах – 12,4 млн чел. (69,4 %). Анализируя структуру занятости в России можно сделать вывод, что занятость в большей степени обеспечивается средними и крупными предприятиями с численностью работников от 250 человек, тогда как множество небольших предприятий с численностью работников менее 50 человек обеспечивает меньшую долю рабочих мест.

4. В последние годы отмечается тенденция к росту неформальной занятости в сфере МСП. Одна из основных негативных тенденций, фикси-

руемых в сфере деятельности малых и средних компаний, – рост занятости в неформальном секторе экономики. Согласно данным ФНС России, в 2013 г. произошло резкое сокращение числа индивидуальных предпринимателей на 12,7 % – до уровня 2007 г. Однако прекратившие деятельность индивидуальные предприниматели не перешли на работу по найму, о чём свидетельствует статистика занятости на малых, средних и крупных предприятиях. Среднесписочная численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства в 2013 г. сократилась на 1,6 % по сравнению с уровнем 2012 г. и на 0,4 % относительно уровня 2011 г. Кроме того, в 2013 году на 0,5 % сократилось число замещённых рабочих мест работниками списочного состава, совместителями и лицами, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера, в крупных и средних организациях. С другой стороны, согласно официальным данным Росстата, в период с 2010 по 2013 г. фиксировалось поступательное снижение показателя безработицы. Приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что предприниматели, снявшиеся с регистрации, либо работники, ушедшие из сферы наёмного труда, продолжают работать в неформальном секторе.

5. Роль малых предприятий заключается в создании комфортной среды для граждан, обеспечении занятости; средние предприятия, напротив, обеспечивают экономическое развитие. Рассматривая отраслевую структуру сектора МСП, необходимо отметить, что по мере роста размера компании её специализация меняется в сторону более сложных видов деятельности. Сектор малого предпринимательства, который включает индивидуальных предпринимателей, микропредприятия и малые предприятия-юридические лица, сосредоточен в сферах торговли и предоставления услуг населению. Средние же предприятия в большей степени представлены в сферах с более высокой добавленной стоимостью – обрабатывающая промышленность, строительство, сельское хозяйство.

Значительная часть средних предприятий – это, как правило, высокопроизводительная, инновационная и эффективно управляемая компания. Именно такие средние компании создают предпосылки для качественных прорывов в развитии рынков, формируют вокруг себя среду для развития малых предприятий, обеспечивая их рынком сбыта продукции и услуг. Значимость среднего бизнеса для обеспечения экономического развития проявляется при анализе отраслевой структуры сектора МСП. Основная занятость на средних предприятиях приходится на сектор промышленного производства (33,8 %). Малые предприятия, микропредприятия и индивидуальные предприниматели создают большее число рабочих мест в торговом секторе (29,9 %, 38,4 % и 56,4 % соответственно).

Большая часть оборота всех категорий субъектов МСП приходится на сектор торговли: от 45,6 % оборота средних предприятий до 84,5 % оборота у индивидуальных предпринимателей. Вместе с тем около 26,3 % оборота средних предприятий формируется в сфере промышленного производства.

Распределение инвестиций в основной капитал разных категорий субъектов МСП по видам экономической деятельности также свидетельствует о том, что средние предприятия демонстрируют более высокую инвестиционную активность в более капиталоёмких сферах. Основной объём инвестиций в основной капитал средних предприятий-юридических лиц приходится на сельскохозяйственный сектор и промышленный сектор, у малых и микропредприятий-юридических лиц – на строительный сектор и сектор предоставления услуг.

Анализ структуры МСП по отраслям позволяет сделать важный вывод: в силу специализации на торговле и смежных операциях малые предприятия почти не участвуют в инновационной деятельности – сфера торговли не предъявляет спроса на инновации. Видоизменение отраслевой структуры в сторону более технологически сложных видов деятельности окажет серьёзное влияние на отмеченные ранее характеристики МСП в Российской Федерации.

6. МСП развивается на территории Российской Федерации неравномерно. Распределение субъектов МСП по регионам России характеризуется высокой степенью концентрации: согласно статистическим данным на 10 субъектов с наибольшим количеством МСП-юридических лиц приходится около 46 % от общего количества таких субъектов. В сегменте индивидуальных предпринимателей показатель концентрации составляет 37 % для первых 10 регионов.

Динамика МСП по стране зависит от его состояния в регионах-лидерах. Так, на г. Москву пришлось около 40 % от общего прироста численности занятых в 2011–2013 гг. (в % от прироста по регионам, которые продемонстрировали положительную динамику показателя в указанном периоде). Без учёта этого прироста сокращение численности занятых за этот период составило бы 1,7 %, а не 0,4 %. На долю г. Санкт-Петербурга пришлось 63 % прироста количества зарегистрированных субъектов малого и среднего предпринимательства (включая юридические лица и индивидуальных предпринимателей) за указанный период и без его учёта сокращение показателя в целом по стране составило бы 7,3 %, а не 6,1 %. Сокращение оборота на МСП (с учётом уровня инфляции) в 2013 г. по сравнению с 2011 г. по стране во многом обусловлено падением оборота в г. Москве – на 23,3 %. Динамику инвестиций в основной капитал можно охарактеризовать как негативную во многом из-за сокращения показателя в таких регионах, как Краснодарский край, Ленинградская и Белгородская области.

В 2011–2014 гг. проводился ряд исследований условий развития предпринимательства в России, итоги которых позволили систематизировать ключевые проблемы и факторы, ограничивающие развитие МСП. В числе основных предпринимательское и экспертное сообщество выделяют следующие факторы:

1. Проблемы в нахождении рынков сбыта продукции. Сложности с поиском потребителей продукции традиционно входят в число факторов, ограничивающих МСП. Согласно результатам проводимых Росстатом ежеквартальных обследований малых предприятий, осуществляющих деятельность по добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, в среднем около 50 % процентов малых предприятий регулярно сталкивается с проблемой «недостаточного спроса на внутреннем рынке». В IV квартале 2014 г. с учётом изменившейся экономической ситуации проблема спроса на продукцию МСП обострилась, что подтверждается данными проведённого в январе 2015 г. РБК опроса предпринимателей на тему «Что мешает малому бизнесу развиваться?». 59 % опрошенных малых предприятий (общий размер выборки – более 14 тыс. человек), работающих в сфере обрабатывающих производств, отметили проблему спроса на продукцию как наиболее значимый фактор, среди сдерживающих развитие производства факторов.

2. Нестабильность законодательства. В период 2013–2014 гг. был принят ряд регуляторных решений, вводящих дополнительные требования и по-

вышающие финансовую нагрузку на малые и средние компании. Речь идёт в первую очередь об изменениях в налоговой сфере (введение торгового сбора, отмена льготы по налогу на имущество для предпринимателей – плательщиков упрощённой системы налогообложения и системы налогообложения в виде единого налога на вменённый доход) и в сфере обязательных страховых платежей (увеличение фиксированного страхового платежа для индивидуальных предпринимателей). Проблема нестабильности законодательства в совокупности с неопределённостью экономической ситуации заставляет предпринимателей сворачивать инвестиционные планы, уходить в теневой сектор.

Как показало исследование «Деловой климат в малых промышленных организациях России во II полугодии и ожидания предпринимателей на I полугодие 2015 г.», проведённое Центром конъюнктурных исследований Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики, во II полугодии 2014 г. 66 % руководителей малых предприятий сообщили, что практически не осуществляли инвестиции. Только 9 % от всех участников опроса отмечали, что инвестировали значительные средства в развитие.

Свидетельством последствий регулярного преодоления различных шоков, связанных с государственным регулированием, выступает отмечаемое в рамках указанного исследования снижение значений индекса предпринимательской уверенности (ИПУ), которое во II полугодии 2014 г. характеризовалось отрицательной направленностью и составило –9 % (для сравнения соответствующее помесячное значение ИПУ за этот период для крупных и средних промышленных предприятий, наблюдалось примерно на отметке –4 %).

3. Высокие налоговые ставки. В условиях действия кризисных явлений в экономике обострилась ситуация с восприятием предпринимателями существующего уровня налоговой нагрузки. Как показал упомянутый ранее опрос РБК, налоговая нагрузка является препятствием для развития бизнеса для 55 % респондентов. Действительно, девальвация, рост процентных ставок и проблемы с ликвидностью негативно повлияли на себестоимость продукции и уровень рентабельности на малых и средних предприятиях. Уплата налогов и иных обязательных платежей по действующим ставкам и соответственное изъятие этих средств из оборота с учётом ограниченного доступа к внешнему финансированию и затухающего спроса на продукцию ещё больше сужает возможности для обеспечения устойчивого функционирования бизнеса.

4. Высокие издержки, которые несёт МСП в связи с необходимостью прохождения административных процедур и нарушениями прав предпринимателей со стороны регулирующих органов. Несмотря на предпринимаемые в последние годы меры, в первую очередь, в рамках Национальной предпринимательской инициативы, для некоторых видов деятельности проблема высоких издержек, связанных с прохождением процедур государственного регулирования, сохраняется. По данным исследования «Предпринимательский климат в России: Индекс ОПОРЫ» треть компаний считают административные барьеры настолько тяжёлым бременем, что приспособиться к ним не получается.

5. Недоступность финансирования. С учётом текущей экономической ситуации проблемы, связанные с недостатком долгосрочных инвестиционных средств, высокой стоимостью финансовых ресурсов, жёсткими требованиями к заёмщикам, выходят для малых и средних компаний на первый план, что подтверждается данными опроса РБК. Около 52 % респондентов включили недоступность финансовых ресурсов, необходимых для ведения бизнеса,

в число наиболее существенных проблем. Наличие проблемы во многом является следствием общей ситуации на финансовых рынках. Кредитные организации ограничены в возможностях, в том числе из-за ограничений для коммерческих банков по рискам со стороны Банка России и увеличения ключевой ставки.

В текущих экономических условиях на государственном уровне необходима реализация всесторонней поддержки сектора МСП, признание особой роли и ценности предпринимательства и частной инициативы как активной созидательной силы общества, важнейшего внутреннего возобновляемого ресурса долгосрочного экономического роста, повышения благосостояния, качества жизни и обеспечения национальной безопасности. Государство даёт ясный открытый и долговременный сигнал обществу, что предпринимательство – это благо для экономики России и благосостояния её граждан, предприниматели создают и развивают национальное богатство, предпринимателей нужно беречь и поощрять, помогать им создавать новую экономику процветающей России.

В настоящее время сформированы антикризисные планы, в том числе поддержки МСП. Но следует констатировать, что механизмы реализации таких антикризисных мер до настоящего времени не выработаны. *В сложившихся экономических условиях первостепенной задачей становится создание системы, включающей федеральный и региональный уровень.* Важный момент в системе – постоянное взаимодействие региональных и федеральных структур и синхронная реализация принятых решений по поддержке и развитию МСП. Как показывает практика, даже на региональном уровне зачастую различные структурные подразделения администрации реализуют разные меры по одному и тому же направлению, такую же ситуацию мы наблюдаем на федеральном уровне.

Элементами такой системы должны стать проектные штабы на федеральном и региональном уровнях. Задача проектного штаба – формирование и реализация антикризисной стратегии, создание новых рабочих мест, максимальное использование возможностей, открывающихся в условиях кризиса. Речь идёт, прежде всего, о создании условий для опережающего роста на момент выхода экономики из кризиса. Среди таких возможностей – относительное снижение стоимости ресурсов для экспортёров, возросший спрос на импортозамещение, появление у руководства и владельцев предприятий реальных стимулов к повышению качества менеджмента и эффективности производства, сокращению производственных циклов, снижению непроизводственных издержек.

Сегодня в России для поддержки МСП применяются различные формы и инструменты поддержки, предоставляется ряд налоговых, имущественных, административных и иных видов льгот, сформирована необходимая инфраструктура поддержки. Но эти механизмы нацелены, главным образом, на поддержку существующих или появление новых субъектов МСП и не содержат стимулов к качественному росту предприятий, их развитию от микро к малому предприятию и далее к предприятию среднего бизнеса. Более того, зачастую, увеличение масштабов деятельности, повышение объёмов производства или наём большего числа сотрудников является невыгодным для предпринимателя, поскольку значительно повышает фискальную и административную нагрузку, ограничивает возможность получения необходимых для развития ресурсов.

Сегодня незначительное превышение пороговых значений применения специальных налоговых режимов предполагает переход предпринимателей на общую систему налогообложения, что сопряжено со значительными административными издержками, а также существенным ростом налоговой нагрузки. Данное обстоятельство на фоне отсутствия гарантий успешности дальнейшего развития приводит к нежеланию рисковать и искусственному сдерживанию развития масштабов деятельности. Это подтверждается и низким значением удельных показателей деятельности малых и средних предприятий.

Для стимулирования предприятий к качественному росту и достижению целевых показателей развития предлагается сформировать на основе действующей инфраструктуры механизм «акселерации» малых и средних предприятий. Система акселерации бизнеса должна стимулировать население к реализации своих предпринимательских инициатив, малых предпринимателей – к росту, увеличению количества рабочих мест, повышению объёма производства, дальнейшему развитию и укрупнению, переходу в разряд среднего предпринимательства. Стимулирующая модель должна сочетать новые подходы к реализации фискальной политики, финансирования малых и средних предприятий, обеспечения их доступа к инфраструктуре и инженерным сетям.

Следует рассматривать процесс развития предпринимательства как единое целевое пространство, в которое включены три этапа развития бизнеса: новый бизнес (микробизнес) – малый бизнес – средний бизнес. На каждом этапе должен применяться комплекс мер, стимулирующих предприятия к достижению определённых количественных целевых показателей и переходу на следующие этапы развития. Для скорейшего такого перехода, а также в случае, если организация по истечении срока находится на грани между малым и средним бизнесом, но обоснованно готова показать результаты, необходимые для перехода на следующий уровень, должны быть предусмотрены механизмы финансовой поддержки: предоставление кредитов по льготным ставкам, льготные условия финансовой аренды (лизинга), а также преференции по арендным платежам и подключению (увеличению мощности) к инженерным сетям. Такие преференции могут предоставляться государственными институтами развития, предприятиями с государственным и муниципальным участием, а также по специальным программам, выделенным из объёма существующего государственного финансирования программ поддержки малого и среднего предпринимательства.

Минэкономразвития России совместно с Агентством стратегических инициатив и предпринимательским сообществом сформулирована и реализуется Национальная предпринимательская инициатива (далее – НПИ). Данная инициатива состоит из «дорожных карт» – планов первоочередных мероприятий, направленных на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности по наиболее важным и проблемным сферам государственного регулирования. Реализация таких карт направлена на упрощение, ускорение и удешевление условий ведения бизнеса в таких сферах как таможенное и налоговое администрирование, поддержка экспорта, строительство, подключение к энергосетям, развитие конкуренции, оценочная деятельность, регистрация предприятий и права собственности, повышение качества регуляторной среды, расширение доступа субъектов среднего и малого предпринимательства к закупкам инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием.

Следующим важным этапом по активному вовлечению бизнес-сообщества в процессы оценки деятельности органов власти и формирования государственной политики является проект по формированию Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации (далее – Национальный рейтинг), реализуемый Агентством стратегических инициатив совместно с общероссийскими объединениями предпринимателей в рамках исполнения поручения Президента Российской Федерации от 27 декабря 2013 г. № Пр-3086 по реализации Послания Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. Целью составления Национального рейтинга является оценка результата работы органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации по улучшению предпринимательского климата, выявление лучших региональных практик, создание стимулов для органов власти и построение качественного диалога между властью и бизнесом. В 2014 г. была проведена пилотная апробация Национального рейтинга, в котором приняли участие около 13 тысяч предпринимателей из 21 субъекта России. Существует проблема слабой коммуникации между предпринимателями в регионах, в результате чего не реализуются потенциальные взаимовыгодные возможности по обмену ресурсами, связями, практическим опытом и знаниями.

Повышение привлекательности образа предпринимателя в общественном сознании является одним из ключевых факторов развития МСП. Отношение общества к бизнесу является долговременным и глубинным фактором, который может оказывать существенное дополнительное воздействие на развитие предпринимательства, как положительное, так и сдерживающее. Вместе с тем, различные исследования показывают противоречивое отношение россиян к предпринимательству. С одной стороны, большинство населения в целом положительно относится к предпринимательству и к тем, кто занимается собственным делом, с другой стороны, уровень предпринимательской активности и готовности начать собственное дело остаётся на очень низком уровне. В российских СМИ создаётся негативный образ предпринимательства. Анализ публикаций показывает, что негативный характер носят 46,8 % статей о бизнесменах в российских федеральных и региональных печатных СМИ.

Проблемой является снижение уровня желания открыть бизнес среди студентов. Такая ситуация требует срочных решений. Предпринимательство – как привлекательный и положительный вид деятельности, выбор жизненного пути, связанного с предпринимательством, должно быть включено во все этапы образовательной системы, начиная с самых начальных ступеней. Необходимо, чтобы ценности предпринимательской деятельности, частной инициативы обязательно основывались на национальных интересах страны. Также необходимо уделять внимание развитию молодёжного предпринимательства.

Отношение в обществе к профессии «предприниматель» – это, прежде всего, государственная задача, поскольку именно государство формирует основные тренды государственной политики и именно государство будет выгодоприобретателем от увеличения количества предпринимателей.

Ещё одной важной задачей является содействие продвижению российских МСП на международные рынки и повышению конкурентоспособности бизнеса в рамках глобальной экономики, которая комплексно решается государством: сформирована инфраструктура поддержки на региональном

уровне, действуют профильные институты развития на федеральном уровне, осуществляется сотрудничество с международными проектами и механизмами, например сетью Enterprise Europe Network, которая создана и действует под эгидой Европейской Комиссии. Такая сеть – самая большая сеть поддержки предпринимательства и инноваций, которая объединяет более 600 организаций в 60 странах мира, где работает более 4 000 экспертов, оказывающих МСП интегрированные услуги в области интернационализации и развития бизнеса и инноваций (деловое, технологическое и научное сотрудничество). Интересы сети в России представляет консорциум, в который входят Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российское агентство поддержки малого и среднего бизнеса, Союз инновационно-технологических центров России. При поддержке Минэкономразвития России в 52 субъектах Федерации созданы и действует Региональные интегрированные центры, которые является партнёрами консорциума и напрямую взаимодействуют с МСП, предоставляя необходимый спектр услуг по тематике ВЭД на бесплатной основе: от информации до консультирования, от обучения до участия в деловых миссиях и выставках.

У МСП России сегодня есть необходимый потенциал для роста и развития, который может быть реализован лишь при системной поддержке со стороны государства, чтобы МСП могло стать локомотивом развития экономики, процесса модернизации и импортозамещения. Запущены и действуют «инновационный» и «инвестиционный лифт», в ближайшее время заработает «экспортный лифт» и другие инструменты и механизмы комплексной поддержки.

В целом, для достижения поставленных целей и решения всех насущных задач следует обеспечить следующее: разработку комплексной стратегии развития малого и среднего предпринимательства; всестороннее продвижение малого и среднего предпринимательства как основы экономики страны; вовлечение малого и среднего предпринимательства в программу импортозамещения; поддержку спроса на продукцию субъектов малого и среднего предпринимательства и освоение новых рынков сбыта; совершенствование налоговой политики в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства; совершенствование контрольно-надзорной деятельности и сокращение административных барьеров для субъектов малого и среднего предпринимательства; обеспечение субъектов малого и среднего предпринимательства необходимой инфраструктурой и имущественными ресурсами; повышение эффективности программ поддержки малого и среднего предпринимательства и расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к информации о мерах и программах поддержки; расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам; кадровое обеспечение и повышение гибкости системы регулирования трудовых отношений; повышение конкурентоспособности бизнеса и продукции МСП на внутренних и внешних рынках за счёт внедрения инноваций и высокотехнологичных решений.

МИКРОФИНАНСИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Мамута М. В., *начальник Главного управления рынка микрофинансирования и методологии финансовой доступности Банка России, к. э. н.,* **Сорокина О. С.,** *ведущий эксперт Главного управления рынка микрофинансирования и методологии финансовой доступности Банка России.*

Доступ к финансированию – это ключевой фактор, определяющий развитие субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), особенно на развивающихся рынках. На ранней стадии развития субъекты МСП часто финансируются за счёт внутренних источников владельцев – сбережений и доходов. Устойчивый рост, однако, требует внешнего финансирования.

Исторически рынок кредитования малого и среднего бизнеса всегда был непростым, потому что оценка кредитоспособности субъекта МСП достаточно дорогостояща по ресурсам, в том числе и временным, которые тратятся на неё, в сопоставлении с доходностью. Личные финансовые потоки владельца такого бизнеса зачастую сливаются с финансовыми потоками самого бизнеса, что является проблемным с точки зрения кредиторов. Сложность оценки кредитоспособности малого и среднего бизнеса заставляет кредиторов принимать защитные меры – введение более высоких ставок, требование существенного залога или вовсе отказ в выдаче кредита малому и среднему бизнесу.

Микрофинансирование как деятельность, направленная на предоставление базовых финансовых услуг (выдача займов, сохранение сбережений и другое) людям, которые не могут претендовать на стандартные банковские финансовые услуги, может быть инструментом, обеспечивающим доступ субъектов МСП к финансированию. Модель микрофинансирования предполагает использование специально разработанных процедур по оценке риска заёмщика, наработаны собственные технологии предоставления и обеспечения возврата займов. Работает дифференцированная по типам клиентов шкала ставок, позволяющая заёмщикам после погашения долга оставить часть доходов для собственного развития. При работе с клиентами используется персональный подход.

Деятельность по небанковскому микрокредитованию была начата в России в середине 1990-х гг. международными НКО, а позднее этой деятельностью занялись российские НКО, государственные и муниципальные фонды поддержки малого и среднего предпринимательства, а также коммерческие компании. Большинство этих кредиторов выдавали займы микропредпринимателям, хотя коммерческие организации занимались также потребительским кредитованием.

Долгие годы деятельность микрофинансового рынка носила относительно стихийный и нерегулируемый характер, а его дальнейшее развитие в качестве эффективного инструмента финансово-кредитной системы сдерживалось отсутствием соответствующей законодательной базы. До 2010 г. не существовало правового определения микрофинансовой (микрокредитной) деятельности, и организации выдавали займы в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующими дея-

тельность по выдаче займов. С 2007 г., когда Президент России В. В. Путин назвал сокращение разрыва в доступности финансовых услуг одним из приоритетов своей администрации [1], Правительство Российской Федерации стало уделять особое внимание мерам, направленным на развитие МСП (важного сегмента, не имеющего доступа к финансированию), включая принятие специального Федерального закона от 24.07.2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Вместе с тем многие существующие организации, занимающиеся выдачей микрозаймов, видели необходимость в более чётком определении их правового статуса, так как различные органы власти нередко ставили под сомнение законность их деятельности [2].

Сочетание этих двух тенденций [2]: 1) стремления разработчиков политики расширить охват субъектов МСП финансовыми услугами, 2) стремления участников рынка к правовой ясности в отношении их деятельности по выдаче микрозаймов – привело в 2010 г. к принятию Федерального закона от 02.07.2010 г. №151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности», нормативные положения которого были направлены в первую очередь на формирование системы правового регулирования микрофинансовой деятельности, создание механизма защиты интересов и прав потребителей, обеспечение равных условий для осуществления предпринимательской деятельности на отечественном финансовом рынке.

Под *микрофинансированием* в законе № 151-ФЗ понимается деятельность юридических лиц, имеющих статус микрофинансовой организации, а также иных юридических лиц, имеющих право на осуществление микрофинансовой деятельности в соответствии со статьёй 3 закона № 151-ФЗ, по предоставлению микрозаймов, то есть займов в сумме, не превышающей одного миллиона рублей. Право на осуществление микрофинансовой деятельности в соответствии со статьёй 3 закона № 151-ФЗ имеют как *микрофинансовые организации* (далее – МФО), так и кредитные организации, кредитные кооперативы (*кредитные потребительские кооперативы* (далее – КПК), *сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы* (далее – СКПК)), *ломбарды,* жилищные накопительные кооперативы и другие юридические лица: они осуществляют микрофинансовую деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим деятельность таких юридических лиц[137].

Предоставлять микрозаймы субъектам МСП (как индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу) имеют право только МФО, КПК и СКПК среди небанковских профессиональных кредиторов и кредитные организации. При этом, если Федеральным законом от 21.12.2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» поставлено требование об обязательной регистрации как финансовой организации юридического лица, занимающегося «профессиональной деятельностью по предоставлению потребительских займов», то такого требования не существует для юридических

[137] Так особенности правового положения микрофинансовых организаций определяет закон № 151-ФЗ. В частности, кредитных потребительских кооперативов – Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» (не распространяется на сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы), сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов – Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», ломбардов – Федеральный закон от 19.07.2007 N196-ФЗ «О ломбардах».

лиц, предоставляющих займы только субъектам МСП на цели, связанные с ведением предпринимательской деятельности. Стоит также отметить, что и МФО, и КПК, и СКПК часто оформляют договора потребительских займов на физическое лицо-владельца бизнеса, даже если по факту займы выданы на цели ведения предпринимательской деятельности (особенно это характерно для последних двух субъектов предпринимательской деятельности, так как они почти не принимают участие в государственных программах поддержки субъектов МСП, условия которых предполагают предоставление именно предпринимательских займов и именно субъектам МСП).

На 31.03.2015 г., доля МФО в структуре рынка НПК составляет 21,8 % (3859 единиц); КПК – 20,1 % (3544, в том числе в составе СРО КПК 1632); СКПК – 9,7 % (1708). Ломбарды лидируют и составляют 47,9 % (8470) рынка НПК, тогда как жилищные накопительные кооперативы составляют лишь 0,5 % рынка. По итогам 2014 г. совокупный объём рынка МФО, КПК и ломбардов составил порядка 131 млрд рублей: 57 млрд рублей, 53 млрд рублей и 21 млрд рублей соответственно. Количество клиентов ломбардов достигло 4,84 млн человек, МФО – 2,49 млн, КПК – 1,24 млн [3] На 01.04.2015 г. из 20 млрд рублей микрозаймов МФО субъектам МСП 12,9 млрд рублей составляет портфель микрозаймов, выданных государственными (региональными и муниципальными) МФО – МФО, одним из учредителей (участников, акционеров) которых является орган государственной власти субъекта Российской Федерации и (или) органы местного самоуправления. Минэкономразвития России предоставляет субсидию региону, который на принципах софинансирования направляет данные средства в государственные (региональные и муниципальные) МФО [4].

Также ОАО «МСП Банк» реализует программу финансовой поддержки субъектов МСП, включающую предоставление льготного финансирования для банков, лизинговых и факторинговых компаний, микрофинансовых институтов (микрофинансовых организаций и кредитных кооперативов первого и второго уровней). Особо следует отметить в рамках данной программы продукт микрокредитования (микрокредит до 3 млн рублей) субъектов МСП, реализуемый через банки, продукт микрофинансирования (микрозайм до 1 млн рублей) субъектов МСП, реализуемый через микрофинансовые организации и кредитные кооперативы первого и второго уровней. Поддержку МСП через микрофинансовые институты банк начал в 2009 г. На 01.04.2015 г. портфель микрокредитов в банках-партнёрах программы составил 2411,7 млн рублей, портфель микрозаймов в МФО-партнёрах программы – 953,0 млн рублей (на 01.01.2015 – 2337,0 и 1051,0 млн рублей соответственно) [5].

В сопоставлении с банковским кредитованием объёмы рынка МФО, КПК и ломбардов остаются небольшими: порядка 0,3 % от совокупного банковского портфеля (38374 млрд рублей на 01.04.2015 г.), при том, что количество МФО, КПК и ломбардов в 20 раз превышает количество кредитных организаций, имеющие право на осуществление банковских операций (824 на 01.04.2015 г.).

На рынке микрофинансирования выделяются три обособленных сегмента (табл. 1): микрозаймы субъектам МСП; «займы до зарплаты» физическим лицам (PDL); микрозаймы физическим лицам на потребительские цели. Целевая аудитория первых двух сегментов достаточно сильно отличается от типичных клиентов кредитных организаций. МФО во многом ориентированы на выдачу займов начинающим предпринимателям, а займы «до зарплаты»

(к «займам до зарплаты» относятся займы физических лиц, удовлетворяющие двум критериям: сумма займа не превышает 45 тыс. рублей, а срок кредитования – не более двух месяцев) предполагают упрощённые процедуры.

Таблица 1

Размер рынка микрофинансирования и кредитной кооперации в 2014 г., млрд рублей

Дата	01.01.2014	01.07.2014	01.10.2014	01.01.2015
Источник / Показатели	Оценка Эксперт РА, РМЦ и НАУМИР (май 2014) [6]* Оценка Банка России (май 2015) [3]	Оценка РМЦ и НАУМИР (октябрь 2014)** Оценка Эксперт РА, РМЦ и НАУМИР (окт. 2014) [7]*	Оценка РМЦ и НАУМИР (октябрь 2014)** Оценка Банка России (май 2015) [3]	Оценка Эксперт РА (март 2015) [8]* Оценка Банка России (май 2015) [3]
Портфель МФО	39	46*	50** / 52	50* / 57
Портфель займов МФО субъектам МСП	16 (42 %)*	18 (39 %)*	20 (40 %)**	18,5 (37 %)*
Портфель займов МФО для ФЛ («потребительские», не включая «займы до зарплаты» (PDL))	18 (45 %)*	22 (48 %)*	23 (46 %)**	23,7 (48 %)*
Портфель «займов до зарплаты» (PDL) МФО	5 (13 %)*	6 (13 %)*	7 (14 %)**	7,6 (15 %)*
Портфель КПК	34	36**	43	53
Портфель ломбардов	н/д	н/д	н/д	21

Финансовые модели банков и МФО существенно различаются с точки зрения самих моделей кредитования, целевых клиентов и структуры издержек.

Заметно различаются размеры бизнеса заёмщиков, субъектов МСП. Если за микрозаймами обращаются субъекты МСП со средней численностью занятых 2–3 человека и оборотом в 1,5 млн рублей, то в банки приходят более зрелые предприятия – среднее число сотрудников здесь составило 8 человек, оборот – 12 млн рублей. При этом индивидуальные предприниматели на порядок чаще юридических лиц становятся клиентами микрофинансовых организаций. В портфеле микрозаймов их доля составила около 96 %. В случае микрокредитов доля ИП в портфеле тоже больше, но перевес значительно менее существенный (56 % против 44 %) [9][138].

У МФО ниже административно-хозяйственные расходы и издержки, связанные с выполнением требований регулирующих органов. В то же время пассивы у МФО более дорогие. Таким образом, условный порог рентабельно-

[138] Выводы подтверждаются замерами в 2014 году: [12].

сти по сумме у банковского кредита заметно выше, чем в случае МФО. Это приводит к тому, что средний размер микрокредита для субъектов МСП составляет около 750 тыс. рублей, микрозайма – 300 тыс. рублей [9][139]. Ставки по микрозаймам традиционно значительно выше ставок по кредитам, в том числе небольшого размера, так как содержат значительно больший компонент премии за риск, который велик в силу особенностей модели деятельности МФО, и более высокую стоимость фондирования для МФО по сравнению с банками.

Учитывая потенциал микрофинансирования в развитии МСП, необходимо принимать **меры, способствующие институциональному развитию, расширению доступности микрофинансирования для субъектов МСП:**

1. Увеличение размера микрозаймов для субъектов МСП. 23 июля 2015 г. Правительство Российской Федерации одобрило внесение поправок в Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», предусматривающих увеличение предельного размера микрозайма до 3 млн рублей для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц при сохранении действующего предельного размера микрозайма для физических лиц в размере 1 млн рублей. По экспертным оценкам (например, [10]) предпринимательского сообщества, для начинающего бизнеса нужны средства в сумме не менее трёх миллионов рублей. Однако стоит отметить, что эти изменения не вносят коррективы в то, что на сегодняшний день все МФО и КПК имеют право предоставлять не только микрозаймы, но и осуществлять другую деятельность, в том числе, предоставлять займы свыше 1 млн рублей: во-первых, в Федеральном законе от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» и в Федеральном законе от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» понятия микрозайма вообще не существует, а, во-вторых, п. 3 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» чётко определяет, что микрофинансовая организация вправе осуществлять наряду с микрофинансовой деятельностью иную деятельность, в том числе выдавать иные займы в порядке, установленном федеральными законами и учредительными документами.

Единственным исключением здесь могут являться займы для субъектов МСП из федеральных и региональных средств в софинансирование федерального бюджета от региональных и муниципальных микрофинансовых организаций, на которые помимо федерального закона, применяются положения приказа Министерства экономического развития Российской Федерации № 411 от 01.07.2014 г. (и ранние версии приказа для полученных ранее бюджетных средств). На них действует ограничение максимального размера займа по программе микрофинансирования в размере 1 млн рублей. Ранее до 2014 года действовало ограничение и на срок – не более 1 года, сейчас срок увеличен до 3 лет.

2. Общее реформирование сектора микрофинансовых организаций. Основываясь на международном опыте, Банк России осенью 2015 года планирует начать введение двухуровневой системы регулирования и надзора, в соответствии с которой, в том числе, МФО будут разделены на два вида в зависимости от размера капитала – микрофинансовые и микрокредитные. Микрокредитные организации будут ограничены в праве на привлечение денежных средств физических лиц (за исключением учредителей, акционеров или

[139] Выводы подтверждаются замерами в 2014 году: [12].

участников) и в максимальной сумме займа для физических лиц до 500 тыс. рублей. Как следствие, для них будет предусмотрен упрощённый порядок допуска на рынок и надзор ввиду отсутствия серьёзных рисков финансовой устойчивости и нарушения права потребителей финансовых услуг, связанных с передачей денежных средств. Микрофинансовым организациям необходимо будет рассмотреть возможность докапитализации с учётом введения для них требований к минимальному размеру собственных средств и более жёстких пруденциальных норм ввиду возникновения дополнительных рисков финансовой устойчивости.

После разделения рынка возможность предоставлять займы для субъектов МСП в размере до 3 млн рублей (с учётом соответствующего изменения максимального размера микрозаймов для субъектов МСП) сохранится как у микрофинансовых, так и у микрокредитных организаций. В ходе реформы МФО (с разделением на микрофинансовую и микрокредитную деятельность) возможно рассмотрение вопроса о расширении доступа субъектов МСП к закупкам товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе путём предоставления независимых гарантий со стороны МФО предпринимательского финансирования. Однако этот вопрос требует серьёзной проработки, и единого мнения по этому вопросу пока не достигнуто.

3. Выделение среди микрофинансовых организаций МФО, основной деятельностью которых является предоставление займов субъектам МСП (бизнес-МФО), для развития кредитования субъектов МСП. По предложению Банка России и Минэкономразвития России 30.06.2015 г. вступили в силу изменения в ст. 15 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (внесены Федеральным законом от 29.06.2015 № 156-ФЗ), которыми определено, что микрофинансовыми организациями предпринимательского финансирования (далее – МФО ПФ) признаются микрофинансовые организации, предоставляющие микрозаймы субъектам малого и среднего предпринимательства и соответствующие критериям, установленным нормативным актом Банка России по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития предпринимательской деятельности, в том числе среднего и малого бизнеса. В настоящее время Банком России ведётся работа по согласованию с Минэкономразвития России критериев отнесения МФО к МФО ПФ.

После их утверждения будет определён круг МФО, в отношении которых могут быть приняты меры по стимулированию их деятельности в целях способствования увеличения предоставления микрозаймов субъектам МСП и повышения доступности финансовых услуг для них.

4. Снижение стоимости фондирования для МФО и КПК. Как уже отмечалось выше, ставки по микрозаймам традиционно значительно выше ставок по кредитам банков, в том числе из-за заложенных в них более высоких ставок по привлечённым средствам. Предлагаются два механизма для уменьшения стоимости фондирования: 1) уже работающий механизм, но требующий государственных средств – расширение программ льготного финансирования для МФО и КПК, таких как программы Минэкономразвития РФ, АО «МСП Банк», МФО и КПК второго уровня; 2) наиболее перспективный механизм – стандартизация деятельности МФО и КПК, которая позволит кредитору

в лице коммерческого банка определить «хорошего» заёмщика среди МФО и КПК. Уже ведётся и будет вестись работа по линии СРО по внедрению стандартов, которые позволят унифицировать ряд аспектов (привлечение средств, выдача займов) деятельности участников рынка. Стандартизация деятельности МФО также позволит им задействовать механизм секьюритизации портфелей займов МФО.

5. Расширение спектра финансовых инструментов. В целях развития долгового рынка и расширения доступа МФО к заёмному фондированию, что в совокупности позволит снизить ставки кредитования для заемщиков-МСП, в настоящее время проводится работа по развитию механизма секьюритизации портфелей займов МФО. Федеральным законом от 21.12.2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлена нормативно-правовая база механизма секьюритизации финансовых активов, которая позволит начать выпуск на российском финансовом рынке ценных бумаг, обеспеченных займами, выданными МФО. Структурирование привлечения фондирования в форме сделок по секьюритизации позволит минимизировать риски для всех участников рынка, в том числе и для инвесторов. Для возможности формирования портфеля однородных займов, подходящего для секьюритизации, необходимо провести работу по стандартизации заёмных продуктов МФО. Сейчас Банком России совместно с НДКО «Агентство кредитных гарантий», Национальной фондовой ассоциацией, Внешэкономбанком и при участии Минэкономразвития реализуется пилотный проект по выпуску на российский финансовый рынок ценных бумаг, обеспеченных кредитами (займами), предоставленными субъектам малого предпринимательства.

6. Рефинансирование АО «МСП Банк» под обеспечение в виде кредитов МФО. Для поддержки начинающих предпринимателей реализуются специальные меры, касающиеся МФО, выдающих микрозаймы МСП. Так, Банк России одобрил механизм рефинансирования АО «МСП Банк» по ставке 6,5 % годовых под обеспечение в виде кредитов МФО, предоставляющих займы МСП (май 2015 г.). Проведение пилотных сделок запланировано на осень 2015 года.

7. Развитие системы бюро кредитных историй субъектов МСП. Сегодня с огромной скоростью формируются основные элементы инфраструктуры для рынка микрофинансирования и кредитной кооперации в России, каждый из которых выполняет свою задачу. Одним из элементов, который вызывает сейчас большой интерес в плане перспектив расширения финансирования субъектов МСП через МФО, являются кредитные бюро. В связи с изменениями в Федеральном законе от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях» с 1 июля 2014 г. микрофинансовые организации и кредитные кооперативы в обязательном порядке стали участниками бюро кредитных историй. Бюро кредитных историй призвано уменьшить риски предоставления займа и в некоторых случаях упростить оценку заёмщика. В исследовании Всемирного банка за 2003 г. [11], рассматривающем данные 5000 фирм в 51 странах, показано, что в странах, где нет кредитных бюро, 49 % малых предприятий сообщили о значительных финансовых ограничениях, в отличие от 27 % в странах, где кредитные бюро присутствуют. Исследование также показало, что в странах с бюро кредитных историй вероятность получения кредита в банке для небольшой фирмы составила 40 % против 28 % в странах без бюро кредитных историй. Но текущая система бюро кредитных историй в России не мо-

жет дать достаточную информацию о субъектах МСП для упрощения процедуры их оценки, несмотря на то, что они являются субъектами кредитной истории[140] и информация по ним должна формироваться в установленном законом порядке. Поддержка развития бюро кредитных историй субъектов МСП может помочь МФИ начать программы микрофинансирования субъектов МСП, сняв некоторые риски неправильного отбора заёмщика. А в финансировании субъектов МСП сумма займа значительно больше, чем в обычном потребительском займе, соответственно, даже невыплата одного заёмщика может оказать существенное влияние на состояние портфеля.

С учётом вышесказанного, уже сейчас можно наблюдать положительные тенденции в развитии микрофинансирования как инструмента расширения финансовой доступности для субъектов МСП в России. Реализация указанных мер поможет дальнейшему институциональному и инфраструктурному оформлению сектора, что найдёт отражение в расширении предложения финансовых услуг субъектам МСП. Стоит отметить, что часть предложенных решений связана с совершенствованием законов, поэтому поддержка Федерального Собрания Российской Федерации в принятии указанных изменений крайне важна для эффективного развития рынка микрофинансирования для нужд субъектов МСП. И если хотя бы часть предложенных мер будет реализована, сектор предпринимательского микрофинансирования обретёт новый виток развития.

Список литературы

1. Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Ноябрь 2007 г.
2. Заключительный отчёт «Финансовая доступность и связи с финансовой стабильностью, финансовой целостностью и защитой потребителей: Взгляд на российский опыт».: BFA, RMC, Web: http://bankablefrontier.com/wp-content/uploads/documents/BFA-RMC–ISIP-Russia-Final-Report_website_rus.pdf, 2014.
3. Презентация М. Мамуты «Развитие рынка микрофинансирования: взгляд Банка России». Москва: Конференция 18.05.2015 «Актуальные вопросы микрофинансирования: стратегии выживания и развития в современных экономических реалиях». Май 2015.
4. Данные Минэкономразвития Российской Федерации, предоставленные по запросу.
5. Данные МСП Банка, предоставленные по запросу.
6. «Обзор рынка МФО в 2013 году: Смена ориентиров». Москва: Эксперт РА, Web: http://www.google.ru/url?url=http://www.raexpert.ru/researches/mfo/obzor_2013/&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ei=rVNgVMyhJ8LIPNDEgNAJ&ved=0CBMQFjAA&usg=AFQjCNEycNYDCUWpCt1IDrnllkL7012rKQ, Май 2014.

[140] Согласно Федеральному закону от 30.12.2004 N218-ФЗ «О кредитных историях» субъект кредитной истории – физическое или юридическое лицо, которое является заёмщиком по договору займа (кредита), поручителем, принципалом, в отношении которого выдана банковская гарантия или в пользу которого вынесено вступившее в силу и не исполненное в течение 10 дней решение суда о взыскании с должника денежных сумм в связи с неисполнением им обязательств по внесению платы за жилое помещение, коммунальные услуги и услуги связи либо алиментных обязательств и в отношении которого формируется кредитная история.

7. «Рынок микрофинансирования в 1 полугодии 2014 года: период адаптации». Москва: Эксперт РА, Web: http://www.raexpert.ru/researches/mfo/1h2014/. Октябрь 2014.

8. Информ-сообщение: «Эксперт РА» (RAEX): портфель займов МФО за 2014 год вырос на 28 %. Москва: Эксперт РА, Web: http://www.raexpert.ru/ratings/mfo/2014 + презентация П. Самиева на конференции 18 мая, март 2015 и май 2015.

9. Исследование «Рынок микрозаймов для малого и среднего бизнеса: банки vs. микрофинансовые организации». Москва: МСП Банк, Финотдел, РМЦ. Октябрь 2013.

10. Исследование потребностей микрофинансовых организаций, их клиентов, субъектов малого и среднего предпринимательства, в займах свыше 1 (одного) миллиона рублей. Москва: МСП Банк, РМЦ, Web: https://www.mspbank.ru/userfiles/doc/30–01–2015.pdf, Декабрь 2014.

11. *Love, I., Mylenko, N.* Credit Reporting and Financing Constraints.: World Bank Policy Research Working Paper 3142, October 2003.

12. Пресс-завтрак «Банки и МФО: выбор малого и среднего бизнеса в условиях экономической нестабильности». Москва: МСП Банк, Финотдел, РМЦ. Декабрь 2014.

ТЕНДЕНЦИИ РЫНКА БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Эскиндаров А. М., *директор Департамента поддержки малого и среднего предпринимательства Внешэкономбанка, к. э. н.*

В зарубежных западных СМИ достаточно широко распространено мнение о том, что в 2014 г. для российской экономики началась «эпоха забвения», что структурный кризис, наметившийся ещё в 2012 г. и сопровождаемый «инвестиционной паузой», будет только усугубляться. При этом катализаторами указанных процессов станут вытеснение России из системы международных валютно-финансовых и денежно-кредитных отношений и понижательная долгосрочная фаза цикла конъюнктуры сырьевых товарных рынков. Мрачные прогнозы по России, опубликованные ведущими мировыми инвестиционными банками и финансовыми институтами, фактически ставили крест на планах государства по структурной перестройке экономики. Прежде всего, в части перехода к модели экономического роста, ориентированной на инвестиции, и повышения вклада сектора малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) в создание ВВП до уровня наиболее развитых стран (около 50 %).

Действительно, пережитые в 2014–2015 гг. валютные и финансовые шоки негативно отразились на состоянии российского сектора, несмотря на тот факт, что малые и средние предприятия привлекают фондирование в иностранной валюте в крайне незначительных объёмах. На 1 июня 2015 г. задолженность МСП по валютным кредитам составляла всего 6,7 % от общей величины банковского кредитного портфеля МСП. Основными каналами распространения кризиса в российском секторе МСП стали инфляция, падение реальных доходов и уровня жизни населения, а также непомерный рост процентных ставок.

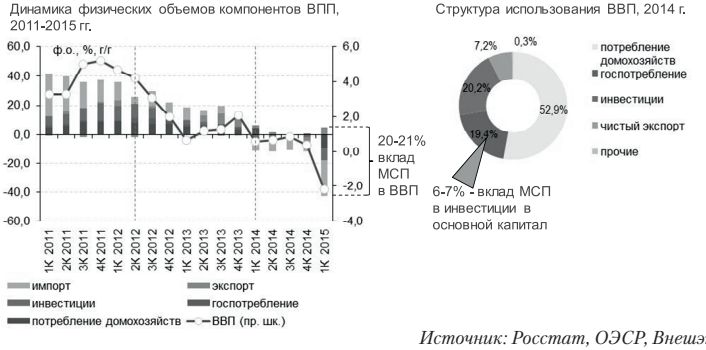
Безусловно, Правительством России разработан комплекс мер противодействия кризисным явлениям, что нашло отражение в плане по реализации мероприятий, предусмотренных распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 98-р. Соответствующие ресурсы также предусмотрены ведомственными программами поддержки МСП, федеральным и региональными бюджетами. Особое место сектору МСП отведено в Стратегии развития Внешэкономбанка на период 2015–2020 гг. Поистине революционным для всей системы государственного регулирования МСП стало решение Государственного совета Российской Федерации о создании единого института развития МСП на базе МСП Банка (Группа Внешэкономбанка) и Агентства кредитных гарантий. Указанный институт (корпорация) должен стать ведущим игроком на рынке кредитно-гарантийной поддержки МСП, а также определять государственную стратегию развития всего сектора МСП.

В статье оценивается сложившиеся тенденции на рынке банковского кредитования МСП и антикризисный потенциал основных государственных программ и мероприятий, предусмотренных планами Правительства России, федеральных органов исполнительной власти и ключевых институтов развития.

Инвестиции МСП и источники их финансирования: худшее впереди?

Экономический рост и МСП: зеркальное отражение друг друга. Сложившаяся модель экономического роста России может быть охарактеризована как ориентированная на потребление (вклад совокупного потребления в формирование ВВП по итогам 2014 г. составил около 72,6 %). Основными источниками финансирования потребления являются доходы от экспорта и бюджет, который, в свою очередь, также формируется более чем на 50 % за счёт нефтегазовых и доходов от внешнеэкономической деятельности. Доля инвестиций в создание ВВП всё ещё не превышает 20,6 %. С одной стороны, ВВП России примерно на 20–21 % формируется сектором МСП (что следует понимать как вклад малых и средних предприятий в создание валовой добавленной стоимости сектора нефинансовых корпораций). С другой стороны, драйверы роста самого сектора МСП практически совпадают с моделью роста экономики в целом. Малые и средние предприятия растут в основном за счёт расширения совокупного потребления, в том числе государственных расходов. Однако участие МСП в экспортной деятельности незначительно (менее 3 % по данным ЕБРР), а доля в инвестициях в основной капитал около 6,0–7,0 %. При этом вклад средних предприятий, которые традиционно рассматриваются как основные инвесторы сектора, не превышает 32 % в указанной величине.

Физический объём инвестиций МСП в 2014 г. сократился на 5,6 % г/г. Росстатом непосредственно не рассчитывается показатель прироста физического объёма инвестиций МСП, в том числе в связи с отсутствием необходимых дефляторов в системе государственного статистического наблюдения. Однако Внешэкономбанком был рассчитан proxy-показатель физического объёма инвестиций МСП с использованием частного дефлятора для инвестиций в основной капитал нефинансовых корпораций. Полученные цифры выглядят весьма удручающими. В 2014 г. на фоне падения валового накопления основного капитала нефинансовых корпораций на 2,0 % г/г в физическом выражении аналогичный показатель для МСП составил примерно минус 5,6 % г/г. Аналогичные расчёты для I квартала 2015 г. приводят к выводу о том, что инвестиции МСП для указанного периода могли сократиться на 19,0–20,0 % г/г.



Источник: Росстат, ОЭСР, Внешэкономбанк

Рис. 1. Роль и место российского сектора МСП в формировании компонентов ВВП

Это неудивительно, принимая во внимание продолжающееся катастрофическое сокращение объёма выдач кредитов МСП (за январь-май 2015 г. они уже упали на 37,0 % г/г).

Таблица 1

Оценка инвестиций в основной капитал МСП, 2012–2015 гг.[141]

	2011	2012	2013	2014	1К 2015
Номинальный ВВП, млрд руб.	**55 967,2**	**62 599,1**	**66 190,1**	**71 406,4**	**16 564,8**
прирост физических объёмов ВВП, %, г/г	4,3 %	3,4 %	1,3 %	0,6 %	-2,2 %
дефлятор ВВП**, %, г/г	15,9 %	8,5 %	5,0 %	7,2 %	9,6 %
Валовое накопление основного капитала, млрд руб.	**11 950,3**	**13 768,0**	**14 460,2**	**14 706,4**	**2179,9**
доля валового накопления основного капитала ВВП, %,	21,4 %	22,0 %	21,8 %	20,6 %	13,2 %
дефлятор валового накопления основного капитала**, %, г/г	9,4 %	7,6 %	5,1 %	3,8 %	12,2 %
прирост физических объёмов валового накопления основного капитала, %, г/г	9,1 %	6,0 %	0,9 %	-2,0 %	-8,8 %
Инвестиции в основной капитал средних и малых предприятий, млрд руб.	**693,8**	**730,7**	**849,3**	**831,8**	**109,0**
средние	262,2	209,1	274,3	166,8	21,9
малые	282,0	364,5	389,5	428,0	56,1
микро	149,6	157,1	185,5	237,0	31,1
доля в валовом накоплении основного капитала*, %	5,8 %	5,3 %	5,9 %	5,7 %	5,0 %
прирост физических объёмов инвестиций в основной капитал МСП, %, г/г		-2,1 %	10,6 %	-5,6 %	-19,4 %

Президентом Российской Федерации поставлена задача увеличения объёма инвестиций не менее чем до 25 % ВВП к 2015 г. и до 27 % к 2018 г. (в рамках исполнения указа от 7 мая 2012 г. № 596), что само по себе предполагает постепенный переход к модели экономического роста, ориентированного на инвестиции. Вместе с тем на сегодняшний день отсутствует понимание роли и места сектора МСП в решении указанной задачи. Если ориентироваться на целевую установку доведения вклада МСП до 50 % ВВП к 2020 г. (задача также была озвучена Президентом России в 2012 г.), то, очевидно, что планируемое наращивание инвестиций должно в основном осуществляться силами малых и средних предприятий. Однако в свете складывающихся ма-

[141] [*] – оценки ДПМСП рассчитаны исходя из действующей структуры выпуска, [**] – оценки дефляторов за III квартал 2013 г. получены, исходя из фактической динамики ИПЦ. Для инвестиций МСП принят общий дефлятор валового накопления основного капитала. Источник: Росстат, расчёты Внешэкономбанка.

кроэкономических и денежно-кредитных условий реализация указанных задач представляется весьма проблематичной.

Инвестиции МСП в 2014 г. росли за счёт обрабатывающей промышленности, торговли и сектора операций с недвижимостью. Отраслевая структура инвестиций МСП не претерпела существенных изменений в 2010–2013 гг. Основными драйверами являются предприятия обрабатывающей промышленности (их доля составляет около 16 %), сельского хозяйства (19 %), сектора недвижимости (22 %) и торговли (9 %). По нашим оценкам, по итогам 2014 г. удалось продемонстрировать впечатляющие темпы прироста предприятиям обрабатывающей промышленности, торговли и сектора операций с недвижимостью.

Таблица 2

Отраслевая структура инвестиций в основной капитал МСП, 2013–2014 гг.[142]

	2013				2014			
	Всё		МСП		Всё		МСП*	
	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г
Всего	**13 450,2**	**6,9**	**849,2**	**16,2**	**13 527,7**	**0,6**	**829,3**	**-2,3**
сельское хоз-во, охота и лесное хоз-во	516,6	8,4	165,3	5,6	498,5	-3,5	163,1	-1,3
рыболовство, рыбоводство	14,3	17,2	4,5	87,5	12,7	-11,2	3,6	-20,2
добыча полезных ископаемых	2004	7,8	21,7	-2,7	2171,6	8,4	27,1	24,8
обрабатывающие производства	1945,3	15,2	135,7	5,2	2012,1	3,4	150,7	11,0
производство и распределение энергии, газа и воды	1187,6	1,9	11,4	32,6	1157,3	-2,6	9,0	-21,3
строительство	438,1	25,7	188,8	38,0	409,1	-6,6	158,3	-16,2
оптовая и розничная торговля	517,9	13,6	80,1	12,8	599,3	15,7	96,1	20,0
гостиницы и рестораны	89,3	98,0	8,6	109,8	90	0,8	7,7	-10,3
транспорт и связь	3288,6	-1,3	30,8	-2,2	3117,2	-5,2	32,3	4,8
связь	309,9	-11,9	2,7	-22,9	353,5	14,1	3,7	36,1
операции с недвижимостью	2195,7	11,6	186,1	21,5	2368,8	7,9	206,3	10,8

Готовность МСП к инвестициям в первую очередь определяется их видением перспектив экономики. Сложившаяся макроэкономическая ситуация и денежно-кредитные условия демотивируют предпринимателей к осуществлению инвестиций. Согласно результатам исследования, проведённого МСП Банком, в 2015 г. около 41,7 % предпринимателей планируют осуществлять инвестиции, для остальных задача № 1 – элементарное выживание и сохранение уже достигнутых результатов. В отраслевом разрезе из числа субъектов МСП, выразивших желание инвестировать, наиболее активными являются сельскохозяйственные производители, поскольку в настоящее время только они видят для себя определённые перспективы развития.

Судить о видении перспектив экономического роста субъектами МСП и частным сектором в целом позволяют опережающие индикаторы деловой

[142] [*] – оценки Внешэкономбанка. Источник: Росстат, расчёты Внешэкономбанка.

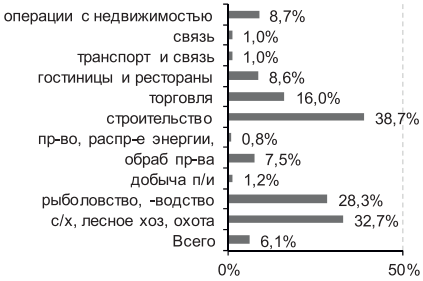


Рис. 2. Вклад инвестиций МСП в общую массу инвестиций различных отраслей, средневзвешенные оценки 2010–2013 гг.

Источник: Росстат, Внешэкономбанк

Рис. 3. Отраслевая структура инвестиций МСП, средневзвешенные оценки 2010–2013 гг.

активности, бизнес-настроений, предпринимательской уверенности, индексы PMI и т. д. Согласно отчёту Всемирного Банка (апрель 2015 г.), России угрожает затяжная рецессия. На наш взгляд, прогнозы экспертов Всемирного Банка хорошо корреспондируют с динамикой Индекса предпринимательской уверенности, рассчитываемого Росстатом. Сопоставление двух графиков индекса в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и кризиса 2014–2015 гг. свидетельствуют, что в настоящее время ожидания предпринимателей в целом подстраиваются под некий вариант «ползучего» спада или затяжной рецессии.

В 2008–2009 гг. динамика настроений в бизнес-среде была принципиально иной: она носила характер резкого спада (глубокого краткосрочного шока) с плавным восстановлением. В кризис малый и средний бизнес имеет всё меньше возможностей для адекватной оценки ситуации и формирования устойчивой бизнес-стратегии. Об этом свидетельствует рассчитанный нами специальный индикатор, который позволяет сопоставить ожидания предпринимателей относительно будущего спроса на их продукцию с фактической оценкой спроса в соответствующем периоде (аналог «план-фактного» показателя).

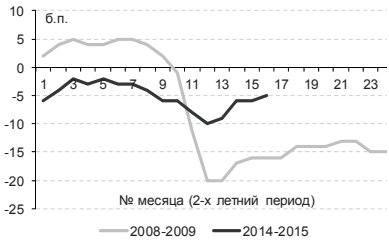
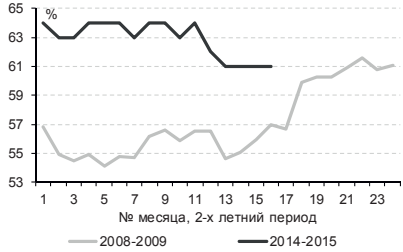


Рис. 4. Индекс предпринимательской уверенности в обрабатывающей промышленности, 2008–2015 гг.



Источник: Росстат

Рис. 5. Загрузка производственных мощностей в обрабатывающей промышленности, 2008–2015 гг.

Методологический комментарий

1. Индикатор сопоставляет масштаб несовпадения ожиданий предпринимателей по поводу роста/снижения спроса на их продукцию и фактических оценок изменения спроса

2. Чем ниже значение индикатора, тем точнее предприниматели обрабатывающей промышленности прогнозировали потребительский спрос на свою продукцию

3. «Нормативное» значение индикатора для периодов относительной макроэкономической стабильности, как правило, не превышает 30 б. п.

Источник: Внешэкономбанк (по материалам Росстата)

Рис. 6. Оценка степени несовпадения ожиданий предпринимателей обрабатывающей промышленности с фактическими результатами, 2008–2015 гг.

В относительно спокойные месяцы кризиса 2008–2009 гг. несовпадение ожиданий предпринимателей с фактическими результатами редко превышало 30 б. п. По мере ухудшения макроэкономической ситуации неопределённость росла, всё большее число бизнесменов ухудшало свои ожидания, но реальность в итоге всё равно оказывалась куда более удручающей. Превышение индикатором отметки в 40 б. п. свидетельствует о том, что предприниматели неадекватно воспринимали перспективы развития, в наиболее тяжёлые месяцы 2009 г. фактические оценки спроса оказывались в разы хуже ожиданий, что отражается на графике в виде нарастания дисбалансов. Ситуация кризиса 2014–2015 гг. изначально характеризуется высоким уровнем «неадекватности» восприятия предпринимателями рисков сокращения спроса: индикатор редко опускался ниже 50 б. п. за указанный период. Всё это является свидетельством того, что в кризисный период между предпринимателями и кредиторами растёт пропасть несовпадения в оценках перспектив реализации инвестиционных проектов МСП.

Валютный курс остаётся одним из главных индикаторов макроэкономической стабильности для российского сектора МСП. Вместе с традиционными индикаторами кризиса для субъектов МСП являются инфляция и валютный курс. Несмотря на активное продвижение режима свободного курсообразования Банком России, нестабильность на валютном рынке, особенно носящая перманентный характер, может приостановить все инвестиционные проекты МСП. В понимании российских предпринимателей, как правило, именно фиксированный, слабо меняющийся во времени, валютный курс является главным признаком макроэкономической стабильности. Валютный фактор оказывает влияние на инвестиции МСП через три основных канала: закупки инвестиционного импорта и долю промежуточного импорта в ресурсах; цены отечественных производителей (которые абсорбируют «эффект переноса» при девальвации национальной валюты) на продукцию, используемую субъектами МСП для переработки; издержки, связанные с оплатой аренды и недвижимости. Возобновление инвестиций МСП зависит от скорости адаптации отраслей и предприятий к новым равновесным значениям курса национальной валюты. Здесь большую роль играют девальвационные ожидания, отражающие степень доверия предпринимателей и их кредиторов к действиям монетарных властей.

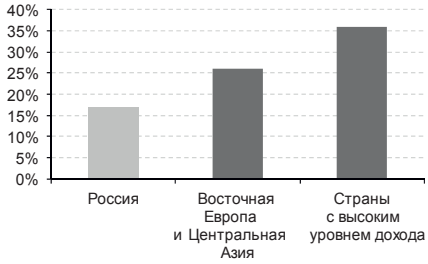
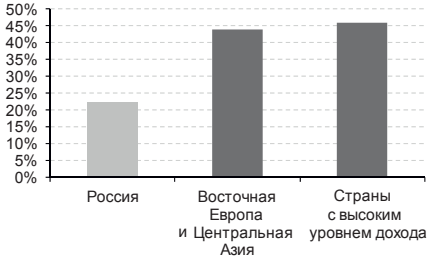


Рис. 7. Доля заёмных ресурсов в объёме «рабочего» капитала МСП, %



Источник: ОЭСР, Внешэкономбанк

Рис. 8. Доля субъектов МСП, имеющих банковские кредиты в пассивах, % числа

Существует 3,0-кратный разрыв между Россией и развитыми странами при использовании кредитных ресурсов субъектами МСП. Сокращение планов по инвестициям среди субъектов МСП выглядит особенно удручающим на фоне ухудшения структуры и доступности источников их финансирования. Согласно исследованиям ОЭСР и Внешэкономбанка, в России лишь 16 % МСП использовали внешние источники против 38–40 % в странах с высоким уровнем дохода. Доля банковского кредита в объёме финансирования инвестиций составляет около 7 % – показатель, как минимум, втрое ниже, чем в наиболее развитых странах Запада. Доля прямых инвестиций и источников рынка акционерного капитала в России составляет 3 % (в 2,0х ниже, чем в развитых странах).

Росстат также приводит оценки структуры инвестиций в основной капитал средних предприятий по источникам финансирования. Так, согласно данным за 2013 г., примерно 23,6 % всех инвестиций было профинансировано за счёт банковских кредитов (против 26,1 % в 2012 г. и 28,1 % в 2011 г.), доля заёмных средств других организаций составляла 8,7 % (примерно на уровне 2012 г.), вклад бюджетных средств не превышал 1,6 % (1,5 % в 2012 г. и 3,6 % в 2011 г.). Доля иностранных инвестиций была ничтожно мала – 0,1 %. В основном же масса инвестиций была сформирована за счёт собственных средств (47,4 %).

Источник: Росстат, МСП Банк

Рис. 9. Структура финансирования инвестиций средних предприятий (2010–2013 гг.) и планы по инвестициям МСП на 2015 г.

Исследование МСП Банка позволяет рассмотреть этот вопрос несколько в ином ключе. Согласно данным опроса, в 2015 г. лишь около 17 % респондентов однозначно планируют привлекать кредитные ресурсы банков для финансирования инвестиций. Снова среди заёмщиков наиболее активными являются сельскохозяйственные производители, поскольку они имеют достаточно большие возможности по субсидированию процентных ставок, что, безусловно, является показателем высокой эффективности соответствующей программы Минсельхоза России. Ещё около 10 % предприятий сектора МСП обратятся в лизинговые компании, 3 % – в микрофинансовые организации. Львиная же доля участников (85 %) будет осуществлять инвестиции за счёт собственных средств.

Прибыль предприятий останется главным источником инвестиций МСП. По итогам четырёх месяцев 2015 г. Росстат отчитался об улучшении сальдо прибылей и убытков предприятий. Прирост был впечатляющим: на 90,4 % г/г, при этом показатели прибыли улучшились на 98,4 % г/г, а убытки сократились на 1,2 % г/г. Конечно, большое значение сыграли эффект низкой базы 2013–2014 гг., а также наблюдаемое сокращение импорта (на 40 % г/г за I полугодие 2015 г.). Однако наиболее мощными драйверами улучшения финансового положения предприятий стал отказ от капитальных затрат (падение инвестиций на 4,8 % г/г за пять месяцев 2015 г.), «замораживание» оборотного капитала на достигнутых уровнях и начавшееся сокращение персонала (рост безработицы в мае 2015 г. на 0,6 % г/г), либо сокращение затрат на персонал и прочих АХР различными способами.

Статистику финансовых результатов МСП в разрезе отдельных видов экономической деятельности Росстат публикует раз в год, однако, используя предположение о сохранении вклада МСП в формирование финансового результата полного круга предприятий, можно получить соответствующие оценки для МСП. Полученные результаты внушают глубокий пессимизм: в целом по сектору положительное сальдо финансовых результатов сократилось на 50 %. Косвенным подтверждением справедливости полученных оценок могут служить результаты опроса МСП Банка, свидетельствующие о том, что более половины субъектов МСП планируют вообще воздержаться от инвестиций в 2015 г.

Таблица 3

Распределение сальдированного финансового результата МСП по отраслям, 2013–2015 гг.[143]

	2013				2014				4М 2015	
	Всё		МСП		Всё		МСП*		Всё	МСП*
	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	млрд руб.
Всего	6541,6	-15,2	1637,211	40,4	5902,7	-9,8	818,2	-50,0	3817,8	529,2
сельское хоз-во, охота и лесное хоз-во	74,4	-41,3	31,6	-36,8	181,7	144,2	75,0	137,4	90,2	37,2
рыболовство, рыбоводство	23	0,9	9,4	16,2	11,2	-51,3	5,8	-37,5	26,4	13,8
добыча полезных ископаемых	1707,1	-6,9	6,5	-18,1	2648,6	55,2	14,8	129,3	581,6	3,3

[143] Источник: Росстат, расчёты Внешэкономбанка.

	2013				2014				4М 2015	
	Всё		МСП		Всё		МСП*		Всё	МСП*
	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	в %, г/г	млрд руб.	млрд руб.
обрабатывающие производства	1544,7	-25,8	174,3	51,6	877,1	-43,2	52,4	-69,9	1491,9	89,2
производство и распределение энергии, газа и воды	129,3	-35,8	5,3	10,1	164,1	26,9	5,2	-2,5	205,2	6,4
строительство	121	-23,2	174,4	77,0	91,4	-24,5	64,1	-63,3	10,2	7,1
оптовая и розничная торговля	1849,2	0,7	552,2	38,7	1406,8	-23,9	288,5	-47,7	775,1	159,0
гостиницы и рестораны	15,6	-12,4	41,9	120,2	-6,5	-141,4	н/д	н/д	н/д	н/д
транспорт и связь	781,4	-15,5	70,6	73,4	307,6	-60,6	15,5	-78,0	388,6	19,6
связь	284,5	2,7	10,6	75,8	177,7	-37,5	3,6	-66,2	105,7	2,1
операции с недвижимостью	10,7	-96,6	492,5	175,0	201,4	1782,2	293,0	-40,5	19,3	28,1

К сожалению, в отраслевом разрезе мы можем отметить улучшение ситуации только для предприятий сельского хозяйства: по нашим расчётам, в 2014 г. они улучшили свои финансовые результаты почти в 1,4х раза. Полагаем, что аналогичная ситуация сложилась в смежных отраслях пищевой промышленности, опирающихся на отечественную ресурсную базу. Фактически это означает, что в 2015 г. лишь субъекты МСП сельского хозяйства и пищевой промышленности обладают достаточным уровнем собственных ресурсов для того, чтобы продемонстрировать неотрицательные темпы прироста инвестиций в основные средства с учётом всех доступных источников финансирования.

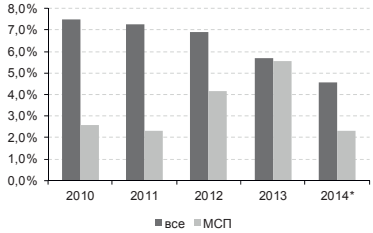
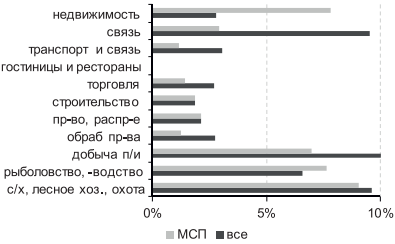


Рис. 10. Динамика коэффициента «Прибыль / Оборот» в целом по экономике по сектору МСП, 2010–2014



Источник: Росстат, Внешэкономбанк

Рис. 11. Прогноз коэффициента «Прибыль / Оборот» в 2014 г. в разрезе отраслей (экономика и МСП)

Анализ финансовых результатов деятельности МСП в 2010–2013 гг. и оценки Внешэкономбанка, сделанные для 2014 г., свидетельствуют о том, что практически во всех отраслях экономики субъекты МСП являются «отстающими» от крупного и крупнейшего бизнеса (за исключением сектора операций с недвижимостью). Наглядным подтверждением тому является динамика

коэффициента «Прибыль/оборот» малых и средних предприятий и сопоставление с полным кругом организаций. Наибольшее отставание по данному показателю у российских МСП зафиксировано в отраслях обрабатывающей и добывающей промышленности, транспорта и связи и даже в торговле. К 2015 г. сектору МСП не удалось сформировать базис устойчивого развития в виде достаточного объёма собственных ресурсов для осуществления инвестиций в основной капитал. Соответственно, с очень высокой долей вероятности, физические объёмы инвестиций МСП продолжат своё падение.

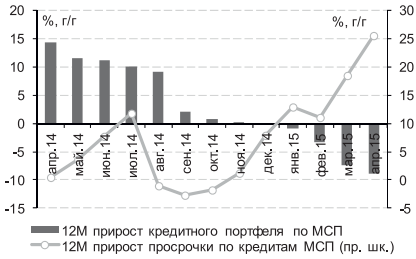
МСП в агрегированном кредитном портфеле банковского сектора: спад принимает затяжной характер

Второй по значимости источник финансирования инвестиций МСП – банковское кредитование. Как отмечено выше, российский сектор МСП серьёзно недофинансирован коммерческими банками. Но у операторов банковского кредитования на то есть веские причины, разобраться в которых можно сопоставив тенденции, складывающиеся в различных сегментах кредитного рынка.

МСП традиционно страдает первым. Тенденция сокращения кредитования МСП наметилась ещё в середине 2014 г. Именно тогда банки столкнулись с проблемой роста проблемных долгов МСП-заёмщиков и начали переоценивать свои кредитные риски в данном сегменте кредитования. Настоящий спад в динамике банковского кредитования МСП наступил в сентябре 2014 г., когда по году наметились отрицательные темпы прироста выдач (-1 % г/г), а в ноябре 2014 г. стал сокращаться сам банковский портфель в секторе МСП (-0,07 % г/г).

Таким образом, в течение ноября 2014 г. – апреля 2015 г. портфель банковских кредитов МСП последовательно сокращался, опустившись на (-9,4 % г/г) до 4,78 трлн рублей на конец указанного периода. Относительно начала 2015 г. указанная величина сократилась на 6,6 %. Учитывая, что доступные временные ряды по кредитованию МСП являются достаточно короткими, можно заключить, что наблюдаемый спад является максимальным за всю историю ведения подобной статистики Банком России.

В кризис 2008–2009 гг. кредитование индивидуальных предпринимателей (ИП) сокращалось 14 месяцев подряд. Анализ статистики кредитования ИП (которая доступна с 2008 г.) свидетельствует о том, что подобная динамика весьма характерна для кризисных периодов российской экономики. Так, максималь-



Источник: Банк России, Внешэкономбанк

Рис. 12. Динамика выдач банковских кредитов МСП, 2014–2015 гг.

Рис. 13. Динамика банковского кредитного портфеля МСП, 2014–2015 гг.

ный спад банковского портфеля кредитов ИП составлял (-19,5 % г/г) в сентябре 2009 г. Тогда сокращение портфеля началось в апреле 2009 г. и продолжалось 14 месяцев подряд. В течение настоящего кризисного этапа отрицательная динамика кредитования ИП проявилась только в январе 2015 г. (-0,9 % г/г), однако в апреле 2015 г. спад уже составлял (-11,5 % г/г). Величина самого портфеля кредитов ИП на последнюю доступную дату составляет 611,5 млрд рублей.

Динамика рынка межбанковского кредитования (МБК) определялась всплесками волатильности на валютном рынке. Примечательно, что именно кредитование МСП первым показало отрицательные темпы прироста, в то время как банковские портфели в прочих сегментах продолжают расти в годовом выражении, хотя во многих из них темпы существенно замедляются. Например, рынок МБК, который продемонстрировал взрывной прирост в ноябре-декабре 2014 г. (73,3–80,9 % г/г), но уже в течение января-апреля 2015 г. средний темп прироста составлял 43,1 % г/г. На 1 мая 2015 г. портфель кредитов МБК достиг 2,89 трлн рублей, что, однако, на 23,5 % меньше, чем на начало 2015 г. Траектория рынка МБК чётко определяется периодами волатильности на валютном рынке, что мотивировано стремлением банков абсорбировать всю доступную ликвидность для совершения краткосрочных спекулятивных операций.

В корпоративном кредитовании произошёл «излом». В динамике корпоративного кредитования (за вычетом кредитов для МСП) излом тенденции восходящих темпов роста по-настоящему проявился только в 2015 г.: если в январе 2015 г. портфель корпоративных кредитов вырос на 41,4 % г/г, то в апреле 2015 г. эти темпы составляли 26,0 % г/г, градиентно снижаясь в течение года.

Более того, величина портфеля корпоративных кредитов на 1 мая 2015 г. (20,47 трлн рублей) на 0,5 % меньше, чем на 1 января 2015 г. В 2014 г. динамика и вовсе была неустойчивой: начиная от слабых темпов роста в начале года (14,4–15,5 % г/г) портфель демонстрировал нелинейный рост, достигнув в декабре 2014 г. темпов, равных 35,6 % г/г. Такая «ломаная» траектория корпоративного кредитования сформировалась благодаря попеременному усилению факторов, сдерживающих и стимулирующих корпоративное кредитование. С одной стороны, закрытие внутренних и внешних рынков инструментов с фиксированной доходностью способствовало переключению ряда крупных корпораций на инструменты традиционного банковского кредитования.

Подобным образом в основном удовлетворялись потребности в рефинансировании долга. С другой стороны, ужесточение денежно-кредитной политики и рост стоимости банковского фондирования приводили к переоценке рисков, более жёсткому отбору заёмщиков и в отдельных случаях к кратковременному приостановлению кредитных операций вообще. Многим финансовым институтам требовалось определённое время для переосмысления собственной кредитной и процентной политики в условиях стремительно ухудшающейся макроэкономической ситуации.

В розничном кредитовании наметились противоположно направленные тенденции. Динамика розничного кредитования в течение января 2014 – апреля 2015 гг. оказалась последовательно нисходящей. Годовые темпы прироста за указанный период замедлились с 28,0 % г/г до 4,0 % г/г. Относительно 1 января 2015 г. портфель розничных потребительских кредитов сократился на 4,5 % г/г до 10,8 трлн рублей. Вместе с тем серьёзно затормозилась динамика портфеля необеспеченных потребительских ссуд: после роста на 8,9 % г/г в 2014 г. в апреле 2015 г. его величина сократилась на 6,5 % YTD до 5,98 трлн рублей.

Рис. 14. Динамика банковского кредитного портфеля в сегменте нефинансовых организаций, темпы прироста,%, г/г, 2010–2015 гг.

Источник: Банк России, Внешэкономбанк

Рис. 15. Динамика банковского кредитного портфеля в розничном сегменте, темпы прироста, %, г/г, 2010–2015 гг.

Ещё более значительное падение произошло в сегменте автокредитования: здесь портфель уменьшился на 2,6 % г/г по итогам 2014 г. и на 11,2 % за первые четыре месяца 2015 г. до 791,7 млрд рублей. Единственным сегментом кредитования физлиц, демонстрирующим положительные темпы прироста, остаётся ипотека: после прироста на 32,2 % г/г в 2014 г. с начала 2015 г. портфель ипотечных ссуд вырос на 3,8 % YTD до 2,78 трлн рублей. Безусловно, это связано с расширением государственных программ повышения доступности жилья.

Причины затухающей динамики розничного кредитования кроются не только в ухудшении макроэкономической ситуации, но и определяются рядом нормативных инициатив регулятора, призванных ограничить «перегрев» этого рыночного сегмента.

На рынке банковского кредитования к концу I полугодия 2015 г. сформировались две группы тенденций: первая группа охватывает сегменты кредитования, в которых сохраняются положительные темпы прироста, устойчивые, либо затухающие во времени: МБК, предоставление жилищных ссуд, ипотечное кредитование и корпоративное кредитование без учёта МСП; вторая группа включает сегменты, в которых банки уже сократили свои портфели, а темпы прироста остаются устойчиво отрицательными: автокредитование, необеспеченные потребительские ссуды, кредитование МСП, включая ИП.

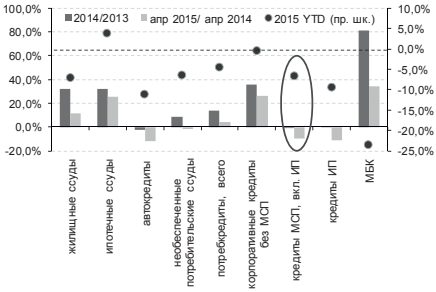
Таблица 4

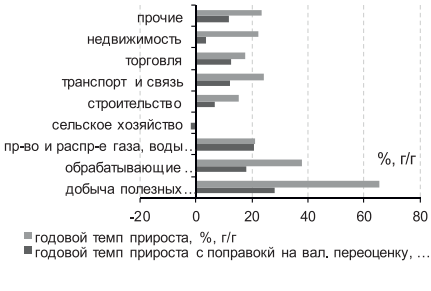
Банковские портфели в отдельных сегментах кредитования, млрд рублей, 2013–2015 гг.[144]

	2013	2014	апр. 2014	апр. 2015	2014/ 2013	2015 YTD	апр. 2015/ апр. 2014
жилищные ссуды	695,0	919,8	767,8	854,2	32,3 %	-7,1 %	11,3 %
ипотечные ссуды	2023,0	2673,5	2215,5	2776,4	32,2 %	3,8 %	25,3 %
автокредиты	915,5	891,3	897,8	791,7	-2,6 %	-11,2 %	-11,8 %
необеспеченные потреб. ссуды	5871,8	6392,7	6085,8	5975,0	8,9 %	-6,5 %	-1,8 %
потребкредиты, всего	9935,8	11303,7	10388,2	10799,2	13,8 %	-4,5 %	4,0 %

[144] Источник: Банк России, Внешэкономбанк.

корпоративные кредиты без МСП	15147,9	20581,7	16248,6	20471,4	35,6 %	-0,5 %	26,0 %
кредиты МСП, вкл. ИП	5160,6	5116,8	5274	4778,6	-0,8 %	-6,6 %	-9,4 %
кредиты ИП	672,4	675,8	690,6	611,5	0,5 %	-9,5 %	-11,5 %
МБК	2089,7	3780,3	2155,7	2891,4	80,9 %	-23,5 %	34,1 %





Источник: Банк России, Внешэкономбанк

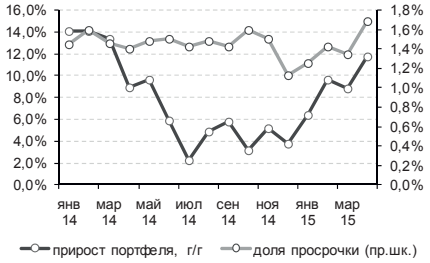
Рис. 16. Темпы прироста в отдельных сегментах банковского кредитования, 2014–2015 гг.

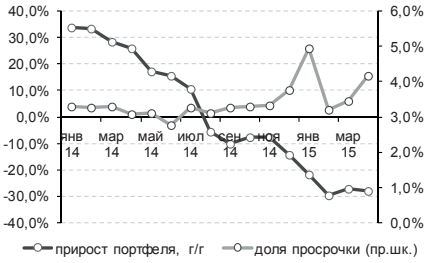
Рис. 17. Темпы прироста задолженности по кредитам в разрезе отраслей, 2014 г.

Проблемная задолженность МСП: все кризисные тренды сформированы

Доля ссуд IV–V категорий качества превысила первый «допустимый» рубеж. Основным итогом первого этапа девальвации рубля в 2014 г. стала дифференциация качества ссудной задолженности в зависимости от валюты кредита. Среди юридических лиц в наиболее выгодном положении оказались экспортёры, коль скоро они получают выручку в валюте. Вместе с тем доля ссуд IV–V категорий качества по предоставленным нефинансовым предприятиям кредитам и займам на 1 мая 2015 г. выросла до 10,7 %, преодолев психологически важную отметку в 10 п. п. В целом темпы роста просроченной задолженности опережают рост агрегированного кредитного портфеля российских банков, что формирует весьма тревожную тенденцию углубления кризиса платёжеспособности заёмщиков и сокращения прибыли банковского сектора.

Уровень проблемной задолженности предприятий, номинированной в иностранной валюте, на 1 мая 2015 г. составлял 1,8 %, немного увеличившись с начала 2014 г. (на 0,2 п. п.). В указанный период ярко выраженных колебаний проблемной задолженности не было. Несколько иначе выглядит картина, если в структуре проблемной задолженности обособить сектор МСП. На апрель 2015 г. доля проблемных валютных кредитов МСП составляла 4,2 %, это в 2,5х выше, чем в секторе крупных и крупнейших корпораций. Относительно начала 2015 г. этот уровень вырос на 0,4 п. п., но, если сравнивать с началом 2014 г., то налицо тенденция последовательного роста проблемных долгов МСП: за указанный период их доля выросла на 0,9 п. п. Примечательно, что если в течение 2014–2015 гг. корпоративный сектор наращивал валютные кредиты (в январе 2015 г. прирост с исключением фактора валютной





Источник: Банк России, Внешэкономбанк

Рис. 18. Темпы прироста портфеля валютных кредитов нефинансовым организациям (с учётом валютной переоценки), 2014–2015 гг.

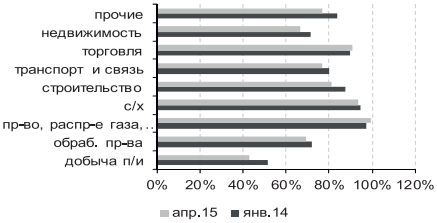
Рис. 19. Темпы прироста портфеля валютных кредитов МСП (с учётом валютной переоценки), 2014–2015 гг.

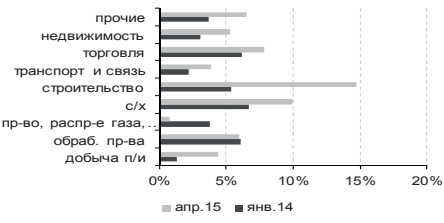
переоценки составлял 3,8 % г/г, в апреле темпы ускорились до 11,8 % г/г), то портфель МСП в 2014 г. сократился на 14,2 % г/г, на 1 мая 2015 г. сокращение уже составляло 28,0 % г/г.

Уровень просрочки по валютным кредитам физических лиц в апреле 2015 г. достиг 17,2 %, что на 2,8 п. п. выше, чем в начале 2014 г. Тенденция постепенного роста показателя была устойчивой на протяжении всего периода 2014–2015 гг. Вследствие девальвации рубля физический объём портфеля по данным кредитам сократился на 27,0 % г/г на 1 мая 2015 г. (данные приводятся с учётом поправки на изменение курса рубля). В течение всего 2014–2015 гг. темпы роста портфеля валютных кредитов физлиц были отрицательными.

В рублёвом сегменте кредитования ситуация неоднородна по видам заёмщиков и в зависимости от целей кредитования. По кредитам юрлиц просрочка достигла 7,0 %, темпы её роста в апреле 2015 г. – 43,1 % г/г, сама динамика кредитов не превысила 7,7 % г/г. Эта весьма тревожная тенденция закладывает риски получения отрицательного финансового результата банковским сектором по итогам года, учитывая, что рублёвое кредитование доминирует в портфеле.

Сельское хозяйство. Традиционно высокая долговая нагрузка сельскохозяйственных производителей будет играть негативную роль в развитии отрасли. Доля рублёвых кредитов в сельском хозяйстве в среднем составляет





Источник: Банк России, Внешэкономбанк

Рис. 20. Доля рублёвого долга в общем объёме долга нефинансовых корпораций, по отраслям, 2014–2015 гг.

Рис. 21. Просрочка нефинансовых корпораций по рублёвым кредитам, в разрезе отраслей, 2014–2015 гг.

93,4 % (по состоянию на апрель 2015 г.). Как показывает статистика Росстата и Банка России, в 2014 г. прибыльные и динамично развивающиеся компании отрасли смогли воспользоваться благоприятной для них ситуацией и нарастили свои доходы, а убыточные, напротив, нарастили убытки. Доходы успешных компаний пока существенно перевешивают: так, по итогам января-апреля 2015 г. сальдированный финансовый результат сельского хозяйства улучшился в 2,4х.

При этом в течение прошлого года в сельском хозяйстве произошёл значительный делевериджинг: индикатор «Кредиты и займы/Операционная прибыль» за 2014 г. снизился с 16,1х до 5,2х. Существовавший ранее «разрыв закредитованности» между растениеводством и животноводством теперь практически выровнялся, что объясняется также изменениями в кредитной политике коммерческих банков. Несмотря на это уровень просрочки тоже заметно вырос, хотя и не достиг критической отметки. Доля проблемных долгов по рублёвым кредитам сельскохозяйственных товаропроизводителей на 1 мая 2015 г. составила 9,9 % против 8,4 % на 1 января 2015 г. и 6,7 % на 1 января 2014 г.

Предприятия торгового сектора также имеют высокий уровень рублёвого долга (90,9 % на 1 мая 2015 г.), но доля банковских кредитов в пассивах торговых организаций ниже (36,9 % на 1 января 2015 г.). Динамика проблемных долгов в торговле носила нелинейный характер: если к началу 2015 г. доля просрочки по рублёвым кредитам составляла 5,7 %, снизившись на 0,4 п. п. относительно начала 2014 г., то по истечении первых четырёх месяцев 2015 г. ситуация значительно ухудшилась (просрочка выросла на 2,1 п. п. до 7,8 %). При этом прибыль торгового сектора за аналогичный период возросла на 30,0 % г/г, а убытки сократились на 4,4 % г/г, что в целом нейтрализует эффект роста проблемных долгов.

Обрабатывающая промышленность. В 2014 г. доля банковского кредита в пассивах обрабатывающей промышленности составляла 32,6 %. Доля самого рублёвого долга составляла 65,9 %. Среди отдельных отраслей наиболее высокая долговая нагрузка у предприятий металлургии, горнодобывающих производств, а также в машиностроении. Доля субъектов МСП в указанных отраслях, как правило, невысока. Вместе с тем, для многих компаний, производящих промышленные товары и имеющих относительно устойчивое финансовое положение, характерна тенденция замещения заёмных ресурсов собственными.

Сальдированный финансовый результат предприятий обрабатывающей промышленности за январь-апрель 2015 г. свидетельствует, что такие возможности объективно имеются. Так, за четыре месяца 2015 г. прибыль этих предприятий выросла в 5,8х относительно аналогичного периода 2014 г., а убытки сократились на 51 %. В целом успешные финансовые результаты позволяют поддерживать невысокий уровень просрочки по рублёвым кредитам (около 6,0 % – практически без изменений относительно 2013 г., однако в 2014 г. уровень составлял 5,1 %). На общем фоне выделяются высокий уровень просрочки по рублёвым кредитам у предприятий, занятых в обработке древесины и производстве изделий из дерева – 21,5 %, в сельскохозяйственном машиностроении – 16,3 %.

В строительной отрасли уровень фактического самофинансирования составляет 17,8 % (по состоянию на конец 2014 г.), но доля банковских кредитов в общем объёме обязательств также невысока – 25,2 %. В самом объёме

кредитов доля рублёвого долга превышала 80,3 % (на 1 января 2015 г.), за четыре месяца 2015 г. она повысилась до 81,3 %. Финансовое состояние строительных организаций за январь-апрель 2015 г. существенно ухудшилось. Хотя совокупная прибыль снизилась всего на 5 % г/г до 57,9 млрд рублей, убытки выросли значительно сильнее – на 24,3 % г/г до 47,7 млрд рублей. Многие строительные организации, как в сегменте жилищного, так и коммерческого строительства, столкнулись со снижением спроса, что также совпало с вводом значительного объёма новых площадей. В целом это чревато незапланированным ростом операционных и эксплуатационных расходов на фоне снижения выручки от продаж. В итоге кредитные риски отрасли растут. Это уже зафиксировано в динамике просрочки по рублёвому долгу: если на 1 января 2014 г. она составляла 5,3 %, то на 1 мая 2015 г. уже выросла до 14,7 %. Непрерывный рост был в течение всего периода.

Рынок ипотеки пережил шок в конце 2014 г., от которого он едва успел оправиться к концу I полугодия 2015 г. за счёт смягчения денежно-кредитной политики и дальнейшему развёртыванию программ АИЖК. При этом сегмент ипотечного кредитования все же продемонстрировал катастрофический спад: за четыре месяца 2015 г. объём выданных кредитов сократился на 40 % г/г, количество выдаваемых кредитов уменьшилось практически вдвое (на 47 %). Сейчас ипотечное кредитование остаётся самым качественным сегментом потребительского кредитования, мы полагаем, что тенденция сохранится. За четыре месяца 2015 г. просрочка «90+» в портфеле ипотечных ссуд практически не изменилась – 2,4 %. При этом факторы, определяющие качество ипотечного портфеля, ухудшились: реальные располагаемые доходы населения сокращаются (за январь-май 2015 г. – минус 3 % г/г, при этом реальная заработная плата – минус 8,2 % г/г за тот же период), инфляция держится на уровне, превышающем ключевую ставку Банка России более чем на 4 п. п., а риски экономического спада лишь усиливаются.

МСП и ИП. Рублёвые кредиты, безусловно, доминируют в структуре долга МСП, их доля на 1 мая 2015 г. составляла 93,3 % (снизившись всего на 1,2 п. п. относительно начала 2014 г.). Уровень просрочки по рублёвому долгу МСП на аналогичную дату составил 11,0 %, увеличившись на 3,12 п. п. за последние 12 месяцев. Несмотря на то, что у ИП уровень просрочки примерно тот же самый (11,6 %), все же относительно начала 2014 г. этот показатель фактически удвоился (5,5 % на 1 января 2014 г.), что само по себе является тревожной тенденцией, учитывая особую уязвимость ИП перед кризисом. Если рассмотреть ситуацию в разрезе ТОП-30 крупнейших банков, то здесь доля просрочки по рублёвым кредитам составляла 13,1 % на 1 мая 2015 г., что на 3,7 п. п. больше, чем по состоянию на начало 2014 г. Тот факт, что просрочка по крупнейшим банкам выше, чем в целом по системе, возможно, является следствием активного внедрения ими «кредитных фабрик» ещё в 2010–2012 гг. Именно в тот период показатели проблемных долгов удвоились по кругу ТОП-30.

Всё же прирост просрочки в 2015 г. не является критическим, что является результатом политики «закручивания гаек», имевшей место на протяжении всего 2014 г. Многие коммерческие банки отмечают, что требования к финансовому положению МСП-заёмщиков и залогу уже предельно ужесточены. Следовательно, во II полугодии 2015 г. можно ожидать стабилизации доли проблемных долгов на фоне сокращения общего количества выдач. Спе-

цифические риски, свойственные сектору МСП, во многом исчерпали своё влияние на формирование просроченного долга, дальнейшая динамика будет определяться преимущественно общемакроэкономическими факторами.

Условия банковского кредитования: на пределе жёсткости

Ситуация, сложившаяся в конце 2014 г., когда были одновременно ужесточены и ценовые, и неценовые условия кредитования, немного изменилась в I квартале 2015 г. Многие участники рынка полагают, что потенциал дальнейшего ужесточения требований к МСП-заёмщикам уже практически исчерпан, ведь на протяжении всего 2014 г. банки были абсолютно нелояльны к малому и среднему бизнесу. Согласно исследованию Банка России условия банковского кредитования (УБК) в I квартале 2015 г. продолжили ужесточаться, однако степень ужесточения оказалась менее значительной, чем ожидали участники опроса в конце 2014 г.

Финансовое состояние МСП-заёмщиков будет ухудшаться, а вместе с ним снизится и доступность кредитов. На фоне роста кредитных рисков банки стремились проводить более консервативную политику при отборе потенциальных заёмщиков, в связи с чем 28 % банков отметили изменение политики по управлению своими активами и пассивами в качестве фактора ужесточения УБК в сегменте крупного бизнеса и 20 % банков – в сегменте МСП. При этом лишь 4 % опрошенных банков изменили свои приоритеты в кредитной политике в пользу МСП-заёмщиков. Около 1/3 банков повысили требования к финансовому состоянию заёмщиков и предоставляемому залогу. 16 % респондентов отметили сокращение максимальных сроков кредитования МСП.

Несмотря на то, что среди малых и средних предприятий, удельный вес убыточных организаций традиционно ниже, чем в целом в экономике, в отношении финансового состояния МСП-заёмщиков, к сожалению, сформировались устойчивые негативные тренды, которые определяют доминирование риск-ориентированного подхода банков при работе с МСП. Так, на протяжении последних лет снижаются показатели рентабельности активов малых и средних предприятий, отставая от динамики экономики в целом (за исключением торговли, строительства и некоторых видов обрабатывающих производств).

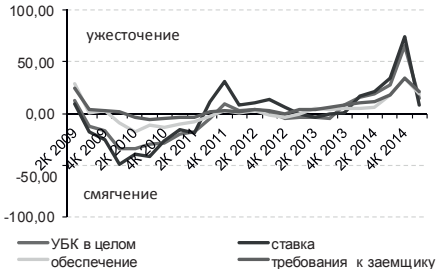
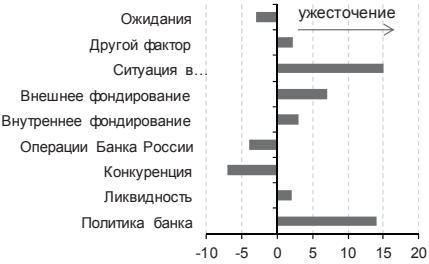
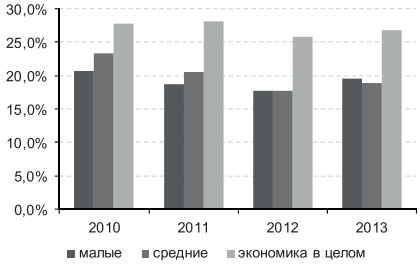


Рис. 22. Изменение УБК для МСП, 2009–2015 гг.



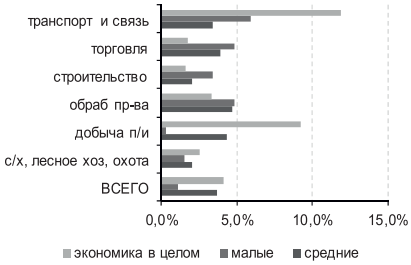
Источник: Банк России

Рис. 23. Факторы ужесточения УБК для МСП в I квартале 2015 г.



Источник: Росстат

Рис. 24. Удельный вес убыточных организаций среди МСП и по экономике в целом, 2010–2013 гг.

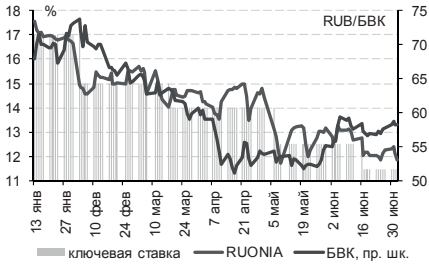


Источник: Банк России, Внешэкономбанк

Рис. 25. Рентабельность активов МСП и в среднем по экономике, в разрезе отраслей, 2013 г.

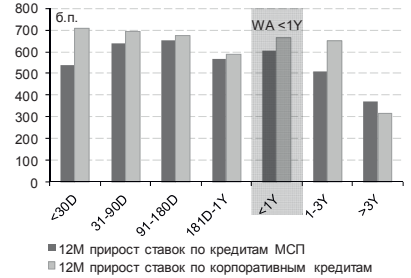
Существует также отставание по показателям ликвидности, особенно в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производствах. Коэффициенты автономии у МСП значительно ниже аналогичных индикаторов как по экономике в целом, так и в разрезе основных отраслей.

Цикл смягчения монетарной политики продолжается, однако ставки по кредитам МСП реагируют асимметрично. Весь 2014 г. прошёл под знаком ужесточения денежно-кредитной политики России, что вытеснило ставки по кредитам МСП фактически до запретительных уровней. В 2015 г. начался цикл смягчения политики Банка России. С начала года совокупное снижение ключевой ставки составило 5,5 п. п. (по состоянию на июль 2015 г.) – наиболее заметное смягчение денежно-кредитной политики со времён глобального финансового кризиса. Вместе с тем необходимо отметить, что текущий уровень инфляции (15,6 % г/г) существенно превышает уровень ключевой ставки (11,5 %). Снижение самой инфляции происходит значительно медленнее, чем ослабляется денежно-кредитная политика. Это один из основных факторов, который препятствует аналогичному снижению ставок по кредитам МСП. В результате динамика процентных ставок неоднородна: в краткосрочном сегменте ставки менялись относительно синхронно с движением клю-



Источник: Банк России

Рис. 26. Ключевая ставка, RUONIA, бивалютная корзина, 2015 г.



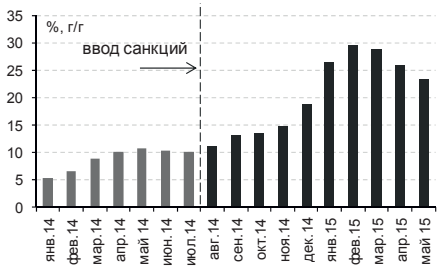
Источник: Банк России, Внешэкономбанк

Рис. 27. 12-мес. приросты ставок по корпоративным кредитам и МСП разной дюрации, апрель 2015 г.

чевой ставки Банка России, а на долгосрочном участке процентной кривой продолжился рост.

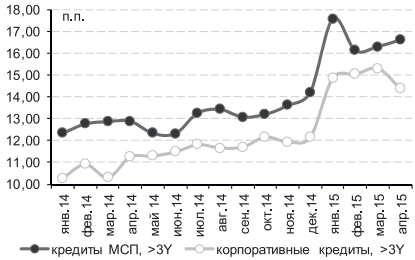
Важным фактором, который влияет на динамику инфляционных ожиданий и через них на уровень процентных ставок по кредитам МСП, является скорость адаптации цен к «контрсанкциям», введённым Россией в августе 2014 г. Сейчас можно утверждать, что этот фактор во многом исчерпал себя и не оказывает дополнительного инфляционного давления. Иллюстрацией этого тезиса может стать динамика индекса цен на «подсанкционные» товары, рассчитанного Внешэкономбанком. Если ещё в феврале 2015 г. цены на эти товары росли на 29,8 % г/г, то в мае 2015 г. замедлились до 23,4 % г/г. При прочих равных условиях понижательная динамика сохранится, а значит, коммерческие банки не должны закладывать указанную «инфляционную» компоненту в уровень ставок по кредитам МСП. Это может способствовать лучшей «проводимости» процентного канала трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики при принятии соответствующих решений Советом директоров Банка России.

Во II и III кварталах 2015 г. банки ожидают смягчение условий кредитования МСП, при этом для крупных компаний ситуация практически не изменится. Кредитные организации, участвовавшие в опросе Банка России, строят свои прогнозы на ожиданиях дальнейшего смягчения денежно-кредитной политики и последующего улучшения конъюнктуры внутреннего долгового рынка.



Источник: Росстат, Внешэкономбанк

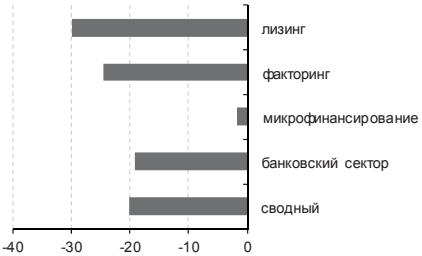
Рис. 28. Инфляция на «подсанкционные» товары, 2014–2015 гг.



Источник: Банк России

Рис. 29. Средневзвешенные ставки по портфелям корпоративных кредитов и МСП на срок свыше 3 лет, 2014–2015 гг.

В других сегментах заёмного финансирования МСП ситуация ещё более сложная. Расширенное представление об условиях заёмного финансирования МСП позволяют сформировать результаты 4-го раунда исследования МСП Банком индекса «Финансовый перекрёсток», учитывающего интегральное состояние ключевых сегментов рынка заёмных ресурсов МСП. По итогам II полугодия 2014 г. значение индекса составило 79,8 пункта, по сравнению с I полугодием 2014 г. его значение снизилось на 20,2 пункта. Ухудшились значения всех составляющих индекса: по банковскому сектору (минус 19,1 пункта), в сегментах факторинга (минус 24,6 пункта) и финансового лизинга (минус 30,0 пункта).



Источник: МСП Банк

Рис. 30. Изменение индекса «Финансовый перекрёсток» во II полугодии 2014 г.

Рис. 31. Основные причины отказов по кредитным заявкам МСП (по данным исследования МСП Банка)

Наиболее «мягким» было сокращение по микрофинансовым организациям (минус 1,7 пункта). Согласно оценкам участников рынка условия кредитования и требования к заёмщикам уже предельно жёсткие, поэтому многие перешли на индивидуальный подход при рассмотрении кредитных заявок. Участники опроса отмечают, что особенно сильно (почти на 1/3) сократилось число обращений для финансирования инвестиций в основные средства. Около ¾ банков ужесточили условия отбора заёмщиков, процентные ставки повысили 61 %, увеличилось число отказов по кредитным заявкам. Схожие тенденции наблюдались в сегменте лизинговых и факторинговых услуг для МСП. Представители факторинга отметили существенный рост размера комиссии, ухудшение платёжной дисциплины и рост кредитных рисков. Положительным фактором, оказавшим поддержку факторингу, была стабилизация спроса. Лизинговые компании оказались менее устойчивые к внешним шокам, поэтому на рынке наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа сделок.

Госпрограммы поддержки МСП: курс на консолидацию ресурсов

В условиях, когда коммерческие банки ужесточают требования к МСП-заёмщикам и сокращают свои портфели в сегменте МСП, на первый план выходят государственные инструменты поддержки МСП. Все меры финансовой господдержки МСП могут быть условно разделены на три категории: инструменты рефинансирования Банка России и меры макропруденциальной политики; программа финансовой поддержки МСП, реализуемая Внешэкономбанком через МСП Банк; ведомственные государственные программы.

Антикризисный потенциал инструментов Банка России. В период повышенной турбулентности на финансовых рынках России сложно переоценить значимость мер Банка России для стабилизации банковской системы. В декабре 2014 г. был озвучен пакет специальных мер, позволивших минимизировать убытки по кредитным рискам для банков при расчёте макропруденциальных требований.

С позиций МСП наибольший интерес представляют следующие меры: банкам разрешено не ухудшать оценку качества обслуживания долга вне зависимости от оценки финансового положения заёмщика по реструктури-

рованным ссудам; предоставлено право принимать решение о неухудшении оценки финансового положения заёмщика для целей формирования резервов под потери, если изменения финансового положения обусловлены воздействием санкций; увеличен срок, в течение которого кредитная организация может не формировать резерв на потери по кредитам на реализацию инвестиционных проектов; отменён повышенный коэффициент риска в отношении ссуд, предоставленных лизинговым и факторинговым компаниям – участникам банковской группы, в состав которой входит банк-кредитор; введён пониженный коэффициент взвешивания по риску для номинированных в рублях кредитов российским экспортёрам при наличии договора страхования ЭКСАР.

19 декабря 2014 г. Государственная Дума приняла законопроект о докапитализации банков через АСВ на 1 трлн рублей. Примечательно, что деньги, которые выделяются для докапитализации банков, будут предоставлены в форме ОФЗ, которые банки смогут заложить в качестве обеспечения в Банке России и получить рефинансирование для целевых проектов, в том числе на поддержку МСП. Несмотря на сохранение высокого уровня ключевой ставки, Банк России активно диверсифицирует инструменты рефинансирования, призванные улучшить ситуацию на рынке кредитования МСП. Так, регулятором принято решение о внесении изменений в положение 312-П, позволяющих принимать в качестве залога рублёвые кредиты и займы среднего бизнеса первой и второй (вероятность дефолта заёмщика – 1–20 %) категорий качества, по которым предоставлена гарантия АКГ (предоставляется в объёме до 50 % кредита). Срочность указанного инструмента рефинансирования составит 3 месяца. Краткосрочный эффект указанной меры будет практически незаметен для сектора МСП, так как портфель гарантий АКГ составляет около 1,3 млрд рублей (которые в основном выданы малому бизнесу). Но в долгосрочной перспективе рефинансирование по 312-П под залог указанных кредитов обладает существенным потенциалом. Конкретные оценки могут быть получены после того, как завершится разработка государственной стратегии развития МСП, и будут понятны количественные ориентиры государственной гарантийной поддержки МСП.

Поистине революционным для рынка кредитования МСП может стать анонсированное регулятором расширение списка участников «эксперимента» целевого рефинансирования, направленного на развитие кредитования МСП. В настоящее время право использования подобного инструмента есть только у МСП Банка, ставка по указанным операциям составляет 6,5 % годовых. В случае принятия положительного решения по указанному вопросу и установления значительных лимитов по инструментам целевого рефинансирования (например, свыше 100 млрд рублей – объёма, который в настоящее время не может быть абсорбирован силами МСП Банка) на рынке кредитования МСП могут произойти «тектонические» сдвиги. Так, в результате вливания большого количества дешёвой ликвидности субъекты МСП смогут кредитоваться по ставкам, близким к 10 % – и это будет новая реальность сектора. Безусловно, коммерческие банки – участники «эксперимента» будут кредитовать только premium-сегмент МСП, поскольку регулятор принимает в обеспечение кредиты лишь I–II категорий качества. По нашим оценкам, если право использования специнструмента будет предоставлено хотя бы пятёрке ведущих коммерческих банков, это позволит дополнительно привлечь в сектор МСП около 900 млрд рублей.

Таблица 5

Оценка антикризисного потенциала целевого инструмента рефинансирования Банка России, направленного на развитие кредитования МСП (по пяти крупнейшим игрокам на рынке)[145]

	Портфель кредитов МСП			Доля ссуд I категории качества*	Доля ссуд II категории качества*	Дисконты ЦБ	Потенциал рефинансирования
	2013	2014	2014/2013 %, г/г				
Сбербанк России	1 303 840	1 297 079	-0,5	0,1%	86,6%	0,6–0,8	675 000
ВТБ 24	166 795	177 338	6,3				92 287
Промсвязьбанк	119 027	101 678	-14,6				52 913
МИнБ	82 712	85 148	2,9				44 311
Банк «Санкт-Петербург»	34 745	66 316	90,9				34 511

Антикризисный потенциал программы финансовой поддержки МСП, реализуемой Внешэкономбанком. Единственная в России госпрограмма кредитной поддержки МСП реализуется Внешэкономбанком с 2007 г. За это время предоставлена поддержка почти 52 тыс. субъектов МСП на территории России, преимущественно неторгового сектора, на сумму более 543 млрд рублей. Принципиальным отличием программы Внешэкономбанка является высокий «эффект развития», который проявился в том, что финансирование получают те субъекты МСП, которые, с одной стороны, не могут получить его на стандартных условиях в коммерческих банках, а с другой – эти субъекты осуществляют деятельность в приоритетных для государства сегментах и регионах. Государственное значение этой программы особенно ярко проявилось в условиях мирового кризиса 2008–2009 гг., когда средства Внешэкономбанка позволили многим организациям и индивидуальным предпринимателям МСП остаться «на плаву» и активно развиваться, несмотря на ухудшение рыночной конъюнктуры.

В настоящее время происходит консолидация системы финансовой поддержки МСП на базе «Федеральной корпорации развития малого и среднего предпринимательства» (далее – Корпорация). В сферу ответственности финансового блока Корпорации, ключевым элементом которого станет МСП Банк, войдут: развитие кредитной поддержки субъектов МСП; усиление гарантийной поддержки МСП, создание национальной гарантийной системы; развитие механизмов секьюритизации кредитов МСП; создание инструментов прямых инвестиций; привлечение фондирования от международных финансовых организаций и зарубежных институтов развития в российский сектор МСП. Принципиально важно, что в работе Корпорации будет обеспечена необходимая преемственность, и будет сохранён отработанный двухуровневый механизм поддержки субъектов МСП через систему организаций-партнёров. Объединив ресурсы МСП Банка и АКГ, новая структура станет одним из ключевых игроков на рынке кредитно-гарантийной поддержки МСП. Конкретные целевые сегменты Корпорации и количественные показатели поддержки будут определены после завершения работы над государственной стратегией развития МСП.

[145] Источник: Банк России, Внешэкономбанк

Таблица 6

Сводная таблица мер поддержки МСП, предусмотренных в антикризисных планах Правительства Российской Федерации в 2009–2015 гг.[146]

№	Направления поддержки	План 2009 г.	План 2010 г.	План 2015 г.
1	Предоставление ресурсов ФНБ на развитие программы Внешэкономбанка	Выделено 30 млрд рублей средств ФНБ	Понижение ставки по выделенным Внешэкономбанку ресурсам ФНБ	Предоставление целевых средств ФНБ планом прямо не предусмотрено, но возврат депозита ФНБ пролонгирован до 2027 г.
2	Программа субсидирования процентных ставок, закреплённая за Минэкономразвития России (федеральный бюджет)	3,85 млрд рублей	10,5 млрд рублей	21,0 млрд рублей
3	Гранты и субсидии на инновации, создаваемые субъектами МСП (через специальный фонд)	-	3,4 млрд рублей	5,0 млрд рублей
4	Налоговое регулирование МСП	– расширение перечня видов деятельности и увеличение порога по «упрощёнке» до 60 млн рублей; – расширение патентной системы; – исключение обязанности использования ККМ для плательщиков ЕНВД	Аналогично плану 2009 г.	– регионам предоставлено право снижать ставки по «упрощёнке» с 6 % до 1 % – 2-летние налоговые каникулы для ИП в сфере производственных и бытовых услуг; – возможность снижения регионами годового дохода для ИП в 2 раза; – право регионов снижать ставки по ЕНВД в 2 раза; – расширение патентной системы налогообложения
5	Доступ МСП к государственным закупкам	– принятие ФЗ, установление административной ответственности за отказ размещать заказы у МСП		– расширение возможностей доступа МСП к госзаказу – принятие ФЗ до 12 марта 2015 г.

Ведомственные программы поддержки МСП. Антикризисный план, принятый Правительством Российской Федерации 27 января 2015 г., содержит 11 пунктов, направленных на усиление государственной поддержки малого

[146] Источник: Правительство Российской Федерации, Внешэкономбанк.

и среднего бизнеса. Большинство указанных пунктов носят нефинансовый характер и имеют своей целью улучшить институциональные условия. Поэтому эффективность реализации нефинансовых инициатив Минэкономразвития России зависит от успешности проведения институциональных преобразований экономики в целом и может быть оценена лишь в долгосрочной перспективе. Одной из принципиальных мер указанного плана стало повышение пороговых значений выручки для отнесения предприятий к категории субъектов МСП. Фактически, средними предприятиями теперь признаются юридические лица с годовым оборотом до 2 млрд рублей, что положительно скажется на динамике инвестиций, финансируемых за счёт государственных программ поддержки МСП. Пункт об увеличении пороговых значений выручки позволит существенно повысить антикризисный потенциал программы Внешэкономбанка, в том числе, благодаря наличию высокого банковского мультипликатора, которым больше не обладает ни один государственный институт развития или государственная программа.

Вместе с тем опыт ведущих западных институтов развития свидетельствует о том, что социально-экономическая эффективность поддержки МСП в развитых странах практически на 100 % определяется деятельностью банковских институтов, имеющих высокий кредитный мультипликатор при использовании льготных ресурсов. В плане предусмотрены ассигнования на расширение мер поддержки малых инновационных предприятий (через Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере) в объёме до 5 млрд рублей. Указанные средства носят «нерыночный» и невозвратный характер и будут предоставлены в форме грантов, субсидий.

В рамках процесса корректировки федерального бюджета на 2015 г. в расходной части произойдут существенные сокращения объёмов финансирования государственных программ, ориентированных на поддержку МСП. Новый вариант бюджета предполагает сокращение поддержки МСП в общей сложности на 5,9 млрд рублей. По данным Минфина России, в условиях жёсткой бюджетной политики, кризисного сжатия конечного спроса и недоступности кредита, расчётный мультипликатор инвестиционных расходов бюджета должен составить 1,5–1,7х, а мультипликатор социальных расходов на поддержку наиболее уязвимых слоёв населения 1,22–1,25х. Это позволяет оценить потенциальные потери МСП вследствие сокращения объёмов финансирования релевантных госпрограмм. По нашим оценкам, сокращение господдержки МСП приведёт к сокращению инвестиций малых и средних предприятий в объёме до 8,4 млрд рублей относительно варианта, предусмотренного законом № 384-ФЗ. Учитывая, что на каждый миллион рублей инвестиций МСП приходится от 7 до 25 рабочих мест в зависимости от размера предприятия, можно предположить, что сокращение господдержки МСП в соответствии с новым проектом бюджета может привести к потенциальной потере 58,8–210,0 тыс. рабочих мест.

Как отмечается в исследовании ОЭСР и Внешэкономбанка, в целом в России выделяются ресурсы на поддержку МСП, сопоставимые по объёму с развитыми странами. Основной же проблемой ведомственных программ поддержки МСП является отсутствие «фокусности» и чётких приоритетов при распределении средств, что, безусловно, снижает «эффект развития» и приводит к уменьшению мультипликатора использования льготных государственных ресурсов.

Таблица 7

Изменение объёмов поддержки МСП за счёт федерального бюджета в 2015 г.[147]

		Общий объём подпрограммы			Объём подпрограммы в части МСП			Потенц. потери сектора МСП
		384-ФЗ	Δ	скорр. бюджет	384-ФЗ	Δ	скорр. бюджет	
Ведомственные подпрограммы, частично ориентированные на поддержку МСП								
ГП1	Институциональное развитие научно-исследовательского сектора	14 193,0	-1480,7	12 712,3	6650,0	-715,0	5935,0	-893,8
ГП2	Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан	45 849,8	-5945,3	39 904,5	2000,0	-1500,0	500,0	-1875,0
ГП3	Модернизация и развитие социального обслуживания населения	1777,7	-163,7	1614,0	588,3	-168,5	419,8	-205,6
ГП4	Повышение эфективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций	1749,6	-1035,5	714,1	1721,6	-1032,6	689,0	-1259,7
Ведомственные подпрограммы, преимущественно ориентированные на поддержку МСП								
ГП5	Развитие малого и среднего предпринимательства	20 978,3	-2450,0	18 528,3				-
ГП5.1	Субсидии на господдержку МСП				19 173,3	-2269,5	16 903,8	-3858,1
ГП5.2	Субсидии на софин-е кап. вложений				1805,0	-180,5	1624,5	-270,8
ГП6	Индустриальные парки	300,0	-30,0	270,0				-
ГП6.1	Субсидии на возмещение части затрат на уплату % по кредитам на кап. строительство ОИ				280,0	-28,0	252,0	-42,0
ГП7	Индустрия детских товаров	1083,9	-340,6	743,3				-
ГП7.1	Субсидии УК индустриальных парков				150,0	-110,0	40,0	-165,0

[147] Средневзвешенный мультипликатор госрасходов по выборке госпрограмм принят на уровне 1,52х, для подпрограмм Минэкономразвития, Минпромторга и Минсельхоза брался мультипликатор 1,7х в случае выделения средств субъектам МСП и 1,5х в случае финансирования объектов инфраструктуры. Для социально-ориентированных подпрограмм значение мультипликатора составляет 1,22х–1,25х. Источник: Государственная Дума, Внешэкономбанк.

ГП7.2	Субсидии предприятиям на компенсацию части затрат на НИОКР				70,0	-	70,0	-
ГП7.3	Субсидии на возмещение части затрат на % по кредитам на реализацию инвест. проектов				583,9	-202,6	381,3	-344,4
ГП8	Поддержка малых форм хозяйствования	9424,0	336,0	9760,0				-
ГП8.1	Субсидии начинающим фермерам				1900,0	-	1900,0	-
ГП8.2	Субсидии на развитие семейных животноводческих ферм				1425,0	-	1425,0	-
ГП8.3	Субсидии на возмещение части затрат на уплату % по кредитам малых форм хозяйствования				5985,0	-	5985,0	-
ГП8.4	Субсидии на возмещение части затрат при оформлении земли в собственность				114,0	-64,0	50,0	-108,8
ГП8.5	Субсидии на грантовую поддержку с/х потребительских кооперативов				-	400,0	400,0	600,0
Итого					**42 446,0**	**-5870,6**	**36 575,4**	**-8423,1**

Выводы

Вышеизложенное исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов относительно сложившейся ситуации в сфере МСП.

1. Вклад сектора МСП в инвестиции в основной капитал остаётся невысоким (6–7 % от общей величины) и явно недостаточным для перехода к новой модели экономического роста. По нашим оценкам, в 2014 г. физический объём инвестиций МСП сократился на 5,6 % г/г (на фоне общего сокращения 2,0 % г/г), вдвое большее падение ожидается по итогам 2015 г.

2. Отраслевая структура инвестиций МСП остаётся практически неизменной с 2010 г. и не способствует решению задач структурной перестройки экономики. В 2015 г. ожидаем, что инвестиции будут осуществляться преимущественно субъектами МСП, оперирующими в сельском хозяйстве и смежных отраслях пищевой промышленности.

3. Готовность субъектов МСП к инвестициям определяется их видением будущего развития макроэкономической ситуации. В кризисный период предприниматели все чаще неадекватно оценивают реальные угрозы для бизнеса. На этом фоне продолжает расти разрыв между субъектами МСП и их кредиторами в оценках перспектив реализации инвестиционных проектов.

4. Существует, как минимум, 3-кратный разрыв между Россией и развитыми странами при использовании кредитных ресурсов субъектами МСП. Так, в 2015 г. лишь около 17 % субъектов МСП планируют привлекать банковские кредиты для финансирования инвестиций, то есть основным источ-

ником останутся собственные ресурсы предприятий. По нашим оценкам, по итогам 2014 г. субъекты МСП получили вдвое худшие финансовые результаты, чем в 2013 г., что демотивирует их к осуществлению инвестиций.

5. Тенденция сокращения кредитования МСП, наметившаяся ещё во II полугодии 2014 г., очевидно, продолжится до конца 2015 г. На фоне других сегментов рынка банковского кредитования МСП-заёмщики выглядят наиболее рискованной категории. Особую остроту приобретает ухудшение показателей проблемной задолженности МСП. Вместе с тем банки на протяжении всего 2014 г. были наименее лояльны к МСП, резко ужесточив как ценовые, так и неценовые условия кредитования. Однако потенциал дальнейшего ужесточения условий банковского кредитования уже практически исчерпан и к концу 2015 г. можно ожидать некоторых послаблений со стороны кредиторов.

6. Наибольшим антикризисным потенциалом, направленным на противодействие негативным тенденциям, на рынке кредитования МСП обладают меры, анонсированные Банком России, в том числе макропруденциального характера. В случае расширения списка участников «эксперимента» по рефинансированию по целевой ставке 6,5 % годовых, участником которого на сегодняшний день является только МСП Банк, на рынке могут произойти тектонические изменения. Включение в указанный список хотя бы топ-5 операторов на рынке кредитования МСП позволит привлечь в сектор до 900 млрд рублей.

7. Программа Внешэкономбанка, реализуемая с 2007 г., обладает высоким «эффектом развития», который проявляется в том, что финансирование получают те субъекты МСП, которые, с одной стороны, не могут получить его на стандартных условиях в коммерческих банках, а с другой стороны, осуществляют деятельность в приоритетных для государства сегментах и регионах. За весь период реализации программы поддержку получили 50 тыс. субъектов МСП на общую сумму свыше 500 млрд рублей.

8. Сейчас происходит консолидация системы финансовой поддержки МСП на базе Федеральной корпорации развития МСП, в работе которой будет обеспечена необходимая преемственность, будет сохранён отработанный двухуровневый механизм поддержки субъектов МСП через систему организаций-партнёров. Объединив ресурсы МСП Банка и АКГ, новая структура станет одним из ключевых игроков на рынке кредитно-гарантийной поддержки МСП.

9. В процессе корректировки федерального бюджета на 2015 г. в расходной части произойдут сокращения объёмов финансирования госпрограмм, ориентированных на поддержку МСП. Новый вариант бюджета предполагает сокращение поддержки МСП на 5,9 млрд рублей до 36,6 млрд рублей. Вместе с тем, это объём ресурсов, сопоставимый с уровнем развитых стран. В исследовании ОЭСР и Внешэкономбанка основной проблемой ведомственных программ поддержки МСП является отсутствие «фокусности» и чётких приоритетов при распределении средств, что снижает «эффект развития» и приводит к уменьшению мультипликатора использования льготных государственных ресурсов.

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ИНВЕСТИЦИИ, ИННОВАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Курочкин Д. Н., *вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.*

2015 г. поставил перед государством и обществом новые задачи: необходимость реформирования экономики, где малому и среднему бизнесу отведена роль драйвера социально-экономического роста. Для эффективной реализации программ импортозамещения, создания комфортной среды, стимулирующей частный производственный бизнес инвестировать в создание новых предприятий, развитию малого и среднего предпринимательства в экономических преобразованиях отводится важнейшая роль. Основные векторы работы заданы в декабрьском Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, Антикризисном плане Правительства Российской Федерации, решениях Государственного совета. Ход реализации вырабатываемых мер, векторы дальнейшей поддержки – это предмет дальнейшего обсуждения.

Именно эти вопросы стали ключевыми в дискуссиях на мероприятиях, приуроченных к празднованию Дня российского предпринимательства, которое состоялось 26 мая 2015 г. в Экспоцентре. Крупнейшие общественные объединения и ведущие институты развития, с привлечением федеральных и региональных органов власти, ведущих экспертов выразили свою позицию, обозначили болевые точки, представили некоторые итоги и перспективы дальнейшей работы. С нашей точки зрения, многое уже сделано: на федеральном уровне приняты важные для реализации экономических преобразований решения, обозначены приоритеты поддержки, заданы первоочередные задачи, в этом году завершается реализация «дорожных карт».

Государственная стратегия развития малого и среднего предпринимательства (МСП), необходимость принятия которой отражена в поручениях Президента России по итогам прошедшего Государственного совета, будет способствовать синхронизации усилий в направлении поддержки МСП, созданию условий для равного доступа к льготам и преференциям, независимо от места бизнеса. Важно, чтобы принятие и реализация этой стратегии осуществлялись не только на федеральном, но и на региональном уровне, поскольку успех реализации экономических преобразований – не в радикальности обновления, а в согласованности действий всех участников преобразований: власти, бизнеса, институтов развития.

В течение последних лет создано значительное количество институтов, призванных оказывать поддержку бизнесу. Это организации федерального, регионального и муниципального уровней: технопарки, бизнес-инкубаторы, микрофинансовые организации, центры субконтрактации. Большинство из этих институтов работают, реализуя государственные программы, используя средства бюджетов различных уровней. Вместе с тем, мониторинг ситуации в регионах свидетельствует о том, что качество работы данных институтов неоднородно, как и неравномерна в целом реализация мер на региональном уровне. Очень актуально и своевременно создание на базе МСП

Банка и Агентства кредитных гарантий единого государственного института развития МСП с наделением его функциями центра финансово-кредитной поддержки, обеспечения встраивания малого бизнеса в производственные цепочки крупных государственных компаний, координации деятельности организаций инфраструктуры поддержки бизнеса, реализации проектов по популяризации предпринимательства.

Особое беспокойство бизнеса, прежде всего малого и среднего, вызывают трудности с доступом к финансовым ресурсам для нормального рыночного развития. По итогам первого квартала 2015 г. кредитование малого бизнеса по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. упало на 36 %. Скорее всего, будет дальнейшее сокращение. Агентство кредитных гарантий планирует в 2015 году выдать гарантии лишь 2700 субъектам МСП. Это крайне мало.

Острый вопрос для бизнеса – избыточные неналоговые платежи, которые создают колоссальную нагрузку для бизнеса. При подготовке к Государственному совету совместно с ведущими бизнес-объединениями выявлено более 40 видов имеющих неналоговую природу платежей с целью установления моратория на них. Премьер-министр России Д. А. Медведев поддержал введение моратория до 1 января 2019 г. на девять неналоговых платежей из 20 предложенных Минэкономразвития России и бизнесом. Решение по спорным торговому и авторскому сборам отложено. Эта работа должна быть продолжена. Без внимания не должны остаться необходимые для бизнеса платные услуги (например, испытания и экспертизы для получения разрешительных документов). Прохождение данных процедур должно быть обоснованным, в том числе с точки зрения цен на такие услуги.

По данным опроса, проведённого ТПП России, страховые взносы, вместе с неналоговыми платежами, могут достигать 70 % в объёме фискальной нагрузки на бизнес. Необходимо проработать вопрос возможности льготирования страховых взносов для МСП, что поддерживается и Минэкономразвития России. ТПП выступает за освобождение от страховых взносов индивидуальных предпринимателей, являющихся пенсионерами и инвалидами. Надо разработать дополнительные меры по снижению налоговой нагрузки – отмену налога на имущество бизнеса, работающего на спецрежимах, продление срока действия привычной для бизнеса «вменёнки», проработка механизма распространения «налоговых каникул» на организации, закрепления права малых предприятий по желанию платить НДС при применении специальных налоговых режимов.

Важным вопросом остаётся выработка мер для **встраивания МСП в производственно-сбытовые цепочки крупных компаний.** Сейчас государственные компании «развернулись» в сторону бизнеса, чему способствуют законодательные изменения, большая работа, которую осуществляют в этом направлении госкомпании и малый бизнес, отстаивая свои интересы в этих процессах. Разрабатываются программы партнёрства госкомпаний с МСП, публикуются перечни товаров, работ и услуг, закупки которых осуществляются у этих субъектов. Вместе с тем, для МСП очевидна необходимость выработки дополнительных мер и практических механизмов для взаимодействия с крупными компаниями. Важно рассматривать и строить систему госзаказа как инструмента воздействия на структурные изменения в экономике. Системой госзаказов должна быть обеспечена чёткая и целенаправленная ориентация государственных инвестиций на развитие высокотехнологичных производств, реализацию мер научно-технической и инновационной политики страны.

Оценка регуляторной среды для бизнеса, институтов для бизнеса, инфраструктуры и ресурсов, а также реализации мер поддержки малого предпринимательства являются основными направлениями **Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации (далее – Рейтинг)**, который формируется по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина с 2013 г. Основной принцип Рейтинга – измерение результатов работы властей региона вне зависимости от его социально-экономического и географического положения. В качестве исходных данных используется ежегодная статистика федеральных и региональных ведомств, опросы предпринимателей (более 500 респондентов в каждом регионе), оценка экспертов (более 20 на регион), что позволяет дать объективную оценку состоянию инвестиционного и делового климата в каждом регионе. Результатом этой работы в конечном итоге должен стать приток инвестиций и более быстрое и качественное развитие отечественного бизнеса.

В этом году в рамках формирования Рейтинга, результаты которого были представлены на Петербургском международном экономическом форуме 19 июня 2015 г., в опросе по 45 индикаторам методологии приняли участие 230 тысяч респондентов из 76 регионов. По итогам проведённых опросов, экспертных и статистических выборок регионы были распределены по 5 группам по условиям ведения предпринимательской деятельности. Утверждённая структура Рейтинга отражает основные измеримые параметры инвестиционного климата, развитие которых зависит от работы власти на уровне регионов. Здесь не только вопросы, которые решаются властью субъектов Федерации, например, меры финансовой поддержки. Учитываются и результаты работы территориальных органов федеральных структур, связанные с регистрацией предприятий, прав собственности и т. д. Рейтинг позволяет судить, насколько легко или сложно вести предпринимательскую, инвестиционную деятельность в том или ином регионе.

Система торгово-промышленных палат России участвовала на всех этапах реализации Рейтинга как на федеральном, так и на региональном уровнях. В прошлом и текущем году мы обсуждали формирование Рейтинга с региональным предпринимательским сообществом в Екатеринбурге, Брянске, Нижнем Новгороде, Абакане, Нерюнгри, Севастополе, Владимире, Ялте, Ярославле, Мурманске, Курске, Магадане. В декабре 2014 г. состоялся президиум правления ТПП Российской Федерации, основным вопросом которого был анализ участия системы торгово-промышленных палат в формировании Рейтинга. В ноябре-декабре 2014 г. мы провели анкетирование территориальных ТПП, в результате которого можно сделать вывод о том, что региональным предпринимательским сообществом поддерживается работа по формированию Рейтинга, 82 % поддерживают его цели и задачи, а большинство считает работу с «лучшими практиками» полезной для своих регионов. Многие предприниматели, интересующиеся экономической политикой в регионе, настроенные на конструктивный диалог, считают, что Рейтинг и связанная с ним работа по совершенствованию инвестиционного климата – реальная возможность донести до власти проблемы, которые наиболее актуальны, сильнее всего сдерживают развитие предпринимательства.

Значительную роль в реализации намеченной новой стратегии экономического роста и реиндустриализации должно сыграть улучшение условий для привлечения прямых инвестиций, уменьшение стоимости «входного билета» для инвестора на работу в регионе. Эти меры надо развивать, опираясь на ба-

зовый закон «О промышленной политике». Предложения ТПП Российской Федерации при разработке закона были услышаны, и важные для инвестора новеллы – заключение специальных инвестиционных контрактов, гарантирующих неизменные условия ведения бизнеса до окончания реализации проекта и увеличение срока контракта до 10 лет – в него попали. Это должно мотивировать бизнес и кредитные организации вкладываться именно в инновационно-промышленные проекты.

Новым инструментом стал образованный по инициативе Минпромторга России в конце 2014 г. в целях модернизации российской промышленности, создания новых производств и реализации программы импортозамещения **Фонд развития промышленности**, который на конкурсной основе предоставляет целевые займы по ставке 5 % годовых сроком до 7 лет в объёме от 50 до 700 млн рублей. В настоящее время в Фонд поступило свыше 1000 заявок, после экспресс-оценки 294 проекта были отправлены на комплексную экспертизу, 24 заявки были вынесены на рассмотрение Экспертного совета Фонда, которым в итоге одобрено 17 проектов на общую сумму 4,8 млрд руб. Большинство проектов связано с машиностроением, далее идут химическая промышленность и металлургия, заметно уступают – проекты IT, медбиофарма, лёгкой промышленности. Лидеры среди регионов по количеству заявок – Москва и Свердловская область. Мы считаем, что масштабное инвестирование средств бюджета должно сочетаться с существенным улучшением инвестиционного климата и повышением уровня частных инвестиций, в том числе инвестиций самих предприятий. Необходимо снизить стоимость ресурсной базы для коммерческих банков, которые смогут уменьшить стоимость кредитов для конечных заёмщиков, прежде всего, предприятий реального сектора экономики.

Несмотря на сложный период для нашего бизнеса с точки зрения развития международных деловых отношений, ТПП Российской Федерации придаёт большое значение **развитию делового сотрудничества с зарубежными партнёрскими организациями**, в том числе в странах ЕС. Одним из основных торгово-экономических партнёров России в Европе является Италия. По данным российской статистики, в январе-марте 2015 г. российско-итальянский товарооборот составил 8,5 млрд долларов США (– 26,2 % по сравнению с аналогичным периодом 2014 г.) с положительным сальдо в 3,7 млрд долл. Российско-итальянское инвестиционное сотрудничество является прочной основой для развития взаимовыгодного партнёрства. Сейчас в России работает около 400 итальянских предприятий, 20 % из которых имеют собственное производство. Сумма итальянских накопленных прямых инвестиций в нашу экономику в 2014 г. составила 1,2 млрд долл., объём накопленных российских инвестиций в экономику Италии – 2,5 млрд долл. Сотрудничество активно развивается в энергетике, сельском хозяйстве, промышленном производстве и банковской сфере.

Крупнейшим итальянским инвестором является концерн «ЭНИ», участвующий в разработке нефтяных месторождений в Баренцевом и Чёрном морях совместно с ОАО «Роснефть», и «ЭНЕЛ», являющийся владельцем ведущего оптового производителя электрической и тепловой энергии России. При участии итальянской компании «Кремонини» в Оренбургской области построен завод по переработке мяса крупного рогатого скота с общим объёмом инвестиций 51 млн долл. В Нижегородской области реализован проект с участием итальянской компании «Даниэли Груп» по созданию производства

металлургического оборудования (объём инвестиций – 44 млн долл. США), а в Калужской области работает фармацевтическое предприятие, созданное при участии итальянской компании «Менарини». Расширяется российско-итальянское сотрудничество и в высокотехнологичных отраслях экономики – аэрокосмической и телекоммуникационной, где основным партнёром с итальянской стороны выступает компания «Финмекканика».

Для содействия углублению сотрудничества в инновационной сфере при поддержке ТПП Российской Федерации и Итало-Российской торговой палаты при Комитете Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству в конце 2014 г. был создан **Российско-Итальянский совет.** Первое заседание Совета на тему «Малый и средний бизнес России и Италии: состояние и перспективы сотрудничества» состоялось 17 марта 2015 г. По итогам заседания было принято решение о разработке **Российско-Итальянской программы развития малого и среднего бизнеса**, главной целью которой является накопление и систематизация предложений по созданию благоприятных социально-экономических, законодательных, административных, информационных и иных условий для развития и стимулирования сотрудничества малого и среднего бизнеса России и Италии (по отраслям и регионам). Программой поставлены задачи по проведению исследований для итальянских и российских малых и средних компаний, заинтересованных в выходе на рынки России и Италии, других стран Евразийского экономического союза и ЕС, организации образовательных и языковых курсов для представителей таких компаний.

Для системы ТПП эти направления не новы: ТПП Российской Федерации совместно с Итало-Российской торговой палатой участвует в реализации инициативы **«Партнёрство для модернизации»**, в рамках которой территориальными ТПП (Центрально-Сибирской ТПП, Омской ТПП, ТПП Республики Башкортостан, Московской ТПП) были подготовлены проекты для включения в «План действий российско-итальянского экономического сотрудничества», а также в реализации проекта развития малого и среднего бизнеса в России по модели «промышленных округов» Италии, осуществление которого нацелено на расширение взаимодействия МСП в сочетании с межрегиональным сотрудничеством.

В сложившихся экономических условиях особое значение приобретают вопросы обеспечения доверия и взаимопонимания между предпринимателями России и Италии. Поэтому одним из приоритетных направлений нашей деятельности является работа по улучшению делового и инвестиционного климата между нашими странами. Совместно с Итало-Российской торговой палатой мы участвуем в реализации Национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата в регионах, участвуем в подготовке инициатив по улучшению законодательного регулирования ведения инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации как на федеральном, так и на региональном уровнях, разрабатываем предложения по совершенствованию механизмов реализации инвестиционных проектов, в том числе с применением инструментов государственно-частного партнёрства.

Итало-Российская торговая палата высказала однозначно негативное отношение к введению односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации, и в прошлом году руководство палаты официально обратилось с изложением своей позиции в Кабинет Президента Италии,

Министерство иностранных дел Италии, Министерство экономического развития Италии, Союз торговых палат Италии, Ассоциацию итальянских торговых палат за рубежом и смешанных торговых палат. Позицию Итало-Российской палаты также поддержала и Конфедерация итальянских промышленников (Конфиндустрии). Итало-Российская торговая палата также обратилась к своим российским и итальянским членам с призывом не прекращать налаженное сотрудничество и двусторонние контакты, сохраняя наработанные формы и развивая новые альтернативные пути для взаимовыгодного бизнеса. Поэтому полагаем, что, несмотря на все сложности, у нас есть все основания рассчитывать на углубление и расширение российско-итальянского торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия в ближайшей перспективе, потому как потенциал нашего плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества ещё далеко не исчерпан.

Одним из практических инструментов поддержки МСП ТПП Российской Федерации является содействие в продвижении инвестиционных и инновационных предложений. В этой работе мы опираемся на наш ресурсный потенциал, включающий в себя 182 территориальные торгово-промышленные палаты, более 500 бизнес-ассоциаций федерального и регионального уровня, 35 комитетов по видам предпринимательской деятельности, сеть загранпредставительств, деловых советов объединяющих российских и зарубежных предпринимателей, партнёрские связи с зарубежными ТПП, постоянное сотрудничество с экспертным сообществом, институтами развития, регулярные контакты с посольствами, торгово-экономическими миссиями, представительствами крупных зарубежных компаний, банков и фондов. Всё это позволяет нам формировать **инвестопроводящую структуру ТПП Российской Федерации**, как единую систему содействия привлечению инвестиций в российские регионы, включающей ряд важнейших элементов.

На практике это работает следующим образом. От администрации региона, муниципалитета или напрямую от бизнес-сообщества заявки с описанием проектов поступают в территориальную палату, которая производит первичный отбор проектов и направляет их в ТПП Российской Федерации. С участием Научно-технического совета ТПП Российской Федерации проводится анализ, при необходимости доработка заявочного варианта инвестиционного предложения. Сформирован набор требований к основным параметрам инвестиционного предложения. При соответствии требуемым стандартам, предложение направляется в адрес сформированного пула инвестиционных компаний и банков, потенциальный инвестор получает только проекты, прошедшие поэтапную квалифицированную экспертизу.

Особое внимание проблематике экспортной стратегии России, выработке мер по преодолению барьеров для развития внешнеэкономической деятельности в рамках дорожных карт, совершенствованию внешнеэкономической политики уделяет Комитет ТПП Российской Федерации по содействию внешнеэкономической деятельности. Российским экспортёрам из числа МСП активно помогает Международный деловой центр «Россия в ВТО», созданный при участии Палаты в ЦМТ (в его рамках предприниматели имеют доступ к аналитическим материалам, возможность проконсультироваться по интересующим их правилам ВТО и пройти курс обучения, чтобы быстрее адаптироваться к работе в условиях ВТО). По его линии в 2012–2014 гг. проведено большое количество мероприятий, в том числе в регионах. В 2015 г. прошли: экспертная дискуссия «Конкурентоспособность российской эко-

номики на региональном и глобальном рынках» и «круглый стол» на тему «О стандартизации в Российской Федерации».

При участии ТПП реализуется проект «Экспортный потенциал России» на базе ЦМТ. Проект представляет собой современную интерактивную платформу для помощи участникам внешнеторговой деятельности, которая аккумулирует информацию об экспортных и импортных намерениях компаний с привязкой к товару и стране, о барьерах, препятствующих торговле, что позволяет учесть интересы бизнеса, в том числе малых и средних предприятий, при принятии решений об улучшении доступа на рынки стран – торговых партнёров России.

Едва ли не главным предназначением ТПП является участие в законотворчестве, совершенствовании нормативной правовой базы развития экономики страны. В этом году ТПП Российской Федерации были подготовлены два системных блока предложений, приуроченных к заседанию Государственного совета Российской Федерации **по вопросам развития малого и среднего бизнеса,** состоявшемуся в апреле, и Президиума Государственного совета по вопросу **«Об импортозамещении в промышленности»**. Оба блока представляют собой обобщённый свод предложений, выработанных территориальными палатами и комитетами ТПП Российской Федерации.

Палата активно работала с Минэкономразвития России над Федеральным законом № 224-ФЗ от 13.07.2015 г. **«О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российском Федерации** и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вплоть до его принятия. Продолжается работа над проектом федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации», который предусматривает либерализацию контрольно-надзорной деятельности, способствует созданию благоприятной регуляторной среды для малого и среднего бизнеса. Эксперты ТПП Российской Федерации участвуют в межведомственных группах, работающих над текстами целого ряда базовых законов, которые должны определить облик будущей экономики России: «О поддержке экспорта», «О науке и научно-технической политике» в новой редакции.

ТПП Российской Федерации важной считает работу по **оценке регулирующего воздействия** (ОРВ) нормативных правовых актов. С 2014 г. ОРВ экономических актов стала проводиться не только на федеральном, но и на региональном уровне. В общей сложности за первое полугодие 2015 г. в Палату поступило около 700 проектов нормативных и подзаконных актов, по 85 из них подготовлены обстоятельные заключения. Для улучшения работы, связанной с ОРВ, ТПП Российской Федерации считает нужным устранить выявившиеся недочёты: крайне сжатые сроки проведения публичных консультаций по проектам документов, вызывающих общественный резонанс; недостаточно корректную работу разработчиков с порталом ОРВ; нехватку квалифицированных специалистов в сфере ОРВ в регионах.

Успешная реализация программ импортозамещения, промышленной политики и устойчивого экономического роста в новых экономических условиях являются основными приоритетами как для власти, так и для предпринимательского сообщества. Система ТПП Российской Федерации обладает большим опытом в этой сфере, у ведущих территориальных палат есть все возможности, чтобы стать центрами компетенций по данным направлениям экономической деятельности.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ И УЧЁТА ЦИКЛИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Айрапетян М. С., *советник аппарата Комитета Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству, д. э.н.*

Экономические кризисы и место стран в мировой истории

В последние годы в России особую актуальность приобрели вопросы выявления её политического и экономического места в мировой истории. Точнее – вопросы возвращения дважды потерянного за последние 100 лет статуса активного субъекта мировой истории – мировой экономики и политики.

Первый раз такой статус был потерян в результате распада в 1917 г. Российской империи, но был восстановлен в рамках СССР в 1945 г. (по итогам Второй мировой войны 1939–1945 гг.). Второй раз статус активного субъекта мировой истории Россия потеряла в результате распада СССР в 1991 г. Как минимум, с 2003 г. происходит очередная попытка восстановления Россией этого статуса.

Такая попытка имеет фундаментальное значение для современного мирового (и регионального) порядка, и должна быть, в конечном счёте, реализована – Россия имеет для этого политические и геополитические основания и исходные условия (прежде всего, размеры территории и национального богатства). Однако при этом игнорируются два ключевых обстоятельства, во многом определяющие, более того – детерминирующие место стран в мировой истории. Во-первых – экономическая история России и история мировой экономики. Во-вторых – реальные механизмы функционирования мировой экономики.

Проблема (и не только для Российской империи и СССР, но и современной России) состоит в том, что такие механизмы имеют, зачастую, скрытый характер, поэтому значительно сильнее политических намерений и условий. Это связано с тем, что эти механизмы имеют циклический характер – действуют в рамках системы мировых экономических циклов. Именно отрицание или игнорирование таких циклов ведёт к субъективной трактовке экономического развития. Тем не менее, такой подход является характерным для многих и, особенно – современных отечественных и зарубежных моделей развития. Как следствие, такие модели приобретают предельно абстрактный и вторичный характер.

Результатом применения таких моделей является отсутствие достаточно точных и системных экономических прогнозов, прежде всего – кризисов, необходимых для формирования экономической политики. Поэтому при оценке прошлых, текущих и будущих состояний мировой экономики, в том числе экономики России, такие модели являются неприемлемыми или реализуемыми частично, с допущением сопутствующих ошибок в принятии решений и связанных с ними потерь. Особенно – в периоды экономических кризисов.

Такая ситуация в экономической теории и политике и вызываемые ею негативные последствия, особенно – для современной России (как ранее – для

СССР и Российской империи), напрямую связаны с «проблемой экономических кризисов». А именно – с проблемой «мирового экономического кризиса» – 2007–2011 гг. (в реальности – «структурной революции»), из которого экономика России не смогла полноценно выйти. Более того – с проблемой аномального ухудшения состояния экономики России с 2012–2013 гг., которое происходит на фоне стандартного 13-летнего мирового экономического роста 2003–2015 гг.

Такое аномальное состояние экономики России является серьёзной проблемой постольку, поскольку положение мировой экономики, в том числе экономики России неизбежно ухудшится в среднесрочной перспективе – вне зависимости от накопленного потенциала в период мирового экономического роста. Это связано с тем, что период 2015–2020 гг. – это рубеж мирового экономического роста. А именно – период «расцвета – пика» 34-летнего мирового экономического цикла 1999–2032 гг. Такой рост, начавшийся в 2003 г., фактически, с ростом цен на нефть и формированием в 2002 г. мирового центра – G8, включая Россию, сменится циклическим мировым экономическим спадом в 2020 г.

Иначе говоря, создание G8 формально предшествовало началу в 2003 г. мирового экономического роста (более того, во многом стимулировало такой рост, в том числе за счёт актуализации накопленного ранее экономического и научно-технического и технологического потенциала России). Возврат к G7 в конце 2014 г. формально знаменует завершение в 2015 г. текущего мирового экономического роста. Точнее, «активной фазы модернизации» экономики.

Но этот период – также стандартного 13-летнего мирового экономического спада 2020–2032 гг. смогут выдержать (без крупных экономических, социальных потерь) лишь ведущие страны мирового центра – США и ключевые страны ЕС, а также Китай. В том числе – за счёт сравнительно более «слабых» (менее динамичных и конкурентоспособных) стран, в частности России. Так же, как и в период прошлого мирового экономического спада 1985–1999 гг. – за счёт СССР и современной России, в аналогичный период 1917–1930 гг. – за счёт Российской империи (в целом с 34-летним периодом повторения). Во всех этих случаях такие процессы происходили за счёт более или менее масштабного вывоза из Российской империи, СССР и современной России ценностей – ресурсов, капиталов и доходов, компенсирующих их сокращение в других, более развитых странах. Обоснованность, во многом инстинктивная, попыток современной России в таких условиях (в преддверии мирового экономического спада 2020–2032 гг.) к относительной самоизоляции – как способа самосохранения в глобальном и конкурентном мире – более или менее очевидна.

«Кризис капитализма» и прогнозирование мировой экономики

В контексте зависимости места страны в мировой истории от степени адекватности решения «проблемы экономических кризисов», особое значение, и не только теоретическое, приобретают вопросы исследования циклических колебаний, прежде всего – кризисов в мировой и локальных экономиках, в том числе в экономике России. Как показывает мировая история, особенно с конца XVIII – начала XIX вв., ключевой в данном контексте является оценка перспектив развития именно западных – «капиталистических» экономик. В разное время – экономики Англии, Германии, в целом – Европы,

США. Точнее, их ошибочная оценка, которая выражается в периодическом воспроизводстве тезиса о «неспособности» этих стран выходить из очередного экономического кризиса. Начиная с середины XIX в. – с интенсификации таких кризисов, отмеченной К. Марксом. Такая «неспособность» трактуется – как правило, промышленно менее развитыми странами первичной или вторичной мировой периферии, в частности, в Российской империи, СССР и современной России – как «очередной этап кризиса капитализма». Попытки воспользоваться этим этапом имеют 200-летнюю историю, более того – стали одними из главных причин локальных и мировых революций и войн XIX–XX вв. В целом такие попытки были направлены на смену (как правило, после революций и войн) установившегося мирового порядка. Поэтому – на формирование нового мирового экономического центра, вытеснение старого в мировую периферию, и возложение ресурсной нагрузки по воспроизводству мировой экономики на такую периферию.

В настоящее время в мире складывается аналогичная ситуация, трактуемая в рамках традиционной концепции «кризиса капитализма» – современный Запад (США и ЕС) находится в состоянии системного, главное – последнего экономического кризиса, ведущего к его «окончательному падению». Такая оценка является в целом адекватной, но по другой причине: современное ухудшение состояния мировой и локальных экономик связано не с циклическим кризисом, а с его ожиданием, «вырабатываемым» в конце мирового экономического роста. Роста, который несёт в себе не только позитивные, но и негативные последствия – как и любая экспансия, одной из форм которой и является экономический рост.

Так, за последние 100 лет такая оценка – с 34-летним периодом генерации – имела место в конце трёх последних периодов мирового экономического роста. В конце периода 1900–1913 гг., итогом которого стали Первая мировая война, революции и распад Российской, Османской, Германской, Австро-Венгерской империй, а также Вторая мировая война. В конце периода 1934–1947 гг., итогом которого стали распад Британской империи, мировой колониальной системы и «холодная война» (биполярный мир). В конце периода 1968–1981 гг., итогом которого стали распад СССР и создание мирового порядка под доминантой США (однополярный мир). Аналог такой предкризисной ситуации – завершающий период мирового экономического роста 2003–2015 гг., итоги которого находятся на стадии формирования и проявятся в 2015–2020 гг.

Однако концепция «кризиса капитализма» и основанная на ней внутренняя и внешняя политика в меньшей мере ослабляют экономику Запада, имеющую глобальный характер с широкими возможностями балансирования ресурсами, капиталами и доходами в мировой экономике – благодаря американским и европейским транснациональным корпорациям. Напротив, такая концепция и политика ослабляет экономику России, не имеющую аналогичные возможности глобального балансирования – в силу отсутствия крупных и диверсифицированных внешних рынков, а также транснациональных компаний. Это сокращает возможности глобального сотрудничества и противостояния глобальным угрозам. Поэтому – может привести к очередному глобальному отставанию России, прежде всего, в научно-техническом и технологическом развитии.

Надо учитывать, что такое отставание возникает в периоды мирового экономического спада (сжатия экономических возможностей) и преодолева-

ется в периоды мирового экономического роста (расширения таких возможностей). Так, отставание Российской империи – СССР в период мирового экономического спада 1917–1930 гг. (в условиях усилившего отставание распада Российской империи) было преодолено в период мирового экономического роста 1934–1947 гг. за счёт Второй мировой войны, глобального сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции и противостояния глобальной угрозе из Германии. В свою очередь, отставание СССР – России в период мирового экономического спада 1985–1999 гг. (в условиях усилившего отставание распада СССР) было преодолено в период мирового экономического роста 2003–2015 гг. За счёт глобального сотрудничества в рамках G8 и противостояния глобальной террористической угрозе с ближневосточного и североафриканского регионов.

Для современной России главная опасность состоит в скатывании её экономики в «привычную» для Российской империи и СССР колею догоняющего развития. По многим, хорошо известным внутренним и внешним, субъективным и объективным причинам. Причём, в самом преддверии мирового экономического кризиса 2020–2024 гг., в котором может повториться процесс масштабного вывоза из России ресурсов, капиталов и доходов, роста государственного долга – как и в периоды 1917–1921 и 1985–1989 гг. из Российской империи и СССР. Поэтому главная цель экономической политики России – подготовка к такому кризису, остановка нарастающего «выталкивания», оттока из страны внутренних и внешних ресурсов, капиталов, доходов и трудоспособного населения. Это означает, что экономическая политика должна быть направлена на блокирование достижения «критической точки» такого выталкивания, вызревающей в современных условиях. Особенно, в силу невозможности контролируемого, «мягкого» кризиса из-за отсутствия устойчивых к экономическим кризисам государственных и корпоративных структур и систем управления.

В таких условиях ключевая роль принадлежит малому и среднему бизнесу. Поэтому в России должен быть сделан концептуальный сдвиг в экономической – бюджетно-налоговой, денежно-кредитной и антимонопольной политике – с макроуровня на микроуровень, на увеличение числа и приоритетную поддержку малых и средних предприятий, обеспечивающих мультипликативное наращивание темпов экономического роста. Для этого необходимо «мягкое давление» на товарные и денежные резервы – ресурсы, капиталы и доходы для вовлечения их в экономический оборот. А именно – для трансформации пассивов в активы: резервной денежной массы в активную денежную массу, резервного капитала в активный капитал, резервного спроса в активный спрос, и, наконец, прибыли в накопления и инвестиции в реальный сектор.

Мировая циклическая волна конца XVIII – начала XXI вв.

Проблема экономических кризисов неизбежно генерирует в настоящее время, как и последние 200 лет, «проблему развития капитализма», которая выражается во многих странах, в том числе в России, в тезисе о невозможности и неэффективности рыночной – конкурентной экономики (как правило – в отстающих странах). Как следствие, этот тезис также неизбежно генерирует все новые и новые поиски альтернативных вариантов экономического развития. Это создало «прочный фундамент» Российской империи, СССР

и современной России, поэтому детерминировало их экономическое развитие, инвариантность их внутренней и внешней экономической, особенно – антикризисной политики.

Отставание экономики России от ведущих экономик мира, накладывающее отпечаток на её внутреннюю и внешнюю политику, имеет место, как минимум, с конца XVIII – начала XIX вв. – с начала экономической и политической глобализации, роста численности мирового населения, усиления конкуренции за мировое богатство, формирования новой мировой инфраструктуры. Иначе говоря – с генезиса современного экономического роста и мировых экономических циклов – как жёстко взаимосвязанных и взаимогенерируемых процессов. Глобальный характер этих процессов означает, что решение ключевых проблем России невозможно вне всемирно-исторического контекста, вне циклического подхода к трактовке мировой экономики, в том числе экономики России (ранее – Российской империи и СССР), вне 34-летних мировых экономических циклов. Учитывая, что генезис таких циклов, как и первый такой 34-летний цикл 1794–1828 гг., в том числе первый мировой экономический кризис 1825 г. с эпицентром в Англии, связан с Французской революцией конца XVIII в.

Совокупность 34-летних мировых экономических циклов (и составляющих их 4,3-летних деловых и 6-месячных конъюнктурных циклов), которые периодически генерируются с Французской революции, представляет собой «единую и незатухающую 200-летнюю циклическую волну». Соответственно, эта волна включает неполных 7 мировых экономических циклов или неполных 56 деловых циклов, определяющих 200-летний ход мировой и локальной экономики, и поэтому – политики, в том числе экономики и политики России (табл.).

Причём в Российской империи, СССР и современной России такие циклы, особенно периоды их генезиса и «активных фаз – модернизации», близко идентифицируются по «субъектам правления», отражая преемственные особенности этих стран – преимущественно «ручные» системы управления экономикой.

Каждый из таких циклов – это очередной, достаточно целостный и самодостаточный, 34-летний (4,3-летний) этап конкуренции за получение мирового и национальные богатства, способы и каналы блокирования и разблокирования доступа к ним тех или иных стран (в том числе посредством транснациональных компаний – с конца XIX в.). Поэтому выявление особенностей каждого такого цикла возможно лишь в контексте 200-летней циклической волны – цивилизационной экспансии, заданной наполеоновскими войнами 1799–1815 гг. и Венским конгрессом 1815 г. С ключевой ролью Российской империи – как одной из ведущих стран антифранцузской – антинаполеоновской коалиции 1798–1815 гг.

Такая коалиция стала одним из главных условий первого синхронного мирового экономического роста 1798–1811 гг. – как и последующие аналогичные периоды такого роста, в частности, 1934–1947 и 2003–2015 гг. (за счёт глобального сотрудничества и противостояния определённой глобальной угрозе). Как правило, последующие за таким ростом периоды спада характеризуются глобальным противостоянием – соответственно, это 1815–1828, 1951–1964 и, вероятно, 2020–2032 гг., попытками «приватизации» итогов такого «коалиционного роста», попытками автономного развития.

Таблица

«200-летняя мировая циклическая волна»: мировые экономические циклы конца XVIII – начала XXI вв.*[148]

34-летние мировые экономические циклы	4,3-летние мировые экономические – деловые циклы							
	Генезис цикла	Периоды (фазы) роста – активная фаза модернизации			Пик цикла	Периоды (фазы) спада – пассивная фаза модернизации		
		Оживление	Переходный период	Подъём		Кризис	Переходный период	Депрессия**
	∞ Совокупная экономическая активность (среднемировой индекс) 0 T → ∞							
1794–1828	1794–1798	1798–1802	1802–1806	1806–1811	1811–1815	1815–1819	1819–1824	1824–1828
		Александр I (1801–1825)						
1828–1862	1828–1832	1832–1836	1836–1841	1841–1845	1845–1849	1849–1853	1853–1858	1858–1862
		Николай I (1825–1855)						
1862–1896	1862–1866	1866–1870	1870–1875	1875–1879	1879–1883	1883–1887	1887–1892	1892–1896
		Александр II (1855–1881)						
1896–1930	1896–1900	1900–1904	1904–1909	1909–1913	1913–1917	1917–1921	1921–1926	1926–1930
		Николай II (1894–1917)						
1930–1964	1930–1934	1934–1939	1939–1943	1943–1947	1947–1951	1951–1955	1955–1960	1960–1964
		И. Сталин (1922–1953)						
1964–1998	1964–1968	1968–1973	1973–1977	1977–1981	1981–1985	1985–1989	1989–1994	1994–1998
		Л. Брежнев (1964–1982)						
1998–2032	1998–2003	2003–2007	2007–2011	2011–2015	2015–2020	2020–2024	2024–2028	2028–2032
		В. Путин (с 1999)						

[148] [*] – периоды и даты в таблице имеют иллюстративный характер, [**] – «Великие депрессии» – периоды смены поколений.

Эти события (1798–1815 гг.) и положили начало современному экономическому росту и глобализации (последующие периоды лишь расширяли их сферу) через механизм мировых экономических циклов. Причём, для Российской империи, СССР и современной России большее значение имели и имеют «длинные» 34-летние экономические циклы. Тогда как для главных западных стран, прежде всего, США – «короткие» 4,3-летние деловые, в том числе 6-месячные конъюнктурные циклы. Прежде всего – в силу различий в размерах территорий, уровнях инерции экономических процессов и особенностях правления – управления экономикой. Такой временной сдвиг – один из ключевых факторов 200-летних конфликтных ситуаций между Российской империей, СССР и современной России, с одной стороны, Великобританией и США – с другой. Тем не менее, именно в рамках такой мировой 200-летней волны экономики Российской империи, СССР и современной России осуществили за последние более чем 100 лет – с 1900 по 2015 гг. более или менее масштабные и успешные 13-летние прорывы с 34-летней периодичностью. Такими прорывами стали «активные фазы модернизации», совпадающие в целом с периодами роста мировых экономических циклов: 1900–1913 гг. в Российской империи, 1934–1947 и 1968–1981 гг. – в СССР, и, наконец, 2003–2015 гг. – в современной России.

«Фиксированная» длительность мировых экономических циклов, а также их периодов и периодические повторения качественных состояний мировой и локальных экономик (при наличии между ними количественных различий – опережений и отставаний) составляет основу глобального анализа и прогнозирования экономического развития. Это означает, что увеличение и уменьшение значений экономических параметров не изменяет длительность этих циклов, не сокращает и не удлиняет их периоды – равновесия, роста и спада. Напротив, абсолютные и относительные значения этих параметров, а также мировая и локальные экономики адаптируются к независимому параметру – времени.

Очевидно, на мировую и локальные экономики действует огромное количество факторов, в том числе неэкономического (политического и иного) характера. Тем не менее, циклические колебания в экономике (и поэтому – в политике) обладают достаточной силой, формируя их периодичность, чередование периодов роста и спада. Это значит, что в экономике ключевую роль играет детерминированная субстанция – время, которое превосходит по силе влияния все другие факторы в целом, обеспечивая периодический характер колебаний.

Именно невозможность установления контроля над множеством факторов, прежде всего – над временем, определяет детерминированность мировых экономических циклов и периодические повторения качественных состояний мировой и локальной экономики. Хотя такие повторения, особенно периодические повторения кризисных состояний, зачастую неправомерно интерпретируются как случайные или как следствие ошибочной экономической политики.

Экономические кризисы и проблема капитализма в России

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. повысил в России интерес в теории и практике управления к циклическим процессам в экономике, к выявлению их исходных причин, к антикризисной политике. Это стало неожидан-

ным, прежде всего, для государственных и корпоративных систем управления прорывом в понимании реальной логики экономического развития (иллюзорности «вечной стабильности, устойчивости»). Но такой прорыв оказался временным – краткосрочное восстановление экономического роста в 2011–2012 гг. «закрыло» начавшиеся системные исследования циклических процессов и антикризисной политики, опирающиеся на мировую и российскую традиции.

Между тем, потребность в таких исследованиях существует на всех уровнях управления в России – государственном, корпоративном и транснациональном. Главная причина нереализованной потребности состоит в отсутствии постоянно воспроизводимого информационного и аналитического материала, позволяющего формировать антикризисную политику. Отсутствие такой исследовательской структуры в России – это серьёзное упущение, особенно при сохраняющейся нестабильности в мировой, прежде всего, в российской экономике, необходимости её модернизации, требующей выверенных решений. Учитывая, что управленческие решения не являются адекватными и эффективными, если они приняты и реализуются без учёта циклических процессов. Но такой учёт – «тонкий» механизм, требующий постоянной настройки и перезагрузки на всех уровнях управления. Без этого любая (как классическая и неоклассическая, так и кейнсианская и неокейнсианская) экономическая – антикризисная политика имеет низкую эффективность (в частности, в России). Антикризисная политика – это не простой набор, как правило, стандартных и апробированных в мировой экономике, в том числе в экономике России, мер, сложившихся в основном в ходе и после Великой депрессии 1929–1933 г.

Это – сложный комплекс периодически воспроизводимых проблемных решений на государственном, корпоративном, транснациональном уровнях управления, связанный с глобальной проблематикой и действием жёстких закономерностей, обусловленных множеством факторов исторического – цивилизационного характера и определяющих циклические колебания в экономике. В исторической России (Российской империи, СССР и современной России) такие решения периодически сталкиваются с «проблемой развития капитализма». Такая проблема в России приняла теоретико-прикладной характер в условиях относительной синхронизации экономического (и политического) развития России и западных стран (Англии, Франции, Германии) с 1800 г. – с началом современного экономического роста и генезиса мировых экономических циклов.

Во второй половине XIX в. – в период интенсификации экономических кризисов – возникли такие общественно-политические течения, как анархизм и народничество, которые были «едины во мнении» о неспособности Российской империи адаптироваться к проблемам, связанным с развитием крупной промышленности и кризисными процессами, а также адекватно решать их. Жёсткая конкуренция и отставание России от западных стран, наметившаяся после 1800 г., вызвала «капиталистический пессимизм», генерируя тезисы об «искусственности капитализма» в России, о необходимости развития крестьянской общины и переходе, минуя «капитализм», к социализму, достижения внутренней и внешней экономической конкурентоспособности иными – нестандартными способами. Такой подход и составил основу большинства экономических и политических концепций в Российской империи и, особенно, в СССР.

Ситуация временно изменилась с распространением в России в конце XIX в. марксизма, разные направления которого отвергали «капиталистиче-

ский пессимизм» и утверждали неизбежность капитализма в России и вызываемых им экономических кризисов. Тем не менее, главная для России проблема – проблема кризисов сохранялись, но она перешла в иную плоскость – в плоскость выявления их механизма, их последствий для России и путей их преодоления. В конце XIX – начале XX вв., в разгар интенсивного развития крупной промышленности в России в рамках мирового экономического роста 1900–1913 гг., исследования кризисов были поставлены в России на научную основу М. Туган-Барановским, М. Бунятяном, Н. Кондратьевым. К решению этих проблем (в контексте «проблем рынков» и «кривых капиталистического развития») подключились представители левых движений – В. Ленин, А. Парвус, Л. Троцкий. Однако ситуация оказалась тупиковой в теории и практике – развитие капитализма в России неизбежно ведёт к экономическим кризисам. Но в условиях сложившейся в начале XX в. политической системы – самодержавия, неспособного, согласно марксизму, к решению вызываемых кризисами последствий, неизбежна политическая революция, которая должна привести к ликвидации государства, что равнозначно ликвидации экономических (поэтому – политических) циклов и кризисов. В начале XX вв. такая «предреволюционная» ситуация усилилась, составив основу «теории мировой революции» А. Парвуса, В. Ленина, Л. Троцкого, попытка реализации которой была сделана в 1917 г.

Таким образом, одна из причин «долгого кризиса» в экономике Российской империи и СССР (несмотря на краткосрочные прорывы в 1900–1913, 1934–1947, 1968–1981 гг.) была связана с линейным – прогрессивным, ориентированным на непрерывный рост, подходом к экономике. Поэтому – с трактовкой экономической политики как способа сдерживания экономических (и политических) кризисов, которая за 200 лет так и не привела к долгосрочному антикризисному эффекту. В том числе в рамках концепции «опережающего развития – революционного скачка» и «построения социализма в отдельно взятой стране». Такой подход «заморозил» к 1917 и 1991 гг. интеграцию Российской империи и СССР в мировую экономику и экономические циклы, в мировой научно-технический прогресс, конкуренцию за мировое богатство. В результате произошёл распад Российской империи в период мирового экономического спада 1917–1930 гг. и распад СССР в период такого же спада 1985–1999 гг.

В обоих случаях распад (до сих пор не осознанный многими – как объективный) сопровождался крупными глобальными и региональными последствиями, в том числе вытеснением России в относительно активную мировую периферию, нарастанием её технологического и экономического отставания от стран мирового центра, в целом – потерей Россией места активного субъекта мировой истории. Такое отставание усложнило самостоятельность прогнозов экономического развития, привело к крупным экономическим потерям и свёртыванию модернизационных программ. Такое свёртывание происходило, как правило, на последних этапах мирового экономического роста – как результат «усталости от роста и напряжения», или при выходе из мировых трендов и интеграционных процессов. Такие этапы наступают с 34-летней периодичностью, в частности, в 1912–1913 гг. в Российской империи, в 1946–1947 и 1980–1981 гг. в СССР. Современный аналог такого состояния в России – 2014–2015 гг.

Это значит, что основная задача современной внутренней и внешней экономической политики России состоит в ликвидации ключевых причин «долгого 200-летнего кризиса», связанных с традиционным антикризисным – антициклическим подходом к экономическому развитию и экономиче-

ской политике. Это обусловливает, соответственно, необходимость в прямом системном учёте циклических колебаний в экономике, а также в формировании внутренней и внешней экономической политики, которая исключала бы возможность распада России. Особенно – на последних этапах мирового экономического роста.

Мировые экономические циклы и их исследования в XIX–XX вв.

Эффективность учёта в России циклических колебаний в экономике в целях формирования адекватной внутренней и внешней экономической – антикризисной политики требует понимания истоков таких колебаний в мировой экономике и истории их исследований в мировой экономической мысли.

Истоки циклических колебаний в мировой экономике находятся в модернизационном прорыве в Европе начала XV – конца XVII вв., сгенерировавшем первоначальное накопление капитала. В конце XVI – начале XVII вв. началось создание новой конфигурации мирового порядка – нового мирового экономического центра и мировой периферии, первичных и вторичных типов модернизации, опережающих и отстающих стран. Тем самым, исходные события в Европе приняли всемирно-исторический характер, началось «стягивание» стран разных уровней экономического развития в единую глобальную систему.

Однако «модернизационный прорыв» в Европе стал источником не только экономического прогресса, но и экономических кризисов, которые позднее, с Французской революции конца XVIII, приобрели периодический характер. Первый экономический кризис 1825 г. в Англии, в отличие от денежных, торговых и аграрных кризисов, свидетельствовал о начале нового этапа – индустриализации. Этот кризис стал первым глобальным – мировым экономическим кризисом – в него были втянуты Франция, Россия, США, Германия, Голландия, Италия и Испания, целый ряд колониальных стран Латинской Америки.

В условиях становления Англии как центра мировой экономики и генезиса первого мирового экономического цикла 1794–1828 гг., начинается критика либеральных концепций о «свободной конкуренции» и «экономическом человеке» (фактически – транснациональной экономической политики Англии). Главный тезис критики состоял в том, что экономический либерализм является причиной экономических кризисов. Тогда как главные представители этой концепции (А. Смит, Д. Рикардо, Ж. Б. Сэй) утверждали, что экономика развивается равновесно, поэтому экономические кризисы невозможны, за исключением случайных и временных отклонений от равновесия и ошибок в политике. Против этого выступили Т. Мальтус, Ж. Сисмонди, Р. Оуэн, согласно которым экономика развивается именно через периодические промышленные – экономические кризисы. Главными аргументами критики стали обстоятельства, которые проявились в начале XIX в. в ходе промышленной революции в Англии, но не учитывались в либеральных концепциях. Прежде всего – развитие крупной промышленности, рост инвестиций в основной капитал, ограниченность ресурсов и падение их эффективности, рост населения и технический прогресс, и поэтому – неравномерность распределения собственности, доходов и спроса.

Традиция исследований экономических кризисов и циклов была заложена в середине XIX в. К. Марксом и К. Жугляром. Очевидно, это было связано с интенсификацией экономических процессов, наиболее сильным проявле-

нием негативных явлений экономических кризисов именно в этот период. Однако лишь с середины 80-х гг. XX в. – с выходом работы У. Джевонса и II тома «Капитала» К. Маркса – начались систематические исследования таких кризисов и циклов. Эта волна резко усилилась с генезисом «первого поколения» транснациональных компаний в конце XIX в., с ростом экономической экспансии. В конце XIX – первой трети XX вв. эта волна достигла максимума в рамках *«циклической революции» в мировой экономической мысли*. Именно тогда были созданы основные теории экономических циклов – М. Туган-Барановского, К. Викселля, В. Зомбарта, А. Шпитгофа, И. Фишера, А. Афталиона, М. Бунятяна, Й. Шумпетера, Л. Мизеса, У. Митчелла, К. Касселя, Дж. Гобсона, Н. Кондратьева, А. Пигу, Дж. Кейнса. В итоге циклические теории стали доминировать над прогрессивными и равновесными теориями, оказав влияние на дальнейшие исследования экономических кризисов, и поэтому – на экономическую политику. Так или иначе, все, что было создано в этих областях после первой трети XX в., после Великой депрессии 1929–1933 гг. – это, как правило, лишь различные вариации теорий и политики, разработанных в ходе «циклической революции». Включая современные теории «деловых циклов», основанные на концепции «динамического стохастического общего равновесия», которая окончательно «установила невозможность» детерминированной трактовки экономических циклов, переход их исследований в разряд стохастических моделей. Иначе говоря, моделей, исключающих объективный анализ и прогнозирование.

На рубеже XIX–XX вв. в рамках «циклической революции» в мировой экономической мысли синхронно сложилось два крупных направления исследований циклических колебаний и кризисов – в США и Российской империи. Первое – *американское направление* институционально представлено с 1920 г. Национальным бюро экономических исследований (НБЭИ) США. Это во многом обусловило доминирование «4-летних циклов деловой активности» У. Митчелла, американской модели анализа и прогнозирования экономики. Более того, доминирование США в мире – в конкуренции с конца XIX в. с Британской империей, формирование современного мирового экономического центра. Второе – *российское направление* не имеет институционального представительства, хотя и представлено такими крупными, с мировыми именами учёными, как М. Туган-Барановский, М. Бунятян и Н. Кондратьев. Исследования экономических циклов оборвались к началу 30-х гг. с ликвидацией института Н. Кондратьева, и были подчинены политическим целям. В СССР до конца 80-х гг. – почти 50 лет такими исследованиями не занимались, однако они продолжались в русской эмиграции после 20-х. гг. XX в., в основном усилиями М. Бунятяна.

Такая ситуация свидетельствует об отставании российской (как и ранее советской) экономической науки от мировой, поэтому – экономической политики. Это связано, прежде всего, с отсутствием в России устойчивой, выстраиваемой в рамках достаточно длительного исторического периода и мировых экономических циклов, модели экономического развития. Так, за последние 100 лет в России несколько раз сменялись такие модели: в конце XIX – начале XX вв. выстраивался капитализм, с 1917 г. – социализм, а с 1991 г. – снова капитализм. Поэтому экономика и экономическая политика России, экономическая наука до сих пор находятся, как правило, в кильватере развитых стран мира, лишь копируя устоявшиеся в них за 200 лет модели экономики, политики и науки.

Экономическая экспансия США в начале XX в. и создание НБЭИ

Формирование современного мирового экономического центра с доминантой США связано с их масштабной экспансией после гражданской войны 1861–1865 гг., прорывом в промышленности, расширением внешней торговли. Такая экспансия усилилась с генезисом антимонопольных тенденций 1890-х гг., ограничивающих монополии в США и стимулирующих развитие малого и среднего бизнеса. Национальные монополии начинают выталкиваться из США, формируя «первое поколение» транснациональных компаний («внешних» монополистических объединений – картелей и синдикатов), ведущих разработку и добычу сырья в Азии, Африки, Латинской Америке и его переработку в США.

Такой процесс сгенерировал создание американскими транснациональными компаниями собственной глобальной инфраструктуры, одним из ключевых элементов которой стало создание Федеральной резервной системы (ФРС) в 1913 г. Началась перестройка мировой экономики, стимулируемая перестройкой экономики США, выходом с 1914 г. на ведущие позиции в мире доллара США, генезисом в 1918–1939 гг. «второго поколения» транснациональных компаний в виде трестов, занятых производством вооружений для Европы, Америки и Японии. В 1925 г. Англия принимает новый золотой стандарт, при котором международные резервы начинают включать конвертируемую в золото валюту, в частности, доллар США. Отказ от сбалансированного бюджета придал сильный импульс росту государственных расходов, кредитов и денежного предложения, как важнейших средств научно-технического прогресса, освоения новых рынков. Становление нового мирового экономического центра – США, потребность в поддержании такого статуса обусловили необходимость в системных исследованиях циклических колебаний в мировой и локальной экономиках, их учёте в экономической – антикризисной политике. Это стало одной из причин создания У. Митчеллом НБЭИ в 1920 г. (в 1917 г. – Гарвардского барометра). Практически одновременно, в начале 20-х гг. XX в., были созданы аналогичные институты исследований конъюнктуры в Англии, Франции, Германии, Италии, Австрии, Польше и России (Конъюнктурный институт Н. Кондратьева).

У. Митчеллом и НБЭИ были разработаны первые прогнозы количественного роста на основе кривых – средних индексов по целому ряду экономических параметров (главным образом, денежных). Выявленные и систематизированные в НБЭИ статистико-математические методы экономического прогноза создали инструментарий для решения многих экономических проблем, положив начало эконометрике. Такие разработки стали основой для исследований циклических колебаний, в частности, у Р. Фишера, Р. Фриша, М. Калецкого, Я. Тинбергена. НБЭИ с самого начала создания была нацелена на исследование широкого круга вопросов мировой и американской экономики, став со временем одним из влиятельных центров американской и мировой экономической мысли. Среди сотрудников НБЭИ – многие американские нобелевские лауреаты по экономике, в том числе С. Кузнец, М. Фридман и П. Кругман, члены президентского Совета экономических консультантов, оказывающего во многом определяющее влияние на экономическую политику США и глобальную экономическую политику. НБЭИ возглавляется Советом директоров, который состоит из представителей ведущих университетов США, крупных национальных экономических и деловых кругов. В исследо-

ваниях по её программам участвуют более тысячи профессоров ведущих университетов США – лидеров научных школ. Особое внимание уделяется организации взаимодействия исследователей между собой, с государственными и правительственными структурами, деловыми кругами для актуализации направлений научных исследований.

100-летняя устойчивость НБЭИ связана с сохраняющими актуальность исследованиями, включающими анализ макроэкономических параметров, циклов деловой активности и проблем экономического роста. Причём такие исследования имеют глобальное значение – именно НБЭИ является организацией, уполномоченной Правительством США (по контракту с Министерством торговли) представлять официальную информацию о начале и окончании рецессии в американской, и поэтому – в мировой экономике на основе анализа широкого спектра экономических факторов по специальной системе «маркеров рецессии». Важная причина её устойчивости также в том, что она вписалась в мировой тренд создания «социального государства», сформированный в ходе мирового экономического спада 1917–1930 гг., на который пришёлся «долгий распад» Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй. Базовым условием преодоления последствий распада стала «индустриальная эпоха» модернизация на волне мирового экономического роста 1930–1951 гг.

Ключевым способом такой модернизации стали стратегическое планирование и государственное регулирование – как мировой тренд с 20-х гг. XX в. Циклический подход У. Митчелла стал одной из основ концепции планирования, создания Национального планового бюро, социального контроля над экономикой. В том числе – в контексте выдвинутой им в 1923 г. идеи создания системы государственного страхования от безработицы (как одного из главных индикаторов поворотов в деловом цикле). Это значит, что антикризисная политика неизбежно включала некоторый – более или менее жёсткий элемент планирования. Именно на такой основе и возникла в 30-е гг. XX в. кейнсианская концепция государственного регулирования и антикризисной экономической политики. Так, ещё в 1926 г. У. Митчелл выступил в Сенате США в поддержку законопроекта о долгосрочном планировании общественных работ и организации единой государственной службы прогнозирования. В ходе «нового курса» Ф. Рузвельта У. Митчелл способствовал созданию Совета национальных ресурсов США как центрального органа государственного регулирования экономики. В 1937 г. его усилиями начал выпускаться журнал «*Плановое общество*».

Тогда же началось формирование в СССР системы стратегического планирования – с принятием в 1920 г. плана ГОЭЛРО и созданием в 1923 г. Госплана, с началом формирования с 1928 г. 5-летних планов развития. Так, первый плановый период охватывал 1928–1932 гг., фактически – Великую депрессию, и положил, тем самым, основу «индустриальной эпохи» в СССР, которая продлилась в целом до середины 1960 гг.

Очевидно, что «пятилетки» в СССР имели прямую аналогию с 4–5-летними деловыми циклами У. Митчелла. Хотя некоторые из этих планов были выполнены досрочно, тогда как другие не были реализованы в срок, что стало одной из причин разбалансировки экономики СССР. Такие синхронные процессы во многом отражали тот факт, что СССР изначально, с 1922 г., выстраивался именно по аналогии с США (как и теория и практика революции 1917 г. в Российской империи), что надолго обусловило их конкуренцию

(в настоящее время – между США и Россией и выстраиваемого евразийского экономического пространства). Мировые тренды, особенно – в США и СССР (во многом схожих, и поэтому в конкурентной борьбе претендующих на мировое лидерство), генерировались в контексте Великой депрессии 1929–1933 гг., ставшей исходным пунктом экономических, политических и социальных процессов в мировой и локальных экономиках XX в.

Великая депрессия 1929–1933 гг. и выход США в мировые лидеры

В середине 20-х гг. XX в. начался резкий рост инвестиций в науку и технологии – в этом решающая роль принадлежала государственной валютной, бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политике в условиях структурной перестройки мировой экономики, генезиса «второго поколения» транснациональных компаний. Это был период формирования «финансового капитализма» – роста финансового, в том числе фиктивного и спекулятивного капитала, необходимого для инвестиций, перелива капитала и перестройки мировой экономики. В конечном счёте, это стало одной из причин Великой депрессии 1929–1933 гг., которая, в свою очередь, дала толчок многим последующим процессам, став фундаментом, на котором стала развиваться американская экономика, а также экономики набирающих темпы развития стран – Германии и СССР.

Фактически, Великая депрессия стала переходным состоянием – нижним равновесием мирового экономического цикла 1930–1964 гг., в котором ключевую роль сыграла Вторая мировая война – как центральное ядро этого цикла. С одной стороны, Великая депрессия завершила мировой экономический цикл 1896–1930 гг., с другой – дала толчок новому мировому экономическому циклу 1930–1964 гг., став периодом его генезиса (аналогично периоду 1794–1799 гг.). Иначе говоря, Великая депрессия обеспечила выход мировой экономики из мирового экономического спада 1917–1930 гг. и начало мирового экономического роста 1934–1947 гг., который завершился распадом в 1945 г. Британской империи, усилением значения и роли США и СССР в мире. Тем не менее, при этом произошло существенное усиление в мировой экономике именно США, что было связано, прежде всего, с особенностями их денежно-кредитной политики.

Так, мировой экономический рост 1934–1947 гг. (глобальный индустриальный процесс, изменивший структуру мировой экономики) начался на фоне смены с 1931 г. лидеров резервных валют – доллар США заменил английский фунт стерлингов, в 1933 г. золотой стандарт был отменён и введён свободноплавающий курс доллара. Денежно-кредитная политика с переходом от «золотого стандарта» к неразменным на золото кредитным (бумажным) деньгам стала важным фактором выхода в 1934 г. американской и мировой экономики из Великой депрессии, глобализации и роста её размеров. Это привело к росту производных операций с денежной массой, а также «бумажных» и спекулятивных операций, к созданию «финансовых пузырей» и краткосрочных – конъюнктурных кризисов, к усложнению взаимного перелива фиктивных и реальных пассивов и активов. Очевидно, что инициатива глобализации находилась у «держателя конечного резерва», после 1925 г. – у доллара США. В 1944 г. Бреттон-Вудское соглашение утвердило «долларовый стандарт», валюты большинства стран мира были привязаны к доллару США, а доллар – к золоту, что усилило экономическую и научно-

техническую экспансию США. В 1971 г. мировая денежная система уходит от золотовалютного стандарта из-за отказа США обменивать доллары на золото, расчёты начинают вестись в бумажных валютах с плавающим курсом. Это генерирует устойчивую тенденцию к глобализации мировой торговли, открытию новых и «вскрытию» автаркических рынков – посредством транснациональных компаний «пятого поколения». Мировая экономика, а с лаговыми запаздываниями и локальные экономики, в том числе экономика СССР, вступает в период мирового экономического роста 1968–1981 гг., а после 4–5-летнего равновесия 1981–1985 гг. (одного делового цикла) – в период спада 1985–1998 гг. На этой волне в 1991 г. и произошёл распад СССР.

Эти процессы сопровождались крупными исследованиями циклических колебаний. Так, С. Кузнец, будучи сотрудником НБЭИ, сыграл ключевую роль не только в создании теории экономического роста, но и создании теории экономических циклов, количественного подхода в экономике. Действительно, исследование циклов, прогнозирование экономики, экономическая политика невозможны без системы макро- и микроэкономических параметров – индикаторов. В начале Великой депрессии в 1930 г. Конгресс США принимает постановление о необходимости разработки системы таких индикаторов, которые позволили бы оценить американскую (и, очевидно, мировую и локальные) экономику. В 1931 г. сотрудники НБЭИ под руководством С. Кузнеца начали работать над оценкой национального дохода США, и методы его расчёта стали основой Системы национальных счетов, которая действует (в варианте 1993 г.) в отчётности не только США, но и других стран, с конца 80-х гг. XX в. – России. Одной из ключевых проблем в этом контексте – выявление верхних и нижних поворотных точек деловых циклов, моментов завершения расширения и рецессии экономики. Согласно методике НБЭИ, разработанной У. Митчеллом и А. Бёрнсом (директор НБЭИ в 1945–1953 гг. и председатель ФРС в 1970–1978 гг.), деловые циклы определяются колебаниями не одного параметра, главным образом, реального валового внутреннего продукта, широко применяемого в прогнозах, а колебаниями «совокупной экономической активности». Поэтому не существует простой формулы для выявления верхних и нижних поворотных точек деловых циклов (такого подхода придерживался и С. Кузнец).

Параметры поворотов определяет созданный в 1978 г. Комитет НБЭИ по датировке деловых циклов, который сделал первое объявление в 1980 г. (хотя первые датировки делового цикла НБЭИ опубликовало в 1929 г., с 1961 по 1978 гг. это делало Министерство торговли США). Определение дат поворотов положено в НБЭИ в основу хронологии деловых циклов в США – с 1854 г. по 2009 г. НБЭИ насчитало 32–33 цикла – со средней длительностью цикла в 4,7 лет. При этом Комитет не работает в реальном времени, а ожидает наличия совокупности данных, и лишь затем – в ретроспективном порядке определяет, когда экономика достигла дна и начала расширяться – в виде долгосрочной тенденции. Очевидно, что такой подход существенно осложняет прогнозные возможности. Ключевое значение для анализа и прогнозирования деловых циклов имеют опережающие индикаторы. В настоящее время одним из лидеров в составлении таких индикаторов стала Организация экономического сотрудничества и развития, которая с 1970-х гг. начала строить индексы опережающих индикаторов для стран-участниц, позднее – для других стран (в целом для 35 стран). Кроме США (в рамках исследований НБЭИ), первенство по использованию таких индикаторов принадлежит Гер-

мании. Такие индикаторы входят в систему национальной статистики этих стран, публикуются регулярно, используются государственными и корпоративными органами управления для анализа ситуации и приятия экономических решений – экономической политики.

Очевидно, что в России существует острая необходимость в таких индикаторах. Причём в контексте изменения структуры экономики. Так, первичные изменения условий воспроизводства проявляются на микроуровне, поэтому изменения параметров предприятий имеют опережающий характер. Это определяет скрытый на макроуровне характер мировых экономических циклов, поэтому невозможность точного и своевременного прогнозирования поворотных точек таких циклов на основе макроэкономических параметров (такие повороты являются неожиданными на макроуровне). Это значит, что именно колебания параметров предприятий составляют расчётную основу мировых экономических циклов. В конечном счёте – малых предприятий, как «спусковых крючков» для оживления и кризиса экономики. Это определяет необходимость их наличия в достаточно большом количестве – как наиболее чувствительных индикаторов, обеспечивающих своевременное принятие мер экономической политики. Чем сильнее микроуровень, тем более явными являются оживление и кризис в экономике, их прогнозирование, возможности выявления их причин, поэтому – антикризисная экономическая политика. Это – одно из существенных отличий развитых стран (прежде всего – США), которое позволяет им осуществлять более или менее адекватные прогнозы циклических колебаний. Так, ухудшение положения малых предприятий и рост числа их банкротств является одним из признаков наступления кризиса. Напротив, улучшение положения и рост их числа – один из признаков наступления оживления. Поэтому таким предприятиям и уделяется особое внимание в развитых странах.

Соответственно, это означает, что в России должен быть сделан концептуальный сдвиг в экономической – бюджетно-налоговой, денежно-кредитной и антимонопольной политике – с макроуровня на микроуровень, на резкое увеличение числа, а также приоритетную и долгосрочную поддержку малых – и именно немонополистических – предприятий во всех отраслях экономики.

Великая депрессия и концепция «кризиса капитализма» в СССР

Великая депрессия 1929–1933 гг. имела фундаментальное значение не только для мировой и американской экономики, но и для экономики СССР. Оценка Великой депрессии как «последнего кризиса капитализма» сыграла, в конечном счёте, роковую роль для СССР к 1991 г., в котором исходили из собственной трактовки понятия «экономический кризис», существенно отличающейся от его традиционной трактовки. Такой подход исходил из гипертрофированного понимания трактовки У. Митчеллом (и более ранними исследователями XIX в.) экономического цикла как результата денежного хозяйства на его развитой стадии, органической связи такого хозяйства с повторяющимися периодами расцвета и депрессии. «Бескризисный деловой цикл» рассматривался им как более или менее плавная смена конъюнктурных волн, в которой ключевая роль принадлежала государственному регулированию. Такой подход приводил к единственно радикальному выводу: преодолеть кризисы можно лишь при ликвидации денежного хозяйства и усилении государственного регулирования. И такой подход был «успешно»

реализован в СССР – в виде его распада в 1991 г. Современная борьба с кризисными процессами в экономике основана, в принципе, на такой же концепции – на сужении сферы денежного хозяйства (ужесточении бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики) и на росте государственного регулирования (усилении монополистических тенденций).

В СССР исследования экономических циклов проводились в рамках официальной идеологии, сформированной в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. и исключающей возможность для социализма вхождения в экономический кризис, а для капитализма – выхода из такого кризиса. Такая концепция составляла основу для трактовки социализма как перманентно «процветающего» – прогрессивного процесса, который выражался в «строительстве социализма – коммунизма», а капитализма – как перманентно «загнивающего» – регрессивного процесса, который движется к «краху». На этом строились все виды прогнозов. В этом контексте примечательной является работа Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР, который под руководством Е. Варги с 1931 г. стал центром исследований основных тенденций мирового капиталистического хозяйства, экономических циклов и кризисов, мировой экономической конъюнктуры. К работам института проявлял особое отношение И. Сталин, что было связано, прежде всего, с проблематикой Великой депрессии, и не случайностью принятия тогда первого 5-летнего плана 1928–1932 гг.

Так, в 1929 г. Е. Варга оценил обвал на нью-йоркской бирже как начало самого глубокого в истории экономического кризиса. В 1933 г. – вопреки мнению многих, предсказывающих скорый полный крах капитализма – он смог убедить И. Сталина в том, что кризис завершается, западные страны вступают в период депрессии и последующего роста. Это означало, что ожидаемые в мире социальные революции откладываются, но необходимо продолжать следить за мировой конъюнктурой, изучать теорию и историю экономических циклов. Позже И. Сталина заинтересовал прогноз Е. Варги о неизбежности тяжёлого послевоенного экономического кризиса в США, более того – И. Сталин ожидал этого кризиса, был уверен в скором наступлении, возлагая на него надежды в глобальной политике после Второй мировой войны. Но в 1946 г., анализируя успехи кейнсианской экономической политики в преодолении последствий Великой депрессии, Е. Варга поднял проблему временного смягчения противоречий капитализма и экономических кризисов с помощью государственного вмешательства в экономику (в том числе в рамках «плана Маршалла»).

Это вновь, как и в начале 1930-х гг. – в период выхода Запада из Великой депрессии (безусловно, не без усилий Германии и СССР, включившихся в синхронный мировой экономический рост), означало отсутствие в ближайшей перспективе объективных условий для социальных революций в мире. После выступлений в начале 1946 г. И. Сталина и У. Черчилля, начала «холодной войны», институт Е. Варги в 1947 г. был ликвидирован. Обречённость империализма, по мнению И. Сталина, неизбежный грядущий глубокий экономический кризис на Западе, неизбежная война с США, позволяла СССР рассчитывать на весьма скорое изменение международной ситуации в его пользу. Поэтому становились излишними научные исследования американской и мировой экономики. Такая концепция кризиса капитализма, усиливающегося «разложения» мировой капиталистической системы, распада мирового рынка после первой и второй мировых войн (в силу отпадения

СССР и Китая с их природными и человеческими ресурсами) составила незыблемую основу советских исследований мировой экономики. В последнее время в России происходит частичная реанимация этой концепции – на фоне выхода России в 2014 г. из G8 и в преддверии мирового экономического спада 2020–2032 гг.

В этих условиях будет весьма затруднительным поддержание Россией (с объёмом ВВП около 2 трлн долл. и численностью населения около 145 млн человек) долгосрочного стратегического баланса между двумя США и Китаем (с объёмами ВВП более 17 трлн долл. и численностью населения 320 и 1400 млн человек). Такая ситуация связана, во многом, с нарастающей дезинтеграцией за последние 3–4 года российской и мировой экономики в условиях радикальной смены за эти годы мировых экономических трендов. Многие проблемы России связаны с тем, что на государственном и корпоративном (в том числе транснациональном) уровнях управления по инерции сохранилась «парадигма оживления» 2003–2007 гг. В то время, как «мировой экономический кризис» 2007–2011 гг. стал «структурной революцией» в мировой экономике, вызвав изменение условий развития: падение спекулятивных и монопольных цен, нормы прибыли и ссудного процента, курсов акций, а также фиктивной – «бумажной» прибыли и капиталов, банкротство (преимущественно) крупных и мелких компаний, в целом – усреднение условий и факторов их развития.

В России ошибочно полагали, что «парадигма оживления», связанная с доминированием денежных, в том числе фиктивных, параметров над реальными, экстенсивных над интенсивными – это долгосрочная норма. Между тем экономики других стран вступили с 2011–2012 гг. в «парадигму подъёма», связанную, напротив, с доминированием реальных параметров над номинальными, интенсивных над экстенсивными. Период мирового экономического цикла изменился, изменились и мировые циклические тренды (в условиях падения цен на нефть). Начался тренд усиления конкуренции, роста заниженных в рамках «парадигмы оживления» объёмов прямых и долгосрочных инвестиций в реальный капитал – в строительство и модернизацию предприятий, изменения структуры активов и пассивов, включения в оборот резервов (в том числе за счёт эмиссии денег). Отклонения от среднемирового тренда в более развитых странах (в частности, в США – как генераторов такого тренда) оказались минимальными. Напротив, в сравнительно менее развитых странах (в частности, в России) – оказались максимальными, определяя различия в уровнях их развития. В конечном счёте – «парадигмальный разрыв» между ними.

Бифуркация трендов мировой и российской экономик 2011–2015 гг.

Экономическая политика ведущих стран мира – США, Соединённого Королевства и стран еврозоны, прежде всего, Германии (как и, безусловно, Китая), и позитивные в целом итоги этой политики последних лет наглядно показывают, какая именно экономическая политика необходима в современной России. Так, в 2014 г. темп прироста выпуска товаров и услуг в мире, по оценкам МВФ, сохранился на уровне 2013 г. и составил 3,4 %. Темп прироста ВВП развитых стран увеличился в 2014 г. с 1,4 до 1,8 %, а в развивающихся странах – замедлился с 5,0 до 4,6 %. Экономический рост в США и Соединённом Королевстве (как наиболее значимых среди развитых стран) – темп

прироста составил 2,4 и 2,8 % соответственно (2,2 и 1,7 % в 2013 г.). Такой рост был связан с увеличением объёмов инвестиций в основной капитал, потребительских расходов и государственных расходов (в США их сокращение замедлилось, в Соединённом Королевстве они увеличились). При этом одним из основных факторов восстановления совокупной экономической активности стала именно «мягкая» денежно-кредитная политика. Хотя ФРС США в октябре 2014 г. свернула программу покупки активов, однако она не повысила ключевую ставку в стране. Банк Англии также сохранил ключевую ставку на низком уровне.

Европейский центральный банк в 2014 г. снижал ставки рефинансирования и депозитов, установив их на минимальном (и отрицательном) уровне, прекратил стерилизацию ликвидности. Темп прироста ВВП в еврозоне в 2014 г. составил 0,9 % (в 2013 г. – -0,5 %). Во второй половине года рост ускорился благодаря увеличению потребительских расходов и экспорта из-за ослабления евро, снижению цен на энергоносители, улучшению ожиданий инвесторов после заявлений ЕЦБ о начале программы количественного смягчения. В итоге, темп прироста ВВП Германии повысился с 0,2 до 1,6 % в 2014 г. Снижение цен на энергоносители и продовольствие способствовало снижению инфляции во многих странах. В отдельных, преимущественно в развитых странах в конце 2014 г. наблюдалась дефляция. Так, годовой темп прироста цен в еврозоне снизился с 0,8 % в 2013 г. до -0,2 % в 2014 г., а в США – с 1,5 % в 2013 г. до 0,8 % в 2014 г. В 2015–2016 гг. МВФ прогнозирует прирост мирового ВВП на уровне 3,5 и 3,8 % соответственно. Драйверы такой тенденции – развитые страны, прежде всего, США, денежно-кредитная политика которых становится одним из ключевых средств притока в США капиталов из других, в том числе из развивающихся стран (включая Россию), в которых происходит отток капитала.

В экономике России ситуация в 2014 г. была прямо противоположной. Так, темпы прироста ВВП снизились с 1,3 % в 2013 г. до 0,6 % в 2014 г. Как и в предыдущие годы, прирост валовой добавленной стоимости обеспечивался в основном за счёт увеличения в секторе посреднических услуг (операции с недвижимым имуществом и финансовые услуги). По итогам 2014 г. финансовый результат в экономике сократился по сравнению с 2013 г. на 9,1 %. Доля убыточных предприятий увеличилась на 1,3 процентных пункта и составила 28,1 %.

Номинальный эффективный курс рубля в декабре 2014 г. относительно декабря 2013 г. снизился на 32,7 %. В 2014 г. произошло повышение темпов роста потребительских цен на все основные группы товаров и услуг. Так, в целом за 2014 г. продовольственные товары подорожали на 15,4 % (против 7,3 % в 2013 г.), непродовольственные товары подорожали на 8,1 % (за 2013 г. – на 4,5 %). Цены на услуги повысились на 10,5 % (в 2013 г. – на 8,0 %). Темп прироста реальной начисленной заработной платы в 2014 г. замедлился до 1,3 % (в 2013 г. – 4,8 %). За 2014 г. инфляция составила 11,4 % (за 2013 г. – 6,5 %), базовая инфляция возросла до 1,2 % (в 2013 г. – 5,6 %). Нетто-вывоз частного капитала вырос в 2014 г. до 154,1 млрд долл. (61,6 млрд долл. в 2013 г.). Международные резервы снизились в 2014 г. на 124,1 млрд долл. (в 2013 г. – на 28,0 млрд долл.).

В целях снижения инфляции Банк России в 2014 г. продолжал ужесточать денежно-кредитные условия, вызывая дефицит денежной ликвидности, высокие ставки межбанковского рынка и кредитного рынка. В 2014 г. произошло снижение доли инвестиций в ВВП с 20 до 19 %. При том, что активы

российских банков составили на начало 2014 г. 57,4 трлн руб., их прирост в 2014 г. составил 35,2 % (с поправкой на валютную переоценку – 18,3 %) по сравнению с 16,0 % (14,1 %) в 2013 г. Совокупный объём активов на начало 2015 г. достиг 77,7 трлн руб., их отношение к ВВП выросло с 86,8 до 108,7 %. И это – в условиях падения цен на нефть, сокращения доходов и расходов всех уровней, и поэтому – государственных и частных инвестиций, сохраняющих стагнацию в экономике. В таких условиях рост в России на уровне 2–3 % откладывается, как минимум, на 2016–2017–2018 гг., связывая при этом такой рост с будущим ростом мировой экономики (хотя очевидно, что 2 % роста в России значительно меньше 2 % роста в промышленно развитых странах – при огромной разнице в объёмах ВВП и уровнях жизни). Между тем, такое связывание дезавуируется в условиях нарастающей дезинтеграции с Западом, но актуализируется – в контексте расширения интеграции с Востоком, прежде всего, с Китаем. Причём, во всех случаях – без долгосрочной программы экономического развития.

Главная причина такого неопределённого положения состоит в том, что в России момент циклической смены парадигмы экономического развития был, в действительности, упущен, и экономика стала входить в стагнацию. Тем самым, между Россией и ведущими экономиками мира образовался «парадигмальный разрыв», во многом определяющий современные конфликты на мировом и локальном уровнях. Такой разрыв усиливается в силу нерациональной и монополистической структуры экономики России, а именно – высокой доли сырьевых отраслей, функционирующих на наиболее волатильных и неустойчивых рынках, а также ужесточения денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики. Проблема российской экономики в том, что она чрезмерно зависит от мировой экономики, прежде всего – от экономики развитых стран. Поэтому, очевидно, что денежно-кредитная политика ФРС США и ЕЦБ в 2014 г. серьёзно повлияла на экономику России. Это стало одной из главных причин масштабного оттока капитала из России, который происходил в форме роста долларизации депозитов и покупки иностранной валюты, а также погашения внешней задолженности частным сектором при ограниченной возможности её рефинансирования. На эти процессы накладываются также и секторальные санкции. Но такие санкции следует рассматривать значительно шире – в контексте смены парадигмы экономического развития, роста глобализации и усиления конкуренции за мировое богатство, ведущих к усилению давления на конкурентов, в частности, на Россию, со стороны США, стран ЕС и Китая. Более того – жёсткого конкурентного давления со стороны крупнейших ведущих американских, европейских и китайских транснациональных корпораций.

О необходимости создания российского аналога НБЭИ США

Эффективность и приемлемые для страны темпы экономического развития (для России – не менее 6–7 % экономического роста) во многом зависят от адекватности экономической политики, выстраиваемой на достаточно точных оценках и прогнозах мировой и локальной (российской) экономики. Однако не меньшее значение имеет то обстоятельство, в какой именно фазе мирового экономического цикла находится экономика. Мировой, в том числе российский опыт последних кризисных лет показал всю сложность прогнозирования начала и окончания кризисов в экономике, их переломных точек.

Так, в ходе мирового экономического кризиса 2007–2008 гг. экономические ведомства России, включая Банк России, многократно (во многом – наугад) меняли прогнозы, которые повторяли, как правило, прогнозы НБЭИ и ФРС США. Такая ситуация свидетельствует об отсутствии у экономических ведомств России видения общей картины мировой и российской экономики, наличии некачественных и недостоверных макроэкономических прогнозов. Это неизбежно приводит ко многим управленческим ошибкам и экономическим потерям.

Такая ситуация продолжает сохраняться, но с существенным изменением – в условиях сложившейся с 2012–2013 гг. разнонаправленности циклических трендов мировой и российской экономики экономические ведомства России практически потеряли реальные ориентиры для анализа и прогнозирования экономических процессов практически по всему спектру. Особенно, в отношении курса рубля, вывоза капитала, инфляции, доходов и расходов государства – со второй половины 2014 г. Такая дезориентация отражается не только на противоречивости их прогнозов, но и в соответствии этих прогнозов экономической ситуации – стагнации экономики России, переходящей в рецессию.

Одна из причин этого – зависимость экономики России от внешнего спроса на сырьевые товары, мировых трендов, формируемых мировыми экономическими центрами, прежде всего – США. Как следствие – отсутствие потребности в собственных прогнозах циклических колебаний: достаточно идти в кильватере ведущих мировых центров, прежде всего, НБЭИ и ФРС США. Их прогнозы (прежде всего, в части наступления рецессии) становятся ориентиром для экономической политики не только США, но и большинства стран. Однако такие прогнозы могут иметь и негативные последствия, открывая возможность вхождения этих стран в фиктивные экономические кризисы – с ухудшением инвестиционного климата, оттоком капиталов, доходов и трудовых ресурсов. Хотя и их игнорирование также, зачастую, приводит к негативным последствиям.

Так, смена парадигмы мирового экономического развития после кризиса – «структурной революции» 2007–2011 гг. была отмечена Комитетом НБЭИ по датировке деловых циклов, который определил, что последняя рецессия – спад совокупной экономической активности закончилась в июне 2009 г. и началось восстановление экономики (причём, эта дата была сразу повторена экономическими ведомствами России). Комитет постановил, что любой будущий спад экономики будет новой рецессией, а не продолжением рецессии, которая началась в декабре 2007 г. Это значит, что сейчас (2015 г.) идёт период роста американской и мировой экономики – поскольку Комитет не заявлял о рецессии.

Длительность последнего (32-го) делового цикла, согласно НБЭИ, составила 7,7 года, период роста – 6,2 года (с ноября 2001 по декабрь 2007 гг.), спада – 1,5 года (с декабря 2007 по июнь 2009 гг.). Такой сравнительно длительный период экономической активности, более стандартных 4-х лет, во многом определил оптимизм по поводу преодоления циклических кризисов. Прежде всего, в России – по поводу продолжения «парадигмы оживления» 2003–2007 гг.

Это значит, что ситуация, которая сложилась в России в 2013–2014 гг., отражает слабую включённость её в мировые экономические циклы, мировой научно-технический прогресс и конкуренцию за мировое богатство. Иначе говоря – слабую включенность России в «мировое пространство – время», что

и сдерживает её развитие, вынуждает её сохранять высокий уровень закрытости и неполное участие в международных и транснациональных структурах.

Однако ситуация должна измениться – экономика России должна формироваться преимущественно внутренними условиями, внутренним спросом – с учётом циклических колебаний в экономике. Потребуются собственные прогнозно-аналитические центры в области экономических циклов и формирования на их основе экономической политики, проведения научных и прикладных исследований циклических процессов в мировой и локальной экономик. Исходя из фундаментального принципа: любые управленческие решения и экономические программы не могут считаться адекватными и эффективными, если они приняты и реализуются без учёта циклических процессов в экономике.

Таким образом, Россия обязана иметь конкурентный аналог мировых центров исследований циклических процессов, обеспечивающий её переход к новой экономической парадигме и модели управления. Отсутствие в России системных исследований таких процессов недопустимо при наличии российской традиции, заложенной в эпицентре «циклической революции» в мировой экономической мысли на рубеже XIX–XX вв. Тем более, что эта традиция имеет признанный в мировой экономической науке приоритет и в постановке, и в решении многих проблем экономических циклов. Но, в отличие от американской традиции, не имеет влиятельного институционального представительства.

Создание российского аналога НБЭИ с рейтинговыми функциями в области циклических колебаний (датировок кризисов и подъёмов) и антикризисной политики – на базе российской традиции, сразу же поставит такие исследования на мировой уровень. Учитывая, что потребность в таком аналоге существует как у государства, так и у корпораций. Отсутствие адекватного реагирования на кризисные процессы в экономике на всех этих уровнях связано именно с отсутствием объективной и системной аналитической и прогнозной информации.

Так, в России официальная статистика является не приспособленной к анализу и прогнозированию циклических и нециклических колебаний. Отсутствие полноценного набора качественных долгосрочных временных статистических рядов реального и финансового секторов экономики, не регулярность и несвоевременность сбора статистических данных, отсутствие их постоянного мониторинга препятствуют теоретическим и эмпирическим исследованиям.

Создание российского аналога НБЭИ необходимо для роста статуса России в мире. Это позволит избежать многих ошибок в управлении и потерь, особенно при сохранении угроз периодических мировых экономических кризисов. Если решение многих проблем в экономике, в том числе достижение стабильности, зависит от политических договорённостей и политической воли, то экономические кризисы периодически их нарушают. Поскольку их наступление в принципе не зависит от политической воли и договорённостей.

О мерах по преодолению
кризисных процессов в экономике России

Редактор Нарбут В. В.
Корректор Романосова Т. Д.
Компьютерная вёрстка Дерр Л. А.

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 16.11.2015
Формат 60x90/16. Печ. л. 20,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ОСТ ПАК новые технологии»
125319, г. Москва, ул. Академика Ильюшина, д. 16, корп. 1